Его называли Иваном Ивановичем

Вольфганг Нейгауз

SHOUT
SHARE
IT
WAKE

- Нейгауз Вольфганг

Нейгауз Вольфганг
Его называли Иваном Ивановичем

Нейгауз Вольфганг

Его называли Иваном Ивановичем

Перевод с немецкого В. Артеменко

{1}Так обозначены ссылки на примечания. Примечания после текста.

Аннотация издательства: Немецкому писателю из ГДР Вольфгангу Нейгаузу не пришлось выдумывать ни острых ситуаций, ни самоотверженных поступков для героя своего романа. Материал для его книги дала ему сама жизнь. Осенью 1941 года немецкий антифашист Фриц Шменкель добровольно перешел на сторону Советской Армии и с оружием в руках мужественно сражался против гитлеровских захватчиков. В советском партизанском отряде товарищи называли Шменкеля Иваном Ивановичем. За активное участие в антифашистской борьбе, за мужество и геройство, проявленное на фронтах Великой Отечественной войны, Фрицу Шменкелю посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. О нелегкой боевой жизни немецкого антифашиста Шменкеля рассказывается в этой интересной книге.

Hoaxer: т.к. писатель-новатор из рассосавшейся ГДР запустил текст книги одним куском, я осуществил деление текста на псевдоглавы по 100 стр.

* * *

Раздался резкий свисток дежурного унтер-офицера, послышалась команда:

- Строиться!

На какое-то мгновение в здании бывшей школы воцарилась тишина, но вот уже ее разорвал гвалт всеобщей суматохи. Захлопали двери, застучали по коридору кованые сапоги, выбивая дробь на ступеньках лестницы. Солдаты бежали, застегивая шинели на ходу. Фигурки в сером выплеснулись через узкую дверь на школьный двор. Раздались короткие команды:

- Смирно! По порядку номеров рассчитайсь!

Во второй шеренге третьего взвода стоял Фриц Шменкель. Он смотрел прямо перед собой и видел забор, что отделял двор от школьного сада. На грядках лежал тонкий слой снега, черные яблони протягивали голые ветки к мрачному ноябрьскому небу. Ефрейтор попытался представить себе этот сад летом, утопающим в зелени, когда желтые головки подсолнухов как будто смеются

от счастья... Однако воспоминания последних недель, горящие села, сожженные громады танков, толпы беженцев и трупы убитых, которых он увидел впервые, вытеснили из его воображения представление о солнце и тепле. Шменкель поежился, ему стало холодно. Резкий ветер проникал за воротник, пронизывал до костей.

Никто толком не знал, что же произошло. Часть получила приказ расположиться в здании школы, и офицерам отнюдь не хотелось покидать теплое помещение. Все со страхом думали: а не пришел ли приказ ввести их в бой, да еще в такое время! Солдаты уже успели познакомиться со здешними морозами, которые, казалось, слишком рано и так неожиданно свалились им на голову.

Наконец хлопнула дверь. На пороге появился господин майор в сопровождении офицеров. Раздалась команда:

- Равнение направо!..

А двумя минутами позже господин майор уже стоял на середине двора, широко расставив ноги в сапогах на меховой подкладке. Говорил он короткими лающими фразами:

- Солдаты! Мы переживаем исторические дни. Мир запомнит двадцать седьмое ноября тысяча девятьсот сорок первого года! Этот день будет днем новых побед великой германской армии, сражающейся под овеянными славой знаменами. Вслед за Калининой пал Клин. Ленинградское шоссе перерезано нашими войсками. Вчера наши передовые танковые дозоры вышли к каналу Москва - Волга у Яхромы. Часть танков благополучно переправилась на другой берег канала. Наша разведка сообщает, что эти танки находятся всего в тридцати сорока километрах от северо-западной окраины Москвы. Наши солдаты уже видят Москву в бинокли.

Майор сделал небольшую паузу и, глубоко вздохнув, выпустил изо рта облачко, белого пара.

- А это значит, солдаты, что со дня на день большевистская столица падет! Наша победа близка! Большевистская гидра будет повержена! Нам выпала честь с корнем вырвать и уничтожить большевизм!

Майор опять сделал передышку и уже не заговорил, а скорее закричал:

- Судьба войны решена! То, что не удалось сделать Наполеону, сделаем мы, германские солдаты! И мы должны позаботиться о том, чтобы наша раса осталась в чистоте. Пусть германский порядок и дисциплина воцарятся в этой стране, где у власти стоят большевики и евреи. Солдаты! Нас ведет фюрер, самый величайший полководец всех времен! Победа будет за

нами!

Майор перевел дыхание и истошным голосом выкрикнул:

- Пожелаем же нашему фюреру победы!..

- Хайль! - хором ответили майору солдаты.

- Разойдись! - послышалась команда.

Солдаты, шаркая ногами и толкая друг друга, стали расходиться. Шменкель не спешил, как другие. Ему почему-то расхотелось идти в хорошо натопленную комнату. Хитро улыбнувшись, Фриц подумал, что он-то к холодам привык: на его родине зимой температура бывает такой же, как в России. А каково переносить здешние холода другим солдатам? Когда пальцы их будут примерзать от одного лишь прикосновения к металлическим частям карабина, тогда до всех дойдет, что эта война отнюдь не увеселительная прогулка. А что будет, если все вдруг это поймут?

Шменкель носком сапога пнул камень. Майор, стоя в дверях, заметил это движение ефрейтора и, повернувшись к Фрицу, произнес:

- А вы стали задирой, Шменкель! Видно, и на вас сказывается приближение к Москве, не так ли?

В голосе майора слышались насмешливые нотки.

Шменкель не растерялся и ответил, как подобает подчиненному отвечать в таких ситуациях своему начальнику:

- Так точно, господин майор!

Фриц распахнул перед майором дверь. Тот довольно кивнул и вошел в здание. Шменкель последовал за ним. В коридоре первого этажа солдаты складывали парты, так как помещение с каждым днем приходилось расширять.

При виде школьных парт Шменкель невольно вспомнил о доме, о своих детях. Правда, они еще маленькие, но придет время, и они сядут вот за такие же школьные парты. А здесь парты уже никому не нужны - солдаты используют их как топливо... Вернется ли он когда-нибудь домой?

Шменкель со злостью отвернулся, чтобы не видеть этих парт. Он старался не думать о семье, о доме, но эти мысли повсюду преследовали его.

И вновь, уже в который раз, Фриц спросил себя: правильно ли он собирается поступить? Не будет ли его решение слишком тяжелым испытанием для жены и поймут ли когда-нибудь его дети? Сотый раз он задавал себе эти вопросы, и каждый раз ответ был один и тот же.

Когда Шменкель вошел в комнату, никто не обратил на него внимания. Все столпились у доски, на которую долговязый обер-ефрейтор повесил карту. Уткнув указку в какую-то красную точку,

обер-ефрейтор тоном экзаменатора спрашивал:

- Как вы думаете, когда падет Москва? Завтра или послезавтра?

Обер-ефрейтор постоянно отмечал флажками продвижение немецких войск, стрелками обозначал перемещение отдельных групп армий и направление главных ударов, наносимых по противнику. Сначала всех интересовало, как передвигались флажки и стрелки, но постепенно интерес к карте пропал. Однако сейчас, после речи майора, карта вновь приковала к себе внимание солдат. Каждому хотелось видеть, далеко ли осталось до советской столицы.

- Во всяком случае, долго это не протянется, - заметил кто-то из солдат. - Песенка Иванов спета. Видно, Москва - очень большой город. Только хватит ли там пивнушек, да и девчонок тоже?..

Все засмеялись. Шменкель взглянул на карту. Положение советской столицы было действительно тяжелым - городу грозило окружение. И все же где-то в глубине души Шменкель не верил, что Москва будет взята. Москва город большой, сказал солдат... Видел бы этот солдат, какая она - Москва. Отец как-то показывал Фрицу открытки с видами Москвы. Он запомнил Красную площадь, Кремль, Мавзолей Ленина, улицу Горького. Потом отец показал ему любительские фотографии Большого театра, Манежной площади. Карточки были захватанные, в пятнах, - видимо, во многих руках побывали, прежде чем попали в Варшов. Эти фотографии отец принес после одного из собраний. Он обязательно хотел показать их сыну. Отец подробно рассказал Фрицу все, что знал о Москве, а потом терпеливо ответил на все его вопросы.

"Ты, Фриц, еще побываешь там, обязательно побываешь", - сказал тогда отец.

И этих слов Фриц не может забыть до сих пор. Не забыл он и многого другого, о чем ему говорил отец.

Фриц легко представил себе его лицо: продолговатое, худое, со впалыми щеками, изнуренное работой у вечно пышущих жаром печей кирпичного завода. Фриц хорошо запомнил тот день, когда отца принесли домой на носилках. Он лежал бледный как полотно, с широко раскрытыми глазами, в которых, казалось, застыло недоумение, будто он никак не мог понять, что же, собственно, с ним произошло. В правом уголке рта застыла тоненькая кровавая ниточка. Когда отца внесли в комнату, мать страшно закричала.

Фриц не заплакал, нет, он только крепко сжал кулаки, напряженно вглядываясь в лицо отца. Глаза Фрица зажглись ненавистью, он стиснул зубы и не проронил ни слова. Товарищи

отца неловко переступали с ноги на ногу, комкая в руках фуражки.

Чья-то рука легла на плечо Фрица.

- Это случилось перед зданием гостиницы во время стычки с полицейскими. Какой-то мерзавец выстрелил в него.

Другой рабочий ничего не сказал и, повернувшись, пошел к выходу, стуча по полу деревянной ногой. Остальные тоже молча последовали за ним.

В ту ночь Фриц долго не мог заснуть. Он впервые переживал потерю близкого человека. Фрица охватило, бессильное чувство злобы - смерть вырвала из жизни самого дорогого ему человека. В ту ночь впервые за свои шестнадцать лет юноша почувствовал себя одиноким. В душе поднималась волна жгучей ненависти к тем, кто отнял у него отца, который был для него не только отцом, но и большим другом.

Фриц думал тогда и о матери. Отца она очень любила, но никогда не понимала его страсти - ходить на собрания, о чем-то горячо спорить.

Теперь мать скажет: "Я это давно знала! Знала, что это кончится именно так!" И еще больше замкнется в себе.

Отец и мать Фрица жили каждый своей жизнью, у каждого из них был свой мир. Мать ожесточилась и целиком ушла в заботы о семье. Ее мечта о счастье осталась неосуществленной. Отец же прекрасно понимал, что счастье для бедняков нужно завоевывать в борьбе. И сына Шменкель воспитывал по-своему. Мальчик в основном рос у бабушки, и потому даже мать, братья и сестры были для него какими-то чужими и непонятными.

Казалось, что все это случилось не давным-давно, а лишь вчера...

Никогда не сможет забыть Фриц и другой день. Серое, покрытое свинцовыми тучами небо, узкий гроб из сосновых досок, который несли на плечах кладбищенские служащие. У ворот кладбища виднелись форменные фуражки полицейских. За гробом шло всего несколько человек. И кругом тишина, мертвая тишина.

На похоронах никто из присутствующих не осмелился сказать то, что думал. Не было над свежей могилой отца ни красных знамен, ни венков с красными лентами. И не взлетела в небо сильная и смелая песня, которой провожали в последний путь борцов за рабочее дело: "Вставай, проклятьем заклейменный!.." Никто не осмелился погрозить кулаком тем, кто оборвал жизнь еще одного рабочего. Все произошло в тишине, даже в какой-то спешке, будто живые все еще боялись умершего. Гроб с глухим стуком опустили в могилу и засыпали землей. Фриц стоял на

самом краю могилы. Но он и тогда не плакал. Он поклялся отцу, что никогда в жизни не забудет этот день...

С кладбища Фриц уходил имеете с бабушкой. Прошел мимо молчавших полицейских, проводивших их мрачными взглядами. Выйдя на улицу, Фриц на мгновение замер. Оказывается, на похороны пришли все - и рабочий с деревянной ногой, и остальные товарищи отца. Несмотря на полицейский запрет, они были здесь и стояли на улице группками по два-три человека, словно остановились случайно: большими группами запрещено было собираться. Когда Фриц проходил мимо них, он почувствовал и безмолвное приветствие, и их солидарность. В душе юноши родилось какое-то новое, незнакомое ему до тех пор чувство. Фриц вдруг понял, что он не одинок, что у него есть друзья, товарищи его отца.

И этой дружбе он верен даже здесь, в Вязьме, хотя и одет в форму ефрейтора гитлеровской армии.

Шменкель подошел к небольшому шкафчику, в котором раньше ученики хранили учебники. Фриц хорошо обдумал все. На первое время ему понадобятся кусок колбасы, коробка смальца, хлеб, обязательно табак, спички, зажигалка и соль. Все это он сложил в вещмешок не спеша и совершенно спокойно. Он не боялся, что его приготовления заметят другие солдаты. План его созрел не сейчас, и ему оставалось только выполнить его.

Один из солдат повернулся к нему и спросил:

- Ты что, Фриц, собираешься, что ли, куда?

- Да.

- У тебя девица здесь есть? - И солдат сделал рукой выразительный жест. - Тогда бери с собой побольше колбасы, чтобы силы хватило.

Все засмеялись.

Но Фриц был готов к тому, что его спросят об этом. И он ответил:

- Ну и завистливые же вы все. А что я сделаю, если тетка меняет русскую водку только на колбасу и сало?

- Ого!

- Ну что вы на это скажете? - говорил он, уже надевая шинель. - Вот только, может, к поверке вернуться не успею...

Все снова засмеялись.

- Если ты принесешь нам водки, мы здесь все уладим! - крикнул один из солдат.

- Хорошо, так и быть, будет вам водка.

Шменкель проговорил это, стоя уже на пороге.

Из школы он вышел незаметно для часового. Очутившись на улице, Фриц глубоко вздохнул и зашагал прочь. Ветер немного

утих, повалил густой снег. Казалось, даже погода была с ним заодно.

"Вот так я частенько удирал к Эрне, - вспомнил он. - Было это еще во время учебы. Но через несколько дней меня разыскивали и водворяли на место. Ну и глуп же я был тогда: думал, достаточно одного пассивного сопротивления".

Члены Союза коммунистической молодежи в Варшове не раз сбегали с курсов, но в конце концов они почти все оказались за решеткой... Оставшиеся в живых друзья отца? Фриц не осмеливался навещать их, боясь, что это будет стоить им свободы. Если бы он жил не в Варшове, а в большом городе, ну, например, в Берлине или Гамбурге, тогда совсем другое дело. Там много рабочих, есть подпольные организации. А здесь, в деревне, разве такое возможно? У каждого дома - уши, за каждым окном - глаза... И его тоже всегда ловили и возвращали назад. Когда же Фриц отстал от воинского эшелона, который шел в Берлин, и, купив билет, поехал в Раудтен к Эрне, его вновь поймали. Надели наручники и на полтора года упекли в штрафной лагерь...

"Сегодня я убегаю в последний раз, - думал Фриц. - Теперь военный трибунал будет квалифицировать мой проступок не как самовольную отлучку из расположения воинской части, а как дезертирство и измену родине, за что полагается расстрел".

На улице ни души. С наступлением темноты никто из жителей не отваживался выходить из дому. За занавешенными окнами жили люди, которым эта война принесла горе, страдания и голод.

Шменкель спокойно шел по безлюдной улице, и мысли невольно уводили его в прошлое. Свой уход он обставил по всем правилам. Когда дежурный унтер-офицер будет проверять наличие солдат, кто-нибудь из второго этажа ляжет на место Фрица. Подобный трюк в казарме солдаты проделывали и раньше. А это значит, что хватятся Шменкеля только утром, когда он будет уже далеко. Два дня назад Фриц послал письмо домой, но в нем ни словом не обмолвился о своем решении. Эрна может только догадываться о том, что он задумал.

Вскоре Шменкель был уже на окраине города. Снег повалил еще гуще. Не оглядываясь, Фриц вышел из города и зашагал по дороге, что вела к лесу, черневшему на горизонте. На опушке леса Шменкель остановился и, резким движением сорвав с шинели погоны, бросил их в кустарник. Шел такой густой снег, что через несколько минут никаких следов не было видно.

Фриц медленно углублялся в лес, который казался ему чужим и неприветливым. Его никак нельзя было сравнить с лесом в родных краях. Было совсем темно. Запнувшись о корни какого-то

дерева, Шменкель упал в снег. Поднявшись, прислушался. Спина взмокла от пота. Фриц пошел дальше, но вскоре совсем выбился из сил. Он не мог даже развязать мешок и поесть. Привалившись к сосне, Фриц моментально заснул. Проснулся он от холода и, чтобы хоть немного согреться, стал бегать взад и вперед по поляне.

Наконец настало утро. Ветер разогнал туман и тучи на небе. Вскоре взошло солнце, осветив своими лучами огромные ели, ветки которых сгибались под тяжестью снега. Фриц сориентировался по солнцу и подумал, что в своих планах он все представлял себе гораздо проще и легче. Единственное, чего он может не бояться в этом лесу, так это немецких часовых, которые ни за что на свете не сунутся сюда.

Прежде чем тронуться в путь, он съел кусок хлеба с колбасой.

Необходимо было как можно дальше уйти от Вязьмы, приблизиться к линии фронта, а там-то уж он сумеет добраться до русских. А сейчас нужно идти и идти.

Вскоре он заметил лесную тропу, которая вела в юго-западном направлении. На тропе он увидел следы, похожие на следы оленя. По тропе идти было легче. Около полудня Шменкель немного передохнул и снова тронулся в путь. До наступлений темноты Фриц набрал большую охапку хвороста, соорудил себе что-то наподобие шалаша и, наломав лапника, устлал им свое импровизированное ложе. У входа в шалаш разложил костер, растопил снег в котелке и вскипятил чай. Поужинал куском колбасы с хлебом, намазанным смальцем.

Довольный, закурил. Он был сыт, сидел у костра и даже курил.

"С завтрашнего дня, - подумал Фриц, - нужно есть только два раза в день. Не очень много, но достаточно, чтобы сохранить силы. И каждый день идти и идти. Быть может, я натолкнусь на партизан, хотя эта местность кажется совсем дикой, будто и нога человека здесь не ступала. Если я буду идти в этом направлении, то скоро выйду к Смоленску. Правда, до него не меньше сотни километров, но ничего, как-нибудь дойду".

О русских партизанах, действовавших под Смоленском, Шменкель узнал совершенно случайно, подслушав как-то разговор мотоциклиста с приятелем.

- Там даже по железной дороге и то ездить небезопасно. Так и кажется, что за каждым кустом сидит Иван. Ночью вообще лучше не высовывать носа из казармы. Однажды русские задержали нас на целых двенадцать часов. Пока подошли наши, было уже поздно, - рассказывал мотоциклист.

Фриц подошел ближе и внимательно слушал рассказ до

конца.

С тех пор план его побега из части обрел определенную форму.

Теперь же, сидя в лесу у костра, Фриц думал о том, как он выйдет к партизанам, что им скажет. А не откроют ли они по нему огонь? Вряд ли. Хотя на нем и форма гитлеровского солдата, но он ведь совсем один. Один, и притом без оружия. Это, конечно, может вызвать подозрение, но не дает повода открывать по нему огонь. Русские наверняка возьмут его живым, чтобы получить интересующую их информацию о противнике. Фриц решил сразу же поднять руки, как только его окликнут. И русские поймут, что он вовсе и не собирается защищаться. Если они заговорят с ним, значит, первый шаг сделан. Нужно только набраться мужества и толково рассказать все, как есть. В конце концов, скрывать ему действительно нечего.

* * *

"Ну что будет, то будет!" - решил он и, завернувшись в шинель, лег на ветки.

Так продолжалось несколько дней. Утром он кипятил себе чай, ел и шел дальше. В полдень делал небольшой привал, немного подкреплялся и шел до сумерек. На ночь обычно устраивался в сооруженном на скорую руку небольшом шалаше. Постепенно Шменкель стал привыкать к лесу, он уже не казался ему таким чужим и страшным. Фриц начал различать лесные звуки, и теперь неожиданно вспорхнувшая птица уже не пугала его, как раньше. Правда, иногда ему становилось очень тоскливо, хотелось выйти к людям, поговорить, но Шменкель гнал эти мысли прочь. В такие минуты он вспоминал камеру штрафного лагеря в Торгау, где просидел полтора года, и всякое желание выходить из лесу сразу же пропадало. Даже завывание волков вдали не пугало его так, как мысль вновь оказаться в Торгау.

Однажды утром Шменкель вышел на поляну, поросшую редким голым кустарником.

"Болото!" - мелькнула мысль. Фриц осторожно попробовал ногой белый покров. Ледок под ним треснул, но он успел вытащить ногу. След наполнился водой. До самого вечера Фриц шел на северо-запад по краю болота, которому, казалось, не было ни конца ни края.

В ту ночь Фриц долго не мог заснуть. Последний кусок хлеба так зачерствел, что его пришлось размачивать в воде. Скоро совсем нечего будет есть. А когда кончатся и спички, даже воды нельзя будет вскипятить. Табак он тоже стал экономить и курил только во время полуденного отдыха. Его последним резервом была зажигалка.

На другой день болото осталось позади, но радоваться было рано. Лес вдруг кончился, и вдали Фриц увидел какой-то крупный населенный пункт. Вот на окраине показалась колонна автомашин, в которых сидели солдаты в ненавистной Шменкелю серой форме. До него долетели обрывки голосов...

Разозлившись, Фриц сменил направление и шел до тех пор, пока не наткнулся на кочку, поросшую клюквой. Тронутая морозцем, клюква была терпко-сладкой и приятно утоляла жажду.

"Если так пойдет дальше, я не выйду к Смоленску и до весны. Или сдохну с голоду. Неужели я сделал что-то не так? Может, следовало дождаться, когда нашу часть пошлют на фронт? Нет, сколько можно ждать и притворяться, что тебе нравится участвовать в этой грабительской войне? И бесполезно надеяться, что в батарее может найтись солдат, который думал бы о войне точно так же. Разве можно надеяться на это сейчас? Теперь даже самые осторожные и те полагают, что с падением Москвы война кончится".

Шменкель попытался вспомнить, сколько дней он бродит по лесу. Что, собственно, могло произойти на свете за это время? Произойти могло очень многое, но только он никак не мог допустить, что гитлеровцам удастся взять Москву. Нет, он поступил совершенно правильно.

Клюква была хороша, но скоро она кончилась.

Через два дня Шменкель вышел на просеку, на которой отчетливо были видны следы саней. Он осторожно сделал еще несколько шагов. На просеке стояла свежая поленница дров. Дрова здесь рубили совсем недавно. По-видимому, где-то недалеко отсюда находится село или хутор. Для кого заготовлены эти дрова? Может, для немцев? А ведь те, кто рубил их, могут каждую минуту вернуться.

Фриц спрятался в кустах и прислушался. Кругом стояла тишина. Он просидел в своем укрытии целый час, а потом все же решил выйти на просеку. Шменкель внимательно осмотрел следы на снегу: люди ходили не в сапогах, а в валенках. Фриц осторожно пошел по тропке, время от времени останавливаясь и прислушиваясь, но вокруг было тихо. И он пошел дальше. Вскоре лес кончился, и в сотне метров показалась небольшая деревушка.

На краю села катались на лыжах три паренька. Возле них бегала здоровенная собака, подбадривая ребят громким лаем. Из печных труб поднимался к небу дым. Шменкель даже почувствовал запах горящей смолы. Где-то визжала пила, бренчали ведра. Все эти звуки были такими мирными...

Сначала Шменкель хотел было прямо войти в село и

постучать в первую же избу, однако осторожность удержала его. Он понимал, что голод и холод в данной ситуации - плохие советчики и, поддавшись им, можно легко совершить неосторожный шаг.

По улице села шли двое мужчин и о чем-то оживленно разговаривали. Вот из сарая показалась женщина с подойником в руке. Мужчины что-то крикнули ей. Женщина засмеялась в ответ и пошла по двору, осторожно неся подойник, чтобы не расплескать молоко.

"У них есть молоко, - подумал Фриц, - значит, фашистов здесь нет".

У предпоследнего дома мужчины остановились. Это была обыкновенная бревенчатая изба. Через минуту из дома вышел высокий человек. Все трое встали в кружок, обсуждая что-то. Вышедший из дома мужчина был худ и несколько сутуловат, видимо, старик. Шменкель не мог разглядеть его лица. Вскоре высокий мужчина вернулся в дом, а те двое ушли. До наступления темноты Фриц не спускал глаз с этого дома, но из него больше никто не выходил.

Когда же три окошка избы озарились светом, Фриц выбрался из своей засады и пошел прямо к дому. Войдя в сенцы, он стряхнул с шинели снег, постучал в дверь и, не дожидаясь ответа, шагнул в комнату.

Высокий мужчина вовсе не был стариком. На вид ему можно было дать не больше сорока. Он сидел за столом и играл с ребенком лет трех. Теперь мужчина даже не казался таким высоким. Он поднял глаза на вошедшего, и только что игравшая на его губах улыбка так и застыла на лице, когда он увидел немецкую форму. И хотя лицо мужчины оставалось спокойным, в глазах его промелькнуло нечто похожее на испуг.

Шменкель поздоровался и, показав на печь, проговорил, объясняя жестами:

- Я замерз. Могу я у вас погреться?

Хозяин избы кивнул.

Шменкель осмотрелся, снял шинель и сел поближе к печке.

"Начало сделано", - подумал он.

Ребенок перестал играть и, отложив игрушки в сторону, с удивленней смотрел на незнакомца. Однако пришелец сидел не двигаясь, и ребенок, потеряв к нему всякий интерес, снова занялся своим делом.

Шменкель прислонился спиной к теплой печке и, вытянув ноги, закурил.

"Что я должен сказать этому человеку и как начать? - думал Фриц. Интересно, есть ли здесь поблизости немцы? Лучше,

конечно, чтобы их не было. Иначе хозяин может подумать, что я заблудился, и побежит кому-нибудь сообщить об этом. Черт возьми, как же начать?" Прикуривая от зажигалки, Фриц поймал на себе недоверчивый взгляд русского, который сидел не шевелясь.

Хозяин избы чувствовал себя не менее беспокойно, чем Шменкель. Он только делал вид, что его нисколько не волнует приход немецкого солдата. На самом же деле с того самого момента, как Фриц перешагнул порог, из головы русского не выходила мысль: "Неужели меня кто-нибудь выдал? Что фашистам стало известно обо мне?"

Но вскоре русский, убедившись, что немец совсем один, немного успокоился и стал взвешивать обстановку. "Что это за немец? У него измученный вид, лицо осунулось, глаза запали, как у человека, который давно не ел. Да и ведет себя он совсем не так, как его соотечественники: не требует ни водки, ни мяса, спокойно сидит у печки и греется. Может, это хитрая ловушка и только? Может, немцам хорошо известно, что я связной у партизан, и они подослали этого молодчика, чтобы выследить меня? Черт бы его побрал! Да, Михаил Яковлевич Сидоров, ты, как председатель подпольного сельсовета села Курганова, получил от парткома подробные инструкции на все случаи жизни, но вот такую ситуацию мы никак не предполагали. Что же делать? Ждать, пока он обогреется и уйдет? А если он не уйдет?"

В комнате царила тишина. Русский и немец сидели друг против друга, пытаясь отгадать, чего хочет другой.

Первым заговорил Сидоров. Он решил задать немцу несколько провокационных вопросов, чтобы по его ответам определить, что же перед ним за птица.

Мешая немецкие слова с русскими, Сидоров спросил:

- Москва капут? Сталин улетел... Америка?

Шменкель вскочил и с возмущением в голосе ответил:

- Найн... Нет. Москва нет капут.

Фрицу не понравилось, что русский мог поверить в возможность падения Москвы и бегства из столицы Сталина. Шменкель сделал несколько шагов по направлению к русскому, но вдруг остановился посреди комнаты, вспомнив, что деревушка эта находится в тылу у немцев, и, конечно, жители не знают действительного положения на фронте.

"Нужно объяснить ему, что делается на фронте".

Фриц подошел к столу, на котором лежал кисет Сидорова, а рядом стояла солонка и лежал нож. Ребенок, испугавшись, заплакал. Фриц погладил его по голове, и малыш с любопытством уставился на него. Взяв солонку и поставив ее на середину стола,

Фриц произнес:

- Клин!

Шменкель мысленно представил себе, как проходила линия фронта, обозначенная на карте, которая висела в их комнате. Фриц взял в другую руку ножик и, положив его слева и чуть выше солонки, сказал:

- Калинин.

Затем дошла очередь и до кисета с табаком - он обозначал Ленинград. Фриц ногтем провел линию от Клина до Ленинграда и, глядя русскому в глаза, спросил:

- Ферштейн?

- Ферштейн, - кивнул хозяин избы.

Русский понял, что хотел сказать ему Фриц: немецкие войска, находившиеся под Калинином, соединились с войсками, блокировавшими Ленинград.

Вытащив из кармана зажигалку, Фриц положил ее на стол и сказал:

- Яхрома.

Мундштуком обозначил Наро-Фоминск. Разложив все это, Фриц снова спросил русского:

- Ферштейн? Москва никс капут. Никс! Ферштейн?!

Немец говорил громко и медленно, стараясь, чтобы русский понял его.

Сидоров сдержанно ответил:

- Ферштейн!

И замолчал.

"Наверное, он меня не понимает, - мелькнуло у Шменкеля, - иначе он реагировал бы совсем по-другому".

- Смотри на меня, - сказал Фриц по-немецки.

Обойдя стол, он встал в позицию боксера и, указав на себя, произнес:

- Немецкий солдат.

Вытянув правую руку, Фриц объяснил:

- Русский солдат.

Он посмотрел на русского, но тот не встал, а лишь кивнул головой. Тогда Фриц сам себе нанес удар в скулу, зашатался и проговорил.

- Москва никс капут, ферштейн? Москва махт капут германский солдат!

Сидоров улыбнулся, подумав про себя: "А он неплохо импровизирует. Русский солдат нокаутировал под Москвой немца. Как он до этого додумался?"

И только теперь Сидоров обратил внимание, что у немца кроме тесака, нет никакого оружия и погон на шинели тоже нет.

"Что бы все это значило? Уж не дезертир ли это? Один из тех, кто отказывается воевать и считает, что немцы проиграют эту войну, хотя сейчас их войска и стоят под Москвой? Поверить в это трудно. Однако рассуждает он здраво и, кажется, искренне. И все же странный какой-то немец! С одной стороны, внушает доверие, но... Вполне возможно, что это просто-напросто хитрый и ловкий шпион, который хочет что-то выведать..."

Забрав со стола зажигалку и мундштук и сунув их в карман, Шменкель снова сел к печке. Дружелюбно кивнув Сидорову, Фриц спросил:

- Гут? Гут?

- Гут, - ответил хозяин, и ниточка разговора вновь оборвалась.

"Он понял меня, он даже улыбнулся, - думал Шменкель. - Может, объяснить ему сейчас же, что я вовсе не нацист? Хотя надо быть осторожнее. Нельзя перед первым встречным раскрывать карты".

В этот момент хлопнула входная дверь. В комнату вошли жена русского и дочь лет семнадцати. Увидев немца, женщина в испуге застыла на месте.

- Что ему здесь нужно? - спросила она. - Он уже давно здесь?

- Давненько. И кажется, совсем не спешит. Накрывай на стол, Юлия. Может, поест, тогда и уйдет.

Шменкель понял, что речь идет о нем, хотя и не знал, что именно они говорят.

Через несколько минут девушка стала накрывать на стол. Хозяйка принесла глиняный горшок. Шменкель почувствовал запах тушеной капусты. В желудке у Фрица все так и перевернулось, но он не пошевелился.

"Я должен подождать, пока они сами пригласят меня к столу, - решил он. - Я достаточно насмотрелся, как немцы ведут себя здесь. Идут в курятник, стреляют там кур, а потом приказывают хозяйке сварить их. Пусть видят, что я совсем не такой".

Вся семья между тем уселась за столом.

- Иди есть, - пригласил немца хозяин.

Фриц сел к столу. Хозяйка налила ему в тарелку щей. Фриц ел медленно, хотя был очень голоден и мог бы одним махом проглотить содержимое тарелки. За едой никто не проронил ни слова. А когда хозяйка и ее дочь стали убирать со стола, Фриц по-русски сказал:

- Спасибо.

Ольга, дочь хозяина, хлопотала на кухне. Мать укладывала маленького Сашу. Фриц внимательно наблюдал, как женщина раздевала ребенка, мыла ему лицо и руки. И невольно Шменкель

вспомнил свой дом и свою жену. Он нахмурился. Сидоров, который не спускал с немца глаз, кивнув на ребенка, спросил:

- У тебя есть ребенок? Ты отец?

Шменкель понял и кивнул, показав два пальца.

Потом произнес:

- Война некарашо.

Он ждал, что ему ответит на это хозяин, но тот промолчал.

На дворе пошел снег. На деревушку опустилась темная ночь. Идти дальше было уже поздно. Фрица разморило от тепла и сытного ужина, и он незаметно для самого себя задремал, сидя на лавке. Очнулся он, когда в комнату вошла хозяйка, неся в руках одеяло, которое она протянула ему, показав жестом, чтобы он лег.

Фриц благодарно улыбнулся, стащил с себя сапоги, улегся на одеяло, накрылся шинелью и моментально уснул.

Между тем Юлия тревожно спрашивала мужа:

- Скажи, Михаил, как сюда попал этот немец? Что ему здесь нужно?

- Этого я и сам не знаю. - Михаил подпер голову руками. - Я все время наблюдал за ним, но пока не понял, что он за человек. Он мне тут объяснял на пальцах, что немцы разбиты русскими под Москвой. Я заметил, что немец очень голоден, но ел он так, чтобы не показать этого. Мне кажется, он бродил по лесу. Вид у него измученный.

Юлия молчала. Подумав, Михаил продолжал:

- Оружия у него никакого нет, один тесак. Погоны на шинели почему-то содраны. Если б я знал, что он за человек и чего хочет от нас...

- Немцы очень коварны.

- Я знаю, Юлия. И все же... Что-то говорит мне, что этот немец какой-то не такой... Плохо, что сегодня ночью придут партизаны...

- Они точно придут?

- Этого сказать не могу. Может, что-нибудь их и задержит. Я должен предупредить их о том, что у меня в доме немец.

Оба помолчали.

- Спи, утро вечера мудренее, - сказал Михаил жене. - Спи!

Рано утром Сидоров был уже на ногах и что-то делал в сенях. Вид у него был невыспавшийся - он всю ночь ждал партизан, но они так и не пришли. Сейчас Михаил снова думал о немце, который ночевал у него в горнице.

"Если он на самом деле дезертир, - размышлял он, - то должен бояться встречи с немцами. Вот я сейчас возьму да и проверю, чтобы знать в конце концов, с кем имею дело".

Когда Сидоров вошел в комнату, Фриц сидел за столом и ел кашу. Немец отлично выспался, был хорошо выбрит. Кивнув

Сидорову, он пожелал ему доброго утра.

Михаил поздоровался, но остался стоять у двери, прислонившись к косяку.

- Немецкие солдаты! - вдруг произнес он, показав рукой на окна.

Шменкель мгновенно вскочил на ноги:

- Сколько?! Раз, два, три?.. - считал он по пальцам. "С тремя солдатами ты, наверное, справишься и тесаком", - подумал Сидоров и крикнул:

- Много! Много!

Шменкель побледнел как полотно. Глаза его, казалось, искали какого-нибудь убежища. Он выбежал в коридор, но тут же вернулся в избу.

Все это время Сидоров не пошевельнулся, внимательно наблюдая за немцем.

Схватив шинель с вешалки, Фриц хотел было выскочить из избы, но Михаил остановил его.

- Ника, никс солдат! Это только шутка! Понимаешь, шутка?

Шменкель сердито посмотрел на русского. Еще не отделавшись от испуга, который парализовал его, Фриц выругался:

- Черт бы тебя побрал с твоей шуткой! Вздернули бы тебя немцы вместе со мной, тогда бы узнал, что это за шутка! С ума ты, что ли, спятил?

Русский не понял Фрица и ничего ему не ответил.

Натянув на себя шинель и кивнув хозяину, Шменкель вышел из дома и зашагал прочь.

Сидоров смотрел ему вслед из окна. "Немец, видимо, решил, что таким путем я от него хочу отделаться".

Фриц шел по дороге на Новоселки и скоро скрылся из виду.

Свернув цигарку, Просандеев посмотрел на часы. Разведчики, которых он послал на задание, все еще не вернулись, и это беспокоило его. Но не только это. Беспокоил его и этот странный немец, который неизвестно откуда появился в округе и вел себя отнюдь не как захватчик...

В этот день Просандеев вместе со своим отрядом остановился в селе Курганово, Ярцевского района. И людям и лошадям нужно было хорошо отдохнуть. Да и продукты у партизан кончались.

Навстречу партизанам высыпали все жители села, от мала до велика. Крестьяне с восхищением смотрели на партизан, которые средь бела дня отважились появиться в тылу врага, а такое в феврале 1942 года случалось не часто.

Отряд Просандеева состоял из красноармейцев, которые вырвались из котла окружения. В тылу врага они организовали

партизанский отряд. Все бойцы в отряде, как положено, приняли присягу. Партизаны уничтожили не одну группу фашистов, взорвали не один склад с боеприпасами.

Отряд остановился на площади.

Командир подошел к одному старику и спросил:

- А что, папаша, может, у вас и председатель сельсовета есть, а?

- Гм, гм, - захмыкал старик, не торопясь с ответом. - А ты, сынок, что ж, за командира, что ли, у них? Вижу, вижу, угадал. Пришли, чтоб освободить нас от немцев? А кто вы такие, позвольте спросить?

- Партизаны отряда "Смерть фашизму".

- Хорошее название у вашего отряда, командир. Добро пожаловать. Заходите в избы, будьте гостями дорогими. А ты, сынок, окажи мне честь, будь моим гостем.

- Спасибо, папаша.

- Лошадей поставьте в колхозную конюшню. Там их накормят. А ты, командир, заходи в избу.

Отдав необходимые распоряжения, Просандеев пошел вслед за стариком.

- Надя, Миша, зарежьте пару кур. Да баньку получше истопите! - И, повернувшись к командиру, старик сообщил: - Вам повезло. Фашисты нас все время стороной обходили. Один только был в селе, и тот без оружия. Да и сейчас он где-то здесь шатается, и никто не знает, чего он хочет.

- Гитлеровец? Один? У кого он был?

- Так оно и есть. А был он у Михаила Яковлевича Сидорова, нашего председателя.

Просандеев быстро заходил по горнице, засунув руки в карманы.

- Неужто не веришь мне, командир?

- Верю, пошли к Сидорову!

Так что вместо долгожданного отдыха и баньки пришлось из-за какого-то немца идти на край села.

Сидоров встретился им по дороге. Он рассказал командиру партизанского отряда все, что знал о немце, чем еще больше насторожил Просандеева. Председатель предложил с группой разведчиков пойти к избушке лесника Порутчикова: там сейчас находится этот немец. Командир отряда согласился. Сам же решил с другой группой партизан заскочить на мельницу в Новоселках, где для партизан была припрятана мука. На этой мельнице, как рассказал Сидоров, немец прожил две недели, пока его там не обнаружили два гитлеровских офицера. Немец якобы затеял с офицерами спор...

Просандееву хотелось самому все разузнать, чтобы не попасть впросак.

В Новоселки партизаны поспели как раз вовремя. На мельнице не ждали партизан. Немецкий офицер, его нетрудно было узнать по погонам и офицерской кокарде на фуражке, заметив партизан, попытался спастись бегством. Выхватив пистолет из кобуры, он бросился к саням и потащил за собой девушку, чтобы прикрыться ею как щитом: партизаны, мол, не будут стрелять по ней. Вскочив в сани, гитлеровец стеганул лошадь и помчался в сторону леса.

Поняв всю, сложность ситуации, Просандеев в сердцах выругался. Однако он быстро смекнул, что, прежде чем укрыться в спасительном лесу, гитлеровцу нужно будет проехать участок открытого поля. Значит, единственная возможность схватить гитлеровца живым и тем самым спасти девушку - это успеть перерезать ему путь к лесу.

- Окружить его! - крикнул командир.

Все решало то, чья лошадь окажется резвее.

Двое саней с партизанами помчались наперерез фашисту, третьи сани догоняли его сзади. Понимая, что ему грозит, гитлеровец как ошалелый погонял лошадь.

И тут случилось непредвиденное. Сани, в которых ехал гитлеровец, попали в колдобину. Их сильно тряхнуло, и девушку толчком выбросило в снег. Потеряв прикрытие и чувствуя, что теперь ему уже не уйти от партизанской пули, фашист в ярости хотел застрелить девушку. Но в этот момент меткая пуля одного из партизан уложила его наповал. Перепуганная насмерть девушка выбралась из сугроба. Это была Мария, дочь мельника.

Командир партизанского отряда зашел в землянку к мельнику. Тот подробно рассказал ему про немца.

Дом мельника сгорел еще в первые дни войны, и мельник с дочерью поселились в землянке, вырытой неподалеку от мельницы, которая чудом уцелела от пожара. Мельника время от времени навещали немецкие солдаты. Они привозили с собой пшеницу и заставляли его молоть им муку.

- Когда же ко мне зашел немецкий солдат, да еще без оружия, я так и подумал, - продолжал свой сбивчивый рассказ мельник, - что он тоже привез зерно для помола. Но немец ни о чем не просил. В тот день был сильный буран, и немец остался у меня. Что я мог поделать? Не выгонять же его на мороз. Когда ко мне пришел Котосов со твоим сыном Владимиром, немец заволновался.

Просандеев спросил у мельника, что это за люди.

- Котосов - это мой друг, - ответил мельник. - Сам он из

Ярцево, убежал оттуда от фашистов и пока живет у меня здесь, по соседству.

- А ну зови его сюда! - приказал командир партизанского отряда.

Однако звать Котосова не пришлось, - услышав стрельбу, они с сыном поспешили к мельнику.

- Мы видели, как ваши пристрелили гитлеровского офицера, - сказал Котосов-отец.

- А что стало с тем безоружным немцем? - спросил командир.

- Он остался здесь, - ответил мельник.

- Зачем? С какой целью?

- Потому что он дезертировал из своей части, - вмешалась в разговор Мария. - Я с ним много говорила и считаю, что он хороший человек. Он мне сказал, что не хочет воевать против нас. Поэтому мы его и спрятали.

Помолчав, девушка добавила:

- Я немного говорю по-немецки.

- Но гитлеровские офицеры его все же нашли?

- Нашли. По нашей глупости, - медленно проговорил мельник. - Они приехали вместе с переводчиком и приказали мне помолоть им муки. Солдата того мы спрятали, а вот шинель его забыли, она осталась висеть на гвозде.

Офицеры увидели шинель, и мельнику ничего не оставалось, как привести к ним Шменкеля.

В землянке между немцами началась перепалка. Спор разгорался с каждой минутой. Что они говорили, мельник не понимал. Офицеры кричали на солдата, а тот отвечал им какими-то двумя фразами. Мельник понял лишь одно слово работа.

Мельнику хотелось как можно скорее отделаться от гитлеровских офицеров. Чтобы как-то смягчить напряженную обстановку, он принес им бутылку самогона. При виде водки офицеры несколько поутихли, но после первой же стопки вновь загалдели. Офицеры решили было отослать солдата в гарнизон Постниково в сопровождении своего переводчика, но тот отказался туда идти. Мельнику переводчик шепнул по-русски, что, мол, немецкий солдат ему не подчинится и можно попасть в такую историю, из которой не так-то легко будет выпутаться.

Когда офицеры перепились, Мария проводила немецкого солдата в соседнее село, где его приютила семья лесника Порутчикова.

- Что это были за офицеры? - спросил Просандеев. - Род войск? Звания?

- Думаете, я знаю, - ответил мельник. - От страха я и на погоны не смотрел. Да я и не разбираюсь в званиях, - Мельник

перевел дух. - Один из офицеров приходил на мельницу и раньше, наверно, работает по снабжению. Второго я видел в первый раз, того, что вы сегодня застрелили.

- А зачем он вернулся сюда?

- Может, надумал что, как отрезвел, - объяснил мельник. - Спросил про этого солдата. Я ему сказал, что солдата здесь уже нет, что он ушел, а куда - не знаю. "Задержать немца я не могу, господин офицер, вы это и сами знаете!" Сначала офицер стал кричать, грозил мне пистолетом... Ну да что там, он свое теперь получил сполна, туда ему и дорога.

Мельник рассказал все, что знал, но этого было мало Просандееву.

"С одной стороны, - думал он, затягиваясь цигаркой, - Сидоров, Мария и мельник говорят, что немец этот, видимо, не преследует никаких дурных целей, вежлив, предупредителен. А Котосов даже сказал, что немец, мол, ищет дорогу к партизанам. Зачем ему партизаны? Уж не шпион ли он? Вот и офицеры его не тронули, а если б он был дезертиром, то они бы с ним не так обошлись. А почему бы и не так? Быстрое продвижение германских войск на восток и их временные победы вполне могли создать впечатление, что в фашистском вермахте царствует безупречный порядок и точность. Но это только кажется. И вот два офицера (один - офицер по снабжению, а другой, видимо, из какой-нибудь резервной части) решают немного отдохнуть. Наплевав на все уставы и наставления, они двое суток пьянствуют в лесу. А один из них настолько утратил чувство бдительности, что решился даже поехать на дальнюю мельницу".

Просандеев не без удовольствия анализировал ошибки противника, однако тут же подумал: а что, если все это лишь хитрая игра, рассчитанная на простачков. Немцы уже обратили внимание на его партизанский отряд. А что, если они просто выманивают его из леса? С другой стороны, если этот немец шпион, почему он так неловко действует?

Но где же застрял Красильников? Его группе давно пора вернуться. Командир опять взглянул на часы и, покачав головой, свернул новую цигарку.

"Черт бы побрал этого немца! Быть может, он и на самом деле хочет перебежать к нам?"

Командир вспомнил рассказы старших товарищей о войне. Когда фашисты аннексировали Чехословакию и захватили Польшу, некоторые считали, что немецкие рабочие не будут воевать против Советского Союза. Считавшие так люди забывали, что в Германии были события 1933 года, был фашистский террор и гитлеровская демагогия. Но ведь не всех удалось отравить ядом

фашистской пропаганды? А что, если этот немец как раз из таких? Ведь вот и продвижение фашистских войск под Москвой остановлено. Более того, немцы уже почувствовали удары советских войск. Положение немцев здесь, в Смоленской области, тоже ненадежное: с севера - 39-я русская армия, с юга - 33-я. Обе действуют в направлении Вязьма, Ярцево. Если этот немец разбирается в обстановке, то он имел все основания перейти к русским.

Просандеев в душе гордился своим отрядом, который являлся подвижным партизанским подразделением. После каждой операции отряд быстро снимался с места и в следующий раз наносил неожиданный удар по противнику уже в другом районе. Однако отряд не имел связи ни с подпольным райкомом, ни с регулярными частями Красной Армии. Комиссар отряда товарищ Тихомиров не раз сожалел об этом.

А Красильникова все нет! Просандеев встал и заходил по комнате. Сейчас бы вскочить в седло да и узнать самому, в чем там дело.

Наконец разведчики прибыли.

В дверь протиснулся Красильников. Ему пришлось пригнуть голову, чтобы не удариться о косяк. Красильников вытянулся, собираясь доложить по всей форме, но командир махнул рукой.

- Ну как дела?

- Мы привезли немца.

- Хорошо. Ну и что же он за человек?

- В трех словах не скажешь, товарищ командир.

И разведчик совсем не по-военному пожал плечами.

- Садись, закуривай и рассказывай.

Красильников полез за махоркой, не спеша закурил.

- У Порутчикова есть небольшой участок в лесу, и найти его не так-то просто. Немец случайно набрел на избушку лесника. Скрыться там от преследования - пара пустяков. Мы подошли к этому месту, когда уже стемнело. Окружили дом, я постучал в дверь. Открыла молодая девушка. Сначала испугалась, но, увидев, что мы не немцы и не полицаи, успокоилась. Однако от двери все же не отошла. Тут я ей и сказал: "Мне известно, дочка, что у вас скрывается немецкий солдат. Так вот я хочу с ним потолковать".

Девушка впустила нас в избу. Навстречу нам поднялись хозяин с хозяйкой. У печи на лавке дремал немец.

"Вставай, фриц, партизаны пришли!" - крикнул я немцу.

Он встал и без тени страха подошел к нам. Мне показалось даже, что он будто улыбнулся, спрашивая меня: "Ты - командир... партизан?"

"Нет", - ответил я и на всякий случай скомандовал: "Руки вверх!", а чтобы он лучше понял, наставил ему в грудь дуло автомата. "Где пистолет?" спросил я его.

"Никс пистолет", - ответил немец.

Я обыскал его, но никакого оружия при нем, кроме тесака, не было. Хозяева тоже говорили, что он пришел к ним без оружия.

Немец совершенно спокойно дал обыскать себя, а потом заявил: "Я не фашист". Помолчав, он посмотрел мне прямо в глаза и повторил: "Я не фашист, я комсомолец, понимаешь?.."

- Ну, да ты меня знаешь, командир, - продолжал рассказывать Красильников, - меня не так легко убедить. Представь себе, стоит перед тобой фриц, да еще нахально утверждает, что он комсомолец. Немец еще что-то стал объяснять на своем языке, но я подумал, что это он от страха заговариваться начал. На вид ему лет двадцать с небольшим. Однако он не дрожал от страха, как другие, кто попадал к нам в руки... Тем временем подошли и остальные наши ребята. Некоторые советовали безо всяких разговоров пустить немца в расход - одним фашистом, мол, станет меньше на свете.

Откровенно говоря, командир, чувствовал я себя в тот момент не в своей тарелке. Порутчиковы в один голос утверждали, что это - хороший немец, да и Сидоров просил не горячиться и во всем разобраться. А немец все стоял передо мной и твердил одно и то же: "Я комсомолец". Что мне было делать?

"Бросьте, ребята, - сказал я, обращаясь к партизанам. - Это, конечно, фриц, но он утверждает, будто он - комсомолец. К тому же командир приказал доставить к нему этого немца. Там разберемся, кто он такой..."

- Ты поступил совершенно правильно, - похвалил командир Красильникова: на этого храброго и опытного партизана всегда можно было положиться. Приведи ко мне немца. Да скажи-ка Виктору Коровину, чтоб пришел перевести наш разговор. Да и комиссар пусть зайдет.

Часовой ввел немца. Пленный был среднего роста и выглядел точно так, как его обрисовали местные жители: светловолосый, хорошо сложен, с открытым лицом. Несколько секунд командир отряда и немец внимательно изучали друг друга.

Затем немец сделал несколько шагов к Просандееву и спросил:

- Ты - командир партизан?

- Да.

Немец подошел к командиру вплотную и, дотронувшись пальцем до его груди, сказал:

- Ленин!.. Тельман!

Просандеев понял, что ему хотел сказать немец, но, как командир, он должен был все проверить.

- Сядь! - приказал Просандеев.

Немец сел, пододвинув табурет ближе к командиру.

- Фамилия, имя?

- Шменкель Фриц.

В сенях послышались шаги. Это пришли Коровин и небольшого роста черноволосый комиссар отряда Тихомиров. Оба с интересом разглядывали пленного.

- Ну, Виктор, начнем, - обратился Просандеев к переводчику. - Спроси его, кто он такой, как сюда попал и что хочет.

Шменкель тоже с интересом смотрел на вошедших. Встреча с партизанами не была для него непредвиденной: он сам искал этой встречи, с нетерпением ждал ее и был рад, что наконец это случилось. Его только немного разочаровал длинный разведчик, который накричал на него безо всякой на то причины. Но в тот момент Фриц думал только об одном - не показать партизанам, что он их боится. "Пусть они подозревают, что я шпион, фашист, а я спокойно буду отвечать, что я не фашист и не шпион. Теперь же я нахожусь перед командиром партизан, который, разумеется, сначала должен допросить пленного. Вот теперь я и расскажу все откровенно. Жаль только, у меня нет никаких доказательств того, что я говорю правду".

Коровин перевел вопрос командира, и Фриц сделал вывод, что переводчик не силен в немецком языке. "А это ведь может привести к неправильному взаимопониманию!" И Фриц стал говорить медленно, отчетливо выговаривая каждое слово, а где нужно, помогая жестикуляцией.

Фриц рассказал, как он дезертировал из части, как шел по лесу, надеясь встретить партизан. Он рассказал и о своем отце, о его гибели, а в конце добавил, что сам он - немецкий комсомолец, а отец его - коммунист.

- Тогда почему ты не перешел на сторону русских раньше, раз ты не хотел воевать против Советского Союза? - спросил Просандеев, внимательно посмотрев немцу в глаза.

- Я только с сентября на фронте, - ответил Фриц, - служил в артиллерийской части под Вязьмой. Куда же я должен был перебегать? К частям Красной Армии, которые сами попали в окружение? Я хочу бороться против фашизма. Это я обещал отцу. Я хочу бороться против Гитлера, а не сидеть где-нибудь в лагере для военнопленных.

Командир немного помолчал. Немец говорил правду. Просандеев участвовал в боях за Вязьму, попал там в окружение, старался из него вырваться... Воспоминания эти были невеселые.

Теперь он решил узнать у пленного, не была ли переброшена их часть откуда-нибудь с Запада на Восточный фронт, и Просандеев спросил:

- Ты был во Франции?

- Нет, я был в тюрьме, - ответил Фриц и сразу же вспомнил маленькую темную камеру штрафного лагеря, решетку на крошечном окошке, за которым время от времени проскальзывал луч прожектора с караульной вышки.

Фриц рассказал русским, как он, сидя в камере, тупым ножиком вырезал на стене серп и молот, а под ними буквы "Ф" и "Ш". Сосед по камере, узнав историю Фрица, посмеивался над ним, говоря, что подобным образом юноше все равно не избежать службы в гитлеровской армии. Этот пожилой сгорбленный человек, сидя на скамейке под узким тюремным окном и глядя на Фрица своими светлыми глазами, не раз говорил, что Гитлеру не справиться с Россией. Сосед по камере во время первой мировой войны был в России и много рассказывал Фрицу об этой стране.

- Что же мне делать? - спросил как-то его Шменкель.

- Я уже стар, - проговорил тот задумчиво. - Меня уж не пошлют в штрафной батальон. А на твоем месте я попросился бы добровольцем на Восточный фронт.

- Выходит, я должен воевать против Советского Союза?

- Воевать, но только на стороне тех, кто прав. Понял ты меня, юноша? Вот и подумай над моими словами.

Шменкель провел не одну бессонную ночь, размышляя о будущем. Именно тогда у него и созрело решение, которое привело его теперь к партизанам.

Переводя рассказ Шменкеля, Коровин не понял слова "тюрьма" и попросил Фрица еще раз повторить его. Фриц сложил перед глазами пальцы решеткой и произнес короткое слово "кацет" (концлагерь), которое всем было понятно и без перевода.

В комнате стало очень тихо, только старые ходики на стене отбивали свое монотонное "тик-так".

Вот так же - "тик-так" - стучала деревянная нога рабочего, который не раз приходил к отцу. Где-то он сейчас? Может, там же, где и Бернгард? Своего друга Бернгарда из Союза коммунистической молодежи Фрицу так больше и не удалось увидеть. Отбыв наказание в штрафном лагере и вернувшись в Полихен, где они раньше оба работали: Фриц - кучером, Бернгард - на кирпичном заводе, друга Фриц не нашел. И к кому бы Шменкель ни обращался с расспросами о Бернгарде, повсюду наталкивался на стену молчания. Тогда он пошел на кирпичный завод. Там ему сказали, что Бернгарда арестовали и увезли неизвестно куда. Фриц знал, как дальше обычно разворачивались

события: приходило письмо из полиции, в котором сообщалось, что такой-то скончался по причине нарушения кровообращения или же в результате сердечного приступа. Неважно, что он ни разу в жизни не жаловался на сердце!

Через два дня Фриц добровольцем ушел на Восточный фронт.

- Вы долго находились в заключении?

- Полтора года.

- А как вы докажете, что говорите правду? - спросил командир после небольшой паузы.

- Я докажу вам это, товарищ командир, если вы освободите от фашистов мою родину.

Голос Шменкеля был тверд и решителен.

Ответ понравился Просандееву. Нравился ему и сам Шменкель. Этот немец говорил и вел себя, как человек, которому нечего скрывать. За его коротким рассказом угадывалась полная труда и лишений жизнь юноши из рабочей семьи.

"Так-то оно так, - думал Просандеев, - но с тех пор, как гитлеровцы напали на нашу Родину, мы в каждом немецком солдате невольно видим фашиста. А вот сейчас передо мной сидит немец, который хочет сражаться на нашей стороне!"

Просандеев задумчиво посмотрел на Шменкеля, потом сказал:

- А ну покажи твои руки!

Немец положил руки на стол. Это были мозолистые руки рабочего человека.

- Рабочие руки, - заметил комиссар Тихомиров.

- Ну и что ты о нем думаешь? - обратился к комиссару Просандеев.

- В душу к нему не заглянешь, - ответил комиссар и, подумав, добавил: - Поживем - увидим.

- Значит, присматривать за ним, пока он себя не покажет?

- Точно так.

Просандеев облегченно вздохнул: мнение комиссара совпадало с его собственным. Командир налил в кружку водки и кивнул Шменкелю:

- Пей!

Помолчав, Просандеев проговорил:

- Оружия тебе, Шменкель, не дам. Сам достанешь в бою. А вот табак тебе будут выдавать.

Повернувшись к одному из партизан, командир отряда приказал:

- На всякий случай спать немца положите отдельно ото всех. Обращайтесь с ним вежливо. Кто знает, может, завтра он станет нашим товарищем. Но глаз с него пока все же не спускайте.

Понятно?

- Так точно, товарищ командир!

Шменкель вышел на улицу. Ночь была ясной и морозной, под ногами скрипел снег. Фриц глубоко вздохнул, будто освобождаясь от тяжелого груза. Его радовало, что русские если и не полностью поверили ему, то по крайней мере хотят верить. Он молча шел по дороге. Справа от него шагал переводчик, слева - партизан. У какого-то сарая остановились. Партизан открыл дверь и показал Фрицу, где он будет спать. Шменкель не заставил себя долго ждать и тут же завалился на сено. Русские ушли, но замок на сарай не повесили. Засыпая, Фриц слышал, как около избы, где остановился командир партизанского отряда, ходил часовой.

Командир отряда и комиссар сидели за столом. Тихомиров только что вернулся после обхода постов. Командир встретил его вопросом:

- Ну, как наши товарищи отнеслись к тому, что в отряде будет немец?

Комиссар ответил не сразу. Свернул цигарку, закурил.

- Мнения самые разные. Одни говорят, вряд ли немец будет стрелять в своих, другие считают, что немцам вообще ни в чем нельзя верить.

- И что же ты им ответил?

- А как ты сам думаешь, командир, будет этот немец стрелять в своих или нет? - в свою очередь спросил Тихомиров.

- Выходит, ты ему тоже не веришь?

Комиссар досадливо махнул рукой: он и слышать не хотел подобного вопроса.

- Что значит - верить? Я должен точно знать, быть убежденным в этом, понял? А уж тогда я буду спорить с другими.

Просандеев чуть не вспылил, но сдержался. Он хорошо знал своего комиссара: в любом деле Тихомиров должен был сначала убедиться сам. Комиссар отряда был осторожен и предельно сдержан. Однако эта осторожность не раз удерживала командира от опрометчивых решений.

Оба они, командир и комиссар, были организаторами этого хоть и небольшого, но крепкого партизанского отряда. За короткий срок отряд обзавелся лошадьми, автоматами и даже пулеметами, И в этом прежде всего была заслуга комиссара, который составил смелый и хитрый план захвата оружия. Однако сейчас Тихомиров казался командиру чересчур осторожным.

- Этот немец - антифашист, и не следует его путать с гитлеровцами, заговорил командир. - Вспомни бои в Испании, интернациональные бригады... Разве там не было немцев? Тут, брат, нужно руководствоваться классовой точкой зрения...

Тихомиров усмехнулся:

- Ну, Иван, ты сейчас, чего доброго, прочтешь мне лекцию. Скажи уж лучше, что тебе этот немец понравился.

- Ну и что из того? - пробормотал командир. - Каждый честный человек мне симпатичен. Однако мое решение не зависит от личной симпатии.

- Я тебя понимаю, Иван. Ты, конечно, хочешь видеть только хорошее, но... Я не говорю, что не доверяю этому немцу. Он и на меня произвел хорошее впечатление. Все это так. И все же представь себе: отряд вдруг попадает в очень тяжелое положение, перед нами - превосходящий противник. Не испугается ли тогда наш немец?.. Не отрицай, Иван, ведь ты его совсем не знаешь. Не забывай, что у каждого человека есть свои привычки, рефлексы, что ли, и тому подобное. Есть они и у Шменкеля.

Просандеев со злостью стукнул кулаком по столу, чувствуя, что у него нет аргументов, чтобы разубедить комиссара.

- Мы создавали наш отряд не по приказу. Вы сами выбрали комиссара, меня ведь никто не назначал. Связь с подпольным райкомом установить не удалось. Я не боюсь ответственности, нет, командир. Но поскольку мы действуем самостоятельно, мы обязаны быть бдительными вдвойне.

- Ты хочешь еще раз проверить немца? - спросил командир.

- Да.

- Сейчас или дождемся утра?

- Сейчас. Пусть Виктор его разбудит.

Просандеев недоуменно пожал плечами. Он не верил, что ночной разговор со Шменкелем может дать какие-нибудь новые доказательства.

Вскоре в избу вошел заспанный Коровин. Сообразив, в чем дело, он тотчас же повел командира и комиссара к немцу.

Когда они подошли к сараю, часовой доложил командиру, что немец спит как убитый.

- Вот и хорошо. - Просандеев открыл дверь и фонариком посветил Шменкелю в лицо.

Фриц спал на сене и чему-то улыбался во сне.

Тихомиров тихо сказал Коровину:

- Мысли человека легче всего прочесть на лице, когда он спит.

Просандеев потушил фонарик:

- Он спит как младенец.

Комиссар, однако, попросил:

- Иван, посвети-ка ему в лицо.

Просандеев вновь зажег фонарик. Коровин наклонился над спящим:

- Шменкель, вставай! Гестапо!

Немец так крепко спал, что его пришлось долго трясти за плечо. Но вот он наконец проснулся и, неожиданно вскочив на ноги, ударом кулака в плечо сбил Коровина с ног. В одно мгновение Фриц выхватил тесак и закричал:

- Что вы от меня хотите, собаки?! Почему вы меня не застрелите?!

Партизаны поняли, что Шменкель все еще находится во власти сна, а слово "гестапо" лишило его способности соображать, где он и кто перед ним. Еще мгновение - и он бросился бы на людей, стоявших в темноте. Коровин тихо заговорил с ним по-немецки, а Просандеев перевел луч фонаря в сторону и, собрав весь свой запас немецких слов, проговорил:

- Хорошо, Фриц, хорошо, теперь спать, пожалуйста, спать.

И партизаны вышли из сарая.

- Ну и что ты понял? Как он себя будет вести в бою? - обратился командир к комиссару.

- Этого я сказать не могу, но зато сейчас мне стало ясно, что он ненавидит фашистов. - И повернувшись к часовому, Тихомиров сказал: - Ты его не буди утром. Пусть спит. Сам проснется...

Шменкель проснулся часов в девять. Он чувствовал себя отдохнувшим. И тут он начал припоминать, что ночью к нему кто-то приходил. Фриц поискал глазами тесак, но он лежал рядом, на сене.

"Неужели это мне приснилось? Или, может, меня действительно проверяли?" - размышлял он.

Однако мысль о проверке ничуть не испугала его. Скитаясь по лесу и ища встречи с партизанами, он не раз думал о том, что его, конечно, будут проверять.

"У них есть все основания не доверять мне. Я немец, а какой я немец это еще нужно доказать делом".

Толкнув дверь, Фриц вышел во двор. День был морозный. На солнце ярко сверкал снег. Часовой, стоявший у соседнего дома, кивнул Фрицу и что-то сказал по-русски, но Шменкель не понял ни слова.

Когда же Фриц подошел ближе, русский похлопал его по плечу и несколько раз повторил:

- Кушать, Фриц, кушать!

Фриц вошел в избу, где вчера вечером его допрашивали. У печи орудовала ухватами хозяйка. Увидев вошедшего, она показала ему на рукомойник, сбоку от которого на гвозде висело чистое полотенце. Пока Шменкель умывался, хозяйка, не обращая никакого внимания на немца, поставила на стол картошку и хлеб.

Вскоре в избу вошел Просандеев. Он по-дружески

поздоровался с Фрицем, однако ни словом не обмолвился о ночном "испытании". Командир несколько раз объяснил Шменкелю, что ровно в двенадцать часов в правлении колхоза партизаны устраивают собрание, на котором, собственно, и будет решаться его дальнейшая судьба.

В правление Шменкель пришел вместе с командиром, комиссаром и переводчиком. Все взгляды скрестились на Шменкеле, но он был спокоен и не опускал глаз.

Переводчик усадил Фрица в первом ряду. В президиуме находились командир отряда, комиссар и командиры отделений. Собрание открыл Тихомиров и сразу же предоставил слово командиру. Говорил Просандеев долго и быстро, так что Фриц ничего не понял, а Коровин переводил ему лишь некоторые фразы. Однако по тому вниманию, с каким партизаны слушали своего командира, было ясно, что решается очень важный вопрос. Затем слово предоставили Шменкелю.

Фриц встал, легким движением руки откинул волосы со лба и оглядел собравшихся. На лицах одних застыло недоверие, другим, казалось, было все равно, что скажет немец, третьи смотрели приветливее. Но ни одного взгляда ненависти - это он хорошо видел.

- Говорите, - обратился к Шменкелю Коровин, - я буду переводить,

Шменкель стал рассказывать о своей жизни. Его слушали, и постепенно у многих менялось выражение лица. Вот паренек, который только что смотрел на Фрица с недоверием, всем корпусом подался вперед: Шменкель вспоминал о том, как однажды вечером 1938 года они с Бернгардом, занавесив окна и заперев дверь своей комнатушки, говорили о борьбе с фашизмом. И хотя они были еще очень неопытны, но не хотели сидеть сложа руки.

- "Войной пахнет, Бернгард. Если жирный Геринг во всю глотку кричит о том, что Германии нужны пушки, а не масло, значит, фашисты не ограничатся террором только в самой Германии, - сказал я тогда другу. - Давай выпускать антифашистские листовки. Но в нашей дыре это не так-то просто сделать. Где взять бумагу, печатный станок? Двоим нам это, конечно, не под силу. Нужно поискать надежных людей. И чем больше нас будет, тем сильнее разгорится борьба против Гитлера и его клики".

Шменкель говорил о том, что у них родился план создать группу Сопротивления, но осуществить этот план не удалось: их призвали в армию. Расставаясь, они крепко пожали друг другу руки. Это была молчаливая клятва сделать все возможное, чтобы

не стать солдатами вермахта. И действительно, вскоре Бернгард попал в концлагерь, а Фриц - к штрафникам в Торгау.

После освобождения из штрафного лагеря Фриц добровольно попросился на Восточный фронт. Узнав об этом, тесть Фрица стал приветливее и, конечно, не потому, что жалел своего зятя. Для него Фриц всегда был ненадежным элементом, штрафником, который сманил у него дочь. На лацкане пиджака тестя красовался значок члена нацистской партии, и Фриц причинял ему лишь одни неприятности.

Выйдя из лагеря, Фриц был очень осторожен и ни с кем, кроме своей жены, не разговаривал.

Однажды он сказал ей:

- Я знаю, по какому пути должен идти.

Эрна, конечно, не поняла его, но она видела, что муж очень изменился, Эрна и не представляла, разумеется, что задумал Фриц. Он же не хотел обременять совесть жены и потому не посвящал ее в свои планы. Когда тесть узнал, что Фриц добровольно идет на Восточный фронт, атмосфера в доме немного улучшилась.

Накануне отъезда на фронт вечером Фриц увидел старика за домом во дворе. Тесть собирался рубить дрова. Он стоял, засучив рукава и держа в руках топор. Фриц хотел молча пройти мимо, но тесть остановил его.

- Наконец-то и ты решил нас успокоить. Видно, осознал свои ошибки. Если хорошо покажешь себя на фронте, может, еще и порадуешь нас.

Конечно, старик истолковал желание Фрица добровольно пойти на фронт по-своему.

- Ты ошибаешься. Я не собираюсь мириться с нацистами и не хочу иметь с ними ничего общего, - возразил Фриц.

- И не надоело тебе, мало ты получил? Ты что, хочешь навлечь на нас беду? Неужели ты не понимаешь, что мы твою красную Россию сотрем в порошок, в полном смысле сотрем?

- Подавитесь и зубы обломаете! - крикнул Фриц. - Шею себе свернет ваш фашистский сброд!

- Ты назвал нас сбродом, - вспылил старик. - А ну-ка повтори еще раз!.. Ах ты штрафник, изменник... Убить тебя мало!

И он замахнулся топором.

Шменкель схватил полено на случай, если тесть захочет его ударить. Эту сцену видели из окна женщины. Они закричали, и старик опустил топор. Шменкель бросил полено и пошел в дом.

...Переводчик замолчал и кивнул Фрицу. Шменкель оглядел лица партизан и закончил свой рассказ следующими словами:

- Я сам пришел к вам, чтобы бороться против фашистов. Я не

хочу терять человеческого достоинства. Я прощу вас принять меня в отряд.

Фриц вернулся на свое место и сел.

Некоторое время в комнате стояла тишина. Кто-то прокашлялся, другие смотрели себе под ноги. Рассказ немца произвел на всех большое впечатление.

Комиссар попросил бойцов высказать свое мнение. По гулу голосов Шменкель понял, что большинство стоит за его прием в отряд. У некоторых были вопросы. Фриц откровенно ответил на них. Человек шесть молчали, они не принимали участия и в голосовании. Фрица приняли в отряд с условием: пусть докажет в бою, что достоин быть партизаном.

Тихомиров закрыл собрание и попросил Шменкеля задержаться. Комиссар говорил, а Коровин переводил:

- Не все товарищи понимают вас. Мы с вами еще не раз будем беседовать. И вы сами должны понимать, что все будет зависеть от вас лично. Словом, факты убеждают лучше слов.

Положение Фрица в отряде на первых порах было странным: его не считали пленным, но и за партизана тоже не принимали. В Курганово он мог ходить свободно, но выходить из села ему не разрешали. Шменкель воспринимал это как само собой разумеющееся и не обижался.

На следующий день партизанам был дан отдых. Бойцы выспались, помылись в бане, побалакали с жителями села. Шменкель быстро нашел себе занятие: носил воду, кормил лошадей.

У пожилого партизана, который смотрел за лошадьми, была борода, что придавало его лицу особенно суровое выражение. Он внимательно наблюдал за Фрицем, когда тот ухаживал за лошадьми, а убедившись, что немец это делать умеет, одобрительно кивнул ему. Затем подозвал Фрица и, ткнув себя пальцем в грудь, произнес:

- Я - Григорий Прокофьевич.

Григорий спросил Фрица, понравились ли ему лошади. Шменкель похвалил лошадей, отчего старик так и засветился улыбкой, обнажив два ряда белых зубов. Григорий поинтересовался, где Фриц научился ухаживать за лошадьми.

Шменкель с трудом растолковал старику, что одно время работал в Германии. Оглянувшись и увидев поблизости сани, Фриц вскочил в них:

- Тройка. - И хлестнул кнутом: - Ну, поехали!

- Ага, ага, - понимающе закивал Григорий. - У кулака работал?

- Нет. Барон.

Дальше Фриц, помогая себе жестами, рассказал, как он по десять часов в сутки работал у барона за кусок хлеба и проклял всех на свете буржуев... С этой ночи Фриц спал у своего нового друга Григория.

Утром на двух санях группа партизан с автоматами уехала из села. Фриц с завистью смотрел им вслед, покуда они не растаяли в утреннем тумане.

Вернувшись в конюшню, он спросил у Григория:

- Куда они уехали?

Бородач ничего не ответил, а когда Фриц повторил вопрос, пробормотал что-то непонятное. Справившись со своей работой, Фриц пошел разыскивать Коровина.

Переводчик сидел в комнате один и что-то писал. Шменкель не хотел ему мешать и ждал, пока тот сам его заметит.

- Ну, Фриц, что случилось? - спросил наконец Коровин, подняв голову.

- Только один вопрос. Переведи мне одну фразу.

И он повторил то, что сказал ему Григорий.

Коровин сначала смутился, потом рассмеялся, но так и не перевел фразу. А Шменкель ждал, он хотел знать, что же ему ответил старик.

Виктор спросил, в связи с чем сказал это Григорий, а получив ответ, объяснил:

- Много будешь знать - скоро состаришься. Это русская поговорка.

- Я не понял.

- Тебе это трудно понять. У нас такой закон: незачем что-то спрашивать, коли все уже решено и отдан приказ. Партизаны строго придерживаются этого правила. Вот Григорий тебе и ответил...

Позже Шменкель узнал, что партизаны должны были захватить какой-то склад у фашистов, однако сделать это не удалось, так как неожиданно для партизан охрана склада оказалась очень сильной. Партизаны отошли, но зато им удалось узнать, что фашисты намереваются захватить Курганово.

В селе была объявлена боевая тревога. Просандеев приказал детям и женщинам укрыться в подвалах. Крестьяне, вооружившись охотничьими ружьями, тоже приготовились к бою с фашистами. Партизаны усилили охрану вокруг села. Все приготовления проводились без суеты, строго по-военному. Когда разведчики сообщили, откуда противник собирается напасть на деревню, партизаны заняли позицию на околице.

Шменкелю выдали бинокль. Он выполнял обязанности наблюдателя. Для него это был первый бой. Его боевое крещение

произошло раньше, чем он предполагал. Наблюдательный пункт находился на крыше одного дома. Здесь вместе со Шменкелем устроился какой-то партизан - молодой парень с добродушной улыбкой. Метрах в пятидесяти от дома проходила просека, а за ней - темный лес, откуда должен был появиться противник.

Прошло не больше получаса, и со стороны просеки послышался шум машин. Шменкель увидел в бинокль серые фигурки солдат. Они собирались на опушке леса небольшими группами. Держались самоуверенно, будто деревня уже была в их руках.

- Не стрелять! Подпустить как можно ближе! - отдал приказ командир отряда.

Местность здесь была пересеченной, холмистой, заросшей кустарником, так что нападающим было где укрыться от огня. Партизаны окопались по линии крайних огородов. На крыше одного дома расположился наблюдательный пункт, а на другой крыше был установлен станковый пулемет. Позиция ручного пулемета находилась сбоку, метрах в тридцати.

Ветерок донес с опушки леса обрывки команд. Фашисты рассыпались в цепь. Они дали несколько очередей из пулеметов по домам и стали приближаться к селу. Серые фигуры солдат то появлялись, то исчезали в складках местности.

Когда фашисты подошли совсем близко, партизаны открыли огонь. И сразу же на снегу, застыло несколько гитлеровцев. Раненые корчились от боли, некоторые ползли обратно к лесу. Огонь станкового пулемета заставил немцев залечь.

Шменкель увидел, что просека опустела. Лишь два солдата тащили раненых - и больше никого. Но вот немцы вновь открыли огонь, теперь из-за укрытий, сначала беспорядочный, а потом по выбранным целям.

Парень рядом с Фрицем стал стрелять. Немцы открыли ответный огонь по дому. Пули свистели совсем рядом. Шменкель предложил партизану сменить позицию, но парень, видимо, не понял его. Вдруг партизан вскрикнул и стих.

- Санитар! Санитар! - закричал Шменкель.

Откуда-то сзади он услышал женский голос, заглушаемый стрельбой. И вдруг заметил, что по снегу совсем близко ползет фашист со связкой гранат в руке. Полз он к дому, из которого бил пулемет. Фриц крикнул партизанам, стараясь предупредить их об опасности, но они то ли не поняли его, то ли просто не слышали. А немец тем временем все ближе и ближе подползал к дому.

Раненый парень рядом с Фрицем стонал от боли.

- Дай-ка мне винтовку! - сказал ему Фриц.

Но партизан не понял его.

- Дай, говорю, твою винтовку! - повторил Фриц и потянулся к оружию.

Однако раненый, видимо, истолковал по-своему замысел Шменкеля и еще крепче прижал к себе винтовку.

Тогда Фриц с силой вырвал у раненого винтовку и побежал к чердачному окну. Прицелившись, он выстрелил в фашиста с гранатами. Фашист дернулся и остался неподвижно лежать на снегу. Раненый парень, поняв, в чем дело, одобрительно кивнул Фрицу, который уже протягивал ему винтовку.

Пулемет партизан не давал фашистам поднять головы. Постепенно они стали стрелять все реже и реже, а часа через два отошли в лес. Снова послышался шум моторов, только на этот раз он не приближался, а удалялся. Потом наступила тишина. Атака немцев была отбита.

Шменкель перевязал парню плечо. Вскоре появилась санитарка, и раненого спустили в дом. Когда подошел командир отряда, раненый стал что-то ему говорить.

Просандеев показал на убитого фашиста и спросил Шменкеля:

- Это ты его убил, Фриц?

Шменкель кивнул.

- Молодец! - похвалил командир. - Ну, пойдем!

Они подошли к убитому фашисту. Коровин сказал, обращаясь к Шменкелю:

- Командир считает, что оружие убитого - теперь по праву твое оружие. Бери себе этот автомат.

Шменкель забрал автомат и мельком взглянул на убитого. Это был еще молодой солдат с каштановыми волосами.

- Офицер? - спросил Просандеев.

- Нет, унтер-офицер.

Шменкель не мог отвести взгляда от убитого. "Наверное, у него, как и у меня, жена и дети дома. А нужно ли мне было убивать его?" И тут же сам себе ответил: "Да, я должен был убить его. И буду убивать таких, как он, до тех пор, пока не останется ни одного фашиста". Просандеев, казалось, отгадал мысли Шменкеля.

- У нас есть одна книга у Шолохова. В ней рассказывается, как в годы революции русские боролись против русских. - Коровин переводил слова командира. - Герой книги - один коммунист. Он должен был расстрелять предателей. Он смотрит на них и видит лица простых людей, рабочие руки, натруженные тяжелой работой. Но эти руки поднялись на революцию! Сердце коммуниста обливается кровью, но он отдает приказ расстрелять изменников... Вот и мы должны уничтожать каждого оккупанта.

Шменкель заметил, что и командир, и обступившие их партизаны понимают его состояние. Фриц растерянно вертел в руках автомат убитого. Нечаянно рука скользнула по ложе автомата, и Фрица бросило в жар. Он нащупал короткие зарубки. Машинально пересчитал их: восемнадцать.

- Что случилось? - спросил кто-то из партизан, увидев, как изменился в лице Фриц.

- Хозяин автомата каждый раз делал отметку на ложе, когда убивал русского, - объяснил Фриц. - Артиллеристы, те каждый уничтоженный ими танк обозначают на стволе орудия белым кольцом. Зенитчики так отмечают каждый сбитый ими самолет противника...

Командир направился в дом. Фрица он попросил помочь врачу отряда разобраться в трофейных лекарствах. Это было новое ответственное задание, а вечером того же дня Просандеев выставил Фрица часовым и уже без сопровождающего. Фриц понимал, что партизаны прониклись к нему доверием.

Весть о бое партизан с немцами разлетелась с быстротой молнии. И сразу же из окрестных деревень в Курганово потянулись военнослужащие Красной Армии - те, кому не удалось вырваться из окружения и которых скрывали от немцев и полиции крестьяне. Красноармейцы приходили в военной форме, некоторые даже приносили с собой оружие. И все, как один, просили Просандеева принять их в отряд. Командир отряда потерял покой. У него не было ни минуты свободного времени, ему нужно было поговорить с каждым из желающих вступить в отряд.

- Большинству из них не удалось вырваться из окружения. Они хотят сражаться с фашистами в нашем отряде. Местные жители тоже просятся в отряд. И мне, правда, очень жаль, но приходится им отказывать, - говорил вечером командир своему комиссару.

- И ты не взял местных крестьян в отряд? - удивился Тихомиров.

- А что я могу поделать? Мы - воинская часть, - оправдывался Просандеев, понимая, что комиссар не одобряет его решения.

- И ты думаешь, Иван, что поступил правильно? Партия призывает нас сплотить все силы для борьбы против фашистов.

- Все это так, но мы живем по уставам Красной Армии. И раньше ты сам соглашался с этим.

- Сейчас не время ссылаться на уставы. Каждый, кто хочет сражаться против фашизма, должен быть принят в отряд. Только так мы сможем по-настоящему оказать поддержку Красной Армии!

Командир молчал.

- Сегодня, я был в правлении колхоза, - продолжал Тихомиров. - Люди нам верят. Спрашивают, что им делать с государственным зерном и скотом, если сюда заявятся фашисты. В школе у них снова начались занятия. Для них мы сейчас и есть Советская власть, и мы не имеем права обманывать их доверия.

Сделав небольшую паузу, Тихомиров стал развивать свою мысль дальше:

- Думаю я, Иван, что работу с местным населением нам нужно организовать лучше. Занимая населенные пункты, немцы сразу же назначают там своих старост. Им, конечно, приходятся но вкусу бывшие уголовники, изменники, кулацкие сынки - словом, враги Советской власти. Нас же это нисколько не устраивает. А почему бы на эту должность не пойти людям, преданным Советской власти? Разумеется, сделать это нелегко, но мы и по этому поводу разговаривали с крестьянами, и они целиком и полностью поддерживают нас. В этом случае у нас будет хорошая информация о противнике. Кроме того, неплохо бы иметь и связных из местных жителей.

- Против всего этого, Сергей Александрович, у меня никаких возражений нет, - заметил Просандеев. - Если ты, конечно, не повесишь мне на шею полдеревни. И только при одном условии, что это будут люди в возрасте, на которых можно положиться.

Успех отряда в бою окрылил командира. Обычно очень сдержанный, Просандеев вдруг разоткровенничался.

- Иногда я сам себе создаю заботы, - признался он, сворачивая цигарку. - Сколько я себя спрашивал: что будет, если фашисты навяжут нам серьезный бой? До сих пор мы проводили довольно скромные операции. И вдруг мы ведем оборонительный бой с превосходящими силами противника и побеждаем. Значит, нам удалось сколотить сплоченный коллектив, где каждый знает свою задачу. Так что мы можем быть спокойны. Ребята научились бить врага.

Просандеев скрылся в облаке табачного дыма.

- Относительно связных ты абсолютно прав. Возьмем, например, старика нашего хозяина. Настоящий русский крестьянин, ему тоже хочется забрать свое ружье и уйти в лес к партизанам. Он утром подошел ко мне и говорит: "Послушай, командир, я старый солдат, воевал еще в первую мировую, "Георгия" заслужил. И за революцию сражался. Сыновья мои сейчас в Красной Армии, а у меня тоже руки чешутся. Я ведь могу продырявить не одного фашиста. Неужели у тебя не найдется для меня задания?" И он лукаво подмигнул мне. "Послушай, отец, - отвечаю я ему. - Ты уже не молод, сидел бы на печи да грелся.

Воевать - дело молодых!" Видел бы ты, как он на меня разозлился. "Значит, по-вашему, сиди на печи да грейся?! - закричал он на меня. - И кто тебя только командиром назначил? Сопляк ты, а не командир! Сейчас не то время, чтобы на печи греться!" И тут я сдался. "Ну хорошо, отец, я подумаю".

Командир отпил чаю, который ему подала хозяйка, потом спросил:

- А чем занимается наш немец?

- Он, кажется, совсем неплохо чувствует себя у нас, - ответил комиссар и, подсев к столу, тоже принялся за чай. - Сначала он помогал Григорию ухаживать за лошадьми. В них он, кажется, знает толк. Сидеть на месте и бездельничать он, видно, не любит. Подружился с Петром Рыбаковым. У Петра разорвались сапоги, подошва совсем отвалилась, так Фриц их починил - что твои новые. Я спросил Фрица, где научился он сапожничать. И знаешь, что он мне ответил? Что научил его этому ремеслу отец и что с десяти лет он сам себе чинит обувь. Летом же вообще бегал босиком. Сейчас он учит русский язык. Учительница дала ему русский букварь, так он теперь с ним не расстается.

- Пусть Коровин поможет ему.

Тихомиров засмеялся:

- У него много энергии. И он уже делает успехи.

Однако на самом деле дела с русским шли у Шменкеля не так хорошо, как думал комиссар. Шменкель подолгу просиживал за букварем. Ему обычно помогали переводчик и новый друг Фрица Петр Рыбаков - здоровенный детина с голубыми глазами и застенчивой улыбкой. Петр по-немецки не знал ни слова, он просто любил слушать, как Фриц выговаривает русские слова.

У Порутчикова Фриц выучил несколько наиболее употребляемых слов и в случае необходимости пользовался ими. Иногда он даже улавливал, о чем говорили партизаны. Большие трудности он испытывал с русским алфавитом. Но, несмотря ни на что, к изучению языка Шменкель относился очень серьезно, как и вообще к любому делу.

Получив букварь, Фриц очень обрадовался. Вскоре он подчеркнул самые необходимые ему слова, а их набралось около ста, начал заучивать. Время от времени Коровин давал Фрицу новые слова и исправлял его произношение. На таких уроках Петр Рыбаков в свою очередь учил немецкие слова.

Когда партизаны ложились спать, Фриц засыпал не сразу. Он никак не мог отделаться от мысли, что в отряде он еще чужой, хотя у него и появились друзья - Просандеев, Григорий, Петр Рыбаков и доктор, которой он помог разобраться в трофейных медикаментах. Коровин много занимался с Фрицем. Никто его не

обижал и не оскорблял. Все, казалось, относились к нему по-дружески, но все же было и что-то такое, чего Фриц никак не мог понять. Было это, быть может, не столько недоверие, сколько осторожность...

А может, все это ему только кажется? Шменкель решил поскорее научиться говорить по-русски, чтобы иметь возможность общаться с партизанами, доверие которых ему хотелось завоевать.

"А бой? Ну убил я в этом бою одного фашиста, ну и что? Убил, а когда увидел - жалко стало. Правда, жалость сразу же прошла, как только я обнаружил зарубки на ложе автомата фашиста. Если хочешь завоевать доверие партизан, должен доказать, что ты стал настоящим бойцом".

Шменкель мысленно перенесся домой, к Эрне. Она будет ждать от него известий. Как-то ей там с детьми? Сколько забот у нее прибавится! Кто знает, что ей там о нем наговорят? Может, уже вызывали на допрос в гестапо? А может, она уже сидит где-нибудь в концлагере, а детей поместили в приют?.. На тестя надеяться не приходится. Интересно, как его считают дезертиром или же без вести пропавшим? Глупости! Гестапо прекрасно, знает его прошлое, так что им совсем нетрудно догадаться. А вот если начнут мучить Эрну, следить за ней, пытать... Уж он-то хорошо знает фашистов, они способны на все... Нет ничего хуже, чем неизвестность...

Фриц встал, закурил, но, подумав, что ему тоже нужно отдохнуть, лег, однако заснуть долго не мог.

Накануне ухода из Курганово Просандеев построил свой отряд, который насчитывал уже около сотни партизан. Отряд состоял из трех взводов. В отряде имелось два станковых пулемета, почти семьдесят винтовок, карабинов и автоматов, несколько пистолетов и охотничьих ружей. Партизаны выстроились на площади. Местные жители высыпали из домов.

- Смирно!

Перед строем остановился Тихомиров.

- Товарищи партизаны, - начал он, - мы отрезаны от Красной Армии и предоставлены самим себе. Борьба за линией фронта имеет свои законы. Это борьба трудная, она требует от каждого из нас высокой дисциплины, храбрости и бдительности. Каждый должен знать, что партизанская жизнь нелегка, и мы не потерпим в своих рядах трусов и паникеров! Каждый из нас в любую минуту должен быть готов вступить в бой с врагом. И вот сейчас я еще раз спрашиваю вас, готовы ли вы выполнять нелегкие партизанские заповеди и, не щадя ни сил, ни жизни, храбро защищать Родину? У вас еще есть время все обдумать, Тот, кто не

надеется на себя, пусть лучше сложит оружие и идет на все четыре стороны. Мы не будем упрекать таких. Однако тот, кто готов с оружием в руках защищать Родину, должен строго соблюдать все уставные положения бойца Красной Армии.

Ни один партизан из строя не вышел. Шменкель понял далеко не все, что говорил комиссар, но смысл сказанного был ему ясен.

Командир отряда скомандовал:

- Для принятия торжественной присяги выйти из строя следующим товарищам: Букатину Михаилу Антоновичу, Горских Дмитрию Фроловичу, Филенкову Петру Сергеевичу...

Шменкель уже знал, как партизаны принимают присягу, и теперь с нетерпением ждал, когда командир произнесет его фамилию. Были зачитаны уже фамилии тридцати партизан, а Фрица все не вызывали.

Вот уже послышалась команда:

- Смирно! Для принятия присяги шапки снять!

Фриц сорвал с головы шапку, все еще не веря, что его так и не назвали.

Вновь заговорил командир отряда:

- Товарищи, поднимите вверх правую руку и повторяйте за мной: "Я, гражданин Советского Союза и верный сын героического русского народа, торжественно клянусь, что не выпущу из рук оружия до тех пор, пока на нашей земле не будет уничтожен последний фашистский выродок... Кровь за кровь! Смерть за смерть! Клянусь всеми силами помогать Красной Армии! Лучше погибнуть в жестокой борьбе с врагом, чем допустить, чтобы я сам, моя семья и весь русский народ стали рабами фашистов... Клянусь!" - закончил читать присягу Просандеев.

И, словно эхо, партизаны повторили:

- Клянусь!

Шменкель стоял красный от стыда.

"Не может быть, чтоб они про меня забыли. Ведь я уже участвовал вместе с ними в одном бою... Зачем они подчеркивают, что я не такой, как все? Однако ведь ни командир отряда, ни комиссар не сказали мне ровно ничего, что меня не назовут".

Опять раздался голос командира:

- Через час - выступаем! Всем быть готовыми! Разойдись!

Шменкель не пошел вместе с партизанами. Ноги сами привели его к дому, где остановился командир отряда. Немного помедлив, он постучал.

- Да, войдите.

В комнате сидели Просандеев, хозяин дома и Коровин.

Шменкель вытянулся,

- Разрешите обратиться, товарищ командир? - спросил он дрожащим голосом.

- Пожалуйста.

Старик-хозяин сразу же вышел из комнаты, не дожидаясь, пока его об этом попросят. Когда дверь за стариком закрылась, Фриц спросил:

- Почему меня не привели к присяге?

Коровин перевел, но командир ответил не сразу. Да, не зря он говорил Тихомирову, что Шменкель может обидеться. Но комиссар остался непреклонен: случай, мол, этот особый и нужно подождать, когда будет налажена связь с Большой землей. Теперь же, увидев перед собой возбужденного Шменкеля, Просандеев хотел было обойтись с ним поделикатнее, но дипломата из него не получилось.

- Дело в том, - не спеша начал командир, повторяя слова Тихомирова, с которым еще недавно спорил, - что ты не являешься гражданином Советского Союза, а эту присягу принимают только...

Голос командира стал глуше - он сердился на себя за то, что не мог как-то получше объяснить все Шменкелю.

- Я это знаю. Если это единственное препятствие, то я прошу дать мне советское гражданство.

- Но я не министр иностранных дел.

- Не означает ли это, что меня не считают членом отряда?

Просандеев понимал, что этот вопрос очень важен для Шменкеля.

- Садись, Фриц, - как можно сердечнее сказал он.

Однако Шменкель не сел. Тогда встал и командир.

- Ты такой же партизан, как и все, - твердо проговорил командир. - Ты пользуешься теми же правами, что и все. На тебя распространяются те же указы и приказы. Это ты должен усвоить и без принятия присяги. Я понимаю тебя, Фриц, понимаю твои сомнения. Тебя никто не обидит, все будут относиться к тебе как к товарищу. Важно, как ты будешь вести себя в бою.

Командир немного помолчал и добавил:

- Если у тебя будут трудности, приходи ко мне, поможем.

- Спасибо. Разрешите идти? - спросил Фриц.

- Да.

Фриц шел по улице и думал, что слова Просандеева нисколько его не утешили. Шменкель только сейчас по-настоящему почувствовал, как трудно немцу находиться в стране, которая подверглась нападению его соотечественников. Войдя в избу, он быстро собрал свое незатейливое имущество, потом вышел во двор и закурил. Он видел, как хозяйка дома раздавала партизанам хлеб и копченое мясо. Фриц слышал, как Виктор Коровин позвал его, но не откликнулся.

Через минуту переводчик тоже вышел во двор.

- Ты здесь, Фриц? Что с тобой?

- Ничего.

- Тогда пошли, хозяйка каждому из нас подарила по бутылке самогону. Пошли же.

- Я не хочу.

Коровин подошел к Фрицу.

- Что ты ходишь мрачнее тучи? Что случилось?

- Говорю тебе, ничего, - ответил Фриц, стараясь придать лицу добродушное выражение.

- Тогда пошли, выпьешь стопку за здоровье нашей хлебосольной хозяйки. У нас уж так заведено. А то она может обидеться.

Фриц нехотя вошел в дом и остолбенел. Хозяйка, полная крестьянка с темными глазами и немного скуластым лицом, приготовила подарок и для него. Она сразу же пригласила Шменкеля к столу.

- Ешьте, ребята, ешьте, - угощала она и, тяжело вздохнув, проговорила: - Мой муж с первого дня на фронте. Известий о нем давно нет. Кто знает, жив ли?

Все выпили и тепло простились с хозяйкой. Фриц тоже обнял добрую женщину. Увидев ее затуманенные слезами глаза, он подумал: "Нет, я здесь не чужой. Я такой же, как они. Глупо думать, что нас что-то разделяет. Все обращаются со мной как с равным".

Оставив район Ярцево, партизанский отряд переместился в соседний район. Партизаны остановились в селе Комарово.

Здесь все было иначе, чем в Курганово. Крестьяне, конечно, и здесь встретили партизан приветливо, но накормить гостей им было нечем. Фашисты не раз заглядывали в село и каждый раз угоняли скот и отбирали продовольствие. Гитлеровцы обложили село такими налогами, что жители едва сводили концы с концами. В один из таких визитов фашисты повесили на площади шестнадцатилетнюю комсомолку. Это была славная девушка, в селе ее все очень любили. Дом ее гитлеровцы сожгли, а потом согнали всех жителей села смотреть на казнь. Мрачные стояли крестьяне. Их глаза горели ненавистью к оккупантам. Позже в селе появились гитлеровцы из другой части. Эти забрали у крестьян все, что не успели захватить их предшественники. Жители села были обобраны до нитки. Дети и старики умирали с голоду. Все, кто мог держать в руках оружие, ушли в лес.

Фрицу Шменкелю за два месяца пребывания на фронте не раз приходилось бывать в таких деревнях. Тогда он скрывал свое возмущение поведением фашистов, а когда видел, как немецкие солдаты избивали русских женщин лишь за то, что те не несли им масла и яиц, отворачивался. Теперь же всеобщая ненависть к фашистам поразила его как удар. Он слышал, как русские крестьяне называли немцев паразитами, и думал: "Паразитов надо уничтожать. Но можно ли уничтожить целый народ? Я ведь тоже сын этого народа. Там, в Германии, осталась моя жена, которую я люблю. Там живут мои дети - моя кровь и плоть. Живут в Германии и другие люди, те, кто борется против фашизма. Они сидят по тюрьмам и концлагерям, они без страха идут на смерть. Но эти крестьяне ничего не знают о них..."

Фриц был угнетен, он не смел открыто смотреть в глаза жителям села. Когда же он отдал хозяйке, у которой остановился на ночлег, копченое мясо и кусок сала, она разрыдалась. Фриц не вынес этой сцены и вышел из дома. Даже в этом селе русские смотрели на него без ненависти, хотя и знали, что он немец. И от этого Шменкелю было еще больше не по себе.

Вечером того же дня Петр Рыбаков завел с Фрицем такой разговор.

- Зачем они это делают? - спросил Петр. - Разве можно воевать с женщинами и детьми? Это же отвратительно! И что это

за страна такая, где родятся такие люди?

Фриц ничего не ответил, и Петр, подперев голову руками, продолжал:

- Помню, в школе учительница географии рассказывала нам о Германии, показывала снимки больших немецких городов. На одной из открыток были сняты красивые девушки. Я думал тогда, что Германия - красивая страна. А сейчас от старых представлений не осталось и следа. Когда я вижу, что творят фашисты здесь, прости меня, Фриц, но я представляю твою родину не иначе, как страной, где живут только варвары...

Шменкель долго молчал, потом сказал:

- В нашей батарее служил один учитель математики из Нюрнберга. Однажды он показал мне снимки своего старого города. Там много исторических памятников и улицы чистые такие. Учитель был член нацистской партии. Он считал себя гуманистом. Математик тщательно следил за своей внешностью: всегда чисто выбрит, всегда в отутюженной форме. Войну эту он считал своеобразной туристской прогулкой, опасной, но интересной, во время которой он хотел подробно изучить вашу страну. "Русские что дети, - говорил он, - и у них плохие обычаи. Мы принесем в эту страну цивилизацию, а начнем с того, что построим в каждой деревне приличные нужники..."

- Что?.. - переспросил Петр.

- Слушай. - Шменкель не любил, когда его перебивали. - Потом ударили первые морозцы, и вдруг растаяло. Наши орудия завязли в грязи, лошади околевали, и мы сами, как вьючные животные, тащили орудия. Учитель математики ругался на чем свет стоит. Вскоре у него завелись вши... Потом опять ударили сильные морозы. Когда учитель из Нюрнберга подхватил дизентерию, он уже не говорил, что русские - это дети и что мы несем в эту страну цивилизацию, а в деревнях нужно строить приличные нужники. Образованный математик оправлялся прямо в избе, там, где спал. Теперь он говорил, что Россия - это какая-то снежная пустыня, в которой живут не люди, а звери, не заслуживающие ничего другого, кроме расстрела на месте, за исключением девушек. За какие-нибудь два месяца математик опустился, оброс и одичал, как волк. Я видел своими глазами, как он ударил старую женщину, не имея на то никакой причины, просто так, ради шутки.

Фриц рассказывал, с трудом подбирая русские слова. В избу вошел Виктор Коровин. Его заинтересовал рассказ Фрица, и он стал переводить его Рыбакову.

- Дальше, - попросил Петр.

- Учитель математики был одним из тех, кто причисляет себя

к высшей расе, - продолжал Шменкель. - Но в нашей батарее служили и совершенно другие люди, которым было стыдно за своих соотечественников. Однако эти люди ведут себя пассивно, они живут по принципу - лишь бы не запачкаться самим. Они стараются вести себя так, чтобы вина за содеянное не пала непосредственно на них. Перед тем как уйти к вам, я прислушивался к разговорам солдат. Все они говорили о скором конце этой войны. Я тогда не мог сказать то, что думал. Одни из солдат боялись репрессий фашистов. Другие, а таких большинство, считали, что раз мы стоим под Москвой, то ничего страшного для нас произойти уже не может. Разумеется, были и настоящие убийцы, для которых убивать - ремесло. Тот фашист, которого я застрелил в Курпаново, был одним из таких.

Шменкель увлекся воспоминаниями. Он вдруг вспомнил своего брата, который стал эсэсовцем. Значит, брат - такой же убийца? А ведь они родились от одной матери! А теперь даже может случиться так, что однажды они встретятся в бою как враги. Фриц был уверен, что брат, не задумываясь, убьет его.

Когда Коровин перевел слова Фрица, Рыбаков, дотронувшись до руки Шменкеля, посоветовал ему:

- Фриц, тебе не следует так много думать об этом.

- Нет, я должен об этом думать, - возразил Фриц. - Когда мы сегодня вошли в Комарово, мне было стыдно. Я проклинал немцев и думал, что не хочу больше знать такой нации и что меня теперь ничто не может связывать с Германией. Все мосты сожжены, говорил я, и я теперь уже больше не немец! Однако я не могу отречься от своего народа, так как хорошо знаю, что у нас в подполье, в тюрьмах и концлагерях честные немцы борются за новую Германию. Народ сам по себе у нас неплохой. У нас есть своя история и культура. И вы ведете войну не против немецкого народа, а против фашизма, который должен быть уничтожен, вырван с корнем. Сегодня я многое понял. Мне нечего скрывать, что я немец. Больше того, я должен доказать, что есть и другие немцы. Вы должны понять, что есть на свете и другая Германия. И я хочу бороться против гитлеровцев!

- Ждать долго не придется, - успокоил Фрица Коровин.

- Дело в том, что, по рассказам местных жителей, через Комарово проходит дорога, по которой фашисты свозят в Сафоново все награбленное добро. Сафоново - небольшой районный городок, и до него отсюда не больше двенадцати километров. Так что скоро вновь у нас будет фейерверк.

На следующее утро Просандеев приказал оборудовать в домах по обе стороны от дороги огневые точки, а перед домами насыпать снежные валы. Новички тем временем учились

обращаться с оружием. Тихомиров с группой партизан ушел в лес, чтобы разыскать там кое-кого из молодежи села.

План партизан был прост: в первую очередь они хотели обеспечить себя и жителей села продовольствием. Через село проходила дорога, связывавшая многие деревни с районным центром. Части вермахта и немецкие полицейские, обобрав жителей района, теперь свозили все "трофеи" в Сафоново именно по этой дороге. Местные жители сообщили партизанам, что на днях в город должен возвращаться немецкий отряд "заготовителей". Именно на этот отряд Просандеев и решил напасть.

Командир тщательно продумал план предстоящего боя. В тактическом отношении партизаны находились в более выгодном положении, чем гитлеровцы, однако это ни в коей мере не исключало, что кому-то из немцев удастся бежать и поднять но тревоге соседний гарнизон. И тогда в Комарово сразу же нагрянет отряд карателей, которые начнут издеваться над мирными жителями.

- Нужно устроить здесь фашистам такой горячий прием, чтобы у них надолго пропала охота появляться в этих местах, - заметил командиру Тихомиров.

- Обычно ты очень осторожен, - ответил командир.

- Надо нанести противнику такой удар, чтобы он не сразу мог опомниться. Тогда мы успеем уйти в более безопасное место. Крестьянам же в селе нечего делать. Здесь они как на пороховой бочке. К тому же у них совсем нет продовольствия. Молодежь поступила правильно, уйдя в лес. Пусть и все остальные уходят в лес. Там они организуют своеобразный лагерь. В бою нужно захватить столько оружия, чтобы обеспечить всех крестьян. А дичи в лесу сколько хочешь.

Тихомиров долго говорил с крестьянами и тремя комсомольцами. Вместе они детально обсудили дальнейший план действий.

- Эти парни очень дисциплинированны. В лесу у них выставлены посты. Один из них однажды напал на гитлеровца и отнял у него оружие. Они будут передавать нам информацию о противнике. А чем тут без меня занимались наши ребята? - поинтересовался комиссар.

- Обучали новичков обращаться с оружием.

- Ну а разведчики?

- Разведка сообщает, что немцы обычно ездят небольшими группами. Вполне возможно, что и назад гитлеровцы будут возвращаться так же. Для нас это было бы удобнее всего. Ну а если они поедут все вместе, то это будет колонна в сто повозок,

не меньше. Правда, я возлагаю большие надежды на внезапность нашего нападения, но если подумать... Сто повозок - это сто повозок. Когда поднимется стрельба, лошади начнут метаться, будет сущий ад.

- Я передам старикам, чтоб они где-нибудь за деревней ловили лошадей, иначе те, испугавшись, будут мчаться до самого Сафоново, - предложил Тихомиров.

Партизаны по всем правилам готовились к предстоящему нападению на гитлеровскую колонну. Они хорошо оборудовали свои позиции и тщательно замаскировали их. Если б в деревню попал незнакомец, он ничего бы не заметил. Вечером хозяйственники подсчитали свои запасы продовольствия и поделились с местными жителями.

Рыбаков, Коровин и Шменкель разместились в доме одной крестьянки. Она же и, варила для них обед. Сначала Шменкель почти не обращал никакого внимания на хозяйку, но однажды разговорился с ней. Изба была жарко натоплена, все давно спали, а Фриц ворочался с боку на бок и никак не мог уснуть.

Заметив, что он не спит, женщина спросила:

- Почему ты не спишь, партизан?

- Я и сам не знаю почему, - ответил он.

- Пить, может, хочешь? Квас у меня есть, его немцы не забрали. Даже две бутылки самогонки удалось припрятать от них. Налить стопочку?

Фриц не особенно любил спиртное, но сейчас не отказался бы выпить, надеясь, что от водки сможет скорее заснуть. Однако хозяйке он ответил:

- Не беспокойтесь напрасно, стоит ли...

Но женщина уже встала и, накинув на плечи полушубок, начала копаться в углу. Через несколько минут она поставила на стол самогон и квас.

- Выпейте стопочку, не стесняйтесь.

Фриц сел к столу и, достав краюху хлеба, разломил ее, подав хозяйке большую часть. Затем отпил глоток самогону.

- Чудно, - проговорил он, с трудом подыскивая нужные слова. - От одних немцев ты прятала самогон, а другому немцу даешь. Ты ведь знаешь, что я тоже немец?

Женщина только махнула рукой:

- Ты коммунист?

- Комсомолец, отец у меня был коммунистом.

- А сейчас он чем занимается?

- Убили его. Полиция его застрелила.

Женщина тяжело вздохнула:

- Мой муж - человек мирный, а вот сейчас он тоже в лесу, у

партизан. Зовут его Андреем Семеновичем Демидовым. Может, встретишься с ним? Тогда передай ему привет от меня и скажи, что я жду его.

Женщина немного помолчала.

- Ну и что из того, что ты немец? Не это важно, родину-то ведь не выбирают. Ведь ты был немецким комсомольцем...

Женщина сидела в ночной рубашке, поверх которой был накинут полушубок, две тяжелые косы заброшены за спину. Только сейчас Фриц заметил, что женщина была еще молода и хороша собой. Шменкель удивился, как быстро и точно она охарактеризовала его.

- Я все время думал, как мне тяжело чувствовать себя немцем, а ты вот сказала несколько слов, и все стало ясно.

Фриц улыбнулся.

- Я вот только сейчас заметил, что ты еще молодая и симпатичная. Как тебя зовут?

- Марфа Степановна.

- Ну за твое здоровье, Марфа!

Шменкель выпил стопку и закусил хлебом.

Женщина заговорила снова:

- Ваш комиссар советует уйти всем в лес. Построить там землянки и забрать стариков и детишек. Комиссар опасается, что фашисты, захватив село, сожгут его дотла, а нас всех расстреляют.

Фриц почувствовал, что женщина будто советуется с ним. "Конечно, ей жаль оставлять дом. А может, она думает, что комиссар преувеличивает опасность?"

- Комиссар прав, - ответил Фриц. - Сюда могут прийти эсэсовцы или какая-нибудь полицейская часть. Эти не пощадят ни детей, ни стариков.

Фриц закурил и продолжал:

- Забирай своих детей и уходи в лес. Конечно, жить в лесу нелегко, но там вас никто не тронет. Дичи в ваших краях много, так что не пропадете.

- Комиссар то же самое говорит. Для начала обещает дать нам лошадей и продовольствие. И оружие тоже.

- Уходи, Марфа, уходи! Забирай детей и уходи.

Хозяйка убрала со стола посуду и спросила:

- Ну как, партизан, теперь заснешь?

- Конечно.

Погасив свет, хозяйка легла спать.

Через два дня партизанская разведка доложила, что фашисты группируют на шоссе крупную колонну, которая, видимо, после обеда прибудет в Комарово.

Командир отряда еще раз все проверил и приказал бойцам после обстрела колонны противника обязательно навязать ему ближний бой, а затем перейти врукопашную.

Шменкель вместе с Петром Рыбаковым устроились в сарае на краю села. Задача у всех партизан была одна - не пропустить в город ни одного фашиста. Марфа Степановна дала Фрицу кусок красной материи, и он сделал себе красную повязку на рукав, какие носили партизаны.

После обеда разведчики сообщили, что фашистский обоз находится километрах в семи от села. Волнение партизан росло с каждым часом. Комиссар лично обходил боевые позиции и наказывал бойцам, чтобы они смелее переходили врукопашную.

- Нельзя давать противнику опомниться, - повторял Тихомиров.

Командный пункт Просандеева был оборудован на вершине холма в бывшем клубе. Отсюда хорошо просматривались и дорога, и почти все село. Здесь же находились посыльный и пулеметчик.

Тихомиров стоял рядом с командиром и наблюдал.

Картина была самая мирная: деревня как деревня, из труб вился дымок, во дворах тявкали собаки. Только вот людей нигде не видно. Но к этому оккупанты уже привыкла: при их появлении все живое обычно пряталось, а двери запирались на засов.

- Пока ничего не видно, - проговорил командир.

- Они не заставят долго ждать, - заметил комиссар и опять стал смотреть на дорогу.

Вдруг он тихонечко присвистнул.

- Что случилось?

- Сани.

Просандеев тоже увидел сани с одиноким седоком в тулупе.

- Смотри-ка! Немцы, видно, кое-чему уже научились и высылают вперед наблюдателя. Ну что ж, его-то мы пропустим, не спугнем.

- Подожди-ка. - Тихомиров поднес бинокль к глазам и неожиданно громко рассмеялся: - Глазам своим не верю. Ведь это твой дед катит из Курганово! И передал бинокль командиру: - Посмотри, убедись сам.

Командир сразу узнал знакомого деда.

- Скачи ему навстречу. Пусть поторапливается, а то, чего доброго, приведет фашистов на хвосте, - приказал Просандеев посыльному.

Предупреждение было своевременным. Как только старик въехал в село, на шоссе показалась колонна гитлеровцев.

- Товарищ командир, прибыл с важным сообщением, -

обратился дед к Просандееву.

- Только не сейчас. Видишь, мы приготовили здесь тепленькую встречу фашистам.

- Это я прекрасно вижу, товарищ командир.

- Тогда иди в погреб.

- Что-о-о?! - совсем не по-военному воскликнул старик. - Я тоже умею стрелять.

Только теперь все увидели, что у деда был с собой дробовик.

- Что ты собираешься делать со своим ружьишком? - не без иронии спросил Тихомиров. - Сбивать пуговицы у немцев с шинелей?

Дед обиделся и проворчал:

- Подожди, посмотришь, на что способно охотничье ружье!

Но на старика больше никто не обращал внимания, так как передние сани гитлеровцев уже подъезжали к околице.

Шменкель из своего укрытия всю дорогу видел как на ладони. Метрах в ста пятидесяти дорога делала небольшой поворот, но там был командный пункт: пулемет командира возвестит о начале атаки.

- Немцы уже едут, разве ты не видишь? - прошептал Рыбаков.

В морозном воздухе отчетливо слышался скрип множества саней, Вот из-за поворота показались первые сани, за ними вторые, третьи... Сани приближались, росли в размерах. Солдаты, сидевшие в санях, были закутаны до самого носа, воротники шинелей подняты. Немцы били в ладоши, стараясь как-то согреться.

Шменкель изготовился для ведения огня, взяв на прицел первые сани. В руках у него был трофейный автомат. Сани подъехали так близко, что Фриц хорошо видел посиневший нос фашиста. Но команды стрелять все еще не было. Фриц уже боялся пропустить первые сани, которые ехали от него метрах в пятидесяти.

И в этот момент началось. Шменкель, увидев сноп трассирующих пуль, летящих со стороны КП, начал бить из автомата по саням. Солдаты попадали в снег. Испуганная лошадь рванулась в сторону, но тут же запуталась задними ногами в постромках соседних саней. Стрельба со всех сторон ошеломила гитлеровцев.

Шменкель выскочил на улицу. Из домов и сараев, стреляя на ходу, бежали к дороге партизаны. Гремело громкоголосое "ура".

В кустах Фриц заметил нескольких немецких солдат. Он расстрелял их длинной очередью, но, когда нажал спусковой крючок еще раз, автомат молчал: магазин был пуст. Тогда Фриц настиг убегающего от него офицера и со всего маху ударил его

прикладом по голове.

Не останавливаясь, Шменкель бежал дальше. Подобрав валявшийся на снегу немецкий пулемет, он начал стрелять в убегающих гитлеровцев...

Через десять минут все было кончено. Наступила тишина. Постепенно из погребов и подвалов начали выходить местные жители. Напрасно Шменкель пытался увидеть на их лицах злорадство. Для них этот бой был ни больше ни меньше как справедливой расплатой с гитлеровцами. И это возмездие русские несли с достоинством и гордостью.

Фриц забрал ручной пулемет убитого офицера и стал искать своего друга Рыбакова. Петр оказался неподалеку, он уже разгружал одни сани. Слышалась команда взводных командиров. Просандеев с комиссаром и дедом-связным медленно обходили поле боя. Вскоре местные жители, те, кто был в засаде, привели пятнадцать пойманных лошадей.

- Ты обещал дать нам оружие, командир, - сказал один из крестьян, обращаясь к Просандееву, - а то с охотничьими берданками много не навоюешь.

- В первую очередь необходимо укрыть в надежном месте трофеи. Все жители сегодня же должны покинуть село и уйти в лес.

Во дворе правления колхоза складывали отбитое у фашистов добро: мешки с мукой и картофелем, птицу, меха, шубы, ковры, посуду и даже постельное белье. Двое саней целиком были нагружены бутылями с самогоном.

У саней с самогоном стоял шум и гвалт. Оказалось, что кое-кто из партизан захотел было прихватить с собой несколько бутылок, но доктор Кудинова и две медсестры мужественно защищали сани.

- Ах ты, рыжая сатана! - кричала хрупкая на вид Кудинова на здоровенного партизана. - А что я с тобой буду делать, если тебя ранят? Рану нечем будет обработать! Уходи отсюда! Понял?!

Однако великан не уходил и жалобно просил:

- Дорогая вы наша докторша, сердца у вас нет, что ли? Хотя бы в качестве премии дали поллитровочку!

Неизвестно, чем бы закончился этот спор, если б не свисток командира, звавший всех на построение.

Отряд построился. Командир принял доклады взводных. Оказалось, что у партизан имеются лишь легкораненые, и то несколько человек.

- Смирно! - скомандовал Просандеев и, обведя взглядом бойцов, сказал: - Товарищи партизаны! Вы мужественно сражались с врагом. Противник понес большие потери. Вы воочию

убедились, что немецкую армию можно побеждать. Но для нас это только начало борьбы. Нескольким фашистам все же удалось бежать в Сафонова. Там они, конечно, поднимут по тревоге весь гарнизон. Так что работы у нас много. Смерть фашизму! Ура!

Раздалось громкое "ура". Партизаны хорошо знали своего командира: он был храбр в бою, но речи говорить не любил и обычно поручал это своему комиссару. И уж если сейчас Просандеев обратился к партизанам с речью, значит, командира переполняла радость победы.

Комиссар в это время вел переговоры с жителями села и комсомольцами. Отбитые у фашистов трофеи были так велики, что отряд не мог забрать с собой и четвертой доли. Из тридцати захваченных; у гитлеровцев лошадей в отряд взяли только десять да пятеро саней, груженных продовольствием.

- Все остальное берите себе, - сказал комиссар. - Зерно вам будет очень кстати. Село ваше фашисты наверняка сожгут. Сеять пока придется где-нибудь в лесах на полянах и просеках, так что забирайте с собой плуги и сеялки. Оружие мы вам тоже дадим...

Вскоре к беседующим подошел и Просандеев. Крестьяне благодарили партизан за помощь.

- По нашему партизанскому обычаю после такого боя не мешало бы выдать по чарке водки. Как ты думаешь, Сергей Александрович? - обратился к Тихомирову командир.

- А если гитлеровцы сегодня же нападут на нас? - со своей стороны спросил комиссар.

Просандеев улыбнулся:

- Сегодня они этого при всем желании не смогут сделать.

Комиссар провел ладонью по лбу:

- А откуда тебе это известно?

- Потому что я знаю фашистов.

Просандеев вытащил из планшетки карту.

- Сегодня вечером они будут только совещаться. Представь себя на месте противника. В Комарово засела сильная группа партизан, или бандитов, как они нас называют... Это мы-то бандиты? По их мнению, бандиты - опасный, но трусливый противник. Гитлеровцы, конечно, полагают, что мы уже ушли из села.

- Ну а дальше что?

Командир скрутил цигарку и закурил.

- Фашисты считают, что мы уже ушли из деревни, бросив население на произвол судьбы. Что они сделают? Через несколько дней пришлют карательный отряд или отряд полицейских, чтобы спалить село и уничтожить жителей.

- Ты мне лучше ответь на мой вопрос. Почему они не нападут

на нас сегодня?

- Почему? Почему? - начал сердиться командир. - Потому что они боятся, а вдруг мы заминировали шоссе! Вот мне и Шменкель рассказывал, что гитлеровцы не осмеливаются появляться по ночам... Пойми же ты наконец, что они действительно боятся нас.

Тихомиров не выдержал и улыбнулся, но тут же строго спросил:

- Где выставлены наши посты?

- Один двойной пост - в семи километрах от Сафоново, а дальше - через каждые два километра. Тут только одна дорога, по которой могут появиться гитлеровцы!

Комиссар еще раз улыбнулся:

- Раздачу спиртного поручи доктору, если, конечно, надумаешь.

Марфа Степановна расцеловала Фрица в обе щеки и, улыбнувшись, сказала:

- Ну, счастливого тебе пути, партизан! И не забудь передать привет мужу, если где его встретишь.

Так же сердечно она простилась с Рыбаковым и Коровиным и вышла. Женщина ловко вскочила в сани, где уже сидели ее дети, и, крикнув на лошадей, дернула вожжи. Сани покатились со двора.

Один за другим крестьяне покидали село. Кто сидел в санях, кто деловито вел лошадь под уздцы. Это небольшое село было для них родиной. Многие родились здесь и. никуда дальше Сафоново или Смоленска не выезжали. И вот теперь они покидали родное гнездо. Никто не плакал. Никто не оглядывался, и отнюдь не потому, что они не надеялись сюда вернуться. Просто сейчас это было для них прошлым. Война осиротила их село, принесла страх и беспокойство, но не согнула этих людей. И сейчас они уходили для того, чтобы вернуться.

Шменкель с грустью смотрел вслед удалявшимся саням. Партизанам было невесело. Все молчали. Фриц понимал, что сейчас всё, видимо, вспоминают своих близких, жен, невест, детей, судьба которых, быть может, сложилась так же. Когда деревню покинули все жители, партизаны стали расходиться по домам. И только выданные им сто граммов понемногу развеяли грустное настроение.

Дед из Курганово тоже стоял в очереди за чаркой. Когда черед дошел до него, он затараторил:

- Вообще-то мне положено не сто, а целых триста граммов, потому что я в три раза старше этих зеленых юнцов, которых еще молоком поить нужно. Ну уж ладно, я выпью только двести, свои сто граммов мне комиссар отдал.

Все это старик придумал не сморгнув глазом, но строгая докторша как ни в чем не бывало вылила в трофейный котелок деда только две манерки.

Выпив, старик раскраснелся и, сдвинув меховую капелюху на затылок, уселся среди партизан.

- Смотрите, наш дед еще орден схватит, - заметил пулеметчик. - Я как сейчас вижу, как он пришел к комиссару со своим дробовиком, с которым, наверное, еще Адам в раю ходил на охоту. Когда же фашисты стали приближаться и командир скомандовал: "Огонь!", я застрочил из пулемета и совсем забыл про деда. Смотрю, а старик-то рядом со мной. Целится так спокойно, а потом как трахнет, да так, будто под домом мина разорвалась. Когда дым рассеялся, гляжу - на шоссе убитый фашист лежит.

Пока пулеметчик рассказывал, старик сидел молча и только посмеивался, а потом проговорил:

- Эх, молодо-зелено. Да неужели старый охотник не справится с фашистской сволочью? У меня такая дробь, что любого свалит. Я еще в гражданскую таким манером не одного беляка на тот свет отправил. - Старик хитро улыбнулся. - Есть у меня теперь трофей, карабин фашистский. Вот заберу его домой, смажу как положено, заверну в холстину и пусть себе лежит, пока не понадобится.

- Я тоже у одного прихватил винтовку, - вставил кто-то из партизан. Только прицел какой-то странный.

Увидев винтовку, Шменкель, который до этого сидел молча, встал и, взяв оружие в руки, сказал:

- Эта винтовка с оптическим прицелом, а на стволе даже глушитель имеется, чтобы звук выстрела был не очень сильным. - Разобрав винтовку, Фриц объяснил партизанам назначение отдельных частей. - У кого отобрали эту винтовку?

- У одного офицера.

- Ага. - Шменкель задумался. - Наверное, это собственное оружие офицера. Видно, хотел поохотиться в здешних лесах.

- А ты, я вижу, неплохо разбираешься в оружии, - удивился Петр.

- И всегда интересовался техникой, - ответил Фриц, собирая винтовку.

Заметив на себе внимательный взгляд деда, Шменкель добавил:

- Сама по себе винтовка - это еще не все. Главное, в какие руки она попадет.

И он сел на свое место.

Партизаны вновь стали спрашивать о винтовке. Он отвечал на

вопросы, сопровождая рассказ показом. Никто и не заметил, как исчез дед.

Через полчаса Шменкеля вызвал командир. Войдя в комнату, Фриц сразу почувствовал что-то неладное. Тихомиров стоял у окна и нервно постукивал пальцами по стеклу. Дед сидел какой-то насупленный.

- Садись, Фриц, - по-дружески, но без своей обычной улыбки предложил Просандеев.

Шменкель, ничего не понимая, переводил взгляд с одного на другого.

- Я слышал, - начал командир, - что ты только что объяснял ребятам устройство снайперской винтовки?

- Да.

- Это хорошо. Очень хорошо. Многие партизаны не умеют владеть немецким оружием, а мы обязаны научиться этому. Сегодня ты захватил в бою пулемет?

Шменкель кивнул:

- Так точно, товарищ командир.

- Ты хорошо знаешь оружие?

- Меня этому учили.

- Что это за пулемет?

- Пулемет МГ-34. Он используется и как ручной, и как станковый. Может применяться и для стрельбы по воздушным целям.

Коровин переводил слова Фрица.

- У нас есть несколько таких пулеметов и патроны к ним тоже есть в достаточном количестве, - сказал Просандеев. - Комиссар предложил назначить тебя инструктором, чтобы ты научил партизан обращаться с трофейными пулеметами.

- Слушаюсь, товарищ командир.

Шменкель встал, полагая, что разговор окончен. Однако Просандеев сделал знак рукой, и Фриц снова сел.

Комиссар перестал барабанить по стеклу и, повернувшись, проговорил:

- Товарищ Шменкель, мы получили печальное известие. Вот дед, комиссар кивнул в сторону старика, - сообщил нам, что в Паделище прибыл карательный отряд. Лесник Порутчиков арестован, а его дом сожжен. Лесника фашисты увезли в Заборье, где, наверное, и повесили.

Шменкель молчал, лицо его побледнело.

- Здесь, видимо, пахнет изменой, - предположил Просандеев. Порутчикова пытали, но он ничего не сказал.

Комок застрял у Шменкеля в горле. Сергей Михайлович Порутчиков прятал его от немцев. Ему Фриц обязан жизнью. И

вот он, Фриц, стал причиной его гибели.

- Разрешите мне, товарищ командир, самому расправиться с предателем...

- Пока он нам еще не известен. Но если узнаем, ему от нас не уйти.

Когда Фриц вернулся к товарищам, все невольно замолчали: такое грустное у него было лицо.

Просандеев развернул на столе карту.

- В Доме культуры нужно установить пулемет. Обзор оттуда превосходный, в случае чего позицию можно сменить. - Командир провел пальцем по карте. Вот по этой дороге каратели поедут в село. Вот здесь мы должны их встретить, укрываясь за домами. Для этого нам достаточно взвода. Остальные два взвода займут круговую оборону, так как фашисты наверняка окружат село.

Тихомиров внимательно слушал объяснение командира.

- Нам нужно иметь в виду, - продолжал Просандеев, - что противник постарается получить поддержку из Сафоново. Бой будет нелегким. Эсэсовцы сражаются упорно.

Комиссар перебил Просандеева:

- Я думаю, Иван, Шменкелю нужно дать МГ-34 и двух человек.

- А ты понимаешь, что он сразу же привлечет на себя огонь противника?

- Разумеется, понимаю. В этом и будет заключаться его задача.

- Гитлеровцы здесь будут опасные...

- Не опаснее, чем где-нибудь еще.

- Да, конечно.

- Я удивляюсь тебе, Иван, - проговорил Тихомиров. - Ты не соглашаешься с моим предложением, а потом опять скажешь, что я не доверяю Шменкелю.

- Глупости. Разве ты не видел, как он сегодня вел себя в бою?

- Видел, как же не видел. Он ухлопал офицера. Только сделано это было довольно легкомысленно.

- А если его убьют? - быстро спросил командир.

- Завтра с таким же успехом могут убить и тебя, и меня, и любого другого. На то она и война, - отрезал Тихомиров. - Наша же задача заключается в том, чтобы вести борьбу с противником и нести при этом как можно меньше потерь. А для этого нужно уметь правильно расставить силы, и прежде всего хорошо знать своих людей...

- До сих пор в мои обязанности входило планировать предстоящую операцию! - резко сказал Просандеев.

Тихомирову пришлось выслушать упрек командира, однако

комиссара не так-то легко было склонить на свою сторону, и он спокойно ответил:

- Это и сегодня входит в твои обязанности. Однако я тоже обязан дать тебе совет. Дело это серьезное, и его нужно спокойно обсудить.

Оба сердито посмотрели друг на друга и вдруг рассмеялись.

- Ну, валяй, Сергей, дальше, - согласился командир.

- А ты обратил внимание, какое было лицо у Шменкеля, когда он услышал о смерти Порутчикова? - спросил Тихомиров. - Известие потрясло его, и он в какой-то мере считает себя виновным в гибели лесника - ведь Фриц скрывался в его доме. Я думаю, что, если мы дадим Шменкелю ответственное задание, которое потребует от него напряжения всех сил, мы только поможем ему.

- Понимаю, психологический маневр, - сказал командир.

- Я думаю не только о завтрашнем бое. Шменкель хорошо знает привычки своих соотечественников и лучше, чем кто-либо другой, сообразит, как в каком случае нужно действовать. Мы убедились, что он умеет быстро ориентироваться в бою. У него есть все данные для того, чтобы со временем стать хорошим разведчиком. Единственное, что мне в нем не понравилось, так это его легкомыслие. Я сам с ним завтра поговорю, и, если он правильно меня поймет, мы дадим ему ответственное задание.

Тихомиров встал и потянулся. От него не ускользнула насмешливая улыбка командира.

- Я знаю, ты рад, что не обманулся в Шменкеле.

- Рад. И не только этому. Рад, что и ты начинаешь проникаться к нему доверием. Хорошо, Сергей, сделаем так, как ты предлагаешь.

Просандеев вздохнул и добавил:

- Да, денек будет горячий.

Вторым номером у пулемета назначили долговязого парня лет двадцати по имени Степан. У него были волосы цвета спелой ржи и продолговатое лицо. Он ловко подтаскивал на позицию мешки, набитые мокрыми опилками, и ленты с патронами. Степан постоянно напевал себе что-то под нос, словно готовился не к бою, а к свадьбе.

Часа через два пулеметное гнездо было полностью оборудовано. Шменкель не без удовольствия осмотрел позицию, которая понравилась даже самому Просандееву.

Когда командир ушел, Фриц сказал Степану:

- Степан, наша задача - отвлечь на себя огонь противника и во что бы то ни стало удерживать позицию. Степан внимательно посмотрел на Фрица.

- Если со мной что случится, - продолжал Шменкель, - второй номер обязан немедленно заменить меня. Понимаешь? А теперь давай потренируемся.

Они несколько раз менялись местами, и Степан направлял пулемет на различные объекты.

Фрица беспокоила только одна мысль: не будет ли у противника орудий. Если будут, тогда надежды остаться в живых почти нет. Но думал он об этом так, словно его лично это нисколько не касалось.

Через час в селе появился посыльный. Командир вышел ему навстречу и принял донесение. Условным сигналом Просандеев дал партизанам знать, что эсэсовцы приближаются к селу.

Партизаны быстро заняли свои позиции.

Прошло меньше часа, и Степан доложил Шменкелю:

- Я вижу их... Вон там!

Фриц удивился собственному спокойствию. В нем сейчас было только одно желание - стрелять, убивать фашистов, которые сеяли смерть на этой земле.

Гитлеровцы медленно приближались к селу. В первых санях сидел мужчина в телогрейке, на голове - меховая шапка. Вторые сани ехали на некотором расстоянии от первых. В них сидели немецкие автоматчики.

- Что такое? - удивился Степан, - Почему в первых санях нет солдат?

- Боятся, не заминирована ли дорога, - ответил Фриц.

Наблюдая в бинокль, Шменкель разглядел, что первые сани нагружены камнями. Фриц посчитал, сколько саней двигалось в колонне. Противник явно превосходил партизан в силе. Шменкель сосредоточил все внимание на эсэсовцах. Местность перед ним лежала как на ладони: укатанная лента дороги, дома в снежных шапках, а дальше чернела полоска леса. На фоне снега гитлеровцы были видны особенно четко.

- А ведь в первых санях наш, пленный красноармеец, - толкнул Фрица Степан.

- Пожалуй, так оно и есть. Смотри не отвлекайся.

В ста метрах от села эсэсовцы остановились. Первые сани тоже встали. Гитлеровский офицер внимательно осмотрел село в бинокль, но, видимо, ничего особенного не заметил: деревня как деревня, жители сидят по домам, топят печки.

И вот уже сани начали разъезжаться в разных направлениях, окружая село. Сначала кольцо окружения было большим, но постепенно оно стало сужаться. Автоматчики соскочили с саней и пошли цепью. Было ясно, что они не собираются выпустить из села ни одной живой души. Каратели шли уверенно: такую

"чистку" им приходилось делать не впервые.

Сани въехали в село и остановились на площади перед зданием сельсовета. Эсэсовцы вылезли из саней. Они двигались не спеша, чувствуя себя как дома.

И в этот момент ударила длинная очередь. Эсэсовский офицер свалился на землю. Защелкали ружейные выстрелы, послышались взрывы ручных гранат. Шменкель внимательно наблюдал за происходящим.

Среди гитлеровцев началась паника. Перепуганные лошади рванули сани и бешено помчались, круша все на своем пути.

На площади разгорелся бой. На земле валялись мертвые гитлеровцы и убитые лошади. Однако некоторым фашистам удалось убежать на огороды. Окопавшись, они открыли ответный огонь.

Степан лежал за пулеметом и не сводил глаз с цепи автоматчиков, которая, казалось, застыла на месте. Автоматчики слышали стрельбу на площади, но из-за домов не могли видеть, что там происходит. Однако вскоре автоматчики стали приближаться к селу. Они уже не шли, а бежали.

Шменкель дал по ним первую очередь. Он хорошо видел, как несколько солдат упали в снег и больше не поднялись.

Фриц дал еще одну очередь. Послышались крики гитлеровцев. Значит, и на этот раз он не промахнулся. Фриц зло усмехнулся и стал выпускать одну очередь за другой. Сменив ленту, он вновь открыл огонь по черным фигуркам, залегшим на снегу.

Однако фашисты пристрелялись по нему скорее, чем он предполагал. Пули били в потолок, в стены, осыпая его штукатуркой.

Тогда Фриц мгновенно сменил позицию, втиснув дуло пулемета в заранее подготовленное отверстие среди мешков с опилками. Но эсэсовцы тоже решили изменить тактику. Они вдруг прекратили стрельбу. Послышались слова команды, но какой именно - Фриц не разобрал. Фашисты вновь открыли огонь, однако теперь они почему-то стреляли только по крыше дома. Когда же Фриц понял, чего добиваются гитлеровцы, его бросило в жар - автоматчики били по крыше зажигательными пулями, стараясь поджечь дом.

Стрельба в деревне несколько стихла. Шменкель видел, как Тихомиров с небольшой группой бойцов пробивался к западной окраине деревни, где захлебнулся ручной пулемет партизан. Положение там становилось угрожающим.

Сосредоточив все свое внимание, Фриц снова стал бить по залегшей цепи. Немцы, видимо, хорошо понимали, сколько

неприятностей причиняет им пулемет в этом доме. Их огонь усилился. Фрицу пришлось еще раз сменить позицию. Степан подал ему последнюю ленту.

- Смотри... Смотри! - закричал вдруг Степан, встав во весь рост, чтобы лучше что-то рассмотреть.

Но Фриц не слышал Степана - он весь превратился в зрение. Шменкель увидел, как пленный красноармеец, ехавший в первых санях, свалил охранника, вскочил в пустые сани и понесся в сторону села, видимо решив во что бы то ни стало прорваться к своим. Заметив это, гитлеровцы, словно по команде, открыли по бешено мчавшимся саням ураганный огонь.

Не медля ни секунды, Фриц решил прикрыть смельчака огнем своего пулемета. Он стал строчить по эсэсовцам, которые в азарте начали приподниматься, чтобы лучше видеть цель.

Неожиданно пулемет Фрица замолчал. Лента была пуста... Шменкель окликнул Степана, но ответа не получил. Оглянувшись, Фриц все понял: Степан лежал, раскинув руки и уставившись открытыми глазами в потолок.

Выхватив ленту из коробки, Фриц вставил ее в пулемет и вновь открыл огонь. Но было уже поздно: голова красноармейца безжизненно свисала с саней.

Расстегнув полушубок Степана, Фриц почувствовал что-то мокрое и липкое у него на груди. Одним движением Шменкель разорвал рубаху, обнажив грудь Степана. Он был еще жив. Когда Фриц приподнял Степана, чтобы перевязать его, тот тихо застонал, а из уголка рта потекла тонкая струйка крови. Шменкель оттащил раненого к стене.

Мысль, что он остался один, пронзила его. "Почему никто не стреляет? пронеслось в голове. - Почему вдруг стихла стрельба?"

В несколько прыжков Шменкель был у пулемета. Залегшие в снегу гитлеровцы подползали к дому. Фриц уже мог разглядеть эсэсовские эмблемы на их шапках. Пока Фриц перевязывал Степана, гитлеровцы не теряли времени. Фриц с ожесточением застрочил по приближавшимся фашистам.

"Вы думали, меня уже нет, а я жив! Вот я вам сейчас покажу. Лучше бы вы сидели по своим норам и не высовывались!"

Несколько фашистов остались неподвижно лежать на снегу, остальные начали отползать назад. Но в это время гитлеровцы с исходных позиций открыли ураганный огонь по дому со всех направлений. Фриц услышал какой-то шум и потрескивание - это горела подожженная зажигательными пулями соломенная кровля.

Фриц осмотрелся. Взгляд его остановился на Степане. Подхватив раненого под мышки, он стащил его в подвал, а сам решил стрелять до последнего патрона. В доме стало жарко. Пот

заливал Фрицу лицо, стекал по спине, но Шменкель все стрелял и стрелял. Он понимал, что через несколько минут будет вынужден спуститься на нижний этаж, а там уже нет такого хорошего обзора...

Когда на западной окраине села замолчал пулемет, Просандеев сначала послал туда для усиления группу партизан, а потом и сам перешел туда же. Вскоре партизанам удалось восстановить прежнее положение, отбросив гитлеровцев на исходные позиции. Укрывшись за большой поленницей дров, командир и комиссар отряда наблюдали за боем.

- А наш немец хорошо справляется со своей задачей, - заметил комиссар.

Но в этот момент пулемет Фрица замолчал. Затем раздались один за другим три залпа, и все стихло.

- У Шменкеля, видно, что-то неладно, - заволновался комиссар.

- Я сейчас сам посмотрю, - сказал Просандеев и уже хотел было ползти через огороды, но комиссар остановил его.

- Ты что, с ума сошел? Санитарку туда надо послать.

- Я пошлю посыльного. В случае чего он там и останется, - предложил командир.

Однако не успел командир позвать посыльного, как пулемет Фрица вновь энергично заговорил.

Северная окраина села не вызывала у командира особого беспокойства. Сейчас нужно было узнать, как дела на южной. Просандеев не сразу заметил клубы дыма над Домом культуры. Лишь когда он добрался до крайнего дома, вышедший навстречу командир одного из взводов указал ему в сторону холма:

- Товарищ командир... Посмотрите-ка!

Фасад Дома культуры был уже охвачен огнем. Пламя быстро пожирало сухое дерево, однако пулемет Шменкеля с небольшими перерывами все еще стрелял.

- А как у вас дела? - спросил командир.

- Фашисты залегли, но если пулемет замолчит, нам долго не продержаться. Сгорит наш немец в этом доме. Эсэсовцы знали, что делали.

Просандеев внешне казался совершенно спокойным, он молча осматривал в бинокль цепь противника. Через мгновение горящая кровля Дома культуры обрушилась на второй этаж. В данной ситуации был только один выход, и командир прекрасно понимал это.

- Подготовиться к атаке! - приказал он.

Просандеев пробрался в первую траншею, чтобы лично поднять бойцов в атаку, и в ту же минуту около него появился

командир одного из взводов.

- Я прошу тебя, Иван, - совсем не по-уставному заговорил он, - уйди отсюда. Поднимать бойцов в атаку - мое дело.

- Бывают моменты, когда мне нужно быть впереди, - сказал Просандеев.

Он, как никто другой, понимал, что бойцам нелегко будет подняться в атаку. Многие были еще совсем неопытными и ни разу не ходили врукопашную. Помедлив несколько секунд, Просандеев вдруг вскочил и крикнул: "Ура!" И тотчас же этот крик подхватили бойцы.

Просандеев бежал по направлению к двум темным фигурам, лежавшим в снегу. Вокруг свистели пули. Вскрикнул и упал командир взвода, но вот он вновь поднялся и побежал. Гитлеровские солдаты, лежавшие в снегу, вскочили и бросились удирать к лесу.

Атака решила исход боя: противник, уже почти уверенный в победе, был настолько ошеломлен внезапной атакой партизан, что бежал без оглядки.

Приказав бойцам закрепиться на околице села, Просандеев поспешил к горящему Дому культуры. Одна стена его уже обрушилась. Неподалеку от дома стояли сани, на которые санитарка и какой-то до неузнаваемости закопченный боец укладывали раненого. Затем Надя протянула чумазому бойцу свою фляжку. Он жадно припал к воде и не отрывался до тех пор, пока не выпил все до последней капли.

Пленный красноармеец, пытавшийся прорваться к партизанам, был мертв. Партизаны нашли его остывшее тело в санях. Лошадь уже успокоилась и стояла как ни в чем не бывало.

Ранение Степана оказалось смертельным: у него было пробито легкое. Санитарка впрыснула ему морфий и сказала Шменкелю:

- Он безнадежен. Ему уже никто не поможет.

Накрыв раненого полушубком, Шменкель сел рядом с ним на сани. Фрицу до боли было жаль этого веселого, подвижного парня. Сейчас лицо Степана менялось на глазах, нос как-то заострился, жизнь угасала. Вот Степан глубоко вздохнул, будто хотел собраться с силами, и сник, фриц закрыл умершему глаза и, вынув из кармана Степана документы, передал их доктору Кудиновой, а та - подошедшему командиру.

Просандеев полистал комсомольский билет партизана. В билет были вложены две фотографии. На одной - супружеская пара, видимо, родители Степана. С маленькой фотографии, какие обычно делают для паспорта, смотрела молодая девушка с густыми темными косами. Тяжело вздохнув, командир передал

все это Тихомирову.

- Нужно распорядиться относительно похорон, - тихо проговорил Просандеев. - Живут где-то родители этого парня, девушка его, ждут от него весточки... Проклятая война! Такой молодой... Ему бы жить да жить.

Тихомиров молчал. Перевязав резинкой документы и письма убитого, комиссар через некоторое время спросил командира:

- Как ты думаешь отметить Шменкеля?

- Отметить? Гм, он это заслужил. А как ты думаешь его отметить?

- Как он этого заслужил.

Просандеев взглянул на комиссара и сказал:

- Думаю, для Фрица важнее всех наград будет приведение его к присяге.

И немного помолчав, добавил:

- Нужно только несколько изменить начало нашей присяги.

- Я уже говорил тебе, что такой вопрос мы не можем решать самостоятельно.

- Решили же мы самостоятельно оставить его в отряде?

- Он - немец.

- Но он наш. Он меня уже спрашивал, почему мы не привели его к присяге. И я мог ему объяснить это только тем, что он не гражданин Советского Союза. Если б ты знал, какое впечатление произвели на него мои слова! Мы не имеем права оскорблять Шменкеля только потому, что он немец.

- И что же он тебе тогда сказал?

- Хочу принять советское гражданство - вот что он мне сказал.

- Ну а ты?

- Я не министр иностранных дел.

Тихомиров молчал. Тогда Просандеев заявил, что берет всю ответственность на себя и приведет Шменкеля к партизанской присяге.

Комиссар ответил не сразу:

- Может, ты и прав, Иван. Одобрение от командования мы получим и позже.

И улыбнулся:

- Как только захватим у противника рацию, сообщим обо всем в центр.

Отряд выстроился. Убитых уложили в наскоро сколоченные гробы. В одном лежал Степан, в другом - пленный красноармеец, имени которого никто не знал.

Первым говорил Тихомиров. Потом партизаны дали три залпа в воздух. Затем вперед вышел командир, глазами он искал Шменкеля.

- Товарищи партизаны, - начал Просандеев, - сегодня мы с вами убедились, что в состоянии бить и побеждать отборные подразделения гитлеровской армии, как обычно именуют себя эсэсовцы. У гроба павших товарищей мы еще раз клянемся уничтожить всю фашистскую нечисть на нашей земле!

Сделав небольшую паузу, он вдруг приказал:

- Товарищ Шменкель, выйти из строя!

Шменкель немного растерялся, так как не знал, что задумал командир.

- Смирно! - скомандовал Просандеев. - Вы готовы принять партизанскую присягу?

- Да, готов! - волнуясь, ответил Фриц.

- Тогда поднимите правую руку и повторяйте за мной: "Я, гражданин Германии, сын коммуниста, погибшего при фашизме, добровольно перехожу на сторону Советского Союза, чтобы с оружием в руках сражаться за освобождение моей родины. Я торжественно клянусь..."

- ...Я торжественно клянусь, - повторял Шменкель, - не жалея своих сил и даже жизни, оказывать всемерную помощь Красной Армии. Лучше погибнуть в борьбе против фашизма, чем стать рабом его! Если же я по малодушию или трусости нарушу эту присягу, пусть меня покарает рука моих товарищей.

Март в том году выдался ветреный. Земля местами уже обнажилась. Даже вороны каркали как-то оживленнее. Казалось, недолго и до тепла. Но однажды небо вновь заволокли тучи и подул холодный ветер. Однако через несколько дней опять потеплело.

- Вот она весна-то, - сказал как-то Рыбаков и даже причмокнул губами, будто хотел попробовать ее на вкус.

После боя в селе Комарово партизанский отряд скрылся в лесу. Там проводилось совещание командиров и партийное собрание. А однажды вечером состоялось общее собрание, на котором командир отряда выступил с речью.

- Победа над отрядом СС закалила нашу волю и укрепила веру в победу. Однако мы должны правильно оценивать наши возможности. В другой раз гитлеровцы, независимо от того, будет ли это регулярное воинское подразделение, команда эсэсовцев или полицейский отряд, уже больше на такую авантюру не решатся. Напротив. Они имели возможность оценить наши силы и вооружение и теперь, если встретятся с нами, обрушат на нас огонь тяжелого оружия. Так что в целях сохранения боеспособности нам необходимо покинуть этот район.

Фриц Шменкель сидел в заднем ряду. Коровин переводил ему слова командира.

- Перед нами встает вопрос: куда идти? - продолжал командир. - Вам известно, что сильные партизанские отряды находятся в районе Смоленска. Они имеют связь с подпольным райкомом. По неофициальным данным, в Брянских лесах также действуют крупные партизанские отряды. Так что в любом случае мы будем включены в уже налаженную сеть партизанского движения. Однако для нашего общего дела будет больше пользы, если мы будем действовать в непосредственной близости от фронта, нарушая вражеские коммуникации и тем самым оказывая помощь регулярным частям Красной Армии. Исходя из этого, я и товарищ Тихомиров предлагаем двигаться в северном направлении...

Партизаны жили пока в наскоро сооруженных шалашах из веток и снега. В одной из таких "хижин" обосновались Петр Рыбаков, Виктор Коровин, конюх Григорий, разведчик Виктор Спирин, тихий и молчаливый парень, и Фриц Шменкель. Распутица мешала отряду тронуться в путь, и Просандеев приказал приступить к строительству настоящего партизанского лагеря. Место выбрали хорошее. Кругом густой смешанный лес. Самое же важное преимущество района Батурине было в том, что он находился между дорогой, ведущей из Смоленска на Ржев, и железнодорожной линией, связывающей Смоленск с Вязьмой.

Лес огласился звоном топоров и веселыми голосами. Партизаны отрывали котлованы, строили землянки, рыли окопы и траншеи. Соорудили баню, оборудовали небольшой лазарет, столовую и конюшню.

Шменкель работал с воодушевлением. Вытирая пот со лба, он думал о том, что скоро придет весна, станет теплее, прилетят птицы. Фриц ловко ударял топором по стволу дерева еще и еще раз. Наконец дерево задрожало, заскрипело и начало медленно валиться в сторону.

- Осторожно! - крикнул Шменкель.

- Кончится война, приезжай к нам в Сибирь, к лесорубам. Ты у них будешь стахановцем. Наверняка будешь, - говорил Фрицу Спирин.

Фриц улыбался: идея неплохая, но после войны у него, видимо, будут другие планы. Странно, но он еще ни разу не задумывался над тем, чем будет заниматься после войны. И вот сибиряк Спирин задал ему вопрос, который поставил Шменкеля в тупик.

Рыбаков обрубал сучья со ствола. И нужно признаться, делал он это мастерски.

- Нужно чувствовать, как ты рубишь, - поучал он. - Ни в коем случае нельзя врубаться в древесину ствола. Ствол должен

оставаться зелененьким, в целях демаскировки. Со временем он потемнеет. А ветки пригодятся нам для крыши. Их не промочит никакой дождь. Видишь, как нужно делать, Иван?

Шменкель понимающе кивнул. В отряде Фрица прозвали Иваном Ивановичем. Никто уже не помнил, кто первым так его назвал, но все знали, как это произошло.

Было это под селом Репино. Однажды партизаны лежали в засаде. Голодные, продрогшие до костей, они лежали в снегу и ждали, когда на шоссе появится гитлеровская колонна. Неожиданно разведчики сообщили, что немцы пошли в другом направлении.

Шменкель хорошо помнит этот день. Запасы продовольствия в отряде кончились. Окрестные села были заняты гитлеровцами... А тут еще эта колонна неожиданно изменила свой маршрут!

Услышав сообщения разведчиков, Шменкель пришел к комиссару:

- Товарищ комиссар, выдайте мне винтовку с оптическим прицелом.

- Зачем она тебе понадобилась? - спросил Тихомиров, хмуря брови.

- Я поскачу наперерез вражеской колонне и сниму головного мотоциклиста. Этим я заставлю их сменить маршрут движения.

- Глупости!

Несколько секунд комиссар колебался, однако, немного подумав, согласился:

- Хорошо! Попытайся!

Шменкель чуть не загнал лошадь, но вовремя поспел на перекресток дорог. Здесь должна была пройти колонна гитлеровцев. Фриц отрыл в глубоком снегу ячейку. Ждать пришлось недолго. На дороге показался головной дозор мотоциклист. Доехав до перекрестка, гитлеровец притормозил, чтобы сориентироваться.

Фриц почти бесшумно снял фашиста с мотоцикла первым же выстрелом, а потом, надев на голову каску убитого, оттащил его в кювет. Затем, вскочив на мотоцикл, Шменкель поехал совсем не по той дороге, по которой должны были ехать фашисты.

"Неужели они не поедут за мной? Неужели заметят, что я изменил маршрут движения и что вообще я - не их проводник? И хотя метет метель, нетрудно разглядеть, что на мотоцикле сидит совсем другой человек!.." Но времени на размышления у Фрица не было. К нему уже подъезжала первая машина колонны. Унтер-офицер, высунувшись из кабины, что-то прокричал Фрицу, но тот ничего не разобрал.

Шменкель лишь махнул рукой, показывая, что нужно

сворачивать направо.

И действительно, колонна свернула за ним. Глядя в зеркало обратного обзора, Фриц пытался сосчитать машины. Насчитал двенадцать, пятнадцать, восемнадцать...

Машина, которая шла вслед за мотоциклом, вдруг увеличила скорость: видимо, чтобы догнать его.

"Погоны! - мелькнуло в голове. - Если у унтер-офицера в первой машине хорошее зрение, он не может не заметить, что у меня на шинели нет погон. Самое главное сейчас - не сорваться, держать себя в руках..."

Фриц прибавил газу, и дистанция между мотоциклом и машиной снова увеличилась. Вот и участок дороги, где залегли в засаде партизаны.

Заметив высунувшегося из укрытия Тихомирова, Шменкель дал ему знак, что все в порядке. Фриц знал: комиссар прикажет мотоциклиста пропустить, а колонну обстрелять.

Так оно и получилось. Через минуту Фриц услышал за своей спиной стрельбу и взрывы ручных гранат. Когда Шменкель съехал с шоссе и оказался в укрытии, он увидел, что некоторые машины из колонны горели, а другие врезались друг в друга. Много полегло здесь фашистов. Вот тогда кто-то из партизан и сказал: "Наш Шменкель воюет не как Фриц, а как Иван".

Сначала Фрица называли в отряде Иваном Павловичем, а потом, для удобства, начали звать Иваном Ивановичем, Фрицу это имя нравилось, так он и стал Иваном Ивановичем, Тем более что его собственное имя русские употребляли как ругательство. "Фрицами" они обычно называли гитлеровцев.

Через неделю партизанский лагерь был полностью оборудован. Фриц научился не только рубить деревья, но и строить землянки, просторные и сухие. Вместо матрацев использовали лапник ели. Укрывались трофейными шинелями. Столом служил пустой ящик из-под снарядов. Фриц сколотил несколько табуреток. Шменкель работал и на строительстве конюшни.

Как-то в начале апреля отряд был поднят по тревоге. Григорий, стоявший в тот день на посту, привел в лагерь двух пленных. Руки у пленных были связаны, а рты заткнуты кляпами. Партизаны окружили пленных. Подошел комиссар и спросил:

- Немцы?

- Нет, наши, - смущенно произнес Григорий и тут же поправился: Русские, но очень уж они подозрительны. Бродили вокруг самого лагеря.

Просандеев внимательно осмотрел задержанных. Один из них был высокий худой парень лет двадцати трех, в меховой шапке,

кожаной куртке и шароварах, заправленных в сапоги. Второму, в телогрейке и военных галифе, на вид казалось лет тридцать. Это был сильный мужчина. На голове у него красовался картуз, какой носят обычно рабочие.

- У них было оружие?

- Так точно, товарищ командир. Я отобрал у них пистолеты и ручные гранаты.

- Кто вы такие? - обратился Просандеев к задержанным.

- А вы-то представились? - грубовато отрезал тот, что был помоложе. Так что и сами ничего не узнаете.

- Ну это еще посмотрим. Впрочем, пожалуйста: я - командир партизанского отряда.

- А я было подумал, что у вас не отряд, а шайка разбойников, - не унимался младший.

- В вашем положении я бы воздержался от оскорблений, - строго предупредил Просандеев. - Я еще раз спрашиваю вас, кто вы такие?

Наконец заговорил старший:

- Разрешите спросить, товарищ командир, как называется ваш отряд?

- Мне кажется, что для арестованных вы слишком любопытны. А отряд наш называется "Смерть фашизму".

- Значит, это в вашем отряде воюет один немец? - спросил младший.

- А эти сведения вы почерпнули не в гестапо?

- Узнали от жителей. Они хорошо отзывались о нем.

- Разрешите представиться, товарищ командир: я - Александр Степанович Баширов, а это мой друг - Юрий Зубко. Мы разведчики из партизанского отряда "За Родину".

Просандеев внимательно посмотрел на задержанных, а потом коротко бросил:

- Пошли со мной!

Он решительно направился к землянке, где жил вместе с комиссаром. Задержанные шли следом. Сопровождал их все тот же Григорий.

Комиссар сидел за столом и что-то писал. Увидев арестованных, он смерил их подозрительным взглядом.

Просандеев взял со стола газету и протянул ее Баширову.

- Вот смотрите, "Правда", не так ли? Напечатана нормальным шрифтом на нормальной бумаге. Все сделано как надо, а на самом деле - фальшивка. Эту газету гитлеровцы раздавали местным жителям. Читайте заголовок: "Москва пала", а вот передовица - "Красная Армия разбита!". И это в то время, когда мы разбили гитлеровцев под Москвой! - Командир со злостью

бросил газету на пол. - Но раз можно подделать "Правду", значит, можно и к нам в лагерь заслать лазутчиков под видом партизан.

Оба задержанных начали было протестовать, но Просандеев лишь с досадой махнул рукой:

- Как фамилия командира вашего отряда?

- Сергей Николаевич Догаев.

- А комиссара?

- Алексей Лукич Ковалев.

- Где создан ваш отряд?

- В селе Отрадное, Ярцевского района. Там-то нам и сказали, что у вас в отряде есть немец.

Все это было похоже на правду. Командир развернул на столе карту:

- Покажите, где находится ваш отряд?

- В районе Сафоново. Километрах в тридцати отсюда. - Баширов показал по карте.

- Какую задачу вы выполняете?

- Лагеря настоящего у нас пока нет. Вот нам и приказали разведать окрестности и найти подходящее место для лагеря. Так мы и натолкнулись на ваших дозорных.

Просандеев посмотрел на комиссара. Он кивал головой, словно подтверждал то, о чем говорили задержанные.

- Вас было только двое?

- Так точно.

- Оружие мы вам пока не отдадим, - уже дружелюбнее сказал командир. До завтра будете у нас в лагере, а утром поедем к вам в отряд. Там-то и выясним, кто вы такие.

- Есть!

Когда задержанные ушли, командир приказал Григорию:

- Передай часовым, пусть с наших гостей не спускают глаз.

- Есть, не спускать глаз с подозрительных элементов! - отрапортовал старик.

- А вот "элементами" я их не называл. Позови-ка ко мне Рыбакова, Спирина и Ивана Ивановича. - Командир подсел к столу, вытянул ноги и проворчал; - Комики, а не разведчики. Так легко дали себя арестовать. Посмотрим, может, у нас это лучше получится.

- Ты что, собираешься послать в разведку Ивана Ивановича?

- Должен же он показать, чему научился. Кроме того, о нем в том отряде знают, а это уже хорошо.

- А что, если они расстреляют его как немецкого шпиона?

- Они не сделают этого. Дед рассказывал мне, что партизанский отряд "За Родину" находится сейчас в Курганово.

- Почему ж ты мне сразу об этом не сказал? Может, ты и

фамилию их командира знаешь?

- Разумеется. Фамилии они назвали правильно, но это еще ни о чем не говорит. Кто их знает, что это за разведчики...

- Ну а если они действительно разведчики из отряда Догаева и он специально послал их сюда?

- Хорошо, если бы так. И воевать будет лучше. Сможем координировать свои действия и проводить крупные операции. Цель у нас общая. Так что, если они захотят разбить здесь лагерь, я ничего не имею против. При условии, разумеется, что у них в отряде железная дисциплина,

- Нас ждет что-то интересное, - сказал Рыбаков, ожидавший двух других разведчиков у входа в землянку командира.

- Откуда ты знаешь, интересное или нет, - заметил Шменкель.

Командир пригласил их войти. Затем он подошел к карте района, висевшей на стене.

- Может, задержанные и в самом деле разведчики отряда "За Родину". По их словам, отряд этот находится вот здесь. - И командир сделал отметку на карте. - Ваша задача - проверить правильность их показаний. Но только не действуйте так же неосторожно, как эти горе-разведчики. Я даю вам лошадей, чтобы на рассвете вернулись назад.

- Нужно устанавливать связь с этим отрядом?

- Необязательно. Ну а если представится случай, узнайте у их командира, действительно ли они хотят разбить в этом районе лагерь. Все.

Обвязав копыта лошадей тряпками, разведчики тронулись в путь. Лес был густой. Продвигались медленно, объезжая болота и топи.

После двух часов пути почва стала тверже, лес поредел. Вскоре начало смеркаться. Приходилось чаще останавливаться. Спирин то и дело освещал фонариком карту.

Во время одного из привалов Рыбаков предложил:

- Недалеко отсюда есть деревушка. Может, жители нам подскажут, как найти партизан. Попытка не пытка.

Решили завернуть в деревушку. Шменкель остался сторожить лошадей, а Спирин и Рыбаков ушли в село. Не было их часа полтора.

- Ну что там? - спросил Фриц, когда товарищи вернулись.

- Ничего. Народ сейчас недоверчивый, молчат да и только. Безусловно, они знают больше, чем говорят, - рассказал Спирин.

Молча поехали дальше. Вскоре лес вновь стал гуще, а почва болотистой. Пришлось спешиться и вести лошадей под уздцы. Через несколько километров разведчики вышли на тропу, которая привела их на поляну. На поляне стоял домик, сквозь

занавешенные окна пробивался слабый свет.

- Лесник, - догадался Спирин, - постучимся к нему.

Лошадей привязали к дереву. Рыбаков подкрался к окну и тихо постучал.

- Кого там еще нелегкая несет? - послышался чей-то ворчливый голос.

- Хорошие друзья.

- Хорошие друзья днем ходят, а не по ночам шастают. Шменкелю показалось, что ответ этот чем-то напоминает пароль.

Рыбаков ответил:

- Днем бродить опасно.

- Сколько вас? - спросили из дома.

- Трое. Наступила пауза.

- Подождите!

За дверью послышались шаги. Загремел засов, и в освещенном проеме двери разведчики увидели высокого широкоплечего мужчину с окладистой темной бородой. Лесник внимательно осмотрел пришельцев, посторонился и дал войти в дом. Казалось, он не обратил никакого внимания на автоматы. В комнате сидели еще двое мужчин и играли в карты, которые они, видимо, достали только что для отвода глаз. Рубашки у обоих как-то подозрительно оттопыривались, и Шменкель подумал, что там у них, наверное, гранаты. Лица игроков выражали полнейшее равнодушие к вошедшим, но по тревожным взглядам чувствовалось, что мужчины в любую минуту готовы вскочить.

- Привет вам, друзья, - поздоровались почти в один голос Спирин и Рыбаков.

Им ответили. Шменкель молчал, чтобы не выдать себя произношением.

- Садитесь, - предложил лесник и подсел к картежникам. - Кто вы такие?

- От части мы отстали, - ответил Рыбаков. - А вы?

- А мы как раз с войны возвращаемся, - как-то неопределенно проговорил смуглолицый мужчина, похожий на цыгана.

- А что вы здесь делаете?

- Вот прибило нас сюда.

- Нас тоже, - заметил Спирин и, обращаясь уже к леснику, продолжал: Большое спасибо за гостеприимство, но нам нужно идти дальше.

- А куда вы идете? - спросил мужчина с цыганским лицом.

- Куда бог пошлет, - ответил Рыбаков.

- Да, пути господни неисповедимы, - заметил лесник, - а матушка-Россия велика.

- Так оно и есть, папаша, - согласился Спирин, - а что

касается путей господних, то этому можно помочь. - И он постучал по ложу своего автомата.

- Разумеется, - согласился лесник, - особенно если держишь в руках такое оружие. Уж не немцы ли вам его выдали?

Рыбаков усмехнулся:

- Вот уж нет. Ведь они любят только отбирать, но не давать. Мы сами его себе добыли.

Лесник погладил бороду:

- А красные ленты, что у вас на шапках, вы тоже у немцев взяли?

Шменкель молча слушал эту словесную дуэль и улыбался. Ему стало ясно, что лесник связан с партизанами. Видимо, и те двое были тоже из отряда. Им хотелось, видимо, перейти к серьезному разговору, но Спирин и Рыбаков все отшучивались.

- Красные ленты нам дали девушки из соседних деревень, - улыбнулся Виктор.

- Только господу богу известно, что у человека на сердце, - вздохнул лесник.

Рыбаков усмехнулся:

- Одни советские люди открыто носят оружие и красные ленты на шапках, другие - пистолеты и гранаты прячут под рубахами. Так или нет?

И он посмотрел прямо в глаза мужчине с цыганским лицом.

"Ну, кажется, наметился переход к серьезному разговору", - подумал Шменкель.

Цыган бросил карты на стол и проворчал:

- Полицаи тоже открыто носят при себе оружие.

- Метко сказано, - согласился Спирин, - но они носят только пистолеты, - И вдруг, перейдя к сути дела, спросил: - Скажите, друзья, вы не встречали где-нибудь Сергея Николаевича Догаева?

- Нет, - отрубил мужчина, похожий на цыгана.

- А товарища Ковалева вы, случаем, не знаете?

- Не знаю я такого.

- А может, вам приходилось слышать фамилии Баширова или Зубко?

- Нет.

- А жаль, - вздохнул Рыбаков.

- Мир большой, - ответил смуглолицый, сверкнув глазами. - Всех не узнаешь. А потом, какой может быть разговор, - голос его стал резче, - если меж нами немец?

Шменкель и бровью не повел, но удивился, как этот хитрец догадался.

- А кто тут немец? - как ни в чем не бывало проговорил Спирин.

- А вон тот уж очень похож на немца: ни слова не сказал и автомата из рук не выпускает. Он понимает наш язык?

- Он вообще ничего не понимает, - заявил Спирин, - он был контужен.

- Ах вон оно что! - улыбнулся цыган и тут же обратился прямо к Шменкелю: - Скажи, а не знаешь ли ты случайно Ольгу Михайловну Сидорову?

"Откуда это ему известно? - мелькнуло у Фрица. - Значит, они были в Курганово".

- Да, я ее знаю, - ответил Шменкель.

Все засмеялись, а смуглолицый спросил:

- Значит, вы все из отряда "Смерть фашизму"?

- Точно.

Лед недоверия растаял. Через несколько минут разведчики уже знали, что Ольга сражается в отряде "За Родину" и рассказывала бойцам о Шменкеле.

Лесник принес чаю. Похожего на цыгана мужчину звали Кулкин. Он тотчас же послал своего товарища к командиру отряда.

Прошло около часа, когда в домике бородатого лесника появился командир отряда "За Родину". Он был среднего роста, крепкого сложения, с чисто выбритым лицом. В уголках его глаз прятались задорные смешинки.

- Догаев, - представился он, - командир партизанского отряда "За Родину". Воентехник второго ранга. Партизаны отдали ему честь.

- Хотите посмотреть мои документы? - спросил Догаев.

Спирин махнул рукой:

- Чего стоят сегодня документы?

Но все-таки бросил беглый взгляд на протянутое ему удостоверение.

Догаев предложил сесть.

- А вы, я вижу, уже угощаетесь. Значит, это вы задержали моих разведчиков? Хорош сюрприз! Если б у меня был лагерь, а в нем гауптвахта, упрятал бы я их недели на две под арест.

- Слишком вы строги, товарищ командир, - возразил Рыбаков. - Назначьте их в наряд на кухню чистить картошку. Для разведчика нет большего унижения.

- Неплохая идея. Я так и сделаю. - Догаев был, видимо, человеком энергичным, говорил быстро, отрывисто. - Вы, наверное, уже знаете, что мы собираемся разбить свой лагерь недалеко от вас. Но прежде я хотел бы поговорить с вашим командиром, и как можно скорее... А меня он не арестует, если я к нему пожалую?

- Если вы с нами поедете - наверняка нет.

- Давайте хоть чаю попьем.

- Нам приказано к рассвету вернуться в отряд.

- Тогда не будем терять попусту времени.

Догаев вышел из дома и через несколько минут вернулся с двумя партизанами.

- Эти товарищи будут меня сопровождать, - пояснил он и вскочил в седло.

В пути Догаев был весел, рассказывал об операциях против гитлеровцев, которые провели его ребята за зиму.

Когда группа приблизилась к лагерю, Спирин спешился и пошел доложить командиру.

Через секунду послышался крик совы, затем второй. Это вернулся Спирин. Он провел гостей к командиру.

Просандеев не спал. Выслушав доклад разведчиков, он отпустил их отдыхать до обеда.

* * *

Шменкель проснулся часов в десять. В землянке никого не было. Фриц лежа закурил и прислушался. Кругом тишина, и даже лес шумел сегодня как-то таинственно. Шменкель пошел на кухню позавтракать. Все, казалось, было как обычно, но Фрица не покидало какое-то тревожное чувство.

- Что-нибудь случилось? - спросил он повара.

- Все разведчики разлетелись. Командир запланировал какую-то операцию, но какую именно - никто не знает.

Шменкеля охватило волнение, которое обычно испытываешь, идя на новое задание. Все строили догадки, однако говорить об этом запрещалось.

Рыбаков любил поесть, и потому его частенько можно было встретить на кухне. Увидев Шменкеля, он спросил:

- Слышал, что делается? Это чем-то пахнет.

И полез в карман за кисетом.

Шменкелю не сиделось без дела, и он предложил:

- Давай еще раз испытаем мину. Может, на этот раз взрыватель сработает?

Рыбаков проворчал что-то в ответ.

На одном из гитлеровских складов оружия партизаны прихватили несколько противотанковых гранат, которые теперь валялись без применения. Вот Фрицу и пришла в голову идея переделать эти гранаты в мины. Шменкель принялся за работу, однако взрыватель у него никак не получался. Шменкель же любил доводить любое дело до конца и потому в свободную минуту всегда мастерил. Вот и сейчас они с Рыбаковым опять склонились над миной. За этим занятием их и застал командир

отряда.

У Просандеева был озабоченный вид. Заметив Фрица, командир спросил:

- Что вы хотите делать?

- Мину, - нерешительно ответил Рыбаков.

- Мину?

- Да, мину.

- Вы что, хотите, чтоб наш лагерь взлетел на воздух?

- Ну что вы, товарищ командир...

- Ладно, ладно.

Просандеев присел на корточки рядом со Шменкелем, который мучительно соображал что-то.

- Взрыватель от гранаты для мины не годится, а новый нам пока еще не удалось смастерить, - пояснил Рыбаков, - Мы разрабатываем два варианта. В первом случае мина будет взрываться при натяжении, а во втором - от бикфордова шнура.

- Идея хорошая, - заметил командир. - Мины нам нужны позарез, особенно такие, которые будут взрываться от натяжения. Другой вариант мне кажется опасным.

Рыбаков ничего не ответил.

- Ты что, не согласен со мной, Петр? - спросил командир.

- Не совсем. Мина со шнуром абсолютно безопасна для минера.

- И как же ты себе ее представляешь?

- Рассказывать об этом - долгая история.

- Ну а все-таки?

- Иван Иванович как-то рассказывал мне, что гитлеровцы по-своему отмечают Первое мая, по-фашистски, разумеется. Видимо, и здесь они сделают также.

- Возможно.

- Вот я и подумал, а не приготовить ли нам фашистам подарочек к этому дню. Виктор Коровин неплохо рисует, так что ему нетрудно будет нарисовать портрет товарища Сталина. Самое главное сделать рисунок большим. Мы ночью повесим портрет где-нибудь перед зданием комендатуры - так, чтобы он сразу же бросался в глаза.

Рыбаков смущенно улыбнулся.

- Ну и что дальше? Немцы сорвут портрет...

- Вот на это мы и рассчитываем. Портрет будет висеть на шнуре. Когда дернут за шнур, сработает взрыватель, и мина взорвется. Придется гитлеровцам вместо праздника устраивать похороны.

- Неплохо придумано, - согласился командир. - А если гитлеровцы заставят сорвать портрет кого-нибудь из местных жителей?

- Этого не будет, - вмешался в разговор Шменкель. - Фашисты сами срывают такие плакаты и стараются сделать это как можно

скорее, чтобы никто из жителей их не увидел.

- Ну хорошо, - согласился командир, - давайте делайте несколько таких "подарков". Если вам это удастся, мы организуем в отряде занятия по минному делу.

Два дня Шменкель и Петр занимались изготовлением взрывателей. Однако они не успели доложить о своих успехах командиру - поступил приказ на марш.

Просандеев отобрал человек сорок - самых сильных и выносливых партизан. Апрель в том году был на редкость капризным. Лили дожди, и земля настолько напиталась влагой, что ноги вязли в грязи по щиколотку. Командир торопил партизан. Люди изнемогали от усталости.

На втором привале Фриц почувствовал, что не может пошевелить ни рукой, ни ногой. Однако когда к нему подошел командир, Шменкель усилием воли заставил себя встать.

- Иван Иванович, вы далеко от меня не отходите. Операция у нас небезопасная, и может случиться, что вы мне понадобитесь, - сказал Фрицу Просандеев. Они присели.

Шменкель не решился спросить командира, зачем он ему будет нужен, и поинтересовался лишь тем, далеко ли им еще идти.

- Далеко, - кивнул командир. - Нам нужно пересечь северо-западную часть Ярцевского района и выйти в Пречистенский район. Конечная цель нашего пути - село Дяблово.

Шменкелю было непонятно, зачем в такую даль тащить столько боеприпасов.

- Наш отряд теперь не один, - объяснил Просандеев. - Комиссар Тихомиров установил связь с местной парторганизацией, действующей в подполье. Теперь мы регулярно получаем от них информацию. Например, нам стало известно, что огромные просторы Смоленской области освобождены частями тридцать девятой армии и партизанскими отрядами. Фашисты, без сомнения, постараются восстановить там свое положение. Причем они активизируются сейчас именно в тех местах, где нет ни одного партизанского отряда.

Командир глубоко затянулся. Окурок жег ему пальцы.

- Наша задача - сорвать планы фашистов...

Поднявшись, Просандеев проговорил:

- По прибытии на место, Иван Иванович, я дам вам специальное задание. Попусту терять время не будем.

Командир приказал группе построиться. Партизаны ускоренным маршем вновь тронулись в путь. Они шли и днем и ночью, обходя населенные пункты и фашистские гарнизоны. На коротких привалах Шменкель снопом валился на землю и сразу

же засыпал.

Через пять дней около села Дяблово партизаны встретились с разведчиками. Шменкель был недалеко от командира и слышал, что сообщили разведчики: в Дяблово находится подразделение гитлеровских мотоциклистов, которые утром собираются нагрянуть в соседнее село, чтобы, как они выражаются, "очистить там атмосферу".

- Кто это сообщил?

- Один наш комсомолец. Вечером он будет у нас.

- Хорошо. Я хочу с ним лично поговорить. Место для засады нашли?

- Вы пройдете мимо вон той усадьбы, а потом - через лес, - объяснял разведчик. - Мы ищем подходящее место.

- И еще один вопрос. Как настроение у местных жителей?

- Настроение подавленное. Фашисты расстреляли учительницу и председателя сельсовета.

Проснулся Фриц от разговора. Открыв глаза, он увидел за столом командира отряда. Перед ним сидел мальчик лет пятнадцати в сдвинутой на затылок шапке. Горела старая керосиновая лампа.

Паренек просил:

- Товарищ командир, фашисты напились в стельку. Больше такой возможности не представится. Вы их возьмете без труда.

- Нет, - коротко отрезал командир и хлопнул рукой по столу. - Выбрось это из головы. Ты что, хочешь, чтобы каратели потом всех вас поставили к стенке, а село сожгли? Лучше и не говори мне об этом.

Паренек помолчал, а потом решительно сказал:

- Тогда возьмите меня в отряд.

- И этого я не сделаю.

- Но ведь мне уже семнадцать стукнуло.

Паренек демонстративно вытащил из кармана кисет с табаком и, ловко свернув цигарку, закурил.

- Не ври, - строго проговорил командир. - Комсомолец должен говорить правду. Тебе не больше пятнадцати... Ты ведь не один комсомолец в селе?

- Нет конечно. Нас много.

- Другие - верные ребята?

- Думаю, да. По крайней мере, большинство.

- Хорошо. Тогда слушай меня внимательно. Собери самых надежных ребят и организуйте свой отряд. Ваша задача - внимательно следить за фашистами и предателями и передавать нашим разведчикам соответствующую информацию...

Шменкель встал и, подойдя к рукомойнику, плеснул в лицо

несколько пригоршней холодной воды. Затем вышел, чтобы не мешать командиру, сел на скамейку около дома, закурил.

"Да, гитлеровцы расстреляли учительницу и председателя сельсовета, а теперь пьянствуют, - думал он. - А ведь рота, что стоит в селе, обычная рота вермахта, не какая-нибудь эсэсовская. Значит, и эти теперь тоже превратились в зверей. Неужели все стали такими?"

Хлопнула дверь. Паренек вышел из дома и присел рядом с Фрицем.

- Как тебя зовут? - спросил Шменкель,

- Петя, а тебя?

- Иван Иванович.

Паренек чертил ногой по земле.

- Командир не берет меня в отряд. Ты не мог бы заступиться за меня?

- Он же дал тебе задание. Командира нашего не так легко уговорить.

Петя потянул носом, но ничего не сказал.

- Ты вот говорил командиру, что фашисты в деревне перепились, продолжал Фриц. - Скажи, они все такие или есть среди них и порядочные?

Паренек рассмеялся:

- Порядочные немцы?! Я еще таких не видел. Ни одного!

- Тогда посмотри на меня. Я ведь один из таких.

- Как вы сказали?

Петя как ужаленный вскочил на ноги и смерил Фрица взглядом, полным ненависти:

- Вы... немец?! - выпалил он. - Германия, это...

И он плюнул Шменкелю под ноги.

Фрица будто парализовало. Слова паренька обожгли его, и не как личное оскорбление. Шменкель почувствовал обиду за всю немецкую нацию. Он не был в состоянии произнести ни слова.

В это время с шумом хлопнула дверь. Вышедший из дома Просандеев сразу все понял.

- Ты что, с ума сошел, Петя? Немедленно извинись!

- Это же немец, немец, понимаете?.. Почему вы его держите в отряде?..

Командир схватил мальчишку за руку:

- Замолчи немедленно!

Паренек стих, но Фриц видел, как он весь дрожит от возбуждения.

Машинально Фриц вытер рукой капельки слюны, которые попали на него, и попросил:

- Отпустите его, товарищ командир. Пусть идет.

- Нет. Он останется здесь. Я не потерплю, чтобы оскорбляли бойцов моего отряда. Не потерплю. - Командир не мог успокоиться. - Ни один человек в отряде не стыдится воевать рядом с Иваном Ивановичем, а ты плюешь в него. Я вот отлуплю тебя как следует, сопляк. Скажи, сколько фашистов ты отправил на тот свет, ну скажи, сколько?

Паренек молчал.

- Ни одного, а он, - командир показал на Шменкеля, - уничтожил их больше десятка. А знаешь ли ты вообще, что это за человек?

- Немец он! - с ненавистью повторил Петя, метнув сердитый взгляд на командира отряда.

- Точно, немец. А разве Тельман не был немцем?

- Тельман? Это - совсем другое дело, - пробормотал мальчишка.

- Вовсе не другое, - не унимался командир. - Отца Шменкеля убили полицейские, а его самого бросили в тюрьму как комсомольца. Он - такой же комсомолец, как и ты.

Петя опустил голову и молча смотрел себе под ноги. Потом тихо проговорил, обращаясь к Шменкелю:

- Я этого не знал. Простите меня, пожалуйста...

- Хорошо, - сказал Фриц, - забудем это.

- Надо учиться разбираться в людях, - поучал командир паренька. - Ну а теперь беги домой!

Глубоко вздохнув, Просандеев сел рядом со Шменкелем.

- Скажи, Иван, тебя порой не тянет на родину?

- Бывает, - признался Шменкель. - Особенно ночью. Я часто думаю, как там жена, детишки... Сердце сжимается, и тогда мне очень хочется домой.

Упершись ладонями в колени, командир смотрел себе под ноги и внимательно слушал.

Шменкель продолжал:

- А собственно, что у меня за родина? Что это за родина, где из каждого человека стараются сделать убийцу? Где гарантия, что они не оболванят каждого немца? И в то же время я не могу не надеяться, что таких, как я, немало.

Помолчав, командир заговорил:

- Может, они и опомнятся, когда мы их как следует поколотим. Под Москвой они уже почувствовали силу нашего удара. Но это было только начало. Ты на этого паренька не обижайся, Иван. Фашисты слишком много насолили нам.

На рассвете партизаны заняли позицию на опушке леса. Шоссе в этом месте делало петлю, и партизаны оседлали его с обеих сторон. Постепенно становилось все светлее, туман

поредел. Просандеев проверил маскировку позиций.

Шменкель лежал за пулеметом. Вторым номером у него был Рыбаков. Оба получили приказ - открывать огонь, только когда последний мотоциклист минует петлю на шоссе.

Стало пригревать солнце. Фриц прислушался, ничто не нарушало утренней тишины. Но вот послышался скрип телеги. Это проехала крестьянка и скрылась за поворотом.

- Хорошо, что мы не заминировали дорогу, - шепнул Фриц Рыбакову.

- И где эти мерзавцы застряли?! - не сдержался Рыбаков. - Мне так хочется покурить, а командир строго-настрого запретил. А может, попробовать потихоньку?

- Не делай этого, заметно будет, - отговорил товарища Фриц.

Наконец часов в девять издалека послышался какой-то шум. Наблюдатель спустился с дерева и сообщил:

- Они едут!

- Не высовывайся, Петр, пока они будут ехать, - предупредил Фриц. Иногда немцы из предосторожности обстреливают кусты.

Шум моторов нарастал. Шменкель по звуку определил, что это едут мотоциклы с колясками. И вот на повороте показался первый мотоцикл. Это действительно был мотоцикл с коляской, в которую фашисты установили пулемет. И в тот же миг к шуму моторов присоединилась пулеметная очередь. Пули свистели совсем рядом, сбивая листву с деревьев. Шменкель плотнее прижался к земле. За первой очередью последовала вторая, затем третья.

Когда Шменкель и Рыбаков подняли головы, последний мотоциклист был уже на повороте. Петр подмигнул Фрицу, и тот, прицелившись, открыл огонь. Одновременно начали рваться гранаты. Два мотоцикла свернули в сторону. Противник открыл огонь из пулемета, но вскоре замолчал. А через несколько секунд взорвался бензобак другого мотоцикла.

На шоссе начался хаос. Однако рота мотоциклистов оказалась довольно подвижной. Умело маневрируя, мотоциклисты пытались выйти из зоны огня и стреляли по лесу наугад. Пули не задели ни Шменкеля, ни Рыбакова.

Фриц стрелял до тех пор, пока ствол пулемета не раскалился.

Гитлеровцы сопротивлялись упорно. Шменкель увидел, как двое из них побежали к лесу.

- Ложись за пулемет! - крикнул Фриц Петру и, схватив автомат, вскочил на ноги.

Фашисты бежали в сторону Дяблово. Фриц легко различал их в редком лесу. Он нажал на спусковой крючок, но очереди почему-то не последовало. В этот момент один из гитлеровцев

оглянулся. На бегу он расстегивал кобуру.

Фриц мгновенно оценил ситуацию: один да еще с заевшим автоматом против двоих фашистов. Бросив автомат на землю, Фриц раньше гитлеровца выхватил свой пистолет и, нацелив его на фашиста, крикнул:

- Стой! Руки вверх!

Однако гитлеровцы не остановились. Шменкель выстрелил, но промахнулся. До унтер-офицера, за которым бежал Фриц, было не более трех метров. Унтер обернулся, в глазах его застыл панический ужас. Фриц выстрелил, фашист повалился на землю.

Шменкель бросился догонять второго.

- Стой! Сдавайся!

Гитлеровец бежал, не оглядываясь. Вдруг он неожиданно остановился, и они столкнулись.

Фриц инстинктивно закрыл рукой голову, решив, что гитлеровец специально прибегнул к этому приему. Гитлеровец бросился на Фрица. Подставив фашисту ножку, Фриц с силой толкнул его в живот. Противник упал на спину, однако он оказался очень сильным. Шменкель ударил фашиста кулаком по голове, так как пистолет он выронил при падении. После продолжительной борьбы Шменкелю удалось схватить врага за горло. Лицо гитлеровца посинело.

Фриц встал, по лицу его градом катился пот, все тело дрожало, он тяжело дышал. Перед глазами плясали зеленые и красные круги, а сердце, казалось, вот-вот вырвется из груди. Забрав у мертвых гитлеровцев солдатские книжки и оружие, Фриц медленно пошел к шоссе.

Между тем бой на шоссе уже давно закончился. Один из партизан окликнул Фрица:

- Где ты так долго был? Мы уже беспокоиться начали.

Фриц молча показал две солдатские книжки и пистолеты. Партизан приглушенным голосом проговорил:

- Просандеева... Иди проститься с ним...

- Что ты говоришь? - вскрикнул Шменкель.

Он не сразу понял значение этих слов.

- Иди же скорее! - подтолкнул его партизан.

Шменкель перешел шоссе, перелез через какой-то забор. Фрицу казалось, что все это только сон, кошмарный сон. Шменкель не сразу пришел в себя, даже увидев товарищей, стоявших над телом убитого командира. Четыре партизана копали могилу. Фриц слышал, как командир взвода Заречнов поторапливал бойцов. Потом тело Просандеева завернули в плащ-палатку и опустили в могилу. Слезы душили Шменкеля. Другие партизаны тоже плакали, не стесняясь своих слез. Фриц не мог

поверить, не мог до конца осознать, что командира, с которым он вчера так задушевно разговаривал, сидя на скамейке у дома, уже нет в живых. Для Шменкеля Просандеев был не только командиром, но и первым большим другом в этой стране.

Речей не произносили. Тело молча засыпали землей, сверху могилу прикрыли дерном и положили три больших камня, чтобы потом можно было отыскать могилу командира.

- Товарищ Иван Иванович!

- Слушаюсь!

- Посмотрите, сколько мотоциклов исправно.

Командир взвода Заречнов уже принял командование отрядом.

Внимательно осмотрев машины, Шменкель доложил, что в основном все мотоциклы повреждены и только шесть машин исправны.

- Ничего не поделаешь, и эти мотоциклы сослужат нам добрую службу, сказал Заречнов. - На всех машинах нужно установить пулеметы и перегнать их в наш лагерь. Эту колонну возглавите вы лично, а чтобы не заблудиться, возьмите с собой Рыбакова.

И, немного подумав, командир добавил:

- Доложите комиссару обо всем случившемся, так как мы прибудем в лагерь позже вас.

Проверив пулеметы, Шменкель коротко объяснил партизанам особенности немецких мотоциклов. Затем он приказал всем бойцам надеть на себя шинели убитых гитлеровцев, а на головы - немецкие каски. Партизаны выполнили все указания Фрица беспрекословно.

- В нескольких местах мы будем ехать по открытым участкам шоссе. Там не исключена встреча с гитлеровцами. В этом случае - никому не произносить ни слова. Положитесь целиком на меня. Огонь открывать лишь тогда, когда начнет стрелять мой пулеметчик.

Осмотрев еще раз бойцов, Фриц убедился, что они выглядят сейчас, как настоящие немцы. Лишь бы рта не раскрывали.

- Ну, товарищи, поехали!

Колонна трофейных мотоциклов добралась до партизанского лагеря безо всяких происшествий.

Шменкель сразу же отправился с докладом к комиссару:

- Товарищ комиссар, наш командир...

И Фриц запнулся, чувствуя, что голос выдает его.

Однако комиссар все понял с полуслова. Лицо его изменилось, он крепко стиснул зубы.

Взяв себя в руки, Шменкель проговорил:

- Командир отряда пал в бою с гитлеровскими мотоциклистами.

Кто-то громко охнул. Партизаны, стоявшие рядом с Тихомировым, молча сняли фуражки и вытянулись, как по команде, отдавая последние почести своему погибшему командиру.

- Командование отрядом взял на себя командир взвода Заречнов. Он ведет бойцов в лагерь.

- Спасибо, - промолвил Тихомиров, стараясь скрыть свое волнение.

Шменкель повернулся, чтобы уйти, но Тихомиров остановил его.

- Подожди... Он сразу умер или мучился?

- Кажется, пуля попала в голову. Сам я этого не видел.

Шменкель передал комиссару солдатские книжки и пистолеты убитых им гитлеровцев.

Тихомиров слушал Фрица как-то рассеянно.

- Иван был хорошим командиром и моим личным другом, - помолчав, сказал комиссар. - Сейчас у меня такое чувство, будто я потерял одну руку... Но нельзя опускать голову. Командир погиб, но отряд, который он создал, продолжает жить и бороться.

Через пять дней в лагерь прибыл Заречнов. Он рассказал партизанам, как погиб командир. Оказалось, Просандеев высунулся из укрытия, чтобы метнуть гранату, и в этот момент пуля сразила его...

В тот же день на общем собрании партизаны, по предложению партийной группы, выбрали Заречнова командиром отряда. Новому командиру отряда было всего двадцать лет, однако, несмотря на молодость, он пользовался большим уважением партизан за свою храбрость и справедливость. Став командиром отряда, первое, что он сделал, - это собрал всех бойцов, которые принимали участие в бою с мотоциклистами, для разбора боя.

Это было необычно. Просандеев тоже всегда анализировал проведенную операцию, но только вдвоем с комиссаром, хотя Тихомиров не раз предлагал ему делать такие разборы со всеми партизанами.

"Армия - это не клуб для дебатов, а отряд - это не академия искусств!" - говорил обычно Просандеев.

Заречнов придерживался другого мнения. Его нисколько не смущали удивленные взгляды партизан, которые, казалось, спрашивали: "Может, ты и приказ свой будешь обсуждать, а потом ставить на голосование?" Однако, убежденный в своей правоте и поддержанный комиссаром, Заречнов с присущим ему

темпераментом обратился к собравшимся:

- Я полагаю, товарищи, что мы обязаны критически оценивать каждую проведенную нами операцию. Только анализируя причины наших успехов и неудач, мы сможем устранить свои ошибки и еще успешнее бороться с врагом. А теперь перейдем к конкретному разбору данного боя. На мой взгляд, мы допустили три ошибки. Первая и общая наша ошибка состояла в том, что мы недооценили противника.

Заречнов сделал паузу и оглядел партизан.

- Ого! - воскликнул кто-то из бойцов.

- Недооценка противника, - продолжал командир, - не только принижает успехи, но и ведет к грубым тактическим ошибкам. Мы считали роту мотоциклистов слабым подразделением, но они оказали серьезное сопротивление. Разве не так? Или, может, кто скажет, что мы израсходовали мало патронов, а захватили богатые трофеи?

Партизаны молчали. Комиссар только кивал головой да делал у себя в блокноте какие-то пометки.

Фриц с трудом понимал Заречнова, который говорил быстро,

- Вторую ошибку допустил сам командир отряда, и она стоила ему жизни.

Партизаны зашумели, а кто-то даже с досадой заметил:

- Оставим мертвых в покое!

Шменкель внутренне был согласен с бросившим реплику.

- Иван Просандеев был хорошим командиром, и он очень дорог мне. Голос Заречнова звучал спокойно. - Я много думал, как все это случилось. Зачем ему нужно было бросать гранату? Я все хорошо видел, так как лежал в двух шагах от Просандеева. Помню, когда колонна гитлеровцев показалась на повороте дороги, командир сказал: "Этого офицера я беру на себя!" Я знаю, в тот момент ему хотелось самому отомстить гитлеровцам за убитую учительницу и за смерть председателя сельсовета, однако в порыве ненависти к оккупантам он позабыл о бдительности. Я говорю сейчас это для того, чтобы подчеркнуть: ненависть наша справедлива, но она ни в коем случае не должна ослеплять нас.

Немного помолчав, Заречнов поднял в руке толстую тетрадь в черном переплете и сказал:

- Мы никогда не забудем нашего командира. Здесь, в этой тетрадке, он записывал свои мысли и планы. Мы выполним все его заветы... А теперь остановлюсь на нашей третьей ошибке. Никто из нас не обратил внимания, что двое фашистов побежали в лес, никто, кроме Ивана Ивановича. Он, заметив их, проявил смелость и не дал им уйти. Но и здесь совершена ошибка. Почему вы, Иван Иванович, никого не взяли с собой, а ударились в

преследование один?

Все взоры скрестились на Шменкеле. Он растерялся и не знал, что ответить.

- Ну? - торопил его Заречнов.

- Я просто как-то не подумал об этом, - честно признался Фриц. - Я видел, что они убегают, и бросился за ними... Я схватил автомат Рыбакова...

- Ну и что же?

- Автомат почему-то заело.

- Вот как?! - удивился Заречнов. - Мы сегодня критикуем ваши действия для того, чтобы вы дожили до освобождения своей родины от фашизма, до встречи со своей семьей.

Шменкель был согласен с командиром. Поединок с двумя фашистами мог закончиться и по-другому. Только счастливый случай выручил Шменкеля.

В разговор вмешался комиссар.

- Я и раньше предупреждал Шменкеля. Он слишком горячится. Я был убежден, что больше с ним такого не произойдет.

Шменкель злился на себя.

В этот момент командир обратился к Рыбакову:

- В этой связи мне хочется задать один вопрос и вам, товарищ Рыбаков. Почему ваш автомат заело?

- Не знаю...

- Не знаете?.. А Шменкель из-за этого попал в очень трудное положение. Доложите об этом своему командиру отделения.

- Слушаюсь! - ответил покрасневший как рак Рыбаков.

После собрания командир отряда подозвал к себе Шменкеля:

- Ты, я знаю, докладывал Просандееву о своих опытах с минами. Как ваши успехи?

- Три удлиненных заряда и две мины готовы к употреблению, - объяснил Шменкель. - Рыбаков предлагает использовать их в качестве сюрпризов к Первому мая.

- А зачем так долго ждать? Можно сделать это и раньше. Для начала испробуем удлиненный заряд на железнодорожной ветке Дурово - Владимирское. Нужно только провести разведку местности. А что говорил вам Просандеев о курсах по минированию?

Шменкель объяснил.

- Хорошо. Мы так и сделаем.

Фриц хотел было идти, но помедлил.

- Ты хочешь что-то еще сказать? - догадался Заречнов.

Командир положил на стол кисет с табаком. Шменкель пододвинул табурет и скрутил цигарку.

- Я не знаю, как и начать, - заговорил Фриц, - но дело вот в чем. Под Москвой гитлеровцы потерпели первое поражение, и комиссар говорил нам, что в эту зиму фашисты потерпят еще не одно поражение. Мне интересно узнать, каково настроение сейчас у немецких солдат. Собственно, когда я преследовал убегавших гитлеровцев, то думал взять хоть одного из них живым. Я даже приказывал ему сдаться.

- Ты хотел взять "языка"?

- Да.

- А что мы будем делать потом с пленным? Держать его в лагере мы не можем, а чтобы переслать его через линию фронта, нужно еще установить надежную связь с частями Красной Армии. Я посоветуюсь с комиссаром по этому поводу.

Вскоре Заречнов выслал в разведку к железной дороге группу из пяти человек. Через трое суток разведчики вернулись в лагерь.

- Там нам нечего делать, товарищ командир, - доложил по возвращении Спирин. - Там другая партизанская группа уже дала жару фашистам. Отряд носит имя Буденного и с января действует в том районе. У них много трофейных боеприпасов. Партизаны сделали удачную вылазку и на Владимирское, так что вся эта железнодорожная линия находится под их контролем. Командир партизанского отряда имени Буденного сообщил нам также, что на железнодорожной магистрали Смоленск - Вязьма успешно действуют и другие партизанские отряды.

Узнав от Спирина о результатах разведки, Шменкель и Рыбаков даже огорчились, что другие отряды партизан уже опередили их.

- А командир ничего не сказал, где мы теперь будем пробовать наши мины? - спросил Шменкель.

Спирин покачал головой и объяснил, что командира, наоборот, даже обрадовали результаты их разведывательного рейда.

- Узнав об отряде Буденного, командир даже начал что-то насвистывать и велел сразу же послать за комиссаром, - продолжал Спирин.

На другой день в полдень в отряд прибыли три незнакомых конника. Отдав лошадей на попечение Григория, они попросили проводить их к командиру и комиссару отряда. Те ждали их.

- Ваши разведчики уже познакомились с нами, - проговорил худощавый мужчина небольшого роста в валенках и казачьей папахе. - Вот мы и решили воспользоваться случаем и завязать с вами более тесные связи. Сабинов, командир отряда имени Буденного, - представился мужчина.

* * *

Вместе с ним прибыли командир отряда имени Суворова Верзин и его комиссар.

Заречнов предложил гостям сесть.

- Мои разведчики сообщили, что вы опередили нас и уже контролируете железную дорогу.

Сабинов улыбнулся, обнажив крупные, пожелтевшие от табака зубы.

- Это не беда. Всем дела хватит. Вы неплохо устроились здесь. А не боитесь, что фашисты вас обнаружат?

- Пока такой опасности нет.

Верзин молча слушал и только кивал головой.

- Вот он меня тоже уговаривал создать хорошо укрепленный лагерь. Не так ли, Василий? - обратился Сабинов к Верзину. - А я все был против. Я считаю, что партизанский отряд должен быть подвижным и появляться там, где противник его совсем не ждет. Партизаны должны уметь как неожиданно появиться, так и вовремя скрыться. Правда, действовать так становится все труднее. - И Сабинов вздохнул.

- Что значит - труднее?

Тихомиров кивнул вестовому, разрешая войти. Вестовой принес чайник горячего чаю. Наполнив жестяные кружки, он доложил:

- Прибыл товарищ Догаев.

- Проводите его сюда.

Вошел Догаев. Заречнов познакомил его с присутствующими.

Все закурили. Снова заговорил Сабинов:

- Фашисты многому научились за эту зиму. Они уже не так беспечны, как раньше. Теперь они не чувствуют себя хозяевами положения и выставляют усиленную охрану. Вот поэтому действовать против них небольшими отрядами стало труднее. Об этом же говорили мне и разведчики из двадцатой кавалерийской дивизии.

- Они установили с вами связь? - Брови Заречнова удивленно поползли вверх. Командир вспомнил предложение Шменкеля захватить "языка". С комиссаром об этом Заречнов уже говорил, но Тихомиров не поддержал его: он опасался, что потом будет трудно перебросить пленного через линию фронта.

- На фашистский гарнизон в Околице, - заговорил молчавший до сих пор Верзин, - мы напали вместе с отрядом имени Котовского. Но операция эта была неудачной. Соседи наши действовали не по плану.

Заречнов наконец понял, куда клонят оба командира.

- А вы не поможете и нам установить связь с этой дивизией? - спросил Заречнов и посмотрел на Тихомирова, но лицо комиссара

было непроницаемо.

Сабинов тяжело оперся на стол:

- Вам нужна от них информация или же помощь в проведении очередной операции?

Заречнову в этом вопросе послышались насмешливые нотки.

- Ни то, ни другое. В нашем отряде есть один немец, и ему нетрудно будет взять в плен "языка", который может пригодиться регулярной части Красной Армии.

В землянке стало тихо. Верзин, который уже поднес кружку с чаем ко рту, снова поставил ее на стол. Лицо его как-то сразу посерело, вокруг рта резко проступили морщинки.

- В своем отряде я бы не потерпел никаких пленных.

- Это ваше дело, хотя я вовсе не считаю это правильным.

- Держать немца в партизанском отряде? - Верзин всем телом подался вперед, глаза его загорелись. - Это уж слишком!

- Этот немец, - голос Тихомирова стал строг, - перешел к нам добровольно, а за время пребывания в отряде зарекомендовал себя как надежный и смелый боец. Вас это удовлетворяет?

Заречнов почувствовал, что одно упоминание о Шменкеле как бы воздвигло невидимую стену между собеседниками.

- Вы что, считаете, на фашистский террор нужно отвечать тоже террором?

- Этого я не сказал, - запротестовал Верзин. - Но мы должны безжалостно уничтожать наших врагов.

- Врагов - да, но Шменкель не враг.

- У немца это на лбу не написано!

- У предателя, который может находиться среди нас, это тоже на лбу не написано!

- Вы, конечно правы, - помолчав, признался Сабинов. - Нельзя судить о человеке, которого мы совсем не знаем. И ваше дело, кого вы пошлете за "языком": этого немца или кого другого из партизан. Сама же идея хорошая. Я помогу вам установить связь с разведотделом армии.

Отпив из кружки несколько глотков, он продолжал:

- Мы хотим пробраться в район Духовщины. Разумеется, сделать это можно только после тщательной разведки местности. Если же посмотреть на такую операцию, так сказать, с точки зрения нашего взаимодействия, то... Сабинов развел руками. - Вот здесь за одним столом собрались четыре партизанских командира...

Заречнов молчал, ждал, что скажут другие. Тихомиров тоже ничего не говорил.

Тогда Сабинов вытащил из кармана карту и продолжал:

- Район Духовщины как бы связывает Смоленск и Батурино.

Объединенными усилиями, как мне кажется, нам удастся взять под свой контроль весь вот этот район. - И он положил ладонь на карту.

Заречнов долго думал. Он не знал ни того, ни другого командира, которые сидели перед ним, однако из докладов своих разведчиков ему было известно, что оба соседних партизанских отряда - дисциплинированные соединения. Мысль совместно напасть на противника, который стал более осторожен в своих действиях, понравилась Заречнову. Однако план предстоящей операции нужно было продумать детально, безо всякой спешки. Сабинов же показался Заречнову человеком горячим. Заречнов поэтому сказал:

- Ваше предложение немного для нас неожиданное, у нас ведь тоже есть свой план действий.

- Одно другому не мешает, - заметил Тихомиров. - Я думаю, мы сможем принять участие в проведении совместной операции. А как ты думаешь, командир? - обратился он к Заречнову.

- Я согласен, - ответил тот и, повернувшись к Догаеву, спросил: - А ты не хочешь присоединиться к нам?

- Пока нет. Меня сейчас больше интересуют мины, которые вы начали изготовлять у себя в отряде. И не потому, что я - воентехник, просто мы обнаружили подходящий объект у противника, и мне не терпится его подорвать.

- О минах поговорим потом.

Заречнов встал, считая разговор оконченным. Догаев же продолжал сидеть, исподлобья поглядывая на Заречнова.

- Я, собственно говоря, и прибыл сюда за Шменкелем. Хочу попросить его у вас на некоторое время.

- Человек не книга, чтоб его можно было взять, а потом вернуть!

- Я этого и не говорил. Но у нас много трофейного оружия, и он помог бы нашим товарищам разобраться в нем и научил бы, как с ним обращаться.

От Заречнова не ускользнуло, что Сабинов и Верзин смущенно переглянулись.

- Ладно. Но завтра утром Иван Иванович должен быть в отряде.

Верзин и Сабинов не торопились прощаться с хозяевами. Они все что-то медлили, переминаясь с ноги на ногу. Ушли они лишь после того, как по вызову командира явился Шменкель и по-уставному доложил о своем прибытии.

В отличие от Просандеева Догаев построил свой партизанский лагерь подковой. В центре находилась лагерная кухня. Деревья здесь росли гуще, и землянки под их кроной были

совсем незаметны. Фриц сразу же обратил на это внимание.

Шменкеля уже ждали. Из кустов вышел какой-то человек в темном пальто и валенках. Шменкель увидел, что на него направлен ствол немецкого автомата. Когда же человек пошел ему навстречу, Фриц понял, что это женщина, а потом, приблизившись, узнал ее.

- Ольга! - выкрикнул Шменкель, всматриваясь в бледное, осунувшееся лицо девушки.

- Здравствуй, Фриц!

Они пожали друг другу руки и смутились, не зная, что и говорить. Выручил их Догаев. Заметив неловкое молчание, он сказал:

- Товарищ Сидорова, не называйте его, пожалуйста, Фрицем. Он этого терпеть не может. В отряде его все зовут Иваном Ивановичем.

- Я слышала об этом. У меня как-то само собой выскочило "Фриц".

- Я уже немного научился говорить по-русски. - Фрицу было приятно, что Ольга удивлена этим. - Мне бы очень хотелось поговорить теперь с вашим отцом. Вы знаете...

- Москва никс капут, ферштейн? Никс капут! - передразнивала его Ольга.

- Как ваш отец? Какие известия из дому?

- Мама здорова. В нашем селе еще раз побывали фашисты. Они узнали, что отец помогает партизанам. Он никак не мог понять, почему вы тогда так неожиданно исчезли...

Только теперь Шменкель понял, что Сидоров был связным у партизан и в ту ночь, когда Фриц к нему попал, отец Ольги ждал прихода партизан.

- Потом обо всем поговорите, - прервал их Догаев. - Вечер большой. Пошли.

По узкой тропке идти пришлось по одному. Впереди шагал командир, за ним - Шменкель, а замыкала шествие Ольга. Вскоре они вышли на лесную поляну. И хотя был день, здесь царила приятная для глаз полутьма - такие высокие кругом росли деревья.

- Лучшего места для занятий не найти, - заметил, улыбнувшись, Догаев.

Здесь уже собрались партизаны и вместе с ними комиссар отряда, которого Фриц однажды уже видел. Комиссар поздоровался со Шменкелем, как со старым знакомым.

- Что вы скажете, если вечером мы соберем наших людей на митинг? Вы расскажете им, ну, например, о политическом положении в Германии, а потом будут выступления. - И подняв

вверх указательный палец, добавил: - О политическом воспитании мы никогда не должны забывать.

Шменкель никак не ожидал такого настойчивого "нападения" на себя.

- Я ни разу в жизни не выступал с речами, - робко начал он, ужасаясь при одной только мысли, что ему нужно говорить перед доброй сотней незнакомых людей.

- Это ничего. Вы быстро освоитесь. Когда-нибудь надо учиться говорить перед людьми.

Партизаны окружили их тесным кольцом. Шменкелю не хотелось обижать комиссара отказом, и, не зная, что делать, он неловко переступал с ноги на ногу.

Выручил Шменкеля Догаев:

- Товарищ Шменкель пришел к нам для другого дела. Он проведет занятие по изучению трофейного оружия. Пусть принесут трофейные пулеметы.

- Мы еще поговорим с вами, - не сдавался комиссар.

Провести занятие по изучению пулемета МГ-34 было для Шменкеля делом несложным. И хотя Фриц не знал этих людей лично, он уже прекрасно изучил мысли и желания партизан. Разбирая пулемет на части, Фриц не только давал объяснения, но и спрашивал своих слушателей. Партизаны жадно ловили каждое его слово.

Комиссар молча наблюдал за занятиями. Фриц был собран и строг. Он приказывал партизанам по очереди занимать место у пулемета, меняться номерами, учил подносить патроны, подавал четкие команды.

Партизаны занимались с завидным усердием, нервничали, когда что-то не получалось.

Через час комиссар уже сам начал обучать другую группу партизан. Вскоре Фрицу стала понятна причина особого усердия партизан: оказалось, многие из них - жители соседних деревень и еще не были ни в одном бою. И вот теперь эти люди хотели как можно быстрее научиться владеть оружием.

Шменкель со своей группой ушел с поляны последним.

Повара принесли из кухни большой котел. Партизаны, уставшие, но довольные, курили, тихо переговариваясь. Молодая женщина, повязанная пестрым платком, наполняла котелки.

Шменкель присел на пенек в сторонке и, вытащив ножик, стал обстругивать палочку. Он был не очень голоден и потому не спешил. Однако вскоре молодая женщина, раздававшая пищу, позвала его.

- Фриц, иди кушать.

Он сделал вид, будто не слышал ее, и продолжал свое

занятие. "Они должны перестать называть меня "Фрицем". И почему мать не назвала меня Альфредом или Куртом? Или Августом?"

- Эй, Фриц, иди есть! - громче закричала повариха, но Шменкель и на этот раз никак не прореагировал.

Несколько партизан с любопытством наблюдали за ним, заинтересовавшись, что же будет дальше. Однако повариха, видимо, поняла свою оплошность и крикнула уже иначе:

- Остынет же все! Иди, что ли?

Шменкель встал и, отбросив палочку, пошел к подмигивавшим ему партизанам. Суп оказался сытным и вкусным, но аппетит у Фрица сразу же пропал, потому что

он увидел, как из землянки вышел комиссар и направился прямо к нему.

- Митинга в прямом смысле у нас не будет. Просто соберем бойцов у костра. Никакого доклада вам делать не нужно. Сначала я скажу несколько слов, а потом, смотря по обстановке, и вы.

Все шло нормально до тех пор, пока партизаны не стали задавать ему вопросы. Они посыпались как град. А когда кто-то спросил, почему немцы сами не сбросят Гитлера и вообще можно ли на это рассчитывать, развернулась оживленная дискуссия. Фриц растерялся, он не знал, как отвечать на эти вопросы. Однако, собравшись с мыслями, привел один пример.

- У нас в селе жил парень, сын крестьянина. Был этот парень чуть постарше меня. Хозяйство у них было крепкое. Потом к власти в Германии пришел Гитлер и издал закон о праве наследования. - Фриц заметил, что партизаны не понимают этого. - Суть этого закона состоит в том, что право наследования распространяется только на старшего сына. Вы понимаете? Только на старшего сына. Ни на дочерей, ни на других сыновей это право не распространяется. Кроме того, закон категорически запрещает дробить хозяйство на части. Таким образом, после смерти отца старший сын имеет право согнать со двора своих сестер и младших братьев, если те не захотят на него батрачить. Точно так и случилось с моим другом. Он не захотел быть батраком у собственного брата и стал кузнецом. Но тут началась война...

Партизаны, которым никогда не приходилось слышать ничего подобного, внимательно слушали Шменкеля. Лишь иногда кто-нибудь бросал реплику, однако другие тотчас же призывали его к порядку, требуя тишины. Комиссар, который, как оказалось, неплохо говорил по-немецки, сидел рядом с Фрицем и время от времени помогал ему подыскать нужное слово.

- Когда фашисты напали на Советский Союз, моему другу

сказали: "Стать хозяином ты не можешь, так как хозяйство унаследовал твой старший брат. А на Востоке земли - сколько твоей душе угодно. Иди воюй и ты получишь землю, обзаведешься собственным хозяйством. Больше того, ты даже будешь богаче своего брата". Шменкель взял козью ножку, которую ему протянул один из партизан, и несколько раз глубоко затянулся.

- Таким образом, фашистам удалось погнать на эту проклятую войну крестьянских сыновей. Вы, конечно, знаете, что значит для крестьян земля. Мой знакомый был добрым человеком, но и он попал на войну.

- До чего же подло обманывают людей! - воскликнул молодой партизан.

В заключение несколько слов сказал комиссар:

- Коммунисты всегда предупреждали мир об опасности фашизма, и реакция обрушила на коммунистов всю свою ненависть. Немецких коммунистов преследовали еще во времена Веймарской республики. Готовясь напасть на другие народы, фашисты решили сначала расправиться со своими противниками в собственной стране. Вы, наверное, слышали о тюрьмах и концентрационных лагерях, слышали о многочисленных процессах над коммунистами и расправах над ними? Однако, несмотря на все репрессии фашистов, Коммунистическая партия Германии живет и действует в подполье.

Дискуссия вспыхнула с новой силой. Только глубоко за полночь разошлись по своим землянкам.

Вернувшись из отряда "За Родину", Шменкель сразу же направился к землянке командира, чтобы доложить о своем прибытии, но там шло какое-то совещание. Увидев Фрица, Тихомиров вышел к нему и, выслушав доклад, отослал Шменкеля к Григорию, которому, по его словам, нужно было срочно в чем-то помочь.

Шменкелю хотелось подробнее рассказать комиссару о собрании в соседнем партизанском отряде, но Тихомиров был так нетерпелив, что даже удивил Фрица.

Еще больше удивился Шменкель, когда пришел на конюшню.

- Ну наконец-то я тебя вижу, - проговорил Григорий. - Я уж думал, ты совсем пропал. Ну чего ты на меня уставился? Давай работать, а то у меня тут голова кругом идет.

И конюх коротко рассказал, что его так беспокоит. Оказалось, командир отряда приказал Григорию отобрать самых лучших верховых лошадей для передачи кому-то. Лошади похуже остаются в отряде.

Шменкель сочувствовал доброму Григорию и не перебивал

его вопросами, понимая, что конюху нужно выговориться, тогда ему легче станет.

- Они будут как угорелые носиться на моих конях, - не унимался Григорий, - пока не загонят их, так как никто из них не умеет как следует обращаться с животными. Я же должен оставаться здесь с этими калеками. А я, как мне кажется, гожусь на что-нибудь и получше. Скажи, Иван, а тебя они берут с собой? Меня это хоть немного успокоило бы.

- Я ничего не знаю, абсолютно ничего.

- А ты думаешь, я что-нибудь знаю? Комиссар наш толкует мне тут про какую-то координацию, а я ему свое говорю: как, мол, отдавать лошадей людям, которые не умеют обращаться с животными. Это уж совсем никуда не годится!

Григорий так расстроился, что даже не пошел в столовую, и Шменкель принес ему обед прямо в конюшню.

Вечером Шменкеля и Рыбакова вызвали к командиру. Вид у Заречнова был взволнованный.

- Командование отряда приняло решение провести операцию в районе Духовщины во взаимодействии с партизанскими отрядами имени Суворова и Буденного. Здесь останется только небольшая группа.

От неожиданности Рыбаков даже сел на лавку, но тут же вскочил, потому что командир говорил стоя.

- Партизанский отряд "За Родину", - продолжал Заречнов, - останется пока на своем месте. Было бы глупо полностью обнажать этот район. Товарищ Догаев - опытный воентехник, он-то и испробует наши мины и удлиненные заряды. Вас я вызвал затем, чтобы сообщить, что вы оба будете участвовать в операции по использованию изготовленных вами мин.

Командир подошел к карте.

- А после этого вы догоните отряд в районе болота под Дебово. Вот здесь, смотрите. Проводит вас туда Виктор Спирин. Он завтра утром вернется из разведки. Спирин эти места знает как свои пять пальцев. Может, вам нужно дать еще нескольких человек?

Шменкель отрицательно покачал головой.

Через два дня Григорий распрощался еще с тремя лошадьми. Их получили Шменкель, Спирин и Рыбаков, которые поехали в лагерь соседнего партизанского отряда.

Апрель в тот год был дождливым. Дождь лил как из ведра, а Догаев только радовался этому. Он намеревался взорвать мост через реку Воп и тем самым затруднить фашистам отправку войск в северном направлении. Догаев считал, что если такая собачья погодка, как он выразился, постоит еще денек, то партизанам

удастся незаметно подвезти мины прямо к мосту.

Группа подрывников, которую назначил сам Догаев, состояла из десяти человек. Все они, как на подбор, были небольшого роста, и Рыбаков выглядел среди них Голиафом.

К цели подошли под прикрытием тумана. Старый лиственный лес с кустарником подступал к самому шоссе и реке. Возле моста ходил часовой. Второй часовой, по предположению разведчиков, вопреки приказу спрятался от дождя в домике, который фашисты специально выстроили у дороги.

Четверо партизан во главе с командиром отделения остались в засаде с двумя ручными пулеметами, а Догаев и остальные подрывники так близко подползли к реке, что им хорошо был виден немецкий часовой.

Партизаны осторожно приблизились к опорам моста.

- Где вы хотите заложить заряды? - спросил Шменкель Догаева.

Они лежали рядом в мокрой траве.

- Вон там, - Догаев ткнул пальцем в сторону опоры. - Туда нужно заложить три заряда.

- А кто это сделает? - шепотом спросил Фриц.

Он понимал, что кому-то нужно лезть в ледяную воду.

- Об этом не беспокойтесь. Три шнура мы соединим вместе в один. Прекрасный мост, а вот должен взлететь на воздух.

Когда стемнело, командир выставил на наблюдательный пост Шменкеля и Рыбакова, приказав им огня ни в коем случае не открывать.

Шменкель чувствовал себя превосходно, хотя им и пришлось проделать десятичасовой переход. Однако это была прогулка по сравнению с тем маршем, который они когда-то совершили с Просандеевым.

Прошел какой-нибудь час, и вдали на шоссе послышался шум машин. Первая машина ехала медленно. У моста она остановилась, дожидаясь подхода всей колонны. Когда колонна машин оказалась на противоположном берегу, Рыбаков высунулся из укрытия.

- Лежим себе в грязи, как червяки, и даже не знаем, что делают с изготовленными нашими же руками минами. Вообще это несправедливо... прошептал Рыбаков.

Он не договорил и мгновенно спрятался в свое укрытие, так как лучи от фар фашистского легкового автомобиля скользнули совсем рядом. Вот автомобиль остановился у домика часового. Из машины вылезли девять человек. Это была очередная смена. По мнению Шменкеля, на ночь у моста выставили усиленный караул. Вновь послышался шум мотора, и фары опять осветили кусты, за

которыми прятались разведчики.

Через несколько минут партизаны увидели маленькую юркую фигурку в одних штанах и рубахе. На нем сухой нитки не было.

- Все в порядке! - прошептал разведчик. - Мины установлены.

- Когда же? - удивился Рыбаков.

- А когда колонна проезжала. Шуму было достаточно, так что мы действовали спокойно. - Юноша стучал от холода зубами. - Шнур теперь на месте.

Подползший Догаев отослал промокшего парня в лес - переодеться.

- Теперь можно действовать. Как только услышите шум приближающейся колонны, поджигайте шнур.

Но в ту ночь партизаны прождали напрасно и сильно продрогли. Днем они пытались отоспаться, закутавшись в плащ-палатки и подогревшись порцией водки.

И вот вновь наступила ночь. Дождь не унимался. К тому же поднялся сильный ветер. Курить командир строго-настрого запретил, зато можно было без опаски разговаривать, так как шум ветра и дождя заглушал речь.

Рыбакову до чертиков надоело лежать в грязи, и он ворчал:

- Я понимаю, Догаеву хочется полюбоваться прекрасным фейерверком. А я бы на его месте взорвал мост сейчас и подался бы восвояси.

Шменкель хорошо понимал состояние Петра, да и сам, откровенно говоря, придерживался того же мнения.

- Чем ты будешь заниматься после войны, Петр? - неожиданно спросил Шменкель Рыбакова.

- Во-первых, высплюсь как следует, наемся от пуза и выпью целый литр водки. Понял? Целый литр! - Рыбаков даже прищелкнул языком от удовольствия.

- Я не об этом тебя спрашиваю. Что ты будешь делать? Где работать будешь? Жить-то нужно будет по-новому, а?

- Конечно.

Рыбаков приподнялся и, накинув плащ-палатку себе на голову, продолжал:

- Я буду строить дома, может, даже мосты, фабрики, заводы. Догаев вот приказал этот мост взорвать, а мне, откровенно говоря, очень жаль этот мост, сердце у меня кровью обливается, когда об этом подумаю. Я ведь каменщик и привык строить, а не разрушать. - Петр смахнул со лба дождевые капли. - А может, учиться пойду. Потом женюсь, обзаведусь детишками. Съезжу к тебе в гости, в твою Германию. Приду к тебе и скажу твоей секретарше: "Разрешите войти? Моя фамилия Рыбаков, я инженер-строитель и хотел бы поговорить с товарищем

бургомистром".

- Почему с бургомистром?

- Так просто. И сам не знаю почему... Потом ты станешь министром, будешь жить в Берлине, работать в большом здании. Я подойду к швейцару и скажу: "Приятель, будь любезен, позвони моему старому другу министру Шменкелю и передай, что здесь проездом из Одессы его друг". Швейцар удивленно осмотрит меня с головы до ног и, сдвинув очки на лоб, укоризненно заметит: "Товарищ, как вы можете позволять себе подобные шуточки, тем более с министром?.." А я ему в ответ: "Успокойся, старина, разве я не сказал, что министр - мой хороший друг?" И незаметно расстегну свое пальто, чтобы швейцар увидел мои ордена, а их у меня к тому времени будет много - вся грудь в орденах. И вмиг швейцара словно подменят. Он стащит с головы фуражку и, как короля, проведет меня к лифту. "Извольте пожаловать сюда, уважаемый товарищ, нажмите вот эту кнопочку. Я сейчас сообщу о вас. Как о вас доложить товарищу министру?" И я скажу: "Инженер-строитель высотных зданий Петр Рыбаков".

Шменкель усмехнулся:

- Ну и богатая же у тебя фантазия! Ты мастер сказки рассказывать.

- Фантазия? Сказки? - Рыбаков даже рассердился. - Уж не думаешь ли ты, что война закончится на границе Германии? Мы не дураки. Я думаю, что для вас, немцев, эта война послужит хорошим уроком. Так что, Иван, фашизм мы уничтожим в самом его логове.

- Ну а потом?

- А потом мы скажем всем порядочным немцам: если вы не дураки, создавайте свое рабоче-крестьянское правительство, землю раздайте крестьянам, фабрики национализируйте. Работать вы, немцы, умеете. Разве немецкие рабочие не смогут сделать то же, что и мы у себя в семнадцатом году?

Шменкель ничего не мог возразить другу, только подумал: "Да, что же будет с Германией после войны?" Из рассказов отца Шменкель знал, что ноябрьская революция 1918 года в Германии выдвинула требование ликвидировать юнкерское землевладение, ликвидировать капиталистов, а заводы, фабрики и всю землю передать в пользование народа. Позже, после смерти отца, эти вопросы как-то отошли у Фрица на задний план. А если б он задумался над этим, то смог бы лучше понять, почему к власти пришли фашисты. И вот теперь Петр напомнил ему обо всех этих проблемах.

- А почему бы и нет? - ответил Фриц после долгого молчания. - Нужно только объяснить все рабочим и крестьянам.

- И объясним, а почему бы и не объяснить? Вот такие, как ты, кто проливал кровь в борьбе против фашизма, кто сидел по концлагерям, и объяснят. Вы будете лучшими сынами своей нации, и вас изберут в правительство.

Шменкель никогда не думал причислять себя к лучшим сынам германской нации и вовсе не считал, что его после войны обязательно нужно избирать в правительство, однако он не стал возражать. Шменкелю было приятно слушать Рыбакова. Интересно узнать, какой может быть послевоенная Германия. Сам Фриц будущее своей страны представлял довольно смутно.

- А что, разве тебе не нравится быть министром? Хорошо, тогда будешь руководителем какого-нибудь предприятия, директором...

- Тихо! Слышишь?

Шумел и ветер и дождь, но Шменкель не столько слухом, сколько физически вдруг почувствовал шум моторов. Шум рос, ширился, приближался. Машины! А что, если им удастся переехать мост раньше, чем он взлетит на воздух? Шменкель вскочил и, выхватив нож, побежал, делая длинные прыжки к тому месту, где находился шнур. Рыбаков понял его без слов и бросился за ним. Едва Фриц успел перерезать шнур, как Рыбаков уже поджег конец зажигалкой. Потом они оба вскочили и побежали назад, в укрытие. Оказавшись за кустами, они вдруг засомневались, не погас ли шнур.

Кто-то дернул Шменкеля за ногу. Оглянувшись, Фриц увидел Догаева. Командир шепнул ему:

- Пригнись к земле и ползи к лесу!

В этот момент свет фар ехавших по шоссе машин прорезал шлейф дождя. Дверь сторожки распахнулась, и оба часовых вышли на мост.

Первая машина затормозила у въезда на мост. Догаев со своими людьми тем временем успел добежать до излучины реки, отсюда хорошо просматривался и мост. Машины медленно подъезжали к мосту.

- Шнур, наверно, потух, - чуть слышно вымолвил Шменкель.

- Или ваши заряды не сработали. - В голосе командира послышалась злость. - Я бы без проверки не...

Звук взрыва не дал ему договорить. За первым взрывом последовал второй, потом третий. Мост вздрогнул, как-то взъерошился и обрушился. А через секунду-другую загорелась одна из машин, ярко осветив шоссе у моста.

- Сработали! Сработали! - обрадовался Рыбаков.

- Быстро отсюда! - приказал Догаев.

Около часа шли партизаны по берегу реки и лишь потом

свернули на дорогу, которая вела к лагерю. На первом привале закурили.

- Поздравляю вас, Иван Иванович, и вас, товарищ Рыбаков. Сработали вы чисто.

Праздник 1 Мая партизаны из отряда "Смерть фашизму" встречали вместе с партизанами из отрядов имени Буденного и Суворова. Было это под Дебово.

Отдохнув несколько часов в отряде Догаева, Шменкель и Рыбаков сели на лошадей и безо всяких происшествий добрались до своего отряда. Рыбаков не раз пытался получить у командира разрешение прибить перед зданием гитлеровской военной комендатуры красный флаг или портрет Сталина, соединив их с миной-сюрпризом, но Заречнов каждый раз отклонял это предложение. Командир не хотел тревожить противника накануне большой и важной операции, которую планировалось осуществить объединенными усилиями трех партизанских отрядов. Рыбаков, недовольный отказом командира, как-то по секрету сообщил Шменкелю, что они вместе со Спириным и Коровиным все же установят как-нибудь такую мину и испытают ее.

Шменкель был против этой затеи, поскольку ее не одобрял командир. Приятели даже горячо поспорили по этому поводу, но теперь спорь не спорь, а Виктор Коровин, который давно уже должен был вернуться в лагерь, почему-то задерживался. Если ему что помешает, дело это без последствий не останется. Заречнов был строгим командиром и не допускал нарушений воинской дисциплины, а если таковое все же случалось, он не закрывал на это глаза.

Утром 1 мая комиссар Тихомиров произнес перед партизанами небольшую речь. Шменкель стоял в строю, а сам думал лишь о том, что могло случиться с Коровиным,

Партизаны всех трех отрядов курили только что выданные по случаю праздника папиросы, знакомились друг с другом, играли в самодельные шахматы. Одни пели песни, другие просто валялись на траве. На деревьях и кустарниках появились первые зеленые клейкие листочки, на болоте весело квакали лягушки.

У всех бойцов было праздничное настроение, и только Шменкель беспокойно ходил от одной группы к другой. Временами ему хотелось пойти к командиру или комиссару отряда и независимо от исхода операции с миной-сюрпризом честно рассказать обо всем. Рыбаков тоже исчез неизвестно куда, и от этого Фриц еще больше помрачнел.

Около полудня на узкой тропинке, ведущей через болотную топь, показались люди. Их было трое. Впереди шел Спирин. В

центре, будто пленный, шагал Коровин, за ним следовал Рыбаков. Фриц окликнул Петра, но тот только махнул рукой. Они направились прямо к командиру.

Партизаны, заметившие эту странную процессию, терялись в догадках.

- Мы смешались с толпой жителей села, которых гитлеровцы согнали на площадь. На трибуну поднялся толстый нацист с красным носом и начал говорить речь. Сбоку от него стояли офицеры, - рассказывал командиру Рыбаков. - Над трибуной развевалось знамя со свастикой. И вдруг - я не поверил собственным глазам - вместо знамени неожиданно появился портрет Сталина. Жители заволновались, зашумели, некоторые засмеялись, а ребятишки захлопали в ладоши и закричали: "Ура!" Нацист на трибуне, видимо, решил, что аплодисменты эти относятся к нему, и продолжал речь с еще большим воодушевлением. Шум на площади нарастал. Нам нужно было срочно убираться оттуда, и я глазами дал Спирину знак. Он понимающе кивнул мне. Виктор же будто сквозь землю провалился.

Лицо Заречнова побагровело, в глазах появился недобрый блеск. Командир закашлялся.

Разведчик продолжал свой рассказ:

- Вот я и подумал, что портрет Сталина мог повесить только он, и никто другой, да и кто еще, кроме него, смог бы так хорошо нарисовать. Между тем шум на площади поднялся такой, что оратор уже не говорил, а выкрикивал слова. И вдруг один из гитлеровских офицеров обернулся и увидел портрет Сталина. Ошеломленный офицер рявкнул что-то стоящему рядом с ним унтер-офицеру, и тот бегом бросился срывать портрет. Грянул взрыв. Трибуна и стоявшие возле нее гитлеровские офицеры взлетели на воздух. Женщины, запричитав, бросились врассыпную. Началось что-то неописуемое. И представьте себе, товарищ командир, среди всей этой толчеи и неразберихи вдруг вижу я Виктора. Идет он ко мне навстречу как ни в чем не бывало, спокойный такой, во рту папироска, будто мы с ним в Москве в Охотном ряду встретились. Подошел и говорит: "Теперь нам пора". А я его и спрашиваю: "Это твои штучки?" "Разумеется, мои", - отвечает. Выбрались мы с площади благополучно, помогла суматоха. Вот и все, товарищ командир, теперь сами решайте.

Заречнов сверлил глазами Коровина.

- Что ты по этому поводу скажешь?

- Ничего, - спокойно ответил Виктор.

Подобное в отряде произошло впервые. Разумеется, бывали случаи нарушения воинской дисциплины, не без этого, ведь в

особых условиях вместе собралось больше сотни людей, каждый со своим характером и привычками. Но такого грубого нарушения никто из партизан не совершал. Заречнов так разволновался, что не мог даже сразу говорить.

Рыбаков, поняв, видимо, всю серьезность положения, решил как-то оправдать Виктора.

- Я тоже, конечно, виноват, - робко начал Петр, - я хотел...

Но командир резко оборвал его:

- Мину он мог взять только у вас, это мне ясно.

- Чего тут много говорить? Накажите меня, и баста. Ни Петр, ни Иван в этом деле не замешаны. Я все это сделал сам, по собственному усмотрению.

- И это ты называешь собственным усмотрением? А то, что ты подвел своих же товарищей, - это тебе тоже собственное усмотрение?! А то, что ты грубо нарушил приказ, - тоже собственное усмотрение?! Мы партизаны, а не банда анархистов. И никто из нас не имеет права действовать, как ему заблагорассудится.

Немного сбавив тон, командир продолжал:

- То, что ты взял всю вину на себя, говорит о твоей порядочности, но и двое твоих друзей, которые дали тебе мину, тоже виноваты.

Коровин внешне был спокоен:

- Никто мне ничего не давал. Правда, Рыбаков как-то спрашивал меня, не хотел бы я испробовать такой сюрприз, на что я, конечно, сразу согласился. А, чего тут много говорить!.. Не стоит...

- Почему же это "не стоит"? Говори толком. Или ты не хочешь говорить правды?

- Я бы никогда не взорвал этой мины, если б случайно не узнал, что на этом митинге будет выступать нацистский советник, тот, который бесчинствовал по всей Смоленской области. Я понимал, что больше такой возможности у нас не будет. Или ты думаешь, мы смогли бы подложить мину в его спальне? Ты сам всегда учил нас правильно оценивать обстановку и в случае необходимости самостоятельно принимать решение. Вот я и принял решение.

Голос Коровина окреп. Чувствовалось, что он убежден в своей правоте.

- Советоваться было некогда, так как немцы буквально на минуту отошли от мачты. В это время я и прицепил плакат и мину. Шесть офицеров убито, а главное - уничтожены советник и несколько местных предателей. Можете меня наказывать, если я виноват.

Заречнов молчал, желваки заходили у него на скулах.

- А об отряде ты подумал? Если б за тобой увязались гитлеровцы и захватили нас здесь врасплох...

- Не увязались бы, - убежденно ответил Коровин.

- Все равно этим взрывом ты привлек их внимание. До сих пор гитлеровцы считали, что в районе нет партизан. Поэтому нацистский офицер так безбоязненно и выступал. А теперь ты не только осложнил наше положение, но и затруднил предстоящую боевую операцию.

Коровин энергично замотал головой:

- Никак нет, товарищ командир. Уверен, что фашисты будут искать злоумышленника непосредственно среди тех, кто сопровождал нацистского советника.

Фриц задумался над словами Коровина. Действительно, прибытие нацистского советника в село создавало новую ситуацию. Этот нацист руководил ограблением всей Смоленской области, по его приказу угоняли в Германию и на принудительные работы тысячи советских людей. Поэтому убийство нацистского советника только поднимет дух у населения в борьбе против оккупантов. С политической точки зрения убийство нациста правильный поступок, а с военной? И с военной тоже. Нельзя слепо придерживаться приказа, если складывается благоприятная обстановка для успешных действий...

Шменкель пытался понять, о чем думает командир отряда. Нужно ли наказывать Коровина? И как все это выглядит с воспитательной точки зрения? Наконец Заречнов протянул Коровину его автомат и строго сказал:

- Пусть каждый из вас спокойно обдумает свой проступок, а я пока вывожу вас всех из группы разведчиков.

Той же ночью партизаны ушли из района болота.

Во время марша Шменкель спросил одного партизана, шедшего рядом с ним:

- Как ты думаешь, правильно Коровин поступил?

- Конечно правильно, - был ответ.

- Мне кажется, на его месте я поступил бы точно так же, - заметил другой партизан.

Партизаны оборудовали огневые позиции на дороге, ведущей к Духовщине, между селами Малая Березовка и Попомари. Отряд прибывал на позиции группами. По сообщениям разведчиков, в скором времени по этой дороге должна была пройти большая колонна вражеской пехоты. Место для засады выбрали очень удачно. Густой кустарник вплотную подходил к самой дороге и хорошо маскировал позиции партизан. Заречнов прибыл на

позиции первым, на рассвете. Он остался доволен. Потом появились партизаны из отряда имени Буденного, а за ними и бойцы Верзина.

Часы показывали половину шестого утра. Уже ярко светило солнце. Командиры, только что вернувшиеся с рекогносцировки местности, расстанавливали бойцов. Отряд "Смерть фашизму" залег на левом фланге, развернувшись в сторону Попомари, в центре находились партизаны из отряда имени Суворова, а на правом фланге - партизаны из отряда имени Буденного. В двухстах метрах от каждого фланга были выставлены наблюдатели.

Фрица Шменкеля назначили наблюдателем на левом фланге боевого порядка. Замаскировавшись, он прислонился к стволу березы и в бинокль наблюдал за дорогой. Желтая лента дороги, освещенная лучами утреннего солнца, была пустынной. Вдали виднелись крыши села Попомари. Весело щебетали птицы на деревьях, в небе кружил ястреб, выслеживая добычу. Нужно было смотреть, как говорится, в оба.

Шменкель подумал, что хотя Заречнов и приказал не брать ни его, ни Коровина, ни Рыбакова в разведку, а вот все же выставил его наблюдателем. Конечно, тут не обошлось без помощи Тихомирова. Комиссар не стал поднимать шума по поводу случая с миной-сюрпризом, просто он объяснил партизанам, как следует рассматривать этот проступок, и все согласились с ним.

Дорога по-прежнему оставалась пустынной. Не было видно ни одной крестьянской подводы. Казалось, все вокруг вымерло. И только в небе одиноко кружил ястреб. Вдруг он камнем упал вниз, но тут же вновь взмыл в небо, цепко держа в лапах зайца.

"Мне необходимо узнать, какое настроение у немцев", - размышлял Шменкель. И опять поймал себя на мысли, что о своих соотечественниках он теперь думает как о совершенно чужих ему людях. Вместе с партизанами Шменкель смеялся, когда те называли гитлеровцев фрицами, и очень гордился, что он в отряде был для всех Иваном Ивановичем. Единственное, что постоянно его тревожило, так это мысли об Эрне и детях. Когда он думал о них, сердце его сжималось от тоски. Шменкель становился молчаливым и замкнутым. Партизаны хорошо понимали его и в такие минуты оставляли в покое, за что он был им благодарен.

На небе не было ни облачка, от земли пахло весной, как свежевыпеченным хлебом. Солнце слепило глаза, и потому Фриц сначала подумал, не мираж ли это: на горизонте взвилось облако пыли. Облако становилось больше, и вскоре Шменкель заметил

тусклый блеск металла. Танки! Разведчики доложили о приближении пехоты противника, но появились танки. А у партизан не было противотанковых средств борьбы.

Шменкель поднес к глазам бинокль и, стараясь быть как можно спокойнее, вглядывался в даль. Солдаты-десантники, ехавшие на танках, чувствовали себя в полной безопасности. Некоторые из них поснимали тужурки и загорали. Люки в танках были открыты, и в каждом из них торчал гитлеровец. На броне каждого танка Шменкель разглядел дополнительные баки с горючим - на всякий случай. Он насчитал семь танков, одну самоходную установку и один тягач. Фриц, не мешкая, побежал докладывать командиру.

- Колонна? - высунулся из укрытия Заречнов.

- Танки.

- Сколько?

Шменкель доложил. Командир послал за Сабиновым и Верзиным. Они не заставили себя ждать.

- Бессмысленно бросаться на танки с одними автоматами, - заметил Верзин. - Я советую эту операцию отложить.

Однако Сабинов придерживался другого мнения. Командиры заспорили. Шменкель не все понимал из их спора. Он знал только одно: колонна танков все ближе и ближе. Вдруг Шменкель вспомнил, что забыл сказать командиру о дополнительных баках с горючим на танках.

- На каждом танке прикреплены дополнительные баки с горючим, поспешил сказать Фриц командиру. - Если стрелять по бакам, мы легко сможем зажечь танки.

- Что же вы только сейчас об этом сказали? - рассердился Заречнов.

- Давайте рискнем и постараемся сжечь танки, - предложил Сабинов.

Верзин кивнул в ответ. Командиры спешно разошлись по своим местам.

- Товарищи, стрелять по бакам с горючим! - приказал командир. Евгению, Павлу и Алексею стрелять только по офицерам!

Прошло еще несколько минут, лязг гусениц нарастал. Шменкель приготовил ленты для пулемета, каждый третий патрон в ленте был зажигательным.

"Нужно немного подождать, и тогда можно будет стрелять как раз по борту. Надо использовать момент внезапности..."

Танки были уже близко, земля дрожала, поднятая гусеницами пыль ела глаза. Второй номер хотел было стрелять, но Фриц тронул парня за плечо. Танки были совсем рядом. Шменкель

хорошо видел фашиста с губной гармошкой, который неплохо устроился за башней. Другой фашист жевал бутерброд. Картина эта была точь-в-точь такой, какой ее обычно рисовали в немецких журналах. И в этот момент раздался взрыв. Это взорвались баки с горючим на одном из танков. Очередь, которую дал Шменкель, прошла немного выше брони и скосила фашистского командира, торчавшего в открытом люке. Вторая очередь хлестанула уже по бакам. Полыхнуло пламя, а через несколько секунд раздались взрывы.

Шменкель вскочил и выбежал на дорогу, ведя на ходу огонь по десантникам, которые удирали как зайцы. Фашисты бежали, падали и уже не поднимались больше. Шменкель вошел в азарт.

Один из танков в суматохе наехал на самоходку. От толчка самоходка уткнулась стволом орудия в землю. Ее экипаж пытался спастись бегством. Рядом горел еще один танк. В воздухе пахло бензином, маслом, порохом и горелым мясом.

- Огонь по самоходке! - приказал командир.

Головной танк, повернув назад, сделал несколько выстрелов из орудия, но снаряды легли в лесу, позади партизан.

"Радист наверняка наведет на нас авиацию", - подумал Фриц и стал искать глазами командира, чтобы сказать ему о своем предположении. По кювету пробежала санитарка и скрылась в кустарнике. Охваченный смутным предчувствием, Фриц последовал за ней.

За кустами лежал Заречнов. Осколок снаряда попал ему в нижнюю часть живота. Глаза командира были закрыты, но Заречнов находился еще в сознании. Санитарка попыталась как-то перевязать рану, но Шменкель видел, что все ее старания напрасны. Фриц сорвал с себя китель и, оторвав от рубашки широкую полосу, стянул ею живот командира. Однако кровь моментально просочилась сквозь повязку. Командиру, нечем было облегчить страдания, так как морфия в отряде не осталось, и сам Заречнов знал об этом.

Командир открыл глаза и, глядя на Шменкеля, с трудом спросил:

- Все?

- Все танки, товарищ командир, уничтожены, кроме одного...

В этот момент раздался страшный взрыв, за ним - второй и третий. Это рвались снаряды в самоходке,

- Не разговаривайте, принесите лучше носилки, - попросила санитарка Шменкеля.

- Хорошо, сейчас.

На помощь уже спешили два партизана. "И почему каждый раз первым погибает командир? Почему?"

Стонущего от боли Заречнова положили на плащ-палатку и понесли. Тихомиров оглядел партизан, уже готовых к маршу, и пошел в голову колонны. Поле боя покидали молча. Заречнов больше не стонал: видимо, потерял сознание.

На первый привал остановились в сосновом лесу. Здесь решили дождаться партизан из других отрядов. Санитарка хотела было подойти к командиру, чтобы посмотреть, как он себя чувствует, как вдруг комиссар закричал:

- Воздух! Ложись!

Партизаны распластались на земле, и в тот же миг низко, почти касаясь вершин деревьев, над лесом пронеслись самолеты со свастикой.

Фриц не мог простить себе, что, увидев раненого командира, совсем забыл сказать о возможности налета вражеской авиации. Стиснув зубы, Шменкель ждал разрывов бомб. Взрывы слились с пулеметными очередями. К счастью, никто из партизан не пострадал. Однако окончательно все успокоились, лишь когда к ним подошли партизаны из отряда имени Буденного.

- Они сбросили бомбы на лес и обстреляли дорогу из пулеметов, сообщил Сабинов. - Нам бы нужно обзавестись хоть одной зениткой, тогда...

Тихомиров отошел в сторону и внимательно посмотрел на неподвижно лежавшего Заречнова. Заметив это, Сабинов замолчал на полуслове.

Командиры отрядов и подразделений собрались на совещание. Рядом с Тихомировым сидел заместитель командира отряда Васильев. Шменкель увидел в руках у комиссара тетрадку Просандеева, в которую бывший командир отряда заносил свои заметки. Подозвав Шменкеля, Рыбакова и Коровина, Тихомиров сказал им:

- Товарищи из отряда Сабинова из-за налета авиации не смогли подсчитать потери противника. Вы проводите их туда.

И, разостлав карту, комиссар показал:

- Мы с вами встретимся вот здесь. Запомните пароль: "Чапаев".

- Ясно, пароль - "Чапаев".

Лес по обе стороны дороги был изуродован взрывами бомб. И хотя дым уже рассеялся, в воздухе еще пахло гарью. Освещенные солнцем, чернели коробки танков. Переходя от одного подбитого танка к другому, партизаны считали убитых. Так они дошли до левого, фланга. Дальше начиналось открытое поле. И вдруг в тишине грянул выстрел, за ним второй. Пули просвистели над головой Рыбакова.

- Выстрелы пистолетные, - определил Петр. - Вот я его сейчас

очередью прошью.

- Ты что, с ума сошел? - остановил его Шменкель. - Мы возьмем его живым.

Раздался третий выстрел.

Партизаны спрятались за обгоревший танк. Стрелявший, видимо, находился в стоге сена, который стоял метрах в тридцати от дороги.

- Я его окликну. Пусть сдается в плен. Если он не дурак...

- Попробуй.

Шменкель на миг задумался: как лучше окликнуть гитлеровца, чтобы тот ему поверил. Может, назвать его "камрадом"? Нет, так не стоит.

- Солдат, бросай оружие и сдавайся! - крикнул Шменкель. Сопротивление бессмысленно!

Вместо ответа раздались еще два выстрела.

- Сумасшедший, - выругался Рыбаков. - Если б он не открыл стрельбы, никто б его и не заметил.

- Наверное, это офицер, - предположил Коровин. - Однако патроны он не бережет.

- Тебе все равно не уйти! - крикнул Шменкель гитлеровцу. - Сдавайся, и тогда тебе ничего не будет!

И опять вместо ответа прозвучал выстрел. Пуля щелкнула по броне танка.

- Скажи-ка ему, что мы сейчас подожжем сено зажигательной пулей.

Шменкель замотал головой. Сейчас, когда появилась реальная возможность захватить "языка" и узнать от него о настроениях в вермахте, было бы глупо убивать его. Может, и стреляет-то он из страха, а потом сам себе пустит пулю в лоб. Нет, этого допустить нельзя.

- Я его сейчас оттуда выволоку, - сказал Фриц.

- Ты что, тронулся? - удивился Рыбаков. - Ты думаешь, я разрешу тебе рисковать жизнью из-за какого-то паршивого фрица?

- Пойми, Петр, его нужно взять живым. Пойми же наконец.

- Понимаю, но ты забыл, что говорил нам командир о самовольных действиях...

- Я пойду с ним, - заявил Коровин. - Я зайду к стогу с одной стороны, а Иван - с другой.

- Да вы, я вижу, оба ненормальные.

И Рыбаков дал длинную очередь поверх стога.

- Я отвлеку внимание немца.

И Коровин в несколько прыжков перескочил через дорогу и залег там в кювете. Гитлеровец не видел Коровина. Когда же

немец высунул голову, Рыбаков снова дал очередь поверх стога. Гитлеровец спрятался, и в этот момент через дорогу перебежал Шменкель. Он залег в кустах и стал внимательно наблюдать за стогом.

Но ничего не было видно. Шменкель слышал, как Рыбаков заменил диск у автомата. Немец, видимо, не замечал Шменкеля, который, решил подкрасться к стогу в тот момент, когда Коровин отвлечет внимание гитлеровца. Из стога раздался один-единственный выстрел. Видимо, патроны у немца были на исходе или же вообще кончились.

Рыбаков, спрятавшийся за танком, дал очередь в воздух, а в это время Шменкель подбежал поближе к стогу.

И снова пистолетные выстрелы гитлеровца слились с длинными очередями Рыбакова.

Добежав до стога сена, Шменкель бросился на фашиста. Тот вскрикнул от неожиданности, и Шменкель увидел перекошенное от страха лицо гитлеровца.

Фашист как кошка вцепился в Шменкеля, пытаясь затащить его в копну. Но тут подоспел Коровин и несколько раз ударил гитлеровца кулаком. Пленный затих.

Шменкель и Коровин выплюнули изо рта солому, отряхнулись и засмеялись.

- Ну как? Схватили его?! - крикнул им Рыбаков.

- Да! Давай сюда веревку.

Вытащив фашиста из стога, Коровин связал ему руки и положил пленного на землю. Во время бегства из танка гитлеровец, видимо, потерял один ботинок, и теперь одна нога у него была в носке. На пленном были только брюки и рубашка: китель у него, видимо, сгорел, а может, он его сбросил с себя.

- Ну и фрукта же мы захватили, - сплюнул Рыбаков. - Товарищи нас засмеют. Разве это пленный? Хоть бы офицер был, а то...

Шменкель пожал плечами. Пленному - рослому, здоровому мужчине - на вид можно было дать лет тридцать. Документов у него никаких не оказалось. В бумажнике, который партизаны нашли у него в заднем кармане брюк, лежали только деньга и две фотографии: с одной смотрела молодая женщина, с другой - девочка лет шести с большими глазами. И только.

Пленный застонал и, тяжело вздохнув, открыл глаза.

- Доброе утро. Хорошо поспали? - по-немецки осведомился Рыбаков.

Он выучился этой фразе у Шменкеля.

Немец ничего не ответил. Он смотрел на партизан полным ненависти взглядом.

- Вы ранены? - спросил пленного Коровин.

- Нет.

- Тогда вставайте!

Пленный медленно поднялся. Рыбаков поддержал его под руку.

"Ну и странный ты человек, Петр, - подумал Шменкель. - То ты хотел поджечь стог вместе с немцем, а теперь помогаешь фашисту встать".

- Как вас зовут?

- Кванд. Эрнст Кванд. Я требую немедленно проводить меня к командиру регулярной части Красной Армии, - заявил немец.

- Нет, сначала мы с вами займемся, - сердито бросил Коровин.

- Что он сказал? - спросил Рыбаков.

- Задирает нос, считает нас бандитами.

- Что?! - Рыбаков ткнул гитлеровца в спину дулом автомата. - Давай! Давай!

Шменкель шел последним. Он давно ждал момента, когда они возьмут в плен гитлеровца, давно собирался забросать пленного немца вопросами. А вот теперь Фриц не знал, с чего начать. Ему как-то стало неловко перед товарищами. Этот Кванд по их красным лентам сразу, видимо, догадался, что перед ним партизаны. Но стоило гитлеровцу оправиться от страха, как он потребовал, чтобы его передали в регулярную воинскую часть Красной Армии. Шменкель злился за это на пленного, но старался не показывать виду. Обогнав партизан, Шменкель пошел рядом с пленным.

- Кто вы? - спросил он немца.

Пленный смерил Шменкеля удивленным взглядом, озадаченный его безукоризненным немецким произношением.

- Солдат.

- И вы пришли сюда как солдат?

- Я отказываюсь отвечать.

- Значит, вы офицер.

Пленный молчал. На его лице не дрогнул ни один мускул.

- Воля ваша, но лучше подумайте о своем положении. У вас нет солдатской книжки, - проговорил Шменкель и, отстав, поравнялся с Коровиным,

Так они ниш минут двадцать.

- Далеко еще идти? - спросил пленный.

- Нет.

- Я унтер-офицер.

- Так-то оно лучше. Из какой части?

- Из одиннадцатой танковой дивизии.

- Почему вы в нас стреляли?

Пленный пожал плечами:

- Я и сам не знаю. Видимо, сдали нервы... Мне говорили, что партизаны издеваются над пленными...

В этот момент их окликнул часовой. Они назвали пароль и, завязав пленному глаза, пошли дальше. Партизаны, встречавшиеся на пути, отпускали ядовитые шуточки в адрес пленного.

Подойдя к заместителю командира отряда Васильеву, Шменкель доложил, сколько в ходе операции убито гитлеровцев. Тем временем Рыбаков и Коровин подвели пленного.

Васильев внимательно посмотрел на пленного. Гитлеровец в свою очередь изучал командира, стараясь, видимо, отгадать его воинское звание, поскольку на гимнастёрке у командира погон не было.

- Ну как, навоевались? - спросил Васильев.

- Пока да, - небрежно ответил пленный.

Васильев сделал несколько шагов к немцу.

- Пока, говорите? Надеетесь, что вермахт выиграет эту войну?

- А вы как считаете?

Разговор этот переводил Шменкель. Он так старался быть прилежным переводчиком, что не одернул вовремя пленного за его наглость.

- Вы не вправе задавать мне вопросы, - ответил Васильев. - Я же вам кое-что напомню. Ваши армии давно хотели быть в Москве, но из этого ничего не вышло. Вас отбросили на триста километров. А почему, я вас спрашиваю?

- Насколько я могу судить... это случилось потому, что у нас не было достаточного количества зимнего обмундирования, не хватило бензина и... сильные морозы. Самое главное, конечно, сильные русские морозы.

- Ах, вот как? Виноваты, значит, морозы? Неужели вы до сих пор не поняли, что мы в состоянии побеждать?

Пленный заморгал глазами.

Тем временем к Васильеву подошли Тихомиров и несколько командиров.

- Ничего лучшего придумать не могли?

Голос Васильева стал строже.

- Я действительно не могу об этом судить... - проговорил пленный. - Я всего-навсего унтер-офицер... У русских под Москвой не было резервов, и если б это происходило летом, а не зимой, то все могло бы быть иначе.

- Затвердил одно, как попугай! - проговорил Васильев и спросил: - Вы член нацистской партии?

- Нет.

- Вы все так говорите. Зачем вы пришли в нашу страну? Мы вас звали?

Пленный молчал.

- Вы что, потеряли дар речи?

- Я солдат, я выполнял приказ, и все.

- Даже если это был приказ стрелять в женщин и детей? Сжигать села и избивать стариков?

Пленный крепко закусил губы. На лбу у него выступили капли пота.

"Что-то он скрывает", - подумал Шменкель.

- За слово "приказ" вам не спрятаться. Вы не котята, надо думать. Вести войну против женщин и детей - это дело совести. К счастью, не все такие, как вы. У нас в отряде есть настоящий немец, его фамилия Шменкель...

- Шменкель? - удивленно переспросил пленный, не дождавшись, пока ему переведут сказанное.

- Вы слышали о нем? - спросил Васильев.

- Нет, нет, - быстро ответил пленный.

- Ты врешь! - не без волнения сказал Шменкель.

От командира не ускользнуло, что упоминание фамилии Шменкеля несколько накалило обстановку.

- Говори правду, - настойчиво предупредил Шменкель. - Только правда может спасти тебя. Шменкель - это я!

Пленный в какой-то момент закрыл глаза, словно хотел показать, как он устал.

- Я действительно ничего не знаю... Я всего-навсего маленький унтер-офицер...

- Забудь ты это слово... Унтер-офицер! Унтер-офицер! Говори, что знаешь!

- Жандармерия разыскивает какого-то ефрейтора Фрица Шменкеля.

- Откуда ты это знаешь?

- От полевой жандармерии.

С ноября до мая произошло столько событий! У полевой жандармерии других забот полно: им наверняка не до ефрейтора, который дезертировал из армии полгода назад.

- Я числюсь в списке разыскиваемых, - сказал вдруг Шменкель.

- Да, да, разумеется, - согласился пленный.

- Где вы видели эти списки? Какое отношение имеете вы к полевой жандармерии? - Вопросы Шменкеля сыпались один за другим с такой быстротой, что унтер-офицер сразу понял, что попал в ловушку.

- Никакого! Абсолютно никакого! Я только слышал об этом.

- От кого?

В глазах пленного блуждали какие-то нагловатые огоньки, когда он говорил, что слышал об этом от одного знакомого.

- А ну-ка снимай рубашку! - приказал Шменкель и, заметив, что тот не собирается выполнять его приказ, повторил: - Снимай рубашку!

Шменкель не обратил внимания на удивленный взгляд командира. С интересом смотрел он на трясущиеся пальцы пленного, которыми тот расстегивал пуговицы.

- Подними руки!

Под мышкой у пленного красовалась татуировка с обозначением группы его крови. Такие метки были у всех эсэсовцев. Значит, этот тип эсэсовец! Но тогда почему он оказался в танковой колонне?!

Лицо пленного снова стало наглым.

- Кто ты такой? Шпик из гестапо? Офицер разведки... или каратель?

- Я только делал то, что мне приказывали... Я рядовой эсэсовец... Шарфюрер, и не больше...

- Убийца ты и грабитель, вот кто ты! - с гневом бросил Шменкель. Такие, как ты, превратили Германию в кладбище. Они убивают, вешают. Вот вся ваша политика!

Шменкель с силой ударил немца. Того сильно качнуло в сторону. Пленный оглянулся, словно ища защиты. Шменкель ударил его еще раз.

- Мы не позволим вам превратить мир в тюрьму или концлагерь! Мы не успокоимся, пока всех вас не уничтожим!..

Васильев и Тихомиров отвели Шменкеля в сторону, чтобы он успокоился.

Всю ночь Заречнов был в агонии. Когда же утром партизаны собрались у тела своего командира, чтобы проститься с ним, все заметили, как сильно искусаны у него губы, боли были слишком сильными.

Партизаны построились, и Тихомиров глухо скомандовал:

- К салюту приготовиться!

Щелкнули затворы.

- Огонь!

Сумрачные и молчаливые, шли партизаны через весенний лес. О пленном никто не говорил. Во время очередного допроса, который проводил Коровин, эсэсовцу не удалось опровергнуть того факта, что он принимал участие в расстрелах мирных жителей. Приговор эсэсовцу был единодушным. И все же Шменкель невольно думал о своем соотечественнике, с которым судьба свела его после полугодового нахождения в партизанском отряде. В каком же глупом положении оказался Фриц. Ведь он хотел показать своим боевым товарищам по отряду немца, разумеется, не антифашиста, просто честного немца, который уже понял всю преступность развязанной Гитлером войны. А вместо такого человека случай сунул ему этого эсэсовца. Правда, партизаны по-прежнему хорошо относились к Шменкелю, но Фрица это не успокаивало. Совсем не успокаивало.

"Быть может, лучше раз и навсегда забыть страну, в которой ты родился и вырос? - думал Шменкель. - Но как это сделать? Отречься от родины не так-то просто, но нельзя и молчать, когда идет эта проклятая война. Она каждый день несет людям смерть, и смерть эта связана со словом "Германия".

В полдень запахло чем-то горелым. Партизаны выслали вперед разведчиков, чтобы узнать, в чем дело. Вскоре разведчики

вернулись в отряд и доложили, что фашисты сожгли очередную деревню. Видимо, еще накануне. Повсюду валялись обгоревшие балки, стропила, сиротливо торчали печные трубы, и это только усиливало ужас происшедшей трагедии. Ветер бросал разведчикам в лицо пепел. Кругом не было ни души.

Партизаны уже хотели двигаться дальше, как двое бойцов привели к командиру старушку в отрепье. Увидев командира, она повалилась ему в ноги и начала издавать какие-то странные звуки. Ее белые как лунь волосы касались земли.

- Потеряла рассудок, - заметил один из партизан.

Старушку попытались успокоить, но она ничего не понимала.

- Еще раз осмотреть все руины и подвалы! - приказал Васильев партизанам.

Шменкель и Рыбаков пробрались к кирпичному фундаменту сгоревшего дома. Пахло чем-то сладковатым. Видимо, под рухнувшими стенами и крышей дома сгорели люди. Вскоре Рыбаков наткнулся на человеческие кости. Увидел обгоревшую ногу ребенка в чудом сохранившемся ботиночке. Приложив палец ко рту, Рыбаков жестом позвал к себе Шменкеля. Фриц молча пошел за товарищем.

Невдалеке показалась фигура мужчины в кожаной куртке. Он шел, шатаясь из стороны в сторону,

- Братишки... товарищи... товарищи... помогите же...

Васильев поддержал мужчину. Тот сразу же повел командира к подвалу. В таких подвалах крестьяне обычно хранят продукты. Там, забившись в угол, сидели четыре человека: две женщины, паренек и девушка. Лица у всех были испуганные.

Рыбаков побежал за санитаркой. Мужчина тем временем пытался объяснить партизанам, что здесь произошло:

- Я просто чудом уцелел... Был в лесу и... все видел издалека. Фашисты плотным кольцом окружили деревню. Мышь не выскользнула бы. Потом открыли по селу огонь из пулеметов.

Кто-то дал мужчине закурить. Тот несколько раз жадно затянулся.

- Я видел, как фашисты собрали жителей и повели их к опушке леса. Всех построили и начали косить из пулеметов. Там были моя жена и дочка...

В это время к подвалу подошла санитарка Надежда Федоровна.

Одна из женщин неожиданно заговорила:

- Пусть все знают, как это было. Немцы пришли в деревню сегодня утром. С ними было несколько русских полицаев. Забили ногами в дверь, заорали: "Открывай!" Меня вытолкнули из избы на улицу. Мужа подняли с кровати прикладами, а ведь он у меня

больной, параличный. Гнали нас, как какой-нибудь скот. Избы подожгли, а ведь в них остались больные и дети.

Женщина замолкла. Потом, собравшись с силами, продолжала:

- Когда же они заживо сожгли моего отца, я закричала не своим голосом, и все люди, которых сбили в кучу, как овец, начали плакать и кричать. Борисова, комсомолка, бросилась было на одного фашиста... Тогда они начали стрелять. Убитые и раненые попадали в одну кучу...

Женщина зарыдала.

Партизаны стояли молча.

Через несколько секунд женщина перестала плакать и заговорила снова:

- А оставшихся в живых или раненых они добивали молотками. Били молотком по голове... понимаете...

И женщина снова залилась слезами.

"Боже мой, - подумал Шменкель, - что же будет с этой бедной женщиной!.."

- А ну-ка уходите все отсюда! - приказала доктор Кудимова партизанам. - Быстро!

Вместе с партизанами собрался уходить и мужчина, который привел их сюда. Один из партизан дал ему свою фляжку с водой, но руки у бедняги так дрожали, что он не мог даже пить.

- Они... повели эту женщину к лесу, - начал объяснять мужчина, - там стали стрелять, но пуля ее только ранила. Вот я ее там и подобрал. Дайте, братишки, табачку, закурить хочется! Пойдемте, я вам все-все покажу.

Тем временем на пепелище собрались все партизаны. Они пошли за мужчиной в кожаной куртке. Шменкель шел с трудом, боясь увидеть новые ужасы. Но тут он решил, что ему обязательно нужно увидеть все собственными глазами, чтобы впредь в его сердце не оставалось места жалости к преступникам.

Расстрелянные лежали на опушке леса. Здесь были женщины, мужчины, подростки. Человек триста, не меньше.

Мужчина в кожаной куртке стоял неподвижно и молча смотрел на убитых. Глаза его зажглись ненавистью. Повернувшись к партизанам, он выкрикнул:

- Братья, убивайте фашистов, убивайте! Обещайте, что вы будете убивать их! Всех их нужно уничтожить до последнего! До последнего!

Шменкель чувствовал, как в партизанах кипела ненависть. Не хотелось верить, что эти ужасы - дело рук людей, которые, как и все, ходят по земле, пьют, едят, пишут письма домой. Фрицу казалось невозможным, что когда-нибудь он снова попадет в

Германию, будет ходить по улицам. Будет светить солнце, а люди будут смеяться, забыв обо всех этих ужасах. Ему казалось просто невозможным, что когда-нибудь, идя по улице, он сможет заглянуть в освещенные окна домов, где увидит за столом главу семейства, занятого починкой игрушечного паровозика. Фрицу наверняка захочется спросить мужчину, где он был весной сорок второго года, когда под Духовщиной фашисты заживо сжигали детей и стариков, расстреливали мужчин и женщин...

Шменкель посмотрел на сгоревшую дотла деревеньку. Над пепелищем вились голуби. Они тщетно искали свои гнезда.

На обратном пути Шменкель шел рядом с Рыбаковым.

- А ты еще говорил об установлении в Германии рабоче-крестьянской власти. Для кого? Для тех, кто это сделал?

- Для этих нет, - отрезал Рыбаков. - Для других - да. Ты сам как-то говорил мне: если ты отречешься от родины, значит, откажешься от самого себя. Нельзя видеть только одни отрицательные стороны.

- Эти негодяи и после войны захотят владеть всеми богатствами, вмешался в разговор Тихомиров. - Люди подобного сорта - антиобщественные элементы. Они способны нарушить любые моральные и духовные принципы, но их не следует смешивать с другими, порядочными людьми, товарищ Шменкель.

- А вина? - спросил Шменкель.

- Вина?.. - повторил комиссар. - За преступления будут расплачиваться те, кто их совершал. А возмещать убытки немецкий народ будет иными средствами, путем вступления нации на путь, свободный от заблуждений и ошибок. С нацистским правительством, с пушечными королями и такими, как вот этот эсэсовец, которого мы только что расстреляли, мы рассчитаемся особо.

* * *

Майский день был ясным и солнечным. Дул свежий весенний ветер. Виктор Спирин вел передовой отряд партизан в лагерь. Вдруг он остановился и сказал:

- Если бы все эти ужасы мы не видели собственными глазами, просто не поверили бы. Ночь они провели в лесу, неподалеку от сожженной гитлеровцами деревни. Многие партизаны не смогли заснуть в ту ночь. У всех пропал аппетит. Однако обстановка заставляла сделать привал. В близлежащие села были посланы небольшие разведывательные группы. После возвращения их командиры долго совещались, обсуждая обстановку.

Вскоре после полуночи Тихомиров собрал бойцов и объявил им приказ. Отряд имени Буденного, пользуясь темнотой, должен был подготовить взрыв крупного склада боеприпасов. Тем самым

партизаны хотели доказать врагу, что кровавый террор гитлеровцев по отношению к мирному населению не останется безнаказанным. Партизаны же из отрядов имени Суворова и "Смерть фашизму" должны были похоронить расстрелянных гитлеровцами крестьян.

Похороны начали на рассвете. А когда солнце стало клониться к закату, из соседних деревень пришли сотни жителей поклониться праху убитых. Один из членов подпольного райкома принес Красное знамя, которое держали приспущенным над братской могилой.

После похорон оба партизанских отряда разъединились. Верзин повел своих людей в северном направлении. Командиры договорились поддерживать друг с другом постоянную связь и совместно организовать в районе Духовщины на островке среди болот партизанский лагерь.

Вскоре после этого головной дозор отряда "Смерть фашизму" вышел на цель. Разведчик Николай Казаков, который прекрасно знал эти места, буквально каждую тропинку, вел за собой Спирина, Коровина, Рыбакова и Шменкеля. Когда командир отделения сказал, что впереди видит дорогу, Казаков не сразу ответил ему - он все еще находился под впечатлением недавних похорон.

Группа скрытно вышла на поросший кустарником холм. Шменкель разглядывал местность в бинокль. Перед ним простирались поля с островками леса. Дорога змеей вилась вокруг высотки. Видимо, давно не было дождя: воздух на горизонте струился.

Шменкель толкнул Спирина:

- Легковой автомобиль!

Спирин кивнул и взял бинокль:

- По-видимому, штабная машина. Днем они разъезжают без сопровождения, считая, что на открытой местности с ними ничего не случится. Жаль пропускать ее!

- А почему мы должны ее пропускать? - Рыбаков подмигнул. - Откроем огонь из-за кустов, и все тут.

- Глупо. Мы просто-напросто остановим ее.

Шменкель снова взял бинокль и стал смотреть.

- В машине наверняка едут офицеры. Возможно, даже с важными штабными документами.

Фриц быстро надел себе на голову немецкую каску, по всем правилам застегнул шинель и взял в руки автомат.

- Теперь я похож на часового. Нужно только огневое прикрытие.

Спирин подумал немного и приказал бойцам:

- Занять укрытие по обе стороны от дороги! В случае оказания сопротивления немедленно открыть огонь.

Под прикрытием кустов партизаны сбежали с высотки к дороге.

- Ваня, дашь нам знак! - крикнул Шменкелю Спирин.

Как ни в чем не бывало Шменкель стал прохаживаться вдоль дороги, прислушиваясь к приближающемуся шуму мотора. Машина была метрах в ста за поворотом. Шменкель закурил. Прошло минуты две. Когда машина показалась, Фриц бросил окурок и, выйдя на середину дороги, поднял руку. Завизжали тормоза, машина остановилась в нескольких метрах от Шменкеля.

Рядом с водителем сидел солдат. На заднем сиденье расположились толстый майор и еще какой-то офицер.

- Эй ты, тебе что, жить надоело? Почему стоишь повреди дороги?

В голосе майора звучали нотки недовольства.

- Никак нет, господин майор!

- Что ты вообще делаешь в этом захолустье?

Майор подался вперед и с удивлением посмотрел на Шменкеля. Вдруг лицо майора побледнело, и он схватился за кобуру. Шменкель сорвал с плеча автомат. В этот момент в кустах возле дороги что-то блеснуло - и майор упал на сиденье.

В тот же миг водитель дал газ, мотор взвыл, и машина рванулась вперед. Шменкель отскочил в сторону, но все же успел дать очередь по колесам. Машину сразу же занесло в кювет.

- Руки вверх!

Первым с поднятыми руками из машины вылез лейтенант. Лицо его было мертвенно бледным, а губы сжаты. По лбу водителя текла струйка крови, вверх он поднял только одну руку, так как во вторую, видимо, был ранен. Солдат, сидевший на переднем сиденье рядом с водителем, остался невредимым. Он на чем свет ругал водителя:

- Ты что, очумел - ехать, когда по машине стреляют?! Нас всех могли перестрелять! Я не зря сегодня подумал, что эта поездка может для нас плохо кончиться, и вот тебе, пожалуйста, мы попали к партизанам!

Водитель, унтер-офицер по званию, плюнул в сердцах и ругнулся. Но это не произвело на солдата никакого впечатления. Зато когда из кювета появились Коровин и Рыбаков с автоматами в руках, он заговорил:

- Господа, ради бога, не смотрите на нас такими страшными глазами. Разрешите представиться: Ганс Кубат из Брюнна.

Рыбаков, ткнув дулом автомата ему в живот, закричал на

ломаном немецком языке:

- Где второй офицер?

Солдат, не опуская поднятых вверх рук, заикаясь, ответил:

- Если разрешите, пожалуйста, господин майор как раз... в некоторой степени... так сказать... отправился на тот свет.

- Что он несет? - спросил Рыбаков.

- Майор убит, - перевел Фриц. - А этого малого оставь в покое, он, кажется, не опасен.

Шменкель посмотрел на двух других пленных. Офицер поднял руки, словно молил небо о пощаде. Взглянув на его погоны, Шменкель понял, что в плен попал лейтенант медицинской службы, врач. Водитель смотрел прямо перед собой. Лицо его выражало страдание.

- Забрать их! - приказал Спирин. - И поскорее уходите с дороги!

- Я позабочусь о машине, - заметил Рыбаков.

У убитого майора тем временем забрали удостоверение и пистолет.

Коровин привязал здоровую руку водителя к руке лейтенанта. Кубату руки связали сзади. Он с любопытством наблюдал, как Рыбаков и Шменкель осматривали машину. Когда в руках у Шменкеля оказалась коричневая кожаная папка, Кубат крикнул ему:

- Это папка господина майора, в ней штабные документы!

- Документы? - переспросил Рыбаков.

- В машине лежит и чемодан господина майора. В нем его пижама, сорочка, бритва и что-то еще. Пожалуйста, господа! Вам не мешает побриться!

Шменкель машинально провел рукой по щекам: он уже три дня не брился. Теперь ему стало понятно, почему майор сразу же схватился за пистолет, как только увидел его.

- Этот парень, как граммофон, говорит и говорит...

Рыбаков кивнул в сторону словоохотливого Кубата, который уже вытаскивал из машины чемодан майора.

- Ну и хороши же сапоги у господина майора, - заметил Кубат и, проведя рукой по голенищу, прищелкнул языком.

- Ну, вы готовы? - крикнул партизанам Спирин.

- А радиоприемник? - удивился Шменкель. - У нас в лагере нет радио, а здесь хороший приемник.

- Эй, Виктор, иди-ка сюда! - крикнул Рыбаков Спирину.

Тот побежал, но не переставал торопить ребят:

- Мы не можем здесь долго торчать!

- Давай посмотрим, что тут еще есть, - уговаривал товарища Рыбаков и нажал одну из кнопок радиоприемника. Сначала

раздался голос женщины-диктора, а потом послышались звуки марша.

Казаков и Коровин, которые, как и большинство партизан, с самого начала войны не слышали ни последних известий, ни музыки, двинулись было к машине, чтобы посмотреть на приемник.

- Вы что, с ума спятили?! - закричал на них Спирин. - Не спускайте глаз с пленных!

Рыбаков выключил радио и проговорил:

- Хорошо бы передачу из Москвы послушать.

Спирин нахмурил брови и посмотрел на товарищей, однако чувствовалось, что ему тоже очень хотелось послушать Москву.

- Радио, - не успокаивался Рыбаков, - это очень важное средство политической борьбы. По радио мы можем ловить сводки Совинформбюро и говорить людям правду о положении на фронтах. Тогда нам не придется пользоваться бог знает какими слухами. Виктор, подумай о Тихомирове, для него этот приемник будет дороже всего!

Спирин почесал затылок и спросил:

- А можно вообще поймать Москву?

- Все зависит от батарей, - объяснил Шменкель. - Если они еще не разряжены, наверняка можно.

- Если ты долго будешь говорить, мы сегодня вообще ничего не сделаем, - съехидничал Рыбаков.

- Ну давайте, снимайте, только быстро...

- Приемник очень хороший, - заметил Кубат. - Аккумулятор есть. Если хотите, я помогу вам снять радио, вынуть инструмент из багажника, предложил свои услуги солдат.

Шменкель обошел машину и открыл багажник. Там были самые различные инструменты.

Рыбаков, глядя на Кубата, начал нервничать:

- Что он еще хочет? Если он не замолчит, я его быстро успокою...

- Оставь его. Он говорит, что в машине есть небольшое динамо. С его помощью мы сможем заряжать аккумулятор.

Движением головы Шменкель приказал Кубату подойти к нему.

- Оружие есть?

- Господин говорит по-немецки? Я почему-то сразу так и подумал.

- Я хочу знать, оружие у тебя есть? - еще раз спросил Шменкель.

Пленный показал на машину. Там стоял карабин.

- Помоги мне, но не вздумай попытаться удрать, а то дам

очередь из автомата вдогонку, и все. - С этими словами Шменкель развязал пленного. Ну, неси сюда ящик с инструментами.

Рыбаков нахмурился, Фриц же только махнул на него рукой.

- Парень, кажется, не торопится попасть в свою часть, - заметил Фриц и, повернувшись к пленному солдату, сказал: - Ну а где же ваша батарея?

- И думаю, вот тут. Пожалуйста. Я не очень-то разбираюсь в технике.

Солдат стал помогать Шменкелю снимать радиоприемник.

- Ты кто по профессии? - спросил его Шменкель.

- Официант... Работал в отеле "Европа" в Брюнне.

- Убери-ка пальцы. Так... а теперь тяни. А как ты попал в Россию? Уж не собирался ли разбогатеть и завести собственную гостиницу?

Кубат вытер мокрый от пота лоб:

- Неужели я похож на завоевателя? Никто не спрашивал меня, согласен я сюда ехать или нет.

- Так, теперь держи приемник!

Спирин тем временем поднялся на высотку и оттуда дал знак, что пока все спокойно. Через четверть часа приемник и аккумуляторные батареи были сняты с машины. Бензин партизаны слили, а машину подожгли.

Ящик с инструментами и приемник взвалили на Кубата, которого Рыбаков то и дело подгонял возгласами "давай, давай!".

Добрались до лагеря. Впереди шел пыхтевший от тяжелой ноши Кубат, за ним врач, красный как рак и ужасно злой: он был недоволен, что его, лейтенанта, привязали к какому-то водителю.

За несколько дней лагерь нельзя было узнать. И не потому, что зазеленела трава, а на кустах появились клейкие листочки. Просто в нем уже не было загородок и заборов между отрядами. Это был партизанский лагерь, в котором вся караульная служба подчинялась единой комендатуре, хотя внутренний распорядок в каждом партизанском отряде оставался свой. Как и раньше, у каждого отряда были своя собственная кухня, свои продукты, бани, конюшни.

Все новшества исходили от Николая Афанасьевича Морозова, старшего лейтенанта-артиллериста, командира отряда имени Котовского. Все наболевшие вопросы партизаны обсуждали на общих собраниях.

Определив пленных в одну из землянок (возле нее сразу же выставили часового), Спирин пошел к Морозову доложить о своем возвращении. Николай Афанасьевич, невысокий, очень подвижный мужчина, уже шел ему навстречу. Он был подстрижен ежиком, отчего лицо его казалось скуластым. Морозов

поздоровался с разведчиками, задержав долгий, изучающий взгляд на Шменкеле. Фриц уже привык к такого рода взглядам.

Спирин коротко доложил командиру о результатах разведки. После этого разведчики пошли мыться. Мылись они не торопясь, с явным удовольствием. Командир отряда Васильев после бани вызвал Шменкеля к себе.

Командир был чисто выбрит, на нем была свежая рубашка. Здесь же сидел и Тихомиров.

- Я слышал, вы захватили штабные документы? Ты их просмотрел? спросил Тихомиров.

- Нет, товарищ комиссар.

Портфель сразу же забрал Спирин.

- Знаю. Просмотри документы, да поскорее. И коротко доложи мне о самом главном.

- Слушаюсь.

Шменкель направился было к выходу, но Васильев задержал его:

- Подожди, сейчас мы будем допрашивать пленных, а ты переведешь. Собственно говоря, что это за птицы?

- Один из них бывший официант... комичный парень, добряк.

Васильев рассмеялся и, похлопав Шменкеля по плечу, проговорил:

- Ну ладно, начинай с документов.

В портфеле майора оказались карты, донесения из частей 7-й танковой дивизии и закодированные радиограммы. Документов, которые могли бы заинтересовать партизан, не нашлось. Поэтому Шменкель стал читать донесения, которые интересовали прежде всего его самого. Однако почти все донесения, к большому удивлению Шменкеля, были написаны в оптимистических тонах, и только несколько гитлеровских командиров сообщали, что последствия зимнего периода, кажется, уже ликвидированы и что разговоры о потерях в частях уже не являются темой номер один. Расшифровать радиограммы, в которых, по-видимому, содержались ценные сведения, Шменкелю не удалось.

Два часа спустя Шменкель докладывал Васильеву о характере документов. В землянке находился и Морозов. Он забрал портфель с документами, сказав:

- Мои разведчики передадут все эти бумаги в штаб армии.

Васильев и Тихомиров сидели на нарах, устланных еловыми ветками. Они предложили сесть и Шменкелю. Вскоре в землянку ввели первого пленного для допроса.

Это был лейтенант, врач. Держался он вызывающе.

- Садитесь! - по-немецки приказал Шменкель лейтенанту.

Офицер, услышав безукоризненный немецкий язык, старался

ничем не выдать своего удивления. Лишь уголки губ чуть заметно дрогнули.

- Спасибо. Я лучше постою.

- Как хотите. Ваши документы?

Шменкель стал рассматривать пленного. Лейтенант был среднего роста, худощав, русые волосы зачесаны назад. Он имел Железный крест второго класса. Внешне пленный ничем не выдавал волнения. Вот только пальцы дрожали.

Шменкель усмехнулся при мысли, что и этот тип, может быть, тоже принимает партизан за бандитов, которых просто-напросто боится. В соответствии с приказом Тихомирова Шменкель должен был вести допрос самостоятельно.

Взяв у пленного удостоверение и полистав его, Шменкель сказал:

- Значит, вы врач Пауль Панзген, тридцати пяти лет, женаты, имеете двух детей, военнослужащий седьмой немецкой танковой дивизии?

- Да, я хирург.

- В организации немецкой армии я как-нибудь разбираюсь. - Шменкель усмехнулся. - Офицер резерва?

- Так точно.

- Давно на фронте?

- Год.

Шменкель перевел все это Тихомирову и снова обратился к пленному:

- Второй офицер, который с вами ехал, майор Вальдоф? Куда вы ехали?

- В Смоленск.

- Зачем? Может быть, вы сами все расскажете, господин доктор, или мне придется вытягивать из вас слова силой?

- Майор Вальдоф ехал в Смоленск для улаживания транспортных вопросов, насколько мне известно. Вообще, я не буду давать никаких показаний по военным вопросам... Я врач, хирург. Понимаете?

- Уж не хотите ли вы этим сказать, что ничего не понимаете в политике?

- Если хотите знать... именно так.

- Выходит, на войне вы занимаетесь, так сказать, гуманным делом? - с иронией спросил Шменкель.

- Повторяю еще раз - я медик... хирург, и ничего больше.

"Известный трюк", - подумал Шменкель.

- С какой целью вы ехали в Смоленск вместе с майором? Отвечайте подробно.

- В штабе я должен был выполнить кое-какие формальности.

С майором оказался совершенно случайно.

- Совершенно случайно. А в лагерь для русских военнопленных, что между Ярцево и Смоленском, вы случайно не хотели попасть?

Офицер закусил губу и молчал.

- Почему вы молчите, господин доктор? - Шменкель встал. - Лагерь этот находится как раз в том направлении, куда вы ехали. Ваше молчание говорит о том, что вы знаете о существовании этого лагеря. Или... может быть, мне рассказать вам, что происходит там? В этом лагере русским пленным в вены вводят воздух, чтобы они поскорее умерли.

Шменкель не спускал глаз с лица лейтенанта, но тот выдержал этот взгляд. Однако через какое-то время в глазах пленного появился страх, а на лбу выступили капельки пота.

- Я... я... Уж не думаете ли вы, что я... Я немецкий офицер, приносил присягу врача...

- Другие тоже приносили ее. Вы немецкий офицер, а я... тоже немец.

Лейтенант вздрогнул, от его выдержки не осталось и следа.

- Понимаю, - выдохнул он, - я слышал кое-что о подобных случаях, но не верил этому. Это так странно... редко. Возможно, эсэсовцы и делают нечто подобное, но я не могу допустить, чтобы врач мог пойти на такое...

- Господин Панзген, - прервал его Шменкель, - это не редкость, и делают такие вещи эсэсовские врачи, которые тоже являются медицинскими работниками. Они систематически занимаются уничтожением людей.

- Ничего не могу сказать вам по этому поводу... Можно закурить?

- Пожалуйста.

Лейтенант достал из кармана портсигар и закурил. Руки у него дрожали.

- Вы говорите о политике уничтожения. Я допускаю, что на войне иногда происходят вещи, которые в какой-то степени идут вразрез с понятием о гуманности, но говорить о политике систематического уничтожения русского населения... Нет. Вы, видимо, отдельные нежелательные явления, которые и я осуждаю, воспринимаете в несколько преувеличенном виде...

- Нежелательные явления? - перебил пленного Шменкель, выведенный из себя подобного рода формулировками. - Может быть, вы подразумеваете под этим сожжение деревень? Мы только что видели одну такую деревню. Фашисты сожгли или расстреляли поголовно всех жителей - от мала до велика. Жаль, что я не могу вам уже показать всего этого, чтобы вы сами

оценили немецкое чувство гуманности. И это, господин Панзген, далеко не единичный случай.

Шменкель встал и наклонился над столом:

- Скажите, куда вы ехали?

- В Смоленск. - Голос пленного стал тверже. - Седьмая танковая дивизия подлежит отправке на запад для срочного переформирования. Она понесла большие потери. Кроме того, имели место инфекционные заболевания. Климат в этих местах, особенно весной, очень нездоровый. В большинстве случаев госпитализация не требуется. И солдаты, разумеется, не хотят...

- Понимаю.

Шменкель перевел сказанное лейтенантом Васильеву и комиссару.

- В своих частях солдаты чувствуют себя лучше, а на Западном фронте им вообще живется спокойнее благодаря американскому способу ведения войны, продолжал пленный.

Пока партизаны переговаривались, пленный все время нервничал, а когда комиссар замолк, он сразу же заговорил:

- Из Смоленска я хотел привезти хинин. А это оказалось бы возможным, если бы я поехал с майором. - Помолчав немного, он спросил Шменкеля: Скажите, вы немец из Поволжья?

- Нет. Я, как и вы, немец из рейха, бывший ефрейтор вермахта. Конечно, в ваших глазах я изменник.

- Мне ясны мотивы, которыми вы руководствовались... И это достойно уважения.

- Достойно уважения?.. - Шменкель замолк. - Потому что вы находитесь в наших руках? Но если б мы поменялись местами, я, господин Панзген, сразу же превратился бы в дезертира, которому вы незамедлительно вынесли бы смертный приговор.

- Допускаю, что в условиях... Но сейчас вы взяли меня в плен. - Врач сделал паузу. - Почему вы боретесь против Германии и своих товарищей?

- Против своих товарищей?.. Они никогда не были моими товарищами, господин Панзген. Война эта преступна как по отношению к немецкому народу, так и по отношению к другим народам. И тот, кто участвует в ней на стороне агрессора, независимо от того, делает он это сознательно или бессознательно, не может быть моим товарищем.

- В таком случае, я выгляжу в ваших глазах изменником, хотя, как войсковой врач, я ни в чем не виноват и совесть моя чиста.

- Даже если всю вину отнести на счет фашистского режима, который сделал вас соучастником своих преступлений, то и тогда вы несете ответственность за свои поступки. И до тех пор, пока вы не поймете этого, вы не имеете права говорить о Германии.

Шменкель решил закончить разговор с пленным, так как не видел смысла продолжать его. И хотя оба они говорили на одном и том же, родном для них обоих языке, они не понимали друг друга.

Неожиданно пленный сказал:

- Вы, конечно, правы. Я не знаю, что будет с Германией, если мы проиграем эту войну.

- Что вы хотите этим сказать?

- Вы только что говорили о режиме... Все это имеет отношение к определенному мировоззрению, а я не принадлежу ни к одной политической партии. Поэтому мне трудно судить. Лишь иногда у меня появляется такое чувство, что война эта добром не кончится... Против нас борется полмира. К чему это может привести при такой неблагоприятной расстановке сил? А наши потери! Я уже говорил, что эта ужасная зима унесла из одной только нашей дивизии около шестнадцати тысяч человеческих жизней. Мы, хирурги, работали, как на конвейере, и я не раз задавал себе вопрос, почему наши солдаты должны приносить такие нечеловеческие жертвы. У меня такое впечатление, что многие просто боятся проиграть эту войну... Боятся того, что будет потом.

Панзген говорил откровенно и довольно ярко обрисовал положение своей дивизии. Шменкель с трудом успевал переводить. Васильев и Тихомиров внимательно слушали пленного.

- Что же касается особых мер, - лейтенант намеренно избежал слов "политика уничтожения людей", - поскольку это действительно не пропагандистский трюк, - то мне понятен их страх... И если мы проиграем эту войну, то сможем надеяться только на милость божью.

- Она уже проиграна.

Шменкель встал. Пленный тоже поднялся. Они оказались одинакового роста и одинаковой комплекции.

Неожиданно Шменкелю в голову пришла интересная мысль. Он тихонько поговорил о чем-то с Васильевым, потом, обращаясь к пленному, сказал:

- Снимите форму.

Лицо лейтенанта стало серым.

- Уж не хотите ли вы?.. Я должен...

- Снимите форму, - повторил Шменкель, не глядя на пленного, но, когда взглянул на его искаженное от страха лицо, сразу все понял. - Возьмите себя в руки. Неужели вы до сих пор не поняли, что с вами здесь будут обращаться как с пленным? Нам нужна ваша форма, и ничего больше.

Переодевшись в форму немецкого рядового солдата, пленный спросил:

- Что вы собираетесь со мной делать?

- Как только появится возможность, вы будете переданы в регулярную часть Красной Армии, откуда вас переправят в лагерь для военнопленных.

- Он, видимо, думал, что его расстреляют, - заметил Васильев, когда часовой увел пленного.

- Да.

- Жаль, что мы не можем позволить ему бежать. Возможно, он рассказал бы правду о нас.

- Вряд ли. Абверовцы сразу же изолировали бы его от солдат, - ответил Шменкель.

В этот момент в землянку ввели другого пленного - унтер-офицера с раненой рукой, на которую уже была наложена шина. Голова унтера была тоже перевязана.

- Сильно болит?

- Нет, мне сделали обезболивающий укол, - с неохотой ответил водитель и протянул свою служебную книжку.

Звали его Лоренцом. Было ему под сорок, до войны он работал чернорабочим. Казалось, что теперь ему было все безразлично. Разговорился он только тогда, когда речь зашла об автомашине и его поездке с майором. Шменкель сделал попытку заговорить о политике, но пленный лишь недоуменно пожимал плечами или давал односложные, ничего не значащие ответы. Воздействовать на Лоренца как на бывшего члена профсоюза Шменкелю не удалось. Он или отвечал заученными фразами, какими его напичкала нацистская пропаганда, или же давал такие примитивные ответы, что Васильев только сокрушенно качал головой. Шменкелю скоро все это надоело, и он перестал задавать пленному вопросы. Это был один из тех приспособленцев, которые не имели собственного мнения. На вермахт они смотрели как на кормушку, а казарменная муштра и палочная дисциплина лишили их остатков разума и способности здраво оценивать собственные поступки.

Рядовой Кубат, войдя в землянку, пожал руку Шменкелю, как старому знакомому, поздоровался с Васильевым, назвав его господином капитаном, а строго смотревшего на него Тихомирова сразу же произвел в майоры. Не дожидаясь приглашения, он сел на ящик. Потом положил на стол свою солдатскую книжку, объяснив:

- Если господам нужна моя форма - пожалуйста, я с удовольствием отдам ее вам. - Чувствовалось, что он уже беседовал с лейтенантом после допроса. - Кроме того, -

продолжал Кубат, - я хочу просить вас, если, разумеется, это возможно, облегчить мое существование... В чемодане господина майора были домашние тапочки, а у меня плоскостопие да еще мозоли... так сказать, профессиональное заболевание.

Шменкель тем временем просмотрел солдатскую книжку пленного.

- Твой отец чех?

- Да.

- В армию тебя забрали по призыву?

- Если говорить правду, то... нет.

- Значит, ты добровольно пошел служить в вермахт? - спросил Шменкель, откладывая сторону документы Кубата. До сего времени Фриц полагал, что официант не имеет никакого отношения к гитлеровской политике.

- В известной степени да.

- Не строй из себя дурачка, Кубат. Здесь что-то не так.

- О, это долгая история.

- У нас время есть, рассказывай.

Кубат тяжело вздохнул и стал подробно рассказывать, как фашисты терроризировали его мать, немку по национальности, за то, что она вышла замуж за чеха, как трудно приходилось его матери после того, как немцы оккупировали Чехословакию.

- Лично для себя я видел один выход - пойти в армию. Однажды господин директор отеля вызвал меня к себе и сказал, что местные власти требуют, чтобы все официанты в его заведении были чистокровными немцами, поскольку гостиница его очень хороша и расположена на центральной площади города, и что в скором времени он не сможет держать меня у себя. Вот тогда-то я и заявил о своем желании пойти в армию. Я думал, что обеспечу тем самым спокойную жизнь матери, а сам, как официант, тоже не пропаду.

- Как это надо понимать?

Кубат удивился, что Шменкель не понял его, и начал объяснять:

- Официанты нужны и на фронте, особенно там, где не стреляют. Любой генерал хочет есть и пить по-человечески, ему нужен парень, который будет чистить его сапоги, гладить сюртук, драить ордена, а также прислуживать ему за столом. Особенно если в гостях у него дама. Так я тогда думал. У какого-нибудь пруссака стану чистильщиком, думал я. Генералов не убивают. А попав в плен, они тоже живут по-человечески, пишут мемуары. И в плену генералу тоже нужен чистильщик: без него он и дня не проживет. А если на войне и генералы погибают, думал я, тогда что говорить обо мне: ведь я всего-навсего чернорабочий.

- А как ты относишься к этой войне? - спросил пленного Фриц.

"Он не глуп и, возможно, хочет получше устроиться и здесь", - подумал Шменкель, а вслух сказал:

- Чистильщиком у генерала тебе устроиться не удалось, так как на пути попался всего лишь майор.

- Продвижение майора к генеральскому чину было, так сказать, преждевременно прервано. А что касается войны, то я лучше остался бы дома, в Брюнне, и не имел бы никаких дел с господином Гитлером, но этот номер не прошел.

- Однако ты никак не проявлял своего недовольства.

- Проявлять? - Кубат помолчал. - Это может сделать далеко не каждый. Я ведь не герой. Если какой-то человек действительно хочет сделать что-то в этом направлении, то он, по-моему, должен не только рассказывать анекдоты про толстого Германа да слушать передачи лондонского радио. Такой человек должен решиться на что-то большее... - Кубат еще раз вздохнул. - Как-то я видел на улице вывешенный на стене дома список лиц, приговоренных к смерти, видел, как этих людей разыскивали эсэсовцы. Вот тогда-то я и сказал себе: "Для тебя, Ганс, важно выйти из этого положения с непереломанными костями". Вечно господин Гитлер жить и властвовать не сможет. И вот видите - мечта моя осуществилась.

- Ты прав, - согласился Шменкель, - в живых ты уже остался, а в каком качестве - тебе, я вижу, все равно: в качестве ли чистильщика сапог у генерала или же в качестве военнопленного. Потому-то все так далеко и зашло, что не ты один, а очень многие немцы думают так же.

- Возможно, - признался Кубат.

- Почему ты не говоришь: дайте мне винтовку, примите меня в свои ряды, раз считаешь, что ты против войны? Я, например, поступил именно так.

Кубат, подумав, ответил:

- Я, собственно говоря, против русских ничего не имею. Насколько мне известно, в Москве тоже есть рестораны. Официант - моя специальность. А вот бороться с винтовкой в руках - это совсем другое дело. Когда кто-то стреляет, в него тоже стреляют. Мне это не подходит.

- Почему же?

- Что об этом говорить? Вам не нравится Гитлер, мне он тоже не по душе. Но вы говорите: насилие против насилия. Может быть, вы и правы, но мне это не подходит. Мне хочется вернуться в свой Брюнн живым и здоровым, и потому я прошу вас: не говорите со мной больше о стрельбе. Лично для меня война

кончилась, чему я очень и очень рад.

Пленный замолчал. На все остальные вопросы Шменкеля он отвечал так однообразно, что Васильев предложил кончить допрос. Кубату дали домашние тапочки майора, и он, довольный, ушел в землянку, где держали пленных.

- У этого хоть есть какое-то мнение, - заметил командир, - и он не делает секрета из того, что собственная шкура ему дороже военного мундира. - По-дружески толкнув Шменкеля, командир сказал: - Ну, на сегодня довольно, Иван Иванович, пойдем-ка лучше поедим. Завтра у вас выходной день. Вы заслужили его.

Комиссар Тихомиров не любил бесполезных дней и потому на следующее утро устроил общее собрание, на котором официально представил партизанам Васильева как нового командира отряда, после чего в течение часа говорил о том, что нужно "улучшить в отряде политико-воспитательную работу". А после обеда командиры взводов объявили общую чистку оружия.

Шменкель всегда был ярым приверженцем строгого воинского порядка, однако в тот день он все время убил на то, чтобы опробовать трофейный радиоприемник. В конце концов на помощь ему пришел Григорий, только что вернувшийся из Батурино со своими лошадками.

Васильев был хозяином своего слова и к вечеру разрешил выдать каждому бойцу обещанные сто пятьдесят граммов водки. Известие это с быстротой молнии разнеслось по лагерю, и в скором времени к ребятам потянулись партизаны из отряда Морозова в надежде, что и им что-нибудь перепадет.

Шменкель, получив свою порцию водки, положил фляжку на траву и стал заниматься приемником. Вокруг него собрались партизаны.

- Ну, скоро заговорит? - спросил Рыбаков.

- Подожди. Нужна проволока, и подлиннее.

- Катушки хватит?

- Вполне!

Прикрепив один конец проволоки к гнезду "антенна", Шменкель отдал катушку Рыбакову и попросил проволоку размотать, а конец закрепить где-нибудь на высоком дереве.

- И тогда заговорит?

- Посмотрим.

Рыбаков ловко забрался на высоченную, почти тридцатиметровую ель. Он то появлялся, то исчезал в густой зелени ветвей. Партизаны с восхищением следили за Рыбаковым.

Вскоре откуда-то сверху послышался голос:

- Готово!

- Подожди, не слезай! - крикнул Шменкель Рыбакову и

включил радиоприемник.

Шкала приемника осветилась зеленым светом, послышался легкий треск разрядов. Шменкель начал осторожно вращать ручку настройки. Неожиданно из радиоприемника полились звуки марша.

Партизаны стояли словно завороженные. Звуки музыки были слышны далеко. Со всех сторон стали стекаться партизаны. Оно и понятно: больше года они не слышали радио. Кольцо вокруг Шменкеля становилось все плотнее и плотнее.

Через несколько минут Шменкель переключил приемник на другую волну. Послышались треск, шипение, свист.

- Смотри, еще испортишь! - воскликнул один из партизан.

Шменкель продолжал искать до тех пор, пока не услышал русскую речь. Когда диктор замолк, послышалась русская "Калинка", за ней "Вечерний звон" и "Колокольчики".

- Возможно, это Москва.

Шменкель повернулся к партизанам. Лица их были серьезны. Звуки, которые лились из этого ящика, были для них приветом с Родины, ниточкой, которая соединила их с Большой землей. Шменкель увидел среди партизан и командира отряда, и комиссара. Григорий всхлипнул. Рыбаков как-то по-детски тер глаза.

Вдруг песня смолкла. Наступила тишина, а потом раздались восемь торжественных ударов. Партизаны заволновались:

- Москва! Это бой часов на Спасской башне! Тихо! Слушайте!

Как только смолкли позывные, диктор произнес по-русски:

- Говорит Москва! Говорит Москва!

И тотчас же по-немецки:

- Говорит Москва. Начинаем наши передачи на немецком языке.

Шменкель не верил собственным ушам. Что такое? Партизаны тоже были ошеломлены. Передача из Москвы и на немецком языке?

Не может быть! Очередная провокация фашистов!

- Немедленно выключи радио!

Голос диктора заглушили возмущенные возгласы партизан.

- Тихо! Тихо вы! - закричал во весь голос Шменкель.

Фрица поддержал Коровин. Вмешался командир, и партизан удалось успокоить.

- Сегодня мы повторяем выступление депутата рейхстага, председателя Коммунистической партии Германии Вильгельма Пика, - произнес диктор.

Коровин сразу же перевел эти слова. Стало совсем тихо. И вот заговорил Вильгельм Пик. Он оценивал сложившееся положение.

"Немецкие мужчины и женщины! Немецкая молодежь! Немецкие солдаты, находящиеся на фронте и на оккупированной территории!"

Коровин слово в слово перевел и это. Стоявшие впереди шепотом передавали слова Коровина дальше.

"Среди вас, видимо, нет человека, который бы не думал, когда же наконец кончится эта проклятая война, эта бессмысленная бойня".

Шменкель сначала подумал, что передача эта, возможно, всего-навсего трюк гитлеровской пропаганды, однако стоило ему услышать слова "председатель Коммунистической партии Германии", как теплая волна прилила к сердцу.

"Наши матери и жены не знают покоя ни днем ни ночью. Их мучает мысль, живы ли их родные и близкие, находящиеся на фронте. Каждый час они могут получить известие о гибели близкого им человека..."

Постепенно до Фрица все яснее доходил смысл слов говорящего.

"...Каждый из нас хочет, чтобы с этой войной было покончено. Остается один выход... Вы не должны идти по пути Гитлера. Вы должны встать на свой собственный путь... Национальные интересы нашего народа требуют, чтобы Гитлер был свергнут, а наш народ наконец сам решал свою судьбу..."

Теперь у Шменкеля исчезло чувство, которое иногда мучило его: что он чужой среди партизан. Вмиг улетучились все сомнения, которые не давали ему покоя в последние дни. Вот теперь партия обращалась к нему, обращалась на немецком языке. Партия жива, она действует, и голос ее из Москвы доходит до Германии, где эти передачи тайком слушают товарищи Шменкеля.

"...Я говорю вам, что у вас есть силы свергнуть этот режим. ...Если немецкие солдаты, находящиеся на фронте и в оккупированных ими областях, объединятся и, покончив с этой войной, с оружием в руках вернутся на родину, если, объединившись с рабочими и крестьянами, одним ударом покончат с гитлеровской кликой, а заодно и с концернами, которые только наживаются на войне..."

"Значит, оружие нужно повернуть против тех, кто нас толкнул на эту бойню. Я и сам не раз думал о том же, но все это казалось мне безнадежным. А теперь это же самое говорит партия. Как часто мне хотелось доказать, что есть еще и другая Германия!" - думал Фриц.

"...Соотечественники, мужчины и женщины, разве, свергнув Гитлера, вы не сможете жить в мире и дружбе с другими

народами?.. Своим трудом мы построим другую Германию..."

"Новую Германию, о которой мне как-то говорил и Рыбаков и комиссар, Германию, в возможность существования которой я уже не верил, когда смотрел на убитых и сожженных гитлеровцами жителей села на Духовщине".

"...Но все это станет возможным только в том случае, если все вы немедленно, каждый на своем месте, станете разоблачать поджигателя войны Гитлера, разоблачать его ложь. Необходимо подорвать его военную машину путем саботажа и забастовок, необходимо повсеместно создавать подпольные комитеты, организовывать демонстрации против войны и голода, мобилизовывать силы на борьбу..."

Это были указания партии, продиктованные здравым смыслом. Шменкеля охватила радость: он был счастлив слышать голос партии, которая не оставила его ни после гибели отца, ни тогда, когда он находился в Торгау, ни сейчас, в лесах Смоленщины.

"...В настоящее время самая главная задача заключается в единении всех сил, выступающих против Гитлера и войны. Только свержение гитлеровской диктатуры принесет вам спасение. С войной можно покончить, только свергнув гитлеровскую тиранию. Вперед к этой борьбе!"

Голос в эфире смолк. И снова зазвучал голос диктора:

- Говорит Москва! Мы передавали на немецком языке речь депутата рейхстага, председателя Коммунистической партии Германии Вильгельма Пика, произнесенную им по радио 8 апреля 1942 года.

Коровин перевел партизанам всю речь Пика.

- Товарищи! - крикнул комиссар Тихомиров. - Да здравствует Коммунистическая партия Германии! Ура!

- Ура! - подхватили партизаны. В воздух полетели фуражки, а бойцы, стоявшие рядом со Шменкелем, бросились обнимать его.

* * *

Несколько дней спустя часовой, охранявший пленных, подозвал к себе Шменкеля.

- Один из немцев хочет о чем-то поговорить с тобой, Иван Иванович. Настырный такой, никак не отстает.

Из землянки кто-то говорил, мешая немецкие, русские и чешские слова. Шменкель сразу узнал голос Кубата.

- А ну, выпусти его сюда, - попросил Фриц часового.

Через минуту Кубат вылез из землянки, жмурясь от яркого солнечного света.

- Ну что ты хочешь?

Кубат огляделся и показал на пенек в стороне. Они отошли в

сторонку и присели.

- Пусть пленные не слышат, о чем мы говорим, - проговорил Кубат, беря в руки цигарку, которую ему протянул Шменкель. - Большое спасибо.

- Вы что, не ладите между собой?

- Мне не нравится этот шофер. За все время он не произнес ни единого слова, а на меня смотрит такими глазами, будто сожрать хочет. Врач и то держит себя лучше.

- Ты что-то хотел сказать мне? Уж не решился ли ты бороться вместе с нами?

Кубат покачал пальцем перед своим носом:

- Нет, благодарю. Винтовку в руки я больше не возьму. Но сидеть в полутемной землянке - занятие тоже не по мне. Умру с тоски.

- Значит; ты решился на что-то?

- Если разрешите.

- Гм. Я ничего не решаю. Нужно спросить комиссара...

- Прошу вас, - прервал его Кубат, - замолвите за меня словечко перед комиссаром. Ведь я был старшим официантом в отеле "Европа". Учился в Будапеште на повара для работы в отеле для иностранных туристов. Венгерскую кухню знаю не хуже французской. В Париже я стажировался два года.

- Нас здесь не интересует ни венгерская, ни французская кухня.

- Как здесь у вас готовят... Сердце кровью обливается.

- Мы здесь не собираемся открывать ресторан, - не без ехидства заметил Шменкель. - Не забывай, что мы на войне.

- Этого я не забываю. Я видел, как партизаны стоят в очереди перед кухней. А разве нельзя всех усадить за столы? Я всех отлично обслужу.

Шменкель мысленно представил себе картину, которую нарисовал Кубат, и рассмеялся.

- Выбрось это из головы. В лучшем случае тебе разрешат помогать на кухне.

Когда Шменкель зашел в землянку к Тихомирову, у него сидел Васильев. Шменкель хотел было уйти, но командир остановил его словами:

- Ты ко мне?

- Нет, товарищ командир, к комиссару.

- Тогда входи и выкладывай, что там у тебя, если, конечно, не секрет.

Шменкель вошел и, приложив руку к фуражке, поздоровался. Морозов тоже был здесь. Командир партизанского отряда имени Котовского встал и, улыбаясь, протянул Фрицу руку.

- Садись, - предложил Тихомиров. - Слышал, что ты уже говорил с официантом. Что он хочет?

- Он хочет работать.

Шменкель передал суть разговора с Кубатом. Морозов расхохотался от души. Не смог сдержать улыбки и Васильев.

- Этого делать нельзя, - ответил Тихомиров. - Кто знает, что он может наделать на кухне. А может, он просто-напросто хочет удрать.

- Не думаю, - заметил Шменкель.

- Если этот парень тебе не нужен, Сергей Александрович, - обратился вдруг Морозов к Тихомирову, - тогда отдай его мне. Я возьму его как официанта.

- Ты это серьезно?

- Да, идея неплохая.

- Мне она тоже нравится, - подхватил Васильев. - Товарищам надоело стоять в очередях.

Тихомиров внимательно посмотрел на командиров, думая, не шутят ли они.

- Нет. Немец останется сидеть в землянке. Мы не можем из военнопленных делать слуг.

- Если он будет работать на кухне, это не слуга, - возразил Васильев. - К тому же он сам хочет быть полезным. И ты не прав, отказываясь дать ему работу.

- Знаем мы эту работу!

- Если человек может быть полезен... - начал Морозов.

- Если ему разрешить работать на кухне, значит, нужно разрешить свободно ходить по лагерю: ему нужно будет и на склад сходить, и в баню, и в лес за дровами. А что, если в один прекрасный день на нас нападут фашисты?

- Другой причины для запрета у тебя нет? - спросил Васильев.

Комиссар был зол, но молчал.

- В чемодане у майора была пижама, пусть Кубат ходит в ней, и каждый партизан будет знать, что это пленный.

Слушая спор Васильева с Тихомировым и мысленно представляя себе Кубата, выряженного в пижаму, Шменкель с трудом сдерживал смех. Пижама у майора была фиолетового цвета с неширокими, в палец толщиной, желтыми полосками. Рыбаков долго рассматривал ее, потом произнес: "Для чего это? На половую тряпку не пойдет. В постель я в такой не лягу, от нее так и рябит в глазах. А если меня в ней увидит кто-нибудь из девчат, так в страхе убежит подальше... Может, штаны укоротить, а рукава отрезать, тогда можно надевать вниз..." С этими словами он бросил пижаму в чемодан майора.

- Я могу идти? - спросил Шменкель, боясь, что Рыбаков

приступит к раскрою пижамы.

- Одну минутку, Иван Иванович, - попросил Морозов.

Выражение его лица было серьезное.

Шменкель остановился. Морозов играл в лагере немаловажную роль. Он был старшим по званию и пользовался среди партизан авторитетом прежде всего потому, что был горячим сторонником объединения всех отрядов в один мощный отряд.

- Иметь радио очень важно, - начал Морозов. - Позавчера мы слушали на коротких волнах одну немецкую станцию. Запеленговать ее мы, разумеется, не могли, но, судя по всему, она находится где-то поблизости от Ярцево. Наша разведка подтверждает это.

Морозов сделал паузу. Шменкель не перебивал его, понимая, что ему хотят дать какое-то важное задание.

- Как раз перед твоим приходом мы тут говорили о том, что нам нужен радиопередатчик. И нужен он немедленно, сейчас. Это не секрет. Ты знаешь, что мы поддерживаем связь со штабом Калининского фронта: получаем от него указания, да и сами порой кое-что сообщаем туда. Но на все это уходит слишком много времени. Именно поэтому мы подчас не имеем возможности быстро отреагировать на то или иное событие. Ты это понимаешь?

- Так точно, товарищ командир.

- Дальше, - продолжал Морозов, проводя рукой по своему ежику. - Мы надеемся, что в ближайшем будущем партизанские отряды Смоленщины будут обеспечены опытными специалистами и нужными материалами. Когда это произойдет? Сроки будут зависеть от самых различных обстоятельств. Посмотрев на Васильева, который думал о чем-то своем, Морозов продолжал: Нам нужно дожить до лучших времен, а пока необходим радиопередатчик.

Шменкель встал и вытянулся по стойке "смирно".

- Что я должен делать?

Морозов подошел к карте:

- Немецкий радиопередатчик, по имеющимся у нас сведениям, находится в районе товарной станции Ярцево, которая, как и все железнодорожные станции, располагается за городской чертой. Охрана там не особенно сильная, поскольку в районном центре у немцев имеется большой гарнизон, а по соседству огневые позиции тяжелой артиллерии. В то же время все это в значительной степени затрудняет проведение операции и исключает использование железнодорожников, от которых мы и получили эти сведения.

Повернувшись к карте спиной и показывая карандашом на Васильева и Тихомирова, Морозов продолжал:

- Вот мы тут и решили, что эту операцию проведешь ты, возглавив небольшую группу партизан, переодетых в немецкую форму. Сам ты оденешься в форму немецкого врача. Я, со своей стороны, дам тебе лучших разведчиков. К сожалению, не все они говорят по-немецки, что значительно усложнит дело, но ничего не поделаешь... Возражений нет?

- Нет, товарищ командир.

- Очень хорошо. Поскольку ты превосходно знаешь немцев и безукоризненно говоришь по-немецки, мы и решили предложить тебе возглавить эту операцию.

- Сколько часовых выставлено на товарной станции?

- Насколько нам известно, только один.

- А всего в охране?

- В настоящее время один унтер и шесть солдат. Они охраняют русских рабочих, которых используют на погрузочно-разгрузочных работах. Однако станция расположена на основной линии, а это означает, что обстановка там может измениться в любой момент.

Шменкель посмотрел на карту. Неподалеку от железной дороги проходило шоссе на Вязьму. В одном месте дороги пересекались. Неожиданностей здесь могло оказаться много. Да и как вообще можно было с группой партизан преодолеть днем полтора километра открытой местности, той, что находилась между шоссе и товарной станцией?

- Если бы у нас была машина, можно было бы подъехать к станции под видом разгрузки... А так... Нелегко будет незаметно приблизиться к станции, - произнес Шменкель.

- Будет у тебя машина, - прервал его Морозов. - У нас в отряде есть машина. Хочешь посмотреть, пожалуйста.

Через полчаса Шменкель и Морозов вышли к ручью. Весной берега его были размыты большой водой, а сейчас он почти полностью пересох. В этой лощине и стояла трофейная зеленая трехтонка. Шменкель поднял крышку капота, осмотрел мотор, проверил наличие бензина, масла. Машина была в хорошем состоянии.

- Не беспокойся, Иван Иванович, товарищ Миронов из моего отряда ухаживает за машиной лучше, чем за невестой, - заметил Морозов. - Он и поведет машину.

- Интересно, как вам удалось протащить машину через болото? поинтересовался Шменкель, заканчивая осмотр.

- Я же говорю, все это дело рук Миронова... Он помешан на машинах. Целых два дня он потратил на то, чтобы привести

машину сюда. Откровенно говоря, я даже не верил, что это удастся. Ну как, ты доволен?

Фриц кивнул и заметил при этом:

- Хорошо, что это трехтонка. Меньшей машины нам не хватило бы, а пятитонка слишком громоздка, да и в глаза всякому бросалась бы.

Отойдя в сторону, оба закурили.

- Несколько ящиков придется набить песком или опилками, - заметил Шменкель. - Важно ввести в заблуждение гитлеровцев, которые будут на станции. Пока я займусь дежурным, остальные утащат радиопередатчик. Правда, на месте тактику, может быть, придется несколько изменить. Сейчас говорить об этом трудно.

- Ты хочешь провернуть эту операцию днем?

- После обеда, примерно в это время. Ночью фашисты осторожнее, выставляют усиленные посты, проверяют каждую машину. А если мы поедем на станцию днем, это не привлечет особого внимания. Побольше дерзости, изворотливости - и все будет в порядке.

- А что ты собираешься делать с немецкой охраной? Убить?

- Все будет зависеть от того, как они будут себя вести, - заметил Шменкель, и Морозова этот ответ удовлетворил.

На обратном пути в лагерь оба молчали. Морозов медленно шел по тропинке впереди, наклонив голову и заложив руки за спину. Шменкелю казалось, что командир забыл о его существовании. Вдруг старший лейтенант остановился и спросил:

- Журавлей видишь?

В низинке важно разгуливало около десятка птиц, гнездившихся неподалеку от партизанского лагеря. Своими размеренными движениями они напоминали университетских профессоров.

Морозов подошел совсем близко к одному из журавлей. До птицы осталось не больше пяти метров. Журавль как ни в чем не бывало продолжал заниматься своим делом.

- Забавные птицы, - сказал Морозов.

Шменкель тоже подошел поближе к птицам. Они покрутили шеями, но не улетели.

- Почему они такие ручные?

- Чувствуют, что мы не собираемся сделать им вреда, но они тем не менее очень осторожны. Ты заметил, как они понимают друг друга? Когда кто-нибудь из наших приближается к ним, они ласково курлычут. Если же подойдет кто-нибудь незнакомый - они начинают тараторить и долго не могут успокоиться. В болотах они наши верные союзники.

Шменкель рассмеялся.

- Смеяться тут нечему. - Командир нахмурился. - Я охотник и отлично разбираюсь в этих делах.

- А я об этом слышу впервые.

Доверительный тон командира толкнул Шменкеля на вопрос:

- Товарищ Морозов, это правда, что вы выступаете за объединение наших отрядов?

- А что говорят в лагере по этому поводу? - Морозов сел на кочку и жестом пригласил Фрица сесть рядом. - Не только я хочу этого. Верховное командование требует. Мне же поручено сделать предложение по этому поводу, что я и сделал, но пока получил поддержку только у вашего комиссара. Произойдет слияние отрядов или нет - это зависит от Верховного командования и от положения в отрядах.

- Разрешите задать вам еще один вопрос. А разве до сих пор мы плохо воевали?

- Хорошо или плохо - это понятие относительное. - Морозов сорвал ветку и стал постукивать ею по сапогу. - То, что мы тут делаем, вещь, разумеется, нужная, но, как говорится, маленькое так маленьким и останется. Сейчас наша разрозненная разведка не в состоянии должным образом проинформировать командование о положении противника. В то же время ни Верховное командование, ни штаб Калининского или, скажем, Западного фронта, которые знают больше, не могут приказать нам провести ту или иную крупную операцию, потому что мы разъединены и у нас нет единого руководства. Дошло?

- Дошло. - Фриц понимающе кивнул. - Я и сам задумывался над тем, правильно ли, что после боя под Духовщиной три наших отряда вновь разъединились.

- Ну вот видишь. - Морозов отбросил ветку. - Теперь надо смотреть дальше: улучшить планирование, проводить разбор операций, а все это требует прежде всего крепкой воинской дисциплины. Однако, по мнению некоторых командиров, все эти мероприятия могут обюрократить партизанское движение. Эти товарищи никому не хотят подчиняться, потому что они руководствуются не боевыми традициями, а интуицией. Так, например, в отряде имени Суворова всю тактику строят на одних подрывах, что в один прекрасный момент может дорого обойтись им, да и частям Красной Армии.

Морозов разгорячился. Он поднялся и отряхнул с себя травинки.

- Нам нужна технически правильно организованная система связи, своя газета, своя медико-санитарная служба. Разве Васильев может создать свою типографию или, к примеру, дать мне аптеку?

Все это Морозов говорил, уже шагая по тропке. Несколько успокоившись, он продолжал:

- Собственно говоря, Васильев как командир достаточно умен, чтобы понять это.

Вскоре за деревьями показались первые партизанские шалаши. Морозов обернулся и сказал Фрицу:

- Ты не удивляешься, что я говорил с тобой так, будто ты командир? Нет? Думаю, из этого нашего разговора ты сделаешь правильные выводы и в предстоящей операции будешь действовать не как гусар. Ну так как, привезешь ты нам радиопередатчик или нет?

- Сделаю все, что будет в моих силах, товарищ командир.

В партизанском лагере царило приподнятое настроение. Только что вернулся отряд имени Буденного. Партизаны, уставшие, обросшие, рассказывали, как они подорвали у гитлеровцев склад с боеприпасами и двести тысяч артиллерийских снарядов взлетели на воздух. Послушав бойцов, пока Сабинов не послал своих людей в баню, Фриц пошел к кухне. Каково же было его удивление, когда он увидел там Кубата в пижаме майора! Кубат ловко орудовал черпаками и чем-то очень напоминал попугая.

- Прошу, вот ваш чай, - сказал Кубат Фрицу. - Если разрешите, я угощу вас замечательным венгерским гуляшом за то, что вы замолвили за меня словечко перед комиссаром. - И он опрокинул в котелок Фрица целый черпак гуляша, а на крышку положил краюху хлеба.

Пока Шменкель ел, Кубат стоял перед ним с белым полотенцем через плечо и болтал всякую чепуху, словно они находились в ресторане отеля "Европа".

- К сожалению, у меня не было перца, а то гуляш получился бы отличным. Ну как вам понравилось?

Шменкель, жуя, кивнул. Откровенно говоря, такого вкусного кушанья он давно уже не ел.

- Командиру я подал ужин прямо в землянку. Думаю, придется по вкусу. Видите ли, когда человек сыт, жизнь кажется ему совсем иной. На завтрак будет птица. Товарищ комиссар уже утвердил меню. Мясо нужно есть, а то станет теплее, и оно начнет портиться. И если позволите... мне не хватает кухонной посуды. Кормить нужно почти сто человек. Мне нужен большой котел, и не один, должен вам заметить. Вот я и решил обратиться к вам, Иван Иванович, а вдруг вы поможете уладить вопрос с котлами, сковородками и противнями?

Шменкель все еще ел. Взглянув на Кубата, он переспросил:

- Что я должен сделать?

Уловив недовольство в тоне Шменкеля, пленный стушевался и промямлил:

- Я полагал...

- Уж не полагал ли ты, что нас сейчас интересуют сковородки и горшки?

- Так я не думал. Была у меня мысль - если вам придется как-нибудь проходить мимо пустого дома, так неплохо было бы разжиться посудой. Я предпочитаю чугунные сковородки, на них легче работать. Все время варить мясо в котле - нехорошо. А для приготовления бифштексов обязательно нужны сковороды.

Шменкель доел гуляш и собственноручно вымыл котелок, хотя Кубат хотел сделать это сам.

- У меня и другие заботы есть помимо твоих сковородок. Ну ладно, если они мне случайно на глаза попадутся, так я захвачу для тебя.

- И еще одно...

- Опять что-нибудь для твоей кухни?

- Нет. Я хотел только узнать... Что со мной будет? Господину врачу обещали, что его перебросят через линию фронта.

- И не только его. Все вы при первой же возможности будете переданы командованию.

- А потом?

- А потом вас направят в лагерь для пленных.

- Этого я как раз и не хочу.

Шменкель, пораженный ответом Кубата, сел на табурет.

- То ты говоришь, что хочешь дожить до конца войны и вернуться в свой Брюнн, то тебе что-то другое приходит в голову. Уж не хочешь ли ты воевать?

- Нет... воевать я не хочу! - испуганно воскликнул Кубат. - Об этом не может быть и речи. Но я хотел бы остаться здесь, у партизан, и работать на кухне.

- И выиграть войну, гремя горшками и ложками? Нет, Ганс, так дело не пойдет!

- Но я хочу работать. Кто знает, допустят ли меня до кухни в лагере для военнопленных? Если нет, то пропала моя специальность.

- Понимаю. Ты любишь свою профессию, партизаны хорошо относятся к тебе, и все же остаться здесь ты не можешь. Нам нужны бойцы, а не повара.

Шменкель поднялся и, взяв свой котелок, пошел прочь. Кубат долго смотрел ему вслед.

Трое суток Фриц Шменкель вместе с разведчиками, которых ему дал Морозов, готовился к операции на товарной станции. Из отряда "Смерть фашизму" в операции принимали участие только Виктор Коровин, который знал немецкий язык, да Петр Рыбаков, напросившийся к Шменкелю. Вместе с шофером, двадцатилетним высоким парнем Митей Мироновым, группа насчитывала десять человек. Входил в группу и тот смуглый парень из отряда "За Родину", с которым Шменкель впервые встретился в домике лесника.

Для разведчиков освободили два шалаша, расположенных на краю лагерной территории. Все члены группы переоделись в гитлеровскую форму и ходили в ней, чтобы привыкнуть. Шменкель занимался с теми, кто совсем ничего не понимал по-немецки, учил их отдавать честь и отвечать на приветствия. Морозов отобрал для операции самых дисциплинированных и смелых разведчиков. Вечерами все собирались у костра. Приходил и Митя, который целыми днями возился с машиной. Шменкель сначала рассказал товарищам о своей жизни, а потом каждый стал рассказывать о себе. Беседы эти позволяли людям лучше узнать друг друга.

А однажды Шменкелю даже пришлось выслушать критику в свой адрес от одного молодого партизана.

- Ты вот спрашивал товарища Морозова, - начал парень, - не молод ли я для участия в операции. Командир отбирал нас не по возрасту, а по боевым заслугам. А ты смотришь на меня как на мальчишку только потому, что у меня усы еще не выросли. У меня хоть и нет бороды, но знай, что я целых два дня командовал отрядом.

Все рассмеялись, а один партизан спросил парня:

- Сколько же бойцов было в твоей армии?

- Двадцать пять комсомольцев, - не обращая внимания на шутливый тон товарища, совершенно серьезно ответил он. - До войны я был групоргом на курсах на нашем заводе и уже начал проходить допризывную подготовку. Когда же фашисты взяли наш город, мы по решению подпольного райкома вместе со старшими товарищами ушли в лес. В бой нас не брали, но зато к нам прикрепили одного ветерана, который еще в гражданскую войну воевал. Он-то нас и обучил очень многим полезным вещам: например, как незаметно передвигаться по местности, как вести

наблюдение. В отряде нас использовали как посыльных и дозорных. В то время в партизанский отряд приходило много бойцов Красной Армии, которые попали в окружение и не смогли пробиться к своим. Вот мы тогда и старались, чтобы эти солдаты поскорее попали в отряд...

- Ты отошел от темы, Петя, и забыл, что хотел нам рассказать, перебил его Митя,

- Почему отошел? Нисколько не отошел. До декабря все шло хорошо. Однажды фашисты окружили наш лагерь, чтобы всех уничтожить. А в лесу не так-то просто передавать сигналы от одного поста к другому. Вот тогда-то многие из нас и показали, на что способны: мы прошмыгивали там, где, казалось, никто другой не смог бы пройти. Но мы оказались отрезанными от командира и от других партизан. Наконец мне удалось собрать ребят. Я повел их окольным путем поближе к городу. Никто даже не пикнул, не пожаловался, хотя холода стояли сильные и голодные мы были, как волки. Через двое суток мне удалось установить связь с подпольным райкомом и доложить, что я привел в его распоряжение отряд в двадцать пять человек. После этого нас всех передали в партизанский отряд Морозова, которого вовсе не интересовало, есть у меня борода или нет.

- Ну ладно, хватит тебе, надоел небось Ивану Ивановичу, а ему о более важных вещах думать надо, - перебил парня Митя Миронов, подбрасывая в костер охапку сухих веток.

Сучья быстро загорелись, освещая лица партизан багровым пламенем.

- Никто тебя сопляком не называет, - продолжал Митя. - Но должен тебе заметить, что в отряде Котовского я тоже не последний человек. Во время боев в котле меня осколком ранило в ногу, вырвало здоровый кусок мяса. Рана загрязнилась и начала гноиться, подскочила температура. Мои товарищи, а нас уцелело трое, видя такое дело, оставили меня в доме у одного старого крестьянина. Старики ухаживали за мной, как за сыном. Они рассказали мне, что в селе Черносеково много раненых и к ним иногда приходят люди из лесу. Когда выпал первый снег, я уже мог ходить. Однажды вечером хозяйка привела ко мне какого-то незнакомца и, показав на меня, сказала ему: "Вот он, мой Митя".

Первое, что я увидел у незнакомца, - автомат. Не успел я опомниться, как он набросился на меня со словами: "Ты тут лежишь себе на печи и сало ешь, вместо того чтобы бить фашистов. Вот возьми. Прочти..." И он протянул мне листовку, на которой было написано, что наши войска начали контрнаступление под Москвой.

"Вы офицер?" - спросил я.

"Старший лейтенант Николай Афанасьевич Морозов".

Представляете себе? Я подпрыгнул от радости, вытянулся по стойке "смирно" и сразу же сказал ему о своем желании перейти линию фронта. Вдвоем, особенно с таким товарищем, как он, это будет не так трудно, думал я. Но он отверг мой план. "Я и сам не раз думал об этом и даже пытался, но чуть было не попал в плен. Да теперь и не стоит к этому стремиться, поскольку поступило распоряжение организовывать на местах партизанские отряды, которые должны немедленно вступать в борьбу с врагом, "Ты - солдат, принимал военную присягу и потому немедленно переходишь в мое подчинение", - ответил он мне.

"Слушаюсь!"

Так я попал в отряд Морозова, став первым партизаном в отряде. Я исполнял обязанности заместителя командира, связного и ординарца в одно и то же время. Вот только винтовки у меня не было. Через несколько дней к нам присоединилось еще пятеро раненых солдат, которых, как и меня, приютили крестьяне. Они даже дали нам на первое время свои охотничьи ружья. В селе Черносеково, неподалеку от Оленина, местный староста Яков Кузнецов, который был нашим человеком и лишь для отвода глаз работал у немцев, подарил нам ручную гранату.

- Оленино? - удивился Шменкель. - Ведь там был организован отряд "Смерть фашизму"!

- Да, это было раньше, когда нашего отряда еще не существовало. Нам и товарищу Цветкову, председателю райисполкома, который сколачивал свой отряд недалеко от нас, было сказано, чтобы мы с самого начала принимали в отряд и невоеннообязанных и обучали их владеть оружием.

- На чем обучали? На охотничьих ружьях?

- Почему? Мы сами должны были достать себе оружие у противника. Мы нападали на отдельные гитлеровские посты. А со временем мы освободили от фашистов несколько деревень. Правда, это было нелегкое дело.

Митя поправил костер, и к небу взлетел сноп блестящих искр, но вскоре он погас. Партизаны сидели тихо, каждый думал о своем.

- Ты вот обиделся, Петя, что Иван Иванович усомнился в твоих способностях, - заговорил один из партизан. - Я же в каждом нашем товарище сомневался, если он, что называется, на ура шел в отряд. Однажды нас построили для принятия партизанской присяги. Товарищ Морозов спросил: "Есть среди вас кто-нибудь, кто еще сомневается в своем решении?" И что я тебе скажу, мой сосед вышел из строя. Двое других, они, можно сказать, и пороха-то не нюхали, - за ним. Я бы убил их своими

руками, но стоило ли марать руки... Стать партизаном по принуждению нельзя.

- Товарищи, время спать. - Шменкель поднялся. - Нужно, чтобы утром у каждого была ясная голова.

Фриц поправил портупею. Форма врача-лейтенанта сидела на нем безукоризненно. Придирчивым взглядом он осмотрел и разведчиков. Все они были в форме солдат вермахта, в касках, оружие тоже трофейное. У каждого в кармане лежала немецкая солдатская книжка. Внешне вся группа вполне могла сойти за немецкую.

Митя Миронов провел группу к своей трехтонке через болото, ловко обходя топкие места и ямы. За ним шел Шменкель, потом Рыбаков и остальные.

Шли с час. Постепенно лес стал гуще. Вскоре показался часовой, который охранял грузовик. Митя вывел машину на лесную дорогу. Разведчики чинно расселись по местам. Последним в кузов влез Коровин, на котором была форма немецкого фельдфебеля.

Шменкель ехал в кабине рядом с. водителем. Взревел мотор - и машина тронулась. Часовой помахал им рукой, желая успеха.

Скоро лес стал редеть. Местами вверху проглядывало небо, покрытое легкими облачками. Было тепло, и Митя хотел расстегнуть на кителе несколько пуговиц, но Шменкель не разрешил ему этого делать. Митя молча повиновался.

Фриц сейчас действовал на свой страх и риск. Он хорошо понимал, что от него во многом зависит жизнь десяти лучших разведчиков отряда.

Вскоре разведчики миновали лес и выехали на полевую дорогу, на которой скорости не разовьешь. Однако Шменкель твердо решил не выезжать на шоссе и по возможности огибать населенные пункты. Но через одну деревню они все же должны были проехать: там находился один-единственный мост через речку. Морозов сказал Шменкелю, что в селе с самой весны находился небольшой фашистский гарнизон, но, по последним данным, и он куда-то переместился.

Солнце стояло высоко, когда они приблизились к селу. Несмотря на хорошую погоду, на полях не было видно ни души. Вдруг Митя сбавил газ и воскликнул:

- Видишь? Вон там! За изгородью - орудия. Видимо, ночью в селе появились оккупанты!

Теперь Шменкель заметил и часового на околице. Но поворачивать назад было уже поздно.

- Езжай прямо, Митя, ничего не поделаешь. Только смотри - рта не раскрывай.

Митя прибавил газу, и машина на большой скорости понеслась прямо на часового.

"Если он остановит машину и спросит путевой лист - мы пропали", мелькнуло в голове Фрица. Но часовой только махнул жезлом, показывая, что они могут проезжать.

Морозов усмехнулся. Шменкель поглядывал по сторонам на гитлеровских солдат. Те, стоя у домов, разговаривали между собой и покуривали сигареты. Кое-где во дворах Фриц заметил орудия, а на одном большом дворе стояли два трехтонных тягача.

На единственном в селе кирпичном доме висел полковой штандарт. Возле него стояли два офицера. Один из них, капитан по званию, поднял руку, приказывая машине остановиться.

- Стой! - крикнул Шменкель водителю. - Не нужно вызывать подозрений.

Капитан махнул рукой еще раз, более требовательно. Отстегнув кобуру, Фриц открыл дверцу машины. Он мгновенно оценил ситуацию. Поблизости от капитана стояли майор и часовой у входа в дом. Неподалеку на завалинке сидели два солдата без маек и загорали на солнце.

Шменкель спрыгнул на землю, молодцевато подошел к офицерам и, приложив руку к козырьку, доложил:

- Врач-ассистент Панзген с фельдфебелем и семью рядовыми следует в Ярцево.

- Зачем вы едете в Ярцево? - Майор был толстый, низкого роста.

- За медикаментами, господин майор. В лазарете...

- А почему вы не поехали по шоссе?

- Радиатор, господин майор... Водитель недосмотрел, вот мы и вынуждены были свернуть...

- Понятно, - кивнул капитан. На вид ему было лет тридцать пять. Возьмите меня с собой, лейтенант! - Так точно, господин капитан. Возвращаясь к машине, Шменкель мысленно чертыхался: этого им только не хватало. А вдруг в дороге капитан начнет болтать?

- Застегните кобуру, доктор. Медики тоже должны соблюдать инструкции, - сделал замечание Шменкелю капитан.

Фриц застегнул кобуру и, открыв дверцу машины, пропустил капитана в кабину. Сам он сел с краю.

"Пусть он будет у нас в середине. В случае чего, мы не дадим ему дурить!"

- Поехали, солдат! - рявкнул капитан, взглянув на Митю.

- Ла, ˆоЫ! - буркнул тот, застыв за баранкой, как изваяние.

Шменкель произнес "аЫ", и машина тронулась.

Когда они миновали пост, Шменкель с облегчением вздохнул.

Дорога стала шире. По обе ее стороны рос лиственный лес.

"Пассажир" ехал молча, глядя прямо перед собой. В уголках его рта застыла пренебрежительная улыбка. Шменкелю хорошо было знакомо отношение офицеров к нижним чинам. Фриц терпеть этого не мог.

"В лесу гитлеровца можно связать, сунуть в рот кляп и, бросив в кузов, довезти до лагеря. Вот все удивятся, когда вместе с передатчиком мы привезем еще и офицера".

Однако, как ни соблазнительна была эта мысль, Шменкель тотчас же отогнал ее. Нельзя рисковать успехом всей операции. Недаром командир предупреждал его быть серьезнее и не допускать никаких легкомысленных поступков.

"Смотри, Иван, не соблазняйся на легкую добычу. Самое трудное для вас - обратный путь. Когда фашисты заметят, что у них из-под носа утащили радиопередатчик, они немедленно бросятся в погоню, и вам нужно во что бы то ни стало уйти от них", - вспомнил Шменкель наставления командира.

Преодолев подъем, машина выехала на шоссе, ведущее в Ярцево.

- Где изволит сойти господин капитан? - спросил Шменкель гитлеровца.

- Перед зданием комендатуры в Ярцево. Дорога в лазарет проходит именно там.

Митя, кажется, понял, что сказал капитан, и, наклонившись к баранке, незаметно подмигнул Шменкелю. Капитан сидел как истукан. Открыв окно, Шменкель потихоньку насвистывал какую-то немецкую песенку.

У перекрестка дорога пошла под уклон. Фриц увидел впереди длинную колонну военных грузовиков, которая, подобно змее, растянулась в направлении Вязьмы. Шменкель про себя пересчитал машины и как бы между прочим заметил вслух:

- Пожалуй, пахнет наступлением.

- А вы, я вижу, не лишены наблюдательности. - Капитан не без ехидства улыбнулся. - Офицер запаса?

- Так точно, господин капитан.

- Из Шлезвига?

- Нет, из Померании.

- Знакомые места.

И капитан вновь замолчал.

Шменкель был доволен: по документам - он из Померании, неважно, что выговор у него несколько иной.

Прошло немало времени, пока Мите удалось вклиниться в длинную колонну грузовиков и мотоциклов. Некоторое время они ехали в этом огромном потоке. На развилке дорог колонна вдруг

свернула к железнодорожной станции Ярцево. Миронов снова незаметно подмигнул Шменкелю.

Фриц волновался, догадываются ли товарищи, сидящие в кузове, что он задумал.

Коровин с удивлением посмотрел на указатель - Виктор не знал, что из-за неожиданного попутчика им приходится делать крюк.

Убедившись, что товарищи ведут себя спокойно, Шменкель перестал волноваться. Фриц с благодарностью подумал сейчас о Морозове, который на всякий случай объяснил им, как лучше проехать по городу, хотя по первоначальному плану вовсе и не предусматривалось заезжать в него. Вот и мост через реку. Прибавив газу, Митя на большой скорости повел машину по городу. Капитан несколько раз покрутился направо и налево, но вскоре машина, резко затормозив, остановилась перед зданием комендатуры.

- Господин капитан, вы приехали.

- Благодарю вас, доктор.

Выйдя из машины, гитлеровец слегка коснулся двумя пальцами козырька фуражки, и исчез в дверях комендатуры.

Митя проводил его свирепым взглядом. Шменкель вскочил в кабину и спросил Митю:

- Что ты несся по городу как угорелый?

- Хотел поскорее отделаться от этого типа. Меня от него прямо наизнанку выворачивало. Было б неплохо, если б мы прикончили его там, в лесу.

- Этого не следовало делать. А вот как ты из колонны выехал - такое не каждый сумеет! Это - прямо мастерство.

- Мое мастерство еще впереди.

Проскочив через несколько улиц, Митя выехал на шоссе, догнал колонну машин и, воспользовавшись "дырой", проскочил мимо. Из одной машины солдаты что-то закричали Мите, но он лишь засмеялся и махнул им рукой. При въезде на станцию Митя погудел, а когда шофер впереди идущей машины не обратил на это никакого внимания, Митя так прижал его, что тот невольно пропустил назойливый грузовик.

- С ними только так и нужно, иначе они не понимают! - проворчал Митя.

- А почему из города ты не поехал прямо на станцию? Ведь там есть дорога?

- Есть-то есть, но та дорога идет вдоль железнодорожного полотна и усиленно охраняется.

Шменкель понимающе кивнул и закурил. Больше он ничего не говорил Мите, даже когда тот свернул с шоссе и поехал по

дороге, изрытой воронками.

Из-за объезда они потеряли много времени. Только после полудня партизаны подъехали к серому зданию товарной станции.

Митя погудел три раза. Из будки, выкрашенной в черный, белый и красный цвета, вышел часовой. Солнце слепило ему глаза, и, чтобы разглядеть машину, он приложил к глазам ладонь. Потом часовой поднял шлагбаум и пропустил машину на территорию станции. Митя пересек станционный двор и остановился, но мотора не выключил.

Шменкель не спеша вылез из кабины и хлопнул дверцей. Партизаны выпрыгнули из кузова и с любопытством осмотрелись.

Рыбаков с двумя партизанами пошли вслед за Шменкелем. Не успели они подойти к зданию склада, как из дверей выскочил унтер-офицер, испуганно застегивая на ходу френч. Унтер хотел было доложить Шменкелю, но Фриц остановил его:

- Что, уснули, что ли? Ну, я вам покажу. Где радист?

- У меня, господин врач. Если я могу...

- А где остальные?

- Двое свободны от дежурства, остальные охраняют русских.

Немец указал вдоль путей, где метрах в двухстах русские рабочие грузили что-то в вагон.

Шменкель пошел за унтер-офицером через складское помещение. В самом конце склада он рывком распахнул дверь и остановился на пороге большой побеленной комнаты, разделенной перегородкой и оборудованной под жилое помещение. Трое солдат вытянулись по стойке "смирно". На столе валялись карты. Одна кровать была смята, видимо, на ней только что лежал унтер-офицер.

- Кто из вас радист?

- Обер-ефрейтор Швальбе, - доложил худощавый мужчина со светлой бородкой.

- Хорошо. А ты, - Шменкель ткнул пальцем в солдата с круглым лицом, собери всех людей, да побыстрее.

- Слушаюсь!

- Извините, господин врач, - с порога заметил унтер-офицер, - но русские...

- Никуда ваши русские не денутся.

"Пока все идет хорошо", - подумал Шменкель и вдруг увидел, что солдат с круглым лицом все еще стоит, вопросительно поглядывая на унтера.

Тогда Шменкель крикнул:

- А ты что, не понял моего приказа? Или ты уже его исполнил?

Солдат мигом исчез.

- Когда сменяете посты?

- Через три часа.

- Где у вас радиопередатчик?

- Здесь.

- Хорошо.

И в этот же миг за спиной Шменкеля щелкнули затворы автоматов.

- Руки вверх! - крикнул один из партизан. Солдаты медленно подняли руки, с недоумением глядя на вооруженных солдат.

- С места не сходить! Повернуться лицом к стене! - приказал Шменкель.

Гитлеровцы выполнили приказ, и на этот раз уже быстрее.

- Караульте их, - сказал Шменкель партизанам по-русски. - А мы, Виктор, займемся остальными.

Выйдя из комнаты, они направились к платформе. Шменкель приказал арестовать и других гитлеровцев, которые бежали по вызову.

Коровин пропустил немцев мимо себя, а когда они оказались в складе, быстро вытащил пистолет и приказал:

- Руки вверх!

Ошеломленные гитлеровцы не оказали ни малейшего сопротивления.

Шменкель тем временем вместе с двумя партизанами снял радиопередатчик, рывком оборвав какие-то провода на стене.

"Что делать с немцами? Они, конечно, запомнят мою внешность, и за нами будет организована погоня".

- Унтер-офицер, кругом!

Унтер повернулся. Лицо у него стало белым как полотно. Он тяжело дышал. Колени у него тряслись. Вид у него был очень жалкий.

- Что за грузы у вас на складе?

- Запчасти к машинам, меховые изделия, консервы, медикаменты...

- Покажи, где лежат медикаменты?

Лекарств на складе оказалось мало. Шменкель знал, что у доктора Кудиновой уже давно не было перевязочного материала и обезболивающих средств. Не опуская рук и лавируя между какими-то бочками, унтер-офицер подошел к горке ящиков.

- Вот медикаменты. Можно мне опустить руки?

- Нет.

Шменкель подозвал Коровина и послал его за партизанами, которые остались у машины.

- Нас расстреляют? - дрожащим голосом спросил унтер-

офицер.

Шменкель взглянул на унтера, но с ответом не спешил. Унтер истолковал это молчание по-своему.

- А мне теперь все равно, расстреляют меня или нет. Теперь нет смысла...

- Какого смысла?

- Стреляйте скорей, мне давно уже все надоело.

Послышались шаги: это Коровин вернулся с двумя партизанами. Унтер-офицер безучастно смотрел, как партизаны подняли первый ящик.

- Что тебе давно надоело? - спросил Шменкель унтера.

- Что об этом говорить. Я рабочий, посмотрите на мои руки...

- В этой стране тоже есть рабочие. Почему ты воюешь против них?

- Потому что мой сын под Москвой потерял обе ноги.

Унтер-офицер переборол уже свой страх, который парализовал его вначале.

- Я недавно в пивной сболтнул лишнего, меня и сунули в эту дыру. Хорошо еще так отделался...

И уже совсем тихо добавил:

- У меня был единственный сын и тот теперь... калека.

Шменкель недоверчиво посмотрел на немца, но тот, видимо, говорил правду.

- Почему ж тогда ты не борешься против этой войны? - обратился к унтеру Коровин, который слышал их разговор. - Вот ты говоришь, что любишь сына, а что ты ради него сделал?

- А что я мог сделать? В одиночку?

- Я тоже один и воюю! - заметил Шменкель.

Унтер удивился:

- Вы немец?

- Да.

За стенами склада послышалась русская речь.

- Вы ведь партизаны?.. А вы - Шменкель? - вдруг спросил унтер.

Теперь настала очередь удивляться Фрицу: откуда этот человек знает его, они ведь никогда не встречались.

- Скажи, а что тебе, собственно, известно о Шменкеле?

- Военная жандармерия еще зимой распространила листовки. Их вывешивали на каждом углу. Мне тоже одну дали, только я ее никуда не наклеил. Если хочешь, посмотри. Она до сих пор лежит у меня в ящике.

Эсэсовец Кванд говорил тогда, что были объявлены розыски Шменкеля. Значит, он что-то еще утаил? А этот унтер-офицер, кажется, все честно говорит.

- Да, я - Шменкель. Можешь опустить руки. А почему ты не вывесил листовку на видном месте?

- Потому что я не свинья.

- Однако ты ведь не перешел к партизанам, чтобы бороться против фашистов?

- Нет. - Унтер-офицер закусил губу.

- Боялся?

- Не знаю, как и объяснить...

В голосе унтера было столько беспомощности, что Шменкель решил больше ни о чем его не расспрашивать. Этот человек, видимо, слишком слабохарактерный, чтобы решиться на активные действия.

- Вы, наверное, не знаете, что в Германии вошел в силу закон, по которому власти могут арестовать всю семью, если кто-нибудь из близких родственников выступил против. И если б я решился, то мою семью...

Шменкель почувствовал почти физическую боль в груди. Эрна, дети! Что с ними сделали? На какое-то мгновение все пошло кругом перед глазами Шменкеля. Фриц крепко сжал зубы и взял себя в руки.

- Ну и что же они делают в этом случае с родственниками? - спросил он.

- Взрослых сажают в концлагерь, а детей отдают в приюты.

Фриц вспомнил, что в штрафном лагере в Торгау он однажды слышал от одного заключенного, что фашисты помещают детей коммунистов в специальные дома. Там детям дают совершенно другие фамилии и воспитывают их в духе верноподданничества нацистам. Разумеется, и Геббельс и Гесс испробуют на этих детях все свои "новые" методы воспитания. Эрна может сколько угодно клясться в том, что ничего не знала о решении мужа перейти на сторону русских, в гестапо ей все равно не поверят.

- Нужно спешить, Ванюша, - сказал Коровин, положив руку на плечо Шменкеля, и, обратившись к унтер-офицеру, спросил: - А где у вас тут подвал?

- Вон там, в углу...

Унтер-офицер показал на еле заметную дверь и вновь вернулся к стене, у которой стояли гитлеровские солдаты.

- Что они хотят? - шепотом спросил унтера один из солдат.

- Молчать! - прикрикнул на немцев Шменкель и, выдвинув ящик, высыпал его содержимое на стол.

Среди различных бумаг на него вдруг глянуло собственное лицо. Читать листовку было некогда и, сложив несколько раз, он сунул ее за голенище сапога.

- Ну как с радиопередатчиком?

- Готово. А что делать с фрицами?

Подошел Коровин:

- Подвал большой и без окон. Так что, если мы засадим в него гитлеровцев, а дверь заставим ящиками, их не сразу найдут.

Перенеся радиопередатчик, завернутый в брезент, в машину, партизаны вернулись в склад, чтобы связать пленных.

Шменкель в окно наблюдал за платформой, но там было тихо. Русские рабочие, согнанные на погрузку, сидели у вагонов. И лишь только один мужчина нервно расхаживал взад и вперед по платформе, - видимо, надсмотрщик. Уж этот обязательно обратит внимание на грузовик, когда он будет отъезжать, да и отсутствие часовых его, видимо, уже сейчас сильно беспокоит. Он, того и гляди, побежит выяснять обстановку к часовому, стоящему у шлагбаума, и тогда погоня начнется раньше, чем партизаны окажутся вне опасности.

Митя, который все это время не вылезал из кабины, высунул голову и проговорил:

- Готов спорить, что этот тип - предатель!

Рыбаков тем временем загонял связанных гитлеровцев в подвал, покрикивая: "Давай! Давай"

Когда с немецкими солдатами было покончено, Шменкель, сложив ладони рупором, крикнул мужчине, который нервно расхаживал по платформе:

- Эй ты! Быстро в караульное!

Мужчина бегом пустился по платформе. На вид ему было лет пятьдесят, рыжеволосый, с. выпученными от базедовой болезни глазами.

- Понимаешь по-немецки? - спросил его Шменкель.

- Немного, ваше благородие.

- Ты над ними старший? - спросил мужчину Коровин.

- Да. Мы ждем указаний. Рабочие ленивы. - Надсмотрщик криво усмехнулся. - Их плетками нужно подгонять, грязные свиньи!

- Молодец, пойдем со мной. Водки хочешь?

- Хм, если господин угостит стопочкой...

Мужчина засеменил быстрее.

- Оставайся здесь, - шепнул Коровин Шменкелю. - Я сам его толкну в подвал.

Через несколько минут партизаны сели в машину. Шменкель вскочил в кабину. Часовой поднял шлагбаум и отдал честь.

- Направо или налево? - спросил Митя у Шменкеля, когда они выехали с территории товарной станции.

- Налево.

Шоссе было свободно. Миронов гнал машину, до отказа

выжимая педаль. Миновав мост, свернули в сторону и поехали в северо-западном направлении прямо по полю. Вскоре дорогу им преградил ручей. Брод через него пришлось искать довольно долго. Когда переехали на другой берег ручья, Митя повел машину к темневшему на горизонте лесу. Вот и дорога. По ней через некоторое время они выехали в лощину, поросшую густым кустарником.

Здесь и остановились. Партизаны замаскировали машину. Шменкель выставил охрану к машине, а сам осмотрелся. Уже темнело. Ночь вступала в свои права. На небе показался диск луны.

Спать никто не мог. Партизаны потихоньку делились впечатлениями. Ужинали, не разжигая огня.

Прислонившись спиной к дереву, Шменкель молча , слушал партизан. Рядом с ним сидел Коровин.

- О семье задумался, Иван?

- Лучше, когда я об этом не думаю.

Однако слова унтер-офицера о новом нацистском законе не выходили у Шменкеля из головы. Эрна очень любит детей, и, если фашисты разлучат ее с ними, она не вынесет этого.

Коровин словно отгадал мысли Шменкеля и спросил:

- Ну, нашел ты ту листовку?

- Нашел.

- Покажи-ка и дай мне фонарик.

Шменкель вытащил из-за голенища листовку и протянул ее Коровину. Сам Фриц прочитал ее, еще сидя в машине.

"Бедная Эрна! Ее, наверно, уже допрашивали, может, даже издевались над ней. Если б она могла понять, почему я так поступил. Поступить иначе я не мог".

Коровин, прочитав листовку, сказал:

- Видишь, как дорого ценят фашисты твою голову? - И повторил: - "Лицо, поймавшее дезертира Фрица Шменкеля, получит вознаграждение: русский гражданин - восемь гектаров земли, дом и корову, военнослужащий вермахта пять тысяч марок и четырехнедельный отпуск на родину".

Коровин передал листовку другому партизану, и она стала переходить из рук в руки. При тусклом свете луны партизаны разглядывали портрет Шменкеля на листовке, напечатанной на русском и немецком языках.

Проверив посты, Шменкель снова сел, прислонившись к дереву, но заснуть так и не смог.

* * *

Утром третьего дня Митя благополучно привел свой автомобиль в партизанский лагерь. Совсем недавно вернулась

группа партизан из отряда имени Суворова, и теперь бойцы делились впечатлениями о встрече с красноармейцами 20-й кавалерийской дивизии, которая дала им своего радиста для связи. Это был небольшого роста бурят, скуластый, с маленькими глазками. Он сразу же принялся осматривать трофейную радиостанцию и устанавливать ее в своей землянке. Единственным человеком, кому радист позволил заходить в радиоземлянку, был Морозов.

Разведчики штаба армии забрали с собой пленных немцев, чтобы передать их в лагерь для военнопленных. Прощание Кубата с партизанами было трогательным.

- Мы очень привыкли к этому Швейку в пижаме, - рассказывал партизан Михаил Букатин. - Он великолепно готовил, правда, не жалел наших запасов. Ты еще только садишься за стол, а у тебя под носом уже стоит тарелка с едой, как в московском "Метрополе". Мы все очень привязались к нему, и было по-настоящему жаль расставаться с этим занятным парнем. Когда Кубат прощался с нами, в глазах его стояли слезы, а лицо было печальное-печальное. Ну прямо Дон-Кихот - рыцарь печального образа. Нам от души было жаль его. Командиру нашему, - продолжал Букатин, - он тоже понравился, тот даже приказал врачихе выдать ему целый литр водки. За столом Кубат произнес речь. Мы из нее поняли только то, что обязательно разобьем фашистов и тогда он снова вернется в свой Брюнн, где будет работать в отеле. Он всех нас пригласил к себе в гости... Ты ни за что не отгадаешь, что он ел сам. Только кашу.

Шменкель рассмеялся.

- У него больной желудок. Представляешь, Ваня, такой повар - и с больным желудком!.. Ну а теперь ты, Ванюша, расскажи, как вы захватили рацию...

Шменкель уже доложил начальству об успешном проведении порученной ему операции и теперь только сказал:

- А тот унтер-офицер с товарной станции был не таким уж глупым. Он понимал, что поступает несправедливо. Может, ему даже было стыдно... Многим немцам не по себе в собственной шкуре. Где-то в душе они понимают, что должны воспротивиться фашизму, который несет гибель немецкому народу и народам всей Европы. Но они беспомощны, потому что не знают, как должны поступать.

- Да это и не удивительно. Если тебе каждый день вдалбливают в голову, что ты человек высшей расы, ты когда-нибудь и сам начнешь верить в это. Букатин на миг задумался, припоминая. - Недавно мы распространяли листовки в одном селе. Ко мне подошел какой-то старик и сказал: "А в них правда

написана, сынок? Сейчас много всяких бумажек раздают, даже не знаешь, где в них правда, а где нет. Немцы врут, и люди теперь уже перестали верить чему-либо. Раньше все было просто, сразу видели, где хорошо, где плохо. А сейчас человек спрятал лицо, и не поймешь, можно ему доверять или нет. Другой раз мне кажется, что эти проклятые оккупанты и нас с головой окунули в ложь".

- Окунули в ложь, - машинально повторил Шменкель. - А старик неплохо сказал. Знаешь, как об этом говорил врач, которого мы взяли в плен? Он считает, что огромные просторы Советского Союза сделали немецких солдат неверующими. Некоторые из гитлеровцев, например, думают, что Германия даже в случае победы не сможет охранять страны, которые она завоевала. Рано или поздно ответный удар будет нанесен. В этом есть что-то разумное.

- Слабое утешение, - буркнул Букатин.

- Разумеется. Самое плохое заключается в том, что немцы все еще никак не могут понять, в каком преступлении они участвуют.

Шменкель встал и, сунув руки в карманы, спросил:

- Скажи, Михаил, есть у нас какая-нибудь типография или хотя бы печатный станок? Ты только что говорил о каких-то листовках. Латинского шрифта у нас, конечно, нет?

- А у тебя, я вижу, большие аппетиты. К сожалению, мы имеем не так много: всего лишь печатный станок. Кто его знает, откуда он взялся. Мы слушаем сводки Совинформбюро, потом сами пишем листовки. А ты знаешь, что недалеко от нас действуют партизанские отряды имени Щорса и Лазо? Если так пойдет и дальше, то скоро у нас будет своя партизанская дивизия. Что ты думаешь о Морозове?

- А что я должен думать? По-моему, он настоящий командир.

- Мне тоже так кажется. С тех пор как он наладил радиосвязь со штабом Калининского фронта, все командиры отрядов обязаны докладывать в штаб о результатах своей деятельности.

- Да ты сам просто информбюро. А еще есть новости?

- Да еще какие! Сюда посылают самолеты с Большой земли, которые сбросят нам оружие, боеприпасы и продовольствие. Сейчас как раз отбирают добровольцев для очистки площадки в лесу, куда все это будет сброшено. Хочешь пойти на эту работу?

- Конечно, а ты?

- Никак не могу. Я же говорил тебе, что назначен связистом. Жаль, что не увижу, как с неба нам сбросят печатный станок. Хоть ты смотри, чтобы все было в порядке, не поломали бы чего.

Петр Рыбаков отер со лба пот, прихлопнул рукой комара, который сидел у него на груди, и бросил топор в траву.

Последние лучи солнца, с трудом пробиваясь сквозь густые кроны деревьев, золотили их. Где-то вдали ухнул филин, словно радуясь тому, что теперь уже не будут стучать топоры и визжать пилы. В чаще уже было темно, от болота тянуло сыростью.

- От работы разыгрался аппетит. - Рыбаков снял сапоги, размотал портянки. - После трудов праведных неплохо бы выпить стопочку и закусить куском сала. Как ты считаешь, мы это заслужили? - И он подмигнул.

- Не говори глупостей, Петр. Водки-то нет. Или у тебя еще от старых запасов осталось?

- Осталось? Что я слышу! Наши санитары не имеют сердца, но и у тебя его нет. Из тебя никогда не получится настоящий разведчик.

- Может, ты и прав, Петр. - Шменкель был настроен мирно. - Мне бы твое самолюбие!

- Разведчик должен все знать, Ваня. Заруби это себе на носу. Это, так сказать, особенный человек. Шменкель сел на траву и закурил.

- А что ты подразумеваешь под словом "особенный"?

- Во-первых, разведчик никого не боится: ни врагов, ни женщин. А ты вот сидишь тут, коптишь небо и не замечаешь, что по тебе сохнут наши девицы из санчасти. Даже докторша...

- И это все?

- Во-вторых, у разведчика в карманах всегда должно быть что-то особенное: немного трофейного шоколада, хороший табачок, а не махорка, зажигалка и, не забудь, фляжка с водочкой.

- А у тебя она есть, эта фляжка?

- Боже мой, - простонал Рыбаков, - бедняга, неужели ты не видишь логической связи одного с другим? В этот момент к ним подошел Спирин.

- Отдыхаете на лоне природы? - добродушно съязвил он.

- Садись и помалкивай, - оборвал его Рыбаков, - не один ты умный.

Спирин хотел было возразить, но Шменкель успокоил его:

- Дай ему поговорить, он сегодня в ударе.

- В ударе! - вскинул Рыбаков руки к небу. - Я ему объясняю все логически, а он ничего не понимает да еще скалит зубы.

- В чем же дело? - Спирин тоже сел. - Что-нибудь интересное?

- Какой же вывод ты сделаешь для себя? - не унимался Рыбаков.

Шменкель пожал плечами, Рыбаков продолжал:

- Я уже сказал, из тебя разведчик не получится. И вот почему. Моя мать не раз говорила, что я рожден для чего-то большого, потому что у меня золотые руки. Но это я только вам говорю, не

для передачи. Я, например, хотел научиться играть на рояле.

- Почему именно на рояле? - удивился Спирин.

- Потому что у меня золотые руки.

- И что же из этого вышло?

- К сожалению, ничего. Играть на рояле я так и не научился.

- Ну а какая связь?

- А я-то думал, ты поймешь. Разве ты не заметил, Виктор, что девушки из санчасти давным-давно влюблены в нашего Ваню? А он даже ни разу не зашел к ним. Понял?

- Да-а! - Спирин перевернулся и лег на спину.

- Я не думаю, что ты человек безнадежный, - продолжал Рыбаков, обращаясь к Шменкелю. - Слушай дальше. Я, например, никогда не забываю о своих друзьях. - Он показал рукой на Спирина, потом на себя. - Не только о себе надо думать. Как это у нас называется, Виктор?

- Дух коллективизма.

- Правильно. И этим чувством разведчик тоже должен обладать, Ваня. Видишь, многого тебе не хватает. Не смейся, а лучше учти критику.

- Тот, кто дает советы другим, сам должен показывать хороший пример. Шменкель нахмурился. - А у тебя есть трофейный шоколад?

- Нет.

- А сигареты?

- И этого нет.

- Вот видишь, а водка?

Рыбаков промолчал.

- Значит, кроме голой теории, у тебя ничего нет, - сказал Спирин, жевавший травинку. - Не слушай его, Ваня, болтает пустое.

Рыбаков сумрачно посмотрел на Шменкеля и сказал:

- Ты забываешь главный принцип разведчика.

- Ага, значит, и такой есть?

- Разведчик должен все знать.

- Конкретнее. Что знаешь ты?

- Например, знаю, где есть водка.

- И где же?

- В Симонове.

Наступила тишина. Рыбаков внимательно посмотрел на ребят.

- Симонове - это село в пятнадцати верстах отсюда, - снова заговорил он. - В оба конца, значит, тридцать верст. Местность болотистая, лесная, темнота... Но только с собой я вас не возьму. Вдруг вы там напьетесь, а мне потом придется тащить вас на себе.

Выбросьте это из головы.

Вдруг Рыбаков рассмеялся и, вытащив из-под рубашки фляжку, высоко поднял ее над головой.

- Я уже побывал там!

- Не может быть. - Спирин даже присел. - В Симонове же немцы!

- Что для меня немцы, если я хочу выпить?

- А как же ты прошел мимо наших часовых? - поинтересовался Шменкель.

- На брюхе прополз. Обратно-то было совсем легко, а вот туда, чтобы никто не заметил... Дело это не простое. Ну, выпьем.

Петр налил чарку и поднес ее Шменкелю, потом налил Спирину, последним выпил сам. Закусывали хлебом и салом. Набив полный рот, Петр с чувством превосходства смотрел на друзей, радуясь тому, что удивил их.

- Ты нас не терзай. Скажи, кто дал тебе самогонки?

- Кто хочет, тот всегда найдет. В селе одна старуха потихоньку варит самогон. Взяла у меня часы, старая ведьма, а взамен дала первака, но чего не сделаешь для друзей...

Широко улыбнувшись, Рыбаков налил себе еще стопку.

- Я пробирался огородами да поглядывал по сторонам. Гарнизон в селе у немцев довольно сильный, чувствуют они себя преспокойненько. На дорогах у них выставлены часовые. Но какой разведчик пойдет по дороге? Часовой стоит и перед зданием, где живут унтер-офицеры и рядовые. Офицеры занимают дом, который охраняет только один часовой. Так по крайней мере сказала старуха, и это похоже на правду.

Положив остаток хлеба в рот, Петр встряхнул фляжку.

- О том, что ты увидел, нужно доложить командиру, Петр, - заметил Спирин, поблагодарив за угощение.

- Ты что, с ума спятил? Тогда конец моим личным вылазкам!

- И все же Виктор прав, - поддержал Спирина Шменкель. - Представь себе, что кто-нибудь из жителей деревни случайно обнаружит лагерь...

- Как хотите. - Рыбаков намотал на ноги портянки, сунул ноги в сапоги. - Я подумаю.

Партизанам потребовалось четверо суток, чтобы расчистить просеку. В полдень на пятый день Васильев лично проверил работу и недовольно заметил, что она еще не доведена до конца. Он собрал партизан на поляне, пригласил всех сесть на траву, сам остался стоять.

- Мы передали наши координаты в штаб фронта и получили сообщение, что завтра ночью сюда прилетит самолет, сбросит нам оружие, боеприпасы, снаряжение, медикаменты и газеты. Наша

радиостанция должна работать на прием. Поторапливайтесь. Самолет сделает над просекой два круга и перед сбрасыванием груза даст сигнал - зеленую ракету. Мы разложим на просеке четыре сигнальных костра в виде буквы "Т".

Убедившись, что партизаны правильно поняли все его указания, Васильев сел и спросил:

- Ну, товарищи, а теперь рассказывайте, как вы себя чувствуете. Есть ли какие вопросы?

- Я так понимаю, товарищ командир, что сейчас мы подчинены Калининскому фронту, - сказал Шменкель. - Поскольку командование фронта имеет свои специфические задачи, то меня интересует...

- Совершенно правильно, Иван Иванович, ты мыслишь логично. Чтобы руководить борьбой всех партизанских отрядов, находящихся в тылу врага, и оказывать им необходимую помощь. 30 мая создан Центральный штаб партизанского движения. А при штабах фронтов будут созданы свои штабы для руководства партизанскими отрядами.

Значит, в Москве не забыли о них! Это обрадовало бойцов.

Затем командир сказал, что в отряде необходимо организовать группу подрывников и первым ее заданием будет взрыв моста в районе Ярцево.

В заключение Васильев раздал бойцам листовки с текстом Совинформбюро и подозвал к себе Шменкеля:

- А тебе, товарищ Шменкель, привет от Букатина. Получи сообщение.

Шменкель бегло пробежал глазами листок.

- А теперь, товарищи, послушаем Ивана Ивановича, - громко произнес Васильев.

- "Сообщение Совинформбюро от 29 мая 1942 года, - громко прочитал Шменкель. - Партизанский отряд, действующий в Смоленской области, взял в плен Пауля Панзгена, лейтенанта медицинской службы из седьмого мотоциклетного батальона седьмой танковой дивизии. В штабе Н-ской части пленный показал, что их дивизия за время войны потеряла в общей сложности от десяти до шестнадцати тысяч солдат. Из трехсот танков в строю осталось не более ста..."

- Ого! - не выдержал Рыбаков.

- Не мешай! - одернул его один из партизан.

- "В заключение пленный заявил", - продолжал Шменкель и вдруг запнулся.

- Читай, читай дальше, - попросил его Васильев.

- "В заключение пленный заявил: "Партизаны хорошо обращались со мной. В отряде я разговаривал с немецким

солдатом, который перешел на сторону русских. Этот солдат борется против гитлеровского режима. Вместе с партизанами он участвует во всех их операциях против врага".

- Ого! Если так пойдет и дальше, то скоро о нашем Иване Ивановиче по радио заговорят. Поздравляю тебя, Ваня! - И Рыбаков дружески похлопал Шменкеля по плечу. - А что сказано про другого пленного?

- Москва не может передавать по радио про каждого пленного, Петр.

После ухода командира Шменкель работал с удвоенной энергией.

Партизаны с нетерпением ждали следующей ночи. Но неожиданно испортилась погода. Тучи обложили небо. Полил дождь. Сильные капли забарабанили по листьям деревьев.

Мокрые дрова никак не загорались. Партизаны накрыли плащ-палатками сложенные для костра дрова, но их заливало водой снизу.

- Кто знает, прилетит ли в такую погоду самолет? - вздохнул молодой веснушчатый парень. - Посмотрите на небо, в такую погоду пилот не разглядит наши костры, а лететь низко он не сможет.

Его беспокойство не было напрасным. Облака висели низко, почти над самым лесом. Казалось, дождю не будет конца.

Но поскольку от командира не было других указаний, все надеялись, что самолет прилетит.

- Пилоту известны наши координаты, он может сбросить груз и не видя сигнальных огней, - возразил кто-то из партизан.

- Наобум грузы не сбрасывают, - заметил Спирин. - Они могут попасть в лапы к фашистам.

Шменкель не участвовал в разговоре, он молча сидел под разлапистой елью, прячась от дождя. Разговор умолк. Командир группы велел трем партизанам вскарабкаться на деревья и, когда появится самолет, зажечь там смолистые факелы.

В назначенное время самолета все не было. Партизаны молчали. Так прошел час.

- Летит! - вдруг закричал кто-то.

Шменкель вскочил на ноги и бросился к костру. Рыбаков уже обливал дрова бензином. Все четыре костра загорелись почти одновременно. Где-то над головой гудел самолет. Вот он удалился, потом прилетел снова. Партизаны всматривались в темное небо, надеясь увидеть долгожданную зеленую ракету. Но ее не было.

- Пилот не видит костров! - закричал вдруг Рыбаков и вместе с другими партизанами выбежал на вырубленную просеку.

Они начали кричать, словно пилот мог услышать их. Через несколько секунд шум мотора усилился. Видно, самолет снизился. Но вскоре шум опять смолк. Самолет улетел. Ругая погоду, партизаны погасили костры и спрятались под свои плащ-палатки. Командир группы послал в лагерь связного.

Дождь лил три дня и три ночи, и все это время партизаны напрасно ждали самолета с Большой земли. На четвертый день небо просветлело, очистилось от туч. Выглянуло солнце, и лес радостно заблестел.

Партизаны подготовили четыре огромных костра, хотя никто больше не надеялся, что самолет прилетит.

И вдруг ночью послышался легкий гул. Он то нарастал, то удалялся, потом в небо взлетела зеленая сигнальная ракета, осветив парашюты, на которых покачивались долгожданные грузы.

А в лагере тем временем шло совещание командиров, которое началось сразу же после обеда. Партизаны слышали, что командиры спорят, но никто не знал, о чем идет речь.

- Чего там заседать, и так ясно: отряды нужно объединить, - говорил Букатин. - Незачем тянуть.

Через час комиссар собрал партизан отряда "Смерть фашизму".

- Товарищи партизаны! По приказу Центрального штаба партизанского движения мелкие партизанские отряды должны быть слиты в партизанские бригады. Приказ не обсуждают. Мы с командиром полностью одобряем это решение, так как, объединившись, партизаны смогут наносить сильные удары по врагу.

Тихомиров внимательно всматривался в лица бойцов. В отряде было много таких, кто раньше вообще не служил в армии. Разные люди... Вот Шменкель понимающе кивает комиссару, после разговора с Морозовым он все время ждал этого часа. Люди слушали молча, для них это сообщение комиссара не было неожиданностью.

- Бригаде присваивается имя героя гражданской войны Василия Ивановича Чапаева. Кроме нашего отряда в бригаду входят отряды имени Буденного, Лазо, Котовского, Щорса, Чкалова и "За Родину". Решение Центрального штаба партизанского движения обсуждалось на совещании командиров. К сожалению, некоторые из командиров заняли в этом вопросе неправильную позицию.

Голос комиссара стал тверже.

- Товарищ Мишин, бывший командир партизанского отряда имени Чкалова, пошел против воли бойцов своего отряда и по их

единогласному решению отстранен от командования отрядом. Отряд Попова отказался присоединиться к соседней бригаде и решил уйти в Белоруссию. Пусть идут, мы не задерживаем.

Тихомиров вытер лоб платком.

- Теперь я хочу сообщить вам, товарищи, что отныне командиры не выбираются, а назначаются штабом партизанского движения или штабом фронта. Три бригады, действующие в нашей области, подчинены представителю командования, который на днях прилетит сюда.

- Вот и пришел конец твоим вылазкам за самогонкой, - тихо произнес Виктор.

- Я тебе больше ничего рассказывать не буду, - с досадой огрызнулся Рыбаков.

- У вас вопрос, товарищ Спирин?

- Да. - Виктор вскочил на ноги. - Я считаю абсолютно правильным это мероприятие. Пора навести единый воинский порядок во всех партизанских отрядах. В нашем отряде все одобряют это решение, а как будет в отрядах, которые состоят полностью из гражданских лиц? Ведь они не привыкли к строгой дисциплине.

- Ваш вопрос... оригинален. Большая часть партизанских отрядов, по крайней мере те, которые вы имеете в виду, были созданы по решению обкома партии и по инициативе райкомов. Товарищи там обсуждали эти вопросы еще тогда, когда мы даже не предполагали, что когда-нибудь попадем в котел. И товарищи, руководившие этими отрядами, - опытные люди, участники гражданской войны, во время которой они не раз били белых. И нужно отдать должное - политико-воспитательная работа в их отрядах была на высоте.

- Понятно.

Шменкелю нравилась строгость комиссара, нравилась потому, что и сам он был нетерпим к недостаткам.

- Значит, все мелкие отряды будут распущены и сформирована бригада?

Этот вопрос расшевелил всех, партизаны зашумели, заговорили. Тихомиров остановил их:

- Успокойтесь, товарищи. Отряды сохраняются как самостоятельные подразделения, а бригада, кроме того, получит подразделение минометов. Штабу бригады будут подчинены санитарная часть и разведывательное подразделение. Остальные подробности узнаете завтра утром.

Вечером партизаны обменивались мнениями. Говорили о том, будет ли у них единая форма, выдадут ли на лето новые сапоги, кто будет назначен к минометчикам. Не было ничего

удивительного в том, что всех интересовала форма, это был больной вопрос.

В один из солнечных дней бригада построилась в полном составе. На левом фланге - отряд "Смерть фашизму". Васильев зачитал приказ Центрального штаба партизанского движения, затем сказал:

- Командиром бригады назначен старший лейтенант Морозов Николай Афанасьевич, бывший командир партизанского отряда имени Котовского; комиссаром бригады - Михаил Семенович Полуэктов, бывший комиссар отряда имени Котовского; начальником штаба - лейтенант Алексей Васильевич Сабинов, бывший командир отряда имени Буденного.

После этого Морозов представил партизанам командиров подразделений. Васильев и Тихомиров остались на своих местах, а начальником штаба у них был назначен Петр Сергеевич Филиппов, который воевал с ними с февраля 1942 года.

- Бригада, смирно! - раздалась команда.

Перед строем бойцов появился знаменосец с двумя ассистентами, держа в руках Красное знамя с вышитым на нем золотом серпом и молотом. Шменкель завороженным взглядом смотрел на знамя. Вспомнилось, как, сидя в камере в Торгау, он вырезал ножиком на стене серп и молот...

Голос Морозова вернул его к действительности. Подняв правую руку, командир перед всей бригадой принимал партизанскую присягу. Затем он опустился на одно колено и поцеловал красное полотнище знамени.

* * *

Командир разведывательного подразделения тихо шел по спящему лагерю. Новая гимнастерка обтягивала его широкие плечи. На ногах - начищенные до блеска сапоги.

Солнце посылало свои первые лучи на землю, и они, с трудом пробиваясь сквозь листву, будили птиц.

Шменкель рано проснулся в это утро и вышел из землянки на воздух. Хорошо было в эти тихие утренние часы наслаждаться красотой природы. Увидев незнакомого командира, Фриц вскочил и вытянулся.

- Так рано и уже на ногах, партизан? Неплохо подышать свежим воздухом. Я не спал всю ночь, а сейчас ложиться уже нет никакого смысла.

Офицер достал пачку папирос и открыл ее.

- Вы курите? Пожалуйста.

Они закурили.

- Вы прибыли из Москвы? - спросил Шменкель.

- Да. В прошлую ночь прыгнул с парашютом над вашим

лагерем.

- А как сейчас выглядит Москва?

- Нормально. Разумеется, не так, как в мирное время, но фабрики и заводы работают, в школах идут занятия, открыты кино и театры. Беспорядка не было, даже когда фашисты вышли к Волоколамскому шоссе. А после того, как мы им пообломали зубы, жизнь в городе пошла своим чередом. Разрушений от бомбардировок очень мало. Снабжение населения налажено.

- Ну а Кремль? Я еще ни разу не был Москве, товарищ...

- Дударев Фома Павлович. - Улыбка заискрилась в его ясных глазах. - Я, как видите, по званию капитан, командир разведывательного подразделения... А Кремль все такой же, как и раньше, в нем все по-прежнему, только кое-что сделано для маскировки. А вы кто такой? У вас необычное произношение.

Шменкель назвался, но больше ничего не успел сказать, так как Дударев перебил его возгласом:

- Так вы и есть тот самый немец! Интересно, очень интересно! Я уже слышал о вас, Иван Иванович. Вас, кажется, так зовут в бригаде?

- Так точно, товарищ капитан.

- Знаете что, - глаза капитана блеснули, - давайте немного пройдемся, полюбуемся таким чудесным утром. Смотрите, ветерок подул, значит, сегодня будет не так жарко... Я уже дважды собирался лететь к партизанам, и оба раза полет отменяли. Наконец-то, променяв свой холодный кабинет на теплый тыл, я здесь. Некоторым, возможно, этого не понять...

Шменкель понимающе кивнул. Что за человек этот капитан? Внешне он казался деловым, даже немного суховатым человеком, но его непосредственность в разговоре и поведении говорила совсем о другом. А тут еще эти искорки в глазах, наполовину насмешливые, наполовину серьезные! Трудно сразу понять, что он за человек.

- Они посылали меня от одной медицинской комиссии к другой, ну а я занимаюсь спортом и потому чувствую себя превосходно. Однажды врачи нашли, что у меня не в порядке почки, и сразу же вычеркнули из списка назначенных в партизанский отряд. Там считали, что лететь может тот, кто обладает железным здоровьем. А по-моему, сейчас не то время, чтобы обращать внимание на почки, если даже деды берут в руки охотничьи ружья и идут защищать Родину. Разве я не прав?

Офицер взглянул на Шменкеля через плечо и зашагал быстрее.

- К тому же у меня был один убедительный аргумент: до войны я бывал в этих местах, хорошо их знаю и потому могу

принести больше пользы, чем кто-нибудь другой.

Они и не заметили, как оказались в центре лагеря. Капитан взглянул на часы и одернул гимнастерку.

- Я вас позднее вызову.

Шменкель посмотрел ему вслед и почему-то вспомнил слова Тихомирова о том, что разведчик должен быть сдержанным. А вот капитан ему, первому встречному-поперечному, начал рассказывать о себе. Может, никак не нарадуется, что ему удалось провести врачей и прилететь сюда?

"Хорошо бы он забрал меня к себе", - подумал Фриц.

Через три часа Шменкеля вызвали в ту самую землянку, где он вместе с разведчиками готовился к операции на товарной станции в Ярцево. Капитан-разведчик сидел, на бревне и листал какие-то бумаги, лежавшие перед ним на ящике из-под патронов. Здесь же находился черноволосый парень, по-видимому, новый радист. Выслушав доклад Шменкеля, Дударев попросил парня оставить их вдвоем. Он почему-то холодно и строго взглянул на Шменкеля, и складки на его лбу стали еще глубже.

- Не будем без надобностей усложнять наш разговор, - начал капитан. Я офицер НКВД и одновременно являюсь полномочным представителем по всем вопросам безопасности бригады. Нужно вам разъяснить это подробнее?

- Нет, товарищ капитан.

Шменкель встал и вытянулся перед офицером, раздумывая, что бы могло значить такое введение.

- В вашем "деле" есть кое-какие противоречия. Когда вас взяли в плен, на допросе вы показали, что были рабочим-металлистом в Штеттине, а позднее вы говорили одному из партизан, что работали конюхом у помещика. Как это понимать?

- Объяснить это совсем просто. Когда меня впервые допрашивал Просандеев, первый командир партизанского отряда, обстановка была очень напряженной. Партизаны мне не доверяли, я очень плохо говорил по-русски, а переводчик из отряда неважно знал немецкий. И слово "металлист", казалось мне, было ему понятнее.

Фриц отвечал быстро и четко. В какой-то миг в душе шевельнулось давно забытое чувство обиды: "Если вся бригада знает, что я не шпион, то почему этого не знают там, в штабе?"

- Я тогда не врал, товарищ капитан. В сварке я немного разбираюсь, в свободное время возился с машинами и, если не хватало механиков, ремонтировал сельхозинвентарь.

- Что вы умеете делать, нам известно. А Штеттин вы назвали случайно?

- Нет. Только потому, что его можно отыскать на карте, а вот

Полихен и Бардов - этих деревушек ни на одной карте, пожалуй, нет.

- Гм. В какой-то степени разумно. А не кажется ли вам, что позже нужно было все это как-то объяснить?

- Я не считал это важным. Откровенно говоря, даже и не вспомнил об этом.

Дударев встал, заходил взад и вперед по землянке. Когда он остановился перед Шменкелем, морщины на его лбу разгладились.

- Закурим. Все в порядке, Иван Иванович, я просто хотел у вас выяснить некоторые вещи. Мы всегда несколько недоверчиво относимся к заявлениям тех немецких солдат, которые говорят, что они из рабочих. Солдаты вермахта отлично усвоили, что значит для нас слово "рабочий", и теперь стоит только немцу попасть в плен, как он тотчас же объявляет себя рабочим. А это очень часто не соответствует действительности.

- Но это можно быстро установить.

- Конечно, если человек перед тобой... Продолжайте, Иван Иванович. Какой же опыт вы приобрели?

Шменкель рассказал о встрече с унтер-офицером на товарной станции Ярцево, который говорил, что он тоже рабочий. Дударев что-то записал.

- Нужно будет сообщить об этом в Москву, пусть там учтут при агитации по радио. Так это он дал вам листовку?

- Да, я отдал ее товарищу Тихомирову.

- Я читал. - Капитан порылся в бумагах и вытащил листовку. - Товарищ Тихомиров сообщал мне об этом случае. Вас беспокоит судьба вашей семьи?

Шменкель несколько помедлил, а потом сказал:

- Я ничего не знаю о них...

- Ваша жена жива, дети находятся с ней.

В землянке стало тихо. Шменкелю показалось, что он ослышался. Дрогнувшим голосом он спросил:

- Что вы сказали?

- Вы не ослышались, они живы, но больше я ничего сказать не могу. Этот разговор пусть останется между нами.

- Слушаюсь!

Дударев подсел к своему ящику и улыбнулся одними глазами:

- Вы нам нужны. Надеюсь, наше желание полностью совпадает с вашим. А сейчас пришлите ко мне товарища Рыбакова.

Повторив приказание, Шменкель вышел из землянки. Он все еще никак не мог успокоиться и шел, ничего не замечая. Как

музыка звучали слова: "Ваша жена жива, дети находятся с ней".

"Интересно, откуда это Дудареву известно? Возможно, установлена связь с нужными людьми в Германии. Эрна жива, но как она живет? Раз дети с ней, значит, она не в концлагере. Возможно, ее и допрашивали, но Эрна смелая и мужественная женщина. Она вышла за меня замуж, несмотря ни на какие препятствия". Лицо Шменкеля светилось такой радостью, что Рыбаков поинтересовался:

- Что случилось, Ваня, уж не наградили ли тебя орденом?

- Нет. Просто я стал разведчиком, можешь меня поздравить. Иди скорей к капитану, он ждет. Возможно, он возьмет и тебя к себе, тогда будем вместе.

В свою землянку Рыбаков вернулся через час, лицо у него было злое. Он не сказал ни слова. Шменкель, видя его состояние, не стал сразу ни о чем расспрашивать, но через несколько минут не выдержал:

- Ну, рассказывай, что случилось? Капитан не взял тебя к себе?

- Он сказал, что еще подумает, и все потому, что я не очень дисциплинирован.

- Ну а еще что? - не отставал от него Шменкель.

- Да что там говорить! Провалился я - вот и весь сказ.

- Что-то я ничего не понимаю.

- Глупо как получилось. Я смотрел на капитана, глазами он улыбался, разговаривал со мной как с другом, и вдруг - на тебе!

Рыбаков сел и стал сворачивать козью ножку.

- Вошел я к нему в землянку и доложил по всем правилам. Капитан пожал мне руку. "Вы комсомолец?" - спросил он меня. "Так точно", - говорю. "Очень хорошо. Садитесь, курите". И он протянул мне пачку "Беломора". Я, конечно, папироску взял, а сам подумал о том, как капитан умеет подойти к человеку. Сразу видно - образованный.

- Так почему же ты на него так рассердился?

- Да я не на него, а на самого себя. Слушай дальше. "Вы, я слышал, были в тот момент, когда брали в плен лейтенанта-медика? Расскажите мне, пожалуйста, как все это было". Да, Ваня, он так и сказал "пожалуйста". Такими вежливыми бывают только потомственные москвичи. Ну я ему, разумеется, все откровенно и рассказал. Он слушает да похаживает взад-вперед. А на губах - усмешка. Вдруг он меня прервал словами: "Взять "языка" - это дело очень важное, товарищ Рыбаков. Скоро нам еще потребуется "язык".

Партизаны вышли из землянки. Рыбаков бросил окурок на землю и затоптал его.

Шменкель с удивлением смотрел на товарища:

- Я что-то никак не пойму, на чем же ты погорел?

- А на том, что не умею язык держать за зубами. - Рыбаков сделал несколько шагов и остановился перед Фрицем. - Черт меня дернул все ему рассказать...

- И о том, как самогонку доставал?.. - Фриц живо представил, как мог реагировать на это сообщение Дударев, и рассмеялся.

- Хорошо тебе смеяться! - Рыбаков покачал головой и вздохнул. - Я, к сожалению, слишком поздно заметил, что сам себе поставил ловушку. "Что это за старуха, где и когда вы познакомились с ней?" - строго спросил он меня. "Когда готовили в лесу площадку, чтоб принять грузы и вас, товарищ капитан". Он посмотрел на меня, как удав на кролика: "Это место, товарищ Рыбаков, было окружено часовыми. Как же туда мог попасть посторонний? Вы что, считаете меня за дурачка?" Ты знаешь, Ваня, капитан небольшого роста, а тут я чувствовал себя перед ним, как карлик перед великаном. Я решил, что мне лучше все выложить по-честному.

- Ну и что же дальше?

- А дальше он намылил мне как следует шею, обозвал индивидуалистом и еще как-то. А под конец объявил выговор. Наверное, будет приказ. "Ну а теперь можете идти!" - сказал он мне, но я никуда не уходил, "Что вы еще хотите?" - спросил капитан. "Прошу простить меня, товарищ капитан. Больше со мной такого не случится. Что же теперь со мной будет?" Я видел, что капитан несколько смутился, но ждать от него добра было нечего. "Не хочу иметь дело с недисциплинированными разведчиками. О вас еще будет разговор с товарищем Васильевым". Ну, а тут мне, Ваня, труба, - вздохнул Рыбаков. - Ты ведь знаешь, что скажет командир, когда узнает о моих фокусах.

Выговор Рыбакову действительно объявили в приказе по бригаде. Однако через некоторое время Петра все же зачислили в разведку. Из отряда "Смерть фашизму" в разведывательное подразделение были зачислены Шменкель, Коровин и Григорий Васильевич Лобацкий, бывший рабочий из Кузбасса, который зарекомендовал себя как смелый и инициативный разведчик.

Разведчики бригады переселились в землянку неподалеку от дударевской. Однажды капитан пригласил всех к себе. Он стоял у стола, когда они вошли. За его спиной висела схема какой-то деревни.

- В селе Симоново расположен фашистский гарнизон, - начал капитан. Нам нужно знать, что затевают фашисты. Пока мы только догадываемся и предполагаем. Нам нужен "язык", еще лучше - два. - Дударев прищурился. - На эту операцию

разведчиков поведет товарищ Рыбаков. Он хорошо знает местные условия и дорогу, а возглавите всю операцию вы, товарищ Лобацкий.

- Слушаюсь!

- А теперь о деталях. Один гитлеровский пост охраняет склад взрывчатки, там ее почти тонна. Склад находится вот здесь, на восточной стороне села. Рыбаков хорошо знает местность, пусть он и снимет этого часового. Второй пост гитлеровцы выставили перед зданием комендатуры. Капитан ткнул пальцем в центр схемы. - Это как раз на площади. Этого "языка" возьмет Шменкель. Нужно будет переодеться в форму немецкого офицера, как его...

- Панзген.

- Да, Панзген. Вас будет страховать группа наших товарищей. Других немецких часовых не трогайте, более того, их нужно обойти. Вам все ясно?

- Ясно, товарищ капитан.

- Ну, тогда желаю успеха. - Дударев каждому пожал руку.

Из лагеря разведчики вышли еще до наступления темноты. Спирин поддерживал контакт с группой обеспечения, которая чуть раньше отправилась на разведку местности, чтобы предотвратить неожиданную встречу с противником.

Шменкель, идя за Рыбаковым, удивлялся тому, как сильно изменился Петр. Тот шел молча, легким шагом, несмотря на свою довольно-таки грузную фигуру. В обстановке он ориентировался, как бог, и разведчики минута в минуту встретились с группой обеспечения. Здесь они решили дождаться наступления полной темноты.

- В село удобнее всего проникнуть на участке между складом боеприпасов и комендатурой, - вполголоса объяснял Рыбаков. - Так что я вас сейчас поведу прямо к той старухе...

- Которая гонит самогонку? - покрутил носом Коровин.

- Точно. Ее изба стоит в очень удобном месте. Оттуда мы дворами и огородами выйдем прямо к комендатуре. Там Ваня будет иметь огневое прикрытие с двух сторон. Вот только собаки могут нам помешать: стоит одной залаять, как и другие тут же зальются, разбудят полдеревни...

- А когда ты ходил за самогонкой, они на тебя не лаяли? = - совершенно серьезно спросил Лобацкий.

- Ну, я-то один ходил, а теперь нас здесь целая группа.

- Только самогонщицу ты из головы выбрось, - голос Лобацкого был строг.

- Можешь не беспокоиться, Григорий, я и глотка не сделаю. Но дом старухи нам не обойти. К тому же она живет одна. А если

будем пробираться огородами, никакой часовой нас не заметит. Надеюсь, ты не забыл, что сказал капитан: нам нельзя появляться на глаза немцам.

- А если твоя старуха поднимет такой вой, что ее услышат гитлеровцы?

- Ну да! Меня она не выдаст, будет молчать как рыба. К сожалению, кроме нее, я в селе никого не знаю...

- А вдруг в это время у нее кто-нибудь будет?

- Сначала я загляну к ней, разведаю обстановку. - Рыбаков сдвинул фуражку на самый затылок. - А за старуху я ручаюсь, Григорий Васильевич.

Предложение Рыбакова было разумным - ведь любой дом в селе, занятом фашистами, казался подозрительным.

- А как вы считаете, товарищи? - спросил разведчиков Лобацкий.

- Если Петр ручается за старуху, можно попробовать, - заметил Коровин. Остальные согласились с ним.

- Хорошо, только я вас всех строго предупреждаю: глоток самогона будет стоить жизни, я лично расстреляю, - строго предупредил Лобацкий.

Около полуночи из группы обеспечения доложили, что деревня усиленно охраняется гитлеровскими постами.

Рыбаков вел группу задворками, не произнося ни слова. Потом он исчез, а когда вернулся, сказал:

- Пошли, теперь нам нечего бояться собак!

- Это почему же?

- Не спрашивай, после узнаешь.

И он первым вошел в избу старухи.

Им навстречу вышла хозяйка дома - высокая худая старуха, одетая в темное видавшее виды платье. На ее морщинистом лице резко выделялся большой нос. Молча оглядев партизан, она подошла к русской печке, вынула большой чугун и поставила его на стол.

- Ешьте. Мяса в супе нет, его у меня и нету, мяса-то.

Партизаны расселись на лавке под иконами, освещенными тусклым светом лампады.

- Спасибо, мамаша. Мы не проголодались.

Лобацкий сел рядом с хозяйкой.

Вид старухи поразил Шменкеля. Со слов Рыбакова он представлял себе самогонщицу ведьмой из сказки, а перед ним была старая женщина, вовсе не горбатая и не страшная, а просто измученная работой.

Рыбаков чувствовал себя в доме как свой. Он небрежно прислонился к шкафу и спросил хозяйку:

- Посты у немцев на старых местах?

Старуха медленно повернулась к нему и ответила:

- На старых. Я сразу поняла, что они-то тебя и интересуют. А вот самогонки у меня нет.

- Ого! - Рыбаков хлопнул себя по бедрам. - Ах ты старая!

Старуха посмотрела на иконы и даже хотела было перекреститься.

- Все выпили фашисты проклятые и ни копейки не заплатили!

- Кто?

- Да староста и полицейские. Напились как свиньи да еще аппарат мой разбили, ироды!

Рыбаков хитро улыбнулся:

- Им задаром самогон даешь, старая, а с советского человека часы берешь.

Старуха нахмурилась, но ничего не сказала. Она взяла чугун со стола и отнесла на шесток. Не поворачиваясь, проговорила:

- А я-то чем жить буду, голова? Я больше шестидесяти лет работала. И на кулаков спину гнула. Были у меня сын да приемная дочка, хозяйство кое-какое: корова, куры, утки, свиньи. А теперь вот осталась без ничего и одна, как перст божий...

Рыбаков шмыгнул носом. Старуха повернулась к партизанам:

- Где мой сын, известно одному господу богу. Может, давным-давно лежит в сырой земле. Дочка эвакуировалась, внучка сбежала в лес, как только фашисты пришли. А эти звери все сожрали, все вылакали. Вчера в селе даже всех собак перестреляли, паразиты.

Старуха со злостью сплюнула и села на лавку, жестом остановив Лобацкого, который хотел что-то сказать.

- Да, я гнала самогонку, - продолжала она. - Этому я еще от своего старика научилась, пусть ему земля пухом будет. И при Советской власти немного гнала, тайно. Все мы на земле не ангелы.

- Ладно, мамаша, будет, - попробовал остановить ее Рыбаков, но старуха продолжала:

- Вместе с немцами повылазила на свет божий разная тварь, предатели всякие. Вот я и подумала про себя: я женщина старая, и до смерти мне, видать, немного осталось. Но умирать собачьей смертью неохота. Вот я и слушаю, о чем говорят пьяные фашисты, а сама думаю: случай будет, так я кому надо об этом и расскажу. Настанет время, вернется моя Нина... А тут приходит один, рыщет вокруг, а сам не говорит, что он за человек, откуда пришел, с чем...

- Конспирация, мамаша, - растягивая слова, проговорил Рыбаков.

- Ах, кон... спи... Думаешь, ты один умный... Так вот вояка этот сразу потребовал от меня водки вместо того, чтобы поинтересоваться, как мы тут живем. Разозлилась я и спросила у него часы. Если хочешь, я тебе их верну, хоть ты меня и обидел, да, обидел.

- Часы пусть у тебя остаются, мамаша, - по-дружески сказал Петр. Дарю их тебе, пусть это будет премия от Советской власти. Но запомни, что мы не всегда можем говорить, откуда и зачем пришли.

В разговор вмешался Лобацкий:

- Вы нам, Варвара Павловна, лучше расскажите, что слышали от полицейских.

- Фашисты знают, что вы где-то рядом, и собираются вас поймать. Они получили подмогу, и собаки у них есть, которые ищут людей. Наших вот они постреляли, а новых привезли.

Женщина назвала партизанам фамилии предателей и рассказала, где они живут. Она даже знала, в какое время сменяются немецкие часовые, как фамилия немецкого коменданта и где он живет.

- Хочу вас предупредить, сынки, с тех пор, как эта собака появилась в селе, ходить по ночам строго-настрого запрещено, всю ночь по селу расхаживают патрули.

- Вы нам, мамаша, теперь будете рассказывать о том, что здесь у вас происходит.

- А вы, сынки, достаньте мне новый змеевик, тогда на запах самогона сюда будут сбегаться фашисты и полицаи.

Вдруг в окошко кто-то тихо два раза стукнул, а потом на пороге появился партизан.

- Докладываю, в селе все спокойно. Видел патруль и одного офицера, который проверял посты, а потом скрылся в направлении комендатуры.

- Тогда нам пора. - Лобацкий посмотрел на часы. - Значит, через три часа, то есть ровно в четыре, будет смена часовых. К этому времени мы должны быть уже далеко.

И, обратившись к хозяйке, сказал:

- Извините нас, Варвара Павловна, у нас дело есть.

Лобацкий, Рыбаков и Спирин вышли из дома. Старушка потушила свет, сняла занавески и открыла окна. В избу ворвалась волна свежего воздуха, пахнуло травой и цветами. Послышались удаляющиеся шаги.

"Это ушел Петр", - подумал Шменкель и в ту же секунду услышал голос старушки:

- Это ты тот самый немец, что вместе с партизанами воюет?

"Интересно, откуда она это знает?"

- Я сразу узнала тебя, фото твое висит у старосты в избе, большое вознаграждение за тебя назначено. Я своими глазами видела. Будь осторожен, сынок, не попадайся им в руки, а то тут у нас есть полицаи, которые хотят заработать на тебе дом да корову.

Он почувствовал, как старушка пожала его руку своей морщинистой теплой ладонью.

- Туго, видать, приходится вашему Гитлеру, раз его солдаты начали переходить на нашу сторону? Как ты думаешь, скоро ему конец придет?

Шменкель чувствовал, что женщина с нетерпением ждет его ответа.

- Пока он еще силен, но скоро окажется, что мы сильнее фашистов, понимаешь, мать?

- Понимаю... хотя нелегко это, сынок, сразу понять. Если я тебе нужна буду, приходи, я все для тебя сделаю, хоть и трудно поверить, что есть на свете хорошие немцы.

- Спасибо, мать. Закрой, пожалуйста, окно, я переоденусь.

- А я тебя сейчас в кладовку провожу, - предложила женщина и, взяв его за рукав, повела через темные сенцы. Зайдя в кладовку, она зажгла керосиновую лампу и остановилась, прислонившись к двери.

- Прости меня, глупую бабу, но только скажи мне правду. Если мой Толик... сынок мой... в Германию попадет, что он там...

Шменкель понял: старушка опасается, как бы ее сын не попал в плен к немцам.

- Иногда я сама себя спрашиваю, - продолжала она, - что за матери у этих зверей фашистов, которые теперь хозяйничают у нас в селе? Разве все матери на свете не одинаковы? Разве не для того они родили на свет своих сыновей, растили их, воспитывали, чтобы из них выросли порядочные люди? Как могли люди стать такими зверьми, которые только и делают, что грабят да убивают? - Старушка тяжело вздохнула и перекрестилась. - Почему все матери на свете не скажут своим сыновьям: "Убейте нас, прежде чем начнете войну".

- Да, мамаша, матери на свете не все одинаковые, - сказал Шменкель, застегивая офицерский китель, который он только что надел, заменив погоны врача на погоны строевого офицера.

- Вы просили сказать правду, Варвара Павловна, так вот я и говорю: у нас в Германии есть такие матери, которые не дадут вашему сыну даже куска хлеба, хотя будут видеть, что он умирает с голоду. Но есть у нас и такие матери, которые приняли бы вашего сына как собственного, рискуя своей жизнью, - так, как это делаете вы.

Натянув сапоги, Фриц подошел к ней. Перед ним стояла старая женщина. Ее по-стариковски выцветшие глаза смотрели прямо ему в душу. От слабости она прислонилась к косяку двери.

- А у тебя самого-то есть дети?

- Трое, маленькие еще. Раз ты читала объявление о моей поимке, то понимаешь, как тяжело сейчас моей жене. Но она не допустит, чтобы из моих детей выросли звери. Мои дети и твои внуки будут дружить. Вот ради этого я и перешел на вашу сторону.

- Твои дети и мои внуки... за одним столом, как одна семья... Старушка вздохнула. - Ну пошли, сынок. Ты меня утешил. Бог с тобой.

Она шла впереди, согнутая годами, но не побежденная.

В сенях их уже ждал Рыбаков. Он чуть-чуть усмехнулся, так как невольно слышал конец их разговора.

- Ну как, подружился с мамашей? Это неплохо. Мой "язык" уже лежит на огороде под деревьями, связан по всем правилам.

Лобацкий сидел в избе и курил.

- Спешите, Иван Иванович, - сказал он, - да смотрите, чтобы немцы вас не заметили, - один гитлеровский офицер живет как раз напротив комендатуры. Мимо этого дома вы пройдете к комендатуре. Остальное зависит от вас. Рыбаков будет вас сопровождать.

Варвара Павловна тихо открыла дверь.

- Удачи вам, будьте здоровы!

* * *

Темные тучи затянули небо, деревня казалась вымершей.

Шменкель молча шел за Рыбаковым по огороду, потом они перелезли через изгородь и пошли мимо темных безмолвных домиков. Мягкая земля приглушала их шаги. Дойдя до ворот одного из домов, Рыбаков остановился, прислушался к шагам часового, что расхаживал перед комендатурой. Приоткрыв калитку, внимательно осмотрел площадь. Во всей комендатуре светилось только одно окошко. Там, наверное, находился дежурный. Над входом в здание горела яркая лампочка, освещая шлагбаум и постовую будку.

Часовой повернулся кругом. По его поведению было видно, что он совсем недавно заступил на пост. До часового оставалось не более тридцати шагов. Удары сердца отдавались у Шменкеля где-то в горле. Пожав Рыбакову локоть, он вышел на улицу и пошел открыто, четко печатая шаг по пустынной улице.

- Стой! Кто идет? - окликнул его часовой, перед комендатурой, поворачиваясь в сторону идущего и снимая карабин с предохранителя.

- Ты что, с ума сошел?

Шменкель успел сделать еще пять шагов. "Черт возьми, какая большая эта площадь!" - подумал Фриц. Но теперь-то уж часовой должен заметить, что перед ним офицер. Однако входить в круг, освещенный лампочкой, Шменкель не хотел.

- Подойди ко мне!

В голосе Шменкеля были небрежность и высокомерие, с какими обычно офицеры обращались к рядовым.

Солдат подбежал к нему и, вытянувшись, хотел было доложить, но Шменкель ударил его ребром ладони по горлу, рывком свалил на землю и руками сдавил горло.

В несколько прыжков рядом со Шменкелем оказался Рыбаков, и как раз вовремя, так как солдат, оправившись от испуга, начал сопротивляться. Но Рыбаков ударом в челюсть снова нокаутировал его. Взвалив часового на плечо, Петр потащил его с площади.

В этот момент в здании комендатуры распахнулось окно, и чей-то заспанный голос спросил:

- Что там такое?!

Шменкель успел подняться с земли, мигом отскочил в тень и застыл как вкопанный.

- Ничего!

- Нужно отвечать: ничего, господин унтер-офицер! Идиот!

- Так точно! Ничего, господин унтер-офицер! - машинально повторил Шменкель и щелкнул каблуками.

Унтер пробормотал что-то себе под нос и захлопнул окошко.

Когда Шменкель очутился по ту сторону калитки, он оглянулся. На площади не было ни души. Со двора его шепотом окликнул партизан. Часового притащили во двор Варвары Павловны. Он был без сознания. Руки и ноги ему крепко связали, а рот заткнули кляпом на случай, если пленный придет в себя и попытается звать на помощь. Два партизана уложили его на плащ-палатку и понесли.

Солнце уже поднялось над лагерем, когда разведчики благополучно вернулись к себе. Лобацкий и Рыбаков сразу же пошли с докладом к Дудареву, а остальные разошлись по своим землянкам. Первым вернулся от командира Петр. Он бросился на топчан и сладко потянулся.

- Командир всем нам объявил благодарность. Пленные уже пришли в сознание. Сейчас с ними занимается наша врачиха. Я твоего слишком сильно стукнул, Иван, Командир простил мне "поход" за самогонкой. А как тебе понравилась мамаша?

- Замолчи же ты наконец, - зевнул Спирин. - Спать охота.

- Спать? Сейчас? - Рыбаков как ни в чем не бывало

перевернулся на живот. - Иван, ты знаешь, что Виктор...

- Петр, если ты сейчас же не замолчишь...

- Ничего с вами не случится.

Снаружи послышались чьи-то шаги. А когда палатка, которой был закрыт выход, приоткрылась, все увидели на пороге стройную фигуру Лобацкого.

- Вы еще не спите, Иван Иванович? Капитан просил вас зайти.

"Просил, а не приказал, - подумал про себя Шменкель, застегивая гимнастерку и приглаживая волосы. - Чтобы это могло значить?"

Дударев был не один. Вместе с ним над картой склонился Тихомиров, Капитан был чисто выбрит и выглядел так, будто всю ночь спал безмятежным сном. На самом же деле даже не прилег.

- Вы не очень устали, Иван Иванович?

- Ничего, терпимо.

- Садитесь. Хотите чаю? - И, не дожидаясь ответа, капитан налил в алюминиевую кружку горячего чаю и положил рядом на ящик из-под патронов несколько кусочков сахару. - В селе вы разговаривали со старухой. Скажите, какое впечатление она произвела на вас? Можно верить ее словам о том, что фашисты готовятся напасть на нас?

- Мне кажется, ей можно доверять. Если б она работала на немцев, в ее чугунке плавало бы мясо, а она живет очень бедно.

Тихомиров свернул карту и налил чаю себе и капитану.

- А старуха неплохо придумала - заманивать к себе полицаев самогонкой. Нам надо бы достать ей новый змеевик, - заметил Тихомиров.

- Вот как меняются времена, Сергей Александрович.

Дударев отхлебнул из кружки, усмехнулся:

- Наши отцы, разгромив белых в гражданскую войну, разбили и все самогонные аппараты, чтобы крестьяне не переводили зерно, которого тогда так не хватало. А мы вот теперь собираемся завести такой аппарат, чтобы с его помощью получать интересующую нас информацию.

"Зачем же он меня позвал? Не для того же, чтоб я слушал их разговор!"

Словно угадав мысли Шменкеля, Дударев вдруг обратился к нему:

- Не обижайтесь, Иван Иванович, что мы не дали вам отдохнуть. Сергей Александрович рассказывал мне тут о том, как вы принимали присягу.

Шменкель покраснел, вспомнив, как он переживал, когда его в первый раз не привели к присяге.

От Дударева не ускользнуло замешательство Шменкеля.

- Командир и комиссар отряда взяли на себя большую ответственность, так как, не спросив разрешения высшего командования, лично изменили текст присяги. И как вы на это согласились, товарищ Тихомиров?

- После боя в Комарово я убедился в необходимости этого. Я много думал и пришел к очень важному для себя решению.

- Вот как? К какому же именно, разрешите спросить?

- - Воевать вместе с людьми и не доверять им - нельзя. - Тихомиров взял сигарету, которую протянул ему капитан.

Шменкель тоже закурил, Усталости как не бывало, Он внимательно слушал комиссара. Тихомиров продолжал:

- Когда Просандеев рассказал мне, как переживал Шменкель, когда мы не привели его в первый раз к присяге, я серьезно задумался. Я представил себя на месте немца, который радуется нашим успехам, потому что хорошо понимает, как нелепа эта война, затеянная фашистами. И если этот человек пришел к нам с чистым сердцем, чтобы бороться против фашизма, то тут уж нечего цепляться за его гражданство.

- А вы не боялись, что штаб партизанского движения не утвердит ваше решение?

- Нет. Товарищ Шменкель - убежденный антифашист. В Германии у него осталась семья - жена, дети. И мы не имели права... - комиссар запнулся, подыскивая нужное слово, - оставить его на полпути, так сказать, на ничейной земле. Я не знаю, Фома Павлович, что вы думаете по этому поводу, но если я, как коммунист, боюсь взять на себя ответственность, то мне не поможет и высшее командование.

Дударев задумчиво кивнул:

- Понятно. А теперь послушайте, что об этом думают в штабе. - Он вытащил из кармана гимнастерки сложенный лист бумаги и, развернув его, начал читать: - "Центральный штаб партизанского движения, 28 июня 1942 года. В один из партизанских отрядов добровольно пришел немецкий ефрейтор Фриц Шменкель и изъявил желание бороться против гитлеровских захватчиков. Шменкель был принят в отряд и вскоре зарекомендовал себя как смелый разведчик".

Дударев сложил листок и встал:

- Поздравляю вас, Иван Иванович.

Шменкель пожал протянутую ему руку. Тихомиров, который очень редко проявлял свои чувства, подошел к Шменкелю и обнял его.

- Вы - Франц Фельдхубер, 1898 года рождения, из Мюнхена. Солдат 12-й роты 456-го полка 256-й пехотной дивизии. Не так ли?

Шменкель перевел слова капитана. Пленный даже не пошевелился.

- Почему вы не отвечаете?

- Зачем? Все это написано в моей солдатской книжке.

- Чем занимались до армии?

Враждебный тон пленного, казалось, не произвел на Дударова никакого впечатления. Капитан не спеша рассматривал бумажник пленного. Увидев какую-то фотографию, Дударев протянул ее Шменкелю. На карточке был снят Фельдхубер в обществе каких-то важных персон. Все в черных костюмах, накрахмаленных сорочках, и все смотрят прямо перед собой.

- Вы имели собственное дело? - снова спросил капитан.

- Я кузнец. Мастер. На карточке - мои друзья.

Пленный даже не повернул головы, даже не взглянул на фото. Однако краем глаза он косился и на Морозова, и на Тихомирова, и на комиссара бригады. Они сидели на скамейке и слушали, как проходит допрос. Было непонятно, почему пленный так вызывающе себя ведет. Фотографии, которые Дударев перебирал в руках, оказались весьма любопытными. На одной из них Фельдхубер был снят перед домом с собакой, на другой он же в машине, на третьей - большой портрет Фельдхубера. И даже на семейном снимке его фигура как бы заслоняла всех остальных членов семьи.

Капитан щелкнул пальцем по крупной фотографии Фельдхубера и спросил:

- Сколько лет вы носили вот этот значок?

- Не знаю, - прозвучал ответ. Шменкель переглянулся с капитаном.

- Зато я знаю. Раз вы тогда носили золотой значок члена нацистской партии на лацкане пиджака, значит, вы были приверженцем фюрера. И в вермахт вы вступили добровольно. Не так ли?

Пленный вздрогнул. Глаза его злобно сверкнули, но он тут же потупил взгляд. Вместо ответа пленный лишь недоуменно пожал плечами.

- С какой целью ваше подразделение остановилось в Симоново? неожиданно спросил капитан.

- Это вы скоро сами узнаете, только не от меня.

- Я советую вам обдумывать свои ответы, - строго сказал Дударев.

Он сам неплохо говорил по-немецки и потому не всегда дожидался, когда Шменкель переведет ему слова пленного.

- Что вы делали в Березниково? Вам известен хуторок недалеко от шоссе на Духовщину?

На какое-то мгновение в землянке наступила тишина. Морозов встал и посмотрел на капитана.

Пленный подался вперед и ответил:

- Я никогда не слышал об этом хуторе. Что вы от меня хотите?

- Березниково больше нет. Хутор сожжен, уничтожен солдатами вашей дивизии. Все жители, старые и малые, расстреляны.

- Ложь! - выпалил немец. - Все это ложь! Я не буду вам...

- Это что, была генеральная репетиция перед нападением на наш лагерь, Фельдхубер? - прервал его капитан.

Вопрос обезоружил пленного. Он проглотил слюну, желваки заходили у него на скулах. Шменкель видел, что Морозов что-то шепотом сказал Полуэктову. Дударев молчал и, прищурившись, наблюдал за пленным. Шменкель восхищался спокойствием и выдержкой капитана. Командованию срочно нужны были сведения о предстоящих действиях противника, но из этого Фельдхубера, как видно, не многое вытянешь.

- Что вы на меня так смотрите? Думаете, я вас испугался? Или ваших бандитов? Скоро мы сделаем из вас отбивную!

Фельдхубер сжал кулаки и показал крупные, как у лошади, зубы.

- Завтра мы вас всех сотрем в порошок!

- Ошибаетесь, - спокойно ответил Дударев. - Вам не удастся уничтожить нас.

Взяв с ящика еще одну фотографию, капитан поднес ее к лицу пленного.

- Вы кузнец, не так ли? Тогда зачем вы пришли в нашу страну?

Фельдхубер бросил на капитана полный ненависти взгляд, плечи его содрогнулись.

- Слишком мало я вас убивал!.. Слишком мало... Мало...

- Увести! - приказал Дударев.

Фото он бросил на ящик и вытер лоб платком.

- Много я видел всякого дерьма. Какими только мерзавцами и бандитами не приходилось заниматься, но все они, как правило, имели хоть какие-то мотивы для совершения своих преступлений, а этот...

Сжав губы, капитан взял папиросу, которую ему протянул Морозов.

Комиссар Полуэктов наклонился над ящиком, служившим капитану столом, и молча протянул Шменкелю последнюю фотографию. На фоне трупов в позе полководца был увековечен Фельдхубер.

Шменкель, увидев фотографию, хотел отвернуться, хотел отбросить ее в сторону. К горлу подступил комок. Словно сквозь туман, Шменкель услышал слова капитана:

- Что же это за человек, который фотографируется на фоне убитых?

- Только через убийство лежит путь к славе - так говорят фашисты.

- Законченный нацист, - заметил Морозов. - Они ненавидят все чистое, светлое...

- Давайте продолжим, товарищи! - предложил Дударев. - Второго пленного захватил Иван Иванович.

Ввели второго пленного. Это был молодой парень, здоровый, загорелый. Переступив порог, он щелкнул каблуками и застыл по стойке "смирно". Шменкель еще весь находился во власти ненависти к Фельдхуберу. Но стоило Фрицу взглянуть на второго пленного и увидеть застывший страх в его глазах, которые бегали по сторонам, как бы ища поддержки, и ему стало жаль парня.

Этот пленный охотно отвечал на все вопросы, которые ему задавали. Звали его Альфом Дёрресом, служил он ефрейтором в том же полку, что и Фельдхубер.

- До войны я жил в Эссене. Сейчас мне двадцать два года, не женат, до армии работал служащим.

- А где вы работали? - спросил Дударев, захлопнув солдатскую книжку пленного.

- В банке.

- Кем был ваш отец?

- Директором филиала банка.

- Значит, у вас фамильная склонность к банковским делам? Садитесь.

Пленный осторожно присел на краешек скамьи, положив руки на колени. Вел он себя так, будто его вызвали в кабинет к начальнику.

- Вам известно, где вы находитесь? - спросил пленного капитан.

- Так точно. У партизан, - произнес солдат, и голос его дрогнул.

"Наверное, каких только небылиц не наслушался о нас", - подумал Шменкель.

- Как вы себя чувствуете?

- Спасибо, уже лучше. Благодарю вас.

- А теперь расскажите нам о своей политической деятельности. Вы - член нацистской партии?

- Нет, но...

Солдат недоверчивым взглядом окинул партизан.

- Но что? - спросил Шменкель.

- Я состоял в молодежной организации.

- Вас к этому принудили, не так ли? - не без иронии спросил Дударев.

- Нет, я вступил туда добровольно и даже отличился.

- Значит, вы были активистом?

- Да, у нас все были активисты. Капитан взглянул пленному прямо в глаза:

- Все вы так говорите. В том числе и дети рабочих? Ваш родной Эссен в свое время был центром борьбы против капповских путчистов. Или вы об этом забыли?

Пленный молчал.

- Почему вы не отвечаете?

- Я... этого не знал, - откровенно признался ефрейтор.

Шменкель отвел взгляд, ему было стыдно за своего соотечественника. Советский офицер напомнил о важном событии в немецкой истории, а парень, выросший в Германии, оказывается, вообще никогда и не слышал об этом, так как школьные учебники замалчивали подобные явления.

Дударев заговорил строже:

- Что произошло в Березниково?

- Не знаю... Слышал только, как об этом рассказывали.

- Разве вы не принимали участия в карательной экспедиции?

- Нет. Там были только добровольцы.

- А почему вы не пошли?

- Я стал солдатом для того, чтобы защищать свое отечество, в бою защищать, А против мирного населения я не воюю.

- Защищать отечество? - криво усмехнулся Дударев. - И что же вы слышали о Березниково?

Пленный рассказал довольно подробно. Он сам по радио принял приказ, в котором говорилось о необходимости стереть хуторок с лица земли, и передал приказ дальше, как это было положено. На вечерней поверке командир батальона призывал солдат к мщению, так как жители этого хуторка поддерживали связь с партизанами. Подробнее о расправе над мирными жителями Дёррес узнал от Фельдхубера, который был там и, хвастаясь, показывал всем фотографии, сделанные им лично.

- А что говорили ваши товарищи об этой расправе?

- Не все солдаты одобряют такую жестокость. Я слышал это собственными ушами. Многие у нас считают, что виновных нужно наказывать, можно, например, сжечь село, но расстреливать мирных жителей нельзя.

- Так думают твои товарищи?

- Так точно.

- Ну и последний вопрос. Что сейчас происходит в Симонове?

Пленный ответил без малейшего промедления:

- Запланирована операция по уничтожению партизанского лагеря. Для этой цели в село прибыло подразделение полевой жандармерии с овчарками. Операция будет проведена вместе со строевой частью.

- Когда запланирована эта операция?

- Я знаю только район операции и пароль.

- Говорите.

Пленный показал на схеме район, запланированный для прочесывания. В этом районе как раз и располагалась партизанская бригада имени Чапаева. Пароль - "Оборотень".

- Хорошо. Можете идти.

Ефрейтор встал и, дойдя до порога, обернулся, но часовые взяли его под руки и вывели из землянки.

Во время допроса старший лейтенант Морозов два раза куда-то выходил, но вскоре возвращался. Сейчас, когда в землянке наступила тишина, снаружи стали слышны команды, стук топоров, беготня, ржание лошадей.

- Сведения, которые мы имели, пленный полностью подтвердил. Я сейчас созову командиров подразделений на короткое совещание. - И, посмотрев на часы, Морозов обратился к Дударову: - А вас я жду через четверть часа.

Выходя из землянки, Дударев сказал Шменкелю:

- Вы со своим оружием идите в отряд "Смерть фашизму". Отдохнем потом. А за помощь при допросе - большое вам спасибо.

Только встав на ноги, Шменкель почувствовал, как устал: ноги и руки казались какими-то ватными.

- Разрешите один вопрос, товарищ капитан? - спросил Фриц.

Дударев сначала было махнул рукой:

- После.

А потом, подумав, предложил:

- Проводите меня к рации. По дороге поговорим, только давайте короче.

Шменкель быстро шагал рядом с капитаном.

- Что будет с пленными? - спросил Фриц.

- Этот вопрос решит штаб бригады.

- А как?

- Товарищ Иван Иванович!

Дударев на миг остановился, на лбу его собрались глубокие складки.

- Разве вам не ясно, что я не могу ответить на ваш вопрос?

Шменкель все отлично понимал, но машинально все еще

шагал вслед за капитаном. Так они дошли до землянки радиста.

"Больше выговора мне не грозит. В крайнем случае меня вычеркнут из списков разведчиков, но я все равно спрошу его еще раз", - думал Шменкель.

На столе радиста лежали два листка, испещренные цифрами, зашифрованные радиограммы.

- А ты чего здесь забыл?! - набросился на Шменкеля радист. - Не хватало, чтоб каждый ходил сюда, как к себе домой!

Дударев углубился в чтение радиограмм. Потом он поднял голову и сказал, обращаясь к Шменкелю:

- Я знаю, вас беспокоит судьба пленного ефрейтора, но этот вопрос буду решать не я один. Фельдхубер, в этом я твердо убежден, за свои преступления будет приговорен к расстрелу. Доказательства его вины у нас имеются, да и сам он не отпирается. А расстреливать Дёрреса мы не имеем никакого права. Вы удовлетворены?

- Его перебросят через линию фронта?

- Каким образом? Это при нашем-то теперешнем положении?!

И, взяв Шменкеля за руку, капитан повел его к выходу.

- Опомнитесь наконец. И все взвесьте. Ефрейтор вел себя как следует, сказал нам правду, и мы, конечно, учтем это. По моему указанию сегодня ночью его отвезут подальше отсюда и выпустят на свободу. Идите.

- Слушаюсь. Разрешите мне поговорить с этим ефрейтором.

- Как хотите. И разрешаю.

Уже стемнело, и возле землянок, где хранились продукты, партизаны зажгли факелы. Ящики, мешки и бочки складывали на подводы. Мимо проехал крытый грузовик с обмундированием. Чтобы избежать окружения, командование приняло решение покинуть лагерь.

После разговора с капитаном Шменкель быстро зашагал к землянке, где находились пленные.

В землянке было темно, но Фельдхубер сразу же узнал Шменкеля.

- Живым вам всем отсюда не вырваться, - пробормотал Фельдхубер. Выпусти меня отсюда, помоги бежать, и я возьму тебя с собой, а то так и пропадешь ни за что ни про что в этих болотах.

- Выходи, - сказал Шменкель второму пленному.

Когда Дёррес вышел из землянки, часовой тотчас же снял карабин с плеча, но Шменкель сделал ему знак, что это лишнее.

Отведя ефрейтора немного в сторону, Фриц предложил ему сесть на валявшийся ящик. Сел и сам. Было темно, и Шменкель не видел лица ефрейтора, но чувствовалось, как волнуется пленный.

- Испугался?

- Я не знаю, что меня ждет. Тот, - ефрейтор ткнул пальцем в сторону землянки, где сидел Фельдхубер, - надеется, что его наши освободят. Он только и говорит, как будет убивать вас. Но я не питаю на этот счет никаких иллюзий. Даже если вас окружат, то будет бой, и не на жизнь, а на смерть, и нас просто-напросто расстреляют.

- Значит, ты веришь фашистским сказкам, что партизаны убивают пленных?

- На что еще я могу надеяться?

- А если мы тебя отпустим? - Шменкель приблизился к пленному, чтобы лучше рассмотреть выражение его лица. - Что ты тогда будешь делать? Искать свою часть? У тебя не пропала еще охота быть в обществе таких, как Фельдхубер?

Пленный закрыл лицо руками и ничего не ответил. Небо над вершинами деревьев стало еще темнее. Близилась полночь, но голоса партизан, слова команд и скрип повозок не умолкали.

- Я догадываюсь, о чем ты сейчас думаешь, - вновь заговорил Шменкель. - Ты хорошо знаешь, что тебя ждет, если ты вернешься 6 свою часть, даже если и не в свою, а в другую. Тебе придется рассказать, что ты был в плену у партизан, иначе как ты объяснишь, где твое оружие. А поскольку ты вернешься живой и невредимый, тебя будут считать предателем. Вот чего ты боишься, не так ли? Но у нас нет сейчас возможности переправить тебя через линию фронта в лагерь для пленных. Почему - тебе, по-моему, не нужно объяснять.

Ефрейтор весь съежился и тяжело вздохнул.

- У тебя есть только один выход. Все зависит от тебя самого.

- Да?

Пленный сразу выпрямился.

- Говорите, что я должен делать?

- Воевать вместе с нами.

- Нет! - выпалил ефрейтор и снова сник. - Это же измена. Я не могу бороться против своих товарищей.

- Ах вот как! Тогда, по-твоему, я тоже изменник?

- В моих глазах - да. Может, кто и думает иначе, а я лично... Шменкель...

- Откуда ты меня знаешь?

- Я вас сразу же узнал. Я видел вашу фотографию на листовке.

- И ты веришь тому, что в ней написано? Веришь слепо и даже не утруждаешь себя подумать? Тебе неприятен Фельдхубер с его золотым значком нациста, и в то же время ты веришь ему подобным!

Шменкелю не сиделось на месте. Он встал и заходил около пленного, подыскивая слова, которые должен был сейчас сказать.

- Ты вот говоришь "измена". А скажи, кому или чему я изменил? Коричневой чуме, которая опутала всю Германию? Стране, которая покрыла себя позором, запятнала кровью тысяч людей? Стране, которую ненавидит весь мир? Помещикам и баронам, выпускающим оружие? Или банкирам? Это - не мое отечество, да и не твое тоже. Ты вот говорил, что защищаешь отечество, на самом же деле ты защищаешь миллионы своего шефа. А для него самого ты как был, так и останешься дерьмом.

- Оставьте свою агитацию! - Дёррес встал. - У вас свое понятие о чести, у меня - свое. Если мне суждено умереть от рук товарищей, пусть будет так. Всю свою жизнь я... Понимаете вы меня?.. Нет, вы никогда не поймете!

- Всю свою жизнь ты был орудием в грязных руках, - ответил Шменкель. И ты еще мнишь себя героем. Я хочу, чтоб ты остался в живых и когда-нибудь убедился в том, что глубоко заблуждался. Можешь идти.

Шменкель молча отвел Дёрреса в землянку. Больше он не сказал ему ни слова. Затем, забрав свой автомат, Шменкель пошел к Васильеву и доложил, что прибыл в его распоряжение. Командир отослал Фрица немного отдохнуть. Шменкель долго не мог заснуть, растревоженный разговором с пленным немцем.

* * *

И вот последняя группа партизан покинула лагерь. Было далеко за полночь. Над лагерем несколько раз покружил самолет противника и скрылся вдали.

А в семь утра гитлеровцы обрушили на территорию партизанского лагеря сильный артиллерийский огонь, но лагерь был уже пуст. Двадцать минут без перерыва рвались снаряды и мины, коверкая землю и деревья.

Артиллерийская подготовка прекратилась так же внезапно, как и началась. В наступившей тишине Фриц услышал, как в селе прокукарекал петух. Отряд "Смерть фашизму" занял огневую позицию на окраине села Слобода. Сюда снаряды не долетали, а самые близкие из них разрывались на перекрестке дорог, в полутора километрах от села. На дороге, которая вела в село, не было видно ни души. Здесь партизаны решили принять бой с фашистами. Командир сообщил, что немецкая пехота будет наступать при поддержке танков. Партизанам предстоял серьезный экзамен. Об этом сейчас и думал Шменкель.

Чей-то голос вдруг прокричал:

- Эй ты, Михаил, заснул там, что ли?

- Ничего я не заснул, - ответил другой.

- Тогда чего ж ты нас забыл? Я уже побрился. Тащи мне свежее белье, чтоб я, в случае чего, явился на небо по всей форме, а то бог меня такого чумазого не примет.

- Не торопись на тот свет. Еще успеешь.

- А табачок у тебя есть, Михаил?

- Есть, как не быть. Целый кисет. А чего это тебе вдруг захотелось махорки?..

На этом разговор оборвался - из лесочка появились черные махины вражеских танков. Они медленно ползли к селу.

Шменкель насчитал шесть танков. Вслед за ними бежали серые фигурки солдат в касках.

Фриц плотнее прижался к земле. Танки увеличили скорость.

И вдруг грохот взрыва потряс окрестность. Сзади и сбоку головного танка вырвалось яркое пламя. Следующий танк свернул с дороги, но не проехал и пяти метров, как тоже взорвался, наскочив на одну из мин, которые партизаны установили ночью. Остальные танки остановились. Гитлеровцы выслали вперед саперов с миноискателями.

Васильев подал команду, и партизаны открыли огонь. Противник не заставил себя долго ждать: пехота была брошена вперед, танки развернули орудия.

Первыми очередями Шменкель уложил двух гитлеровцев. Сквозь шум перестрелки Фриц уловил грохот партизанских минометов. Вот загорелся еще один танк и бешено помчался по полю, стараясь сбить пламя. Несмотря на сложность обстановки, Шменкель был внутренне спокоен.

Недалеко от Фрица пули поднимали фонтанчики земли. Шменкель сменил позицию, отполз немного назад и укрылся за густым кустом. Рядом стояло изуродованное снарядом дерево. Фриц стрелял из трофейного пулемета.

Пули вновь стали ложиться около Шменкеля - стреляли из пулемета. Заправив пулемет новой лентой, Фриц дал несколько длинных очередей в том направлении, откуда стреляли. Пулемет противника смолк. Шменкель вытер пот со лба и провел языком по высохшим губам.

"А этот парень с пулеметом мог бы запросто скосить меня, - подумал Шменкель. - Да, трудно сказать, как мы отсюда выберемся. Слева и впереди противник, и к тому же противник, который в пять раз превосходит нас в силах. Позади - чистое поле и только справа - небольшой островок леса. Фашисты, конечно, постараются отрезать нас от этого леса".

Шменкель несколько выдвинулся из-за куста и установил пулемет так, чтобы удобнее было вести огонь по пехоте противника. Только Фриц открыл огонь, как возле него оказался

невесть откуда появившийся Рыбаков.

- Нужно продержаться еще минут десять, прикрыть отход наших. Патронов у тебя хватит? - выпалил разом Рыбаков.

Шменкеля мучила жажда, и Рыбаков протянул ему фляжку с водой, однако Фриц отстранил ее, так как в эту минуту невдалеке увидел фигуру в серой форме.

- Сигнал для отхода - зеленая ракета! - крикнул фрицу Рыбаков и исчез.

Стих огонь партизанских минометов, но гитлеровская артиллерия не умолкала. Шменкелю дважды пришлось менять позицию, но к нему уже пристрелялись, и он лежал, не поднимая головы.

Опять взревели фашистские танки. Три машины, свернув с дороги, медленно ползли к лесочку. Пехотинцы выскочили из укрытий и бросились вперед. Некоторые из гитлеровцев подорвались на минах, остальные продолжали бежать.

Шменкель стрелял и стрелял. Но вот в небо взвилась зеленая ракета. Фриц схватил пулемет и, прячась за кустами, бросился назад. Затекшие от долгого лежания ноги плохо слушались.

Вдруг Шменкель услышал голос Рыбакова:

- Иван, Иван! Беги сюда, ко мне!

Фриц что-то крикнул в ответ, но взрывы мин и стрельба заглушили его голос. Он побежал к спасительной полоске темного леса...

В небе высоко стояло солнце, а в гуще леса у ручья все дышало прохладой. Припав к ручью, Шменкель долго пил холодную воду. Неподалеку от него сидел Рыбаков и плескал себе воду в лицо. Тут же находились Прохор, Николай и парень из села Курганово. Они втроем обслуживали станковый пулемет "максим". Здесь же были Виктор Спирин и медсестра Надя.

Оторвавшись от воды, Петр напялил фуражку на мокрую голову.

- Ну, мы последние. Пошли!

Как всегда, он и теперь был проводником. Сначала они углубились в лес, чтобы ввести противника в заблуждение, а потом, сделав большой крюк, пошли на север, к селу Холопово. Там они должны были присоединиться к своему отряду.

Рыбаков шел быстро. Ветки похрустывали под ногами. Была такая жара, что гимнастерки взмокли от пота. Прохор, тащивший карабин с пулеметными лентами, то и дело ворчал:

- И чего ты так несешься, Петр? Уж нет ли у тебя зазнобы в Холопово?

- Приказ есть приказ, - отвечал Рыбаков, не замедляя шага. - Сказано как можно скорее выйти на сборный пункт отряда,

значит, нужно выполнять!

Пройдя по лугу, партизаны вошли в небольшой лесок. Вскоре лес кончился, и они вышли к заболоченной равнине. Осмотревшись, решили двигаться к высотке. Теперь вести группу взялся рыжеволосый, который знал здешние места лучше Рыбакова. Парень повел их через болото по узкой тропочке, которую, видимо, знали немногие. Воздух, казалось, замер, на небе ни облачка, а солнце нестерпимо палило. Кругом стояла тишина. Вскоре путь преградила широкая канава. Через нее был переброшен легкий мосток. И вдруг на противоположной стороне партизаны увидели двенадцать немецких жандармов с собаками на поводу. Фашисты шли навстречу партизанам.

- Назад! - успел крикнуть Рыбаков.

Но было уже поздно. Собаки учуяли их, залились лаем и стали рваться с поводков. Жандармы вмиг бросились на землю и спустили овчарок.

- Стрелять по собакам! Сначала по собакам!

Шменкель хорошо понимал, как опасна встреча с этими натренированными животными. Перед операцией фашисты обычно не кормили собак целые сутки. Изголодавшиеся псы бросались на свои жертвы, стараясь перегрызть горло.

Шменкель поискал глазами укрытие, но ничего не увидел. Широко расставив ноги, он с руки дал очередь из пулемета. А через секунду застрочил из своего автомата и Рыбаков. Надя стреляла из карабина. Однако быстро изготовить к стрельбе "максим" - дело нелегкое. Несколько псов было убито, остальные огромными прыжками мчались вперед. Отступая шаг за шагом, Шменкель давал длинные очереди из своего МГ. А псы - все ближе и ближе. Надя выстрелом из карабина уложила еще одну овчарку.

Жандармы тоже открыли огонь. Шменкель вдруг почувствовал, как что-то обожгло ему руку, но не обратил на это внимания. Сойдя с мостка, он оказался вне поля зрения противника. Выстрелы с той стороны постепенно стихли, потом послышался свист: гитлеровцы не решались лезть в болото и подзывали собак.

Шменкель почувствовал жгучую боль в плече. Взглянув на рукав, он увидел чуть ниже локтя две дырки.

"Сквозное ранение, - мелькнуло в голове. - Это еще не самое страшное". Забрав пулемет, он пошел к остальным.

Присели на кочке. Рыбаков стащил с головы фуражку и проговорил:

- Может, они уже оцепили болото. Наши наверняка проскочили, иначе бы мы не наткнулись на фашистов. Что теперь

делать? Вернуться в лес или попытаться прорваться?

- Нужно прорываться! - решительно заявил Шменкель, перевязывая себе руку.

- Вы ранены? - воскликнула Надя. - Почему вы мне ничего не сказали?

- А чего говорить! Ерунда, а не рана. - И, обращаясь к другим, Шменкель спросил: - А вы как думаете? Ведь за ночь фашисты могут нас окружить!

- Мы должны выполнить приказ и во что бы то ни стало прорваться, наконец проговорил Спирин.

Остальные согласились с ним.

Надя тем временем открыла свою сумку и вынула из нее бинты и пинцет. Она осторожно очистила рану Фрица, приговаривая при этом:

- Рана гораздо опаснее, чем вы думаете, Иван Иванович. Потерпите минутку, сейчас я ее забинтую. Дать вам обезболивающую таблетку?

Рыбаков, посмотрев на медсестру, хмыкнул.

- Я не ребенок, чтобы глотать твои таблетки, - обиженно отказался Шменкель.

Надя с удивлением посмотрела на Ивана Ивановича своими большими темными глазами. А Шменкель только сейчас заметил ее полные припухшие губы. Черные волосы девушки вились локонами. Чем-то она напомнила Фрицу его Эрну.

"Почему я не замечал этого раньше?" - подумал он и невольно вспомнил свой разговор с Рыбаковым на лесной поляне, когда они готовили место для приема материалов, которые им должны были сбросить с самолета.

Шменкель покраснел, Надя опустила глаза.

- Иван, а тебе, я вижу, везет, - не унимался Рыбаков. - Перед тобой даже женщины стоят на коленях.

Девушка тотчас же встала с колен и присела на корточки. Румянец залил ее лицо и шею. В сторону Рыбакова она метнула сердитый взгляд, но Петр продолжал улыбаться.

Надя помазала рану йодом.

- Щиплет?

- Конечно. Это же не деревяшка. - Фриц произнес это уже совсем другим тоном.

Девушка хотела было подвесить руку на перевязь, но Фриц отказался, так как считал, что бой еще не окончен и ему понадобятся обе руки.

За болотом вдруг раздался взрыв, за ним - другой. Послышались винтовочные выстрелы и очереди из автоматов, а через несколько минут заговорил "максим".

- Это же наш Андрюшка! - радостно закричал Прохор. - Это его работа!

Все вскочили на ноги и прислушались.

- Да, это наши! Вперед! Теперь должны прорваться! - скомандовал Рыбаков.

Они перешли по мостку, миновав убитых собак, и вышли на дорогу.

Услышав за спиной легкие шаги, Шменкель оглянулся и увидел Надю.

- Иди все время за мной и не отставай! - сказал он девушке.

Она молча кивнула, Фриц улыбнулся. Так они прошли несколько сот метров. И вдруг опять увидели немцев, которые залегли на околице села и палили из танковой пушки по избам. Рассыпавшись цепью, фашисты окружали село.

- Ложись! - крикнул Рыбаков.

Надя бросилась в придорожный кювет, но тут же приподнялась, посмотрев в сторону противника. Шменкель прижал ее голову к земле.

- Не высовывайся. Лучше подай мне ленту! Умеешь?

- Видела, сумею!

Фашисты не торопились. Деревню обстреливали только танки. Но партизаны не отвечали, видимо, берегли боеприпасы. Немецкая пехота все туже и туже затягивала кольцо окружения вокруг деревни. Сначала гитлеровцы ползли, а потом осмелели и пошли, втянув голову в плечи.

- Огонь! - крикнул Рыбаков.

Залп застал противника врасплох. Несколько фашистов упали, сраженные пулями, остальные залегли, некоторые трусливо поползли назад, в укрытие.

Этим моментом воспользовались партизаны, засевшие в селе. Через огороды и сады они бросились в контратаку и отбили фашистов на исходные позиции.

- Слева танки! - раздался громовой голос Рыбакова.

Танк был всего один. Он шел на большой скорости, но не по шоссе, а по краю кювета, явно намереваясь раздавить гусеницами находившихся там смельчаков. Выручил парень из Курганово. Он метнул в танк связку ручных гранат и поджег его. Танк закрутился на месте, но его пулемет продолжал поливать все вокруг огнем. Парень, поджегший танк, не успел броситься в укрытие, и очередь скосила его. Он упал, широко раскинув руки.

Шменкель находился метрах в тридцати от горящего танка.

- Ленту! - крикнул он.

Надя быстро подала ему ленту.

В этот момент крышка люка откинулась, и из танка быстро

вылезли два гитлеровца. Шменкель дал по ним очередь, но слишком высоко. Второй очередью Фриц скосил одного фашиста. В люке показалась голова третьего гитлеровца. И в тот же миг в танке стали рваться снаряды. Густой черный дым окутал стальную махину.

Шум перестрелки постепенно стихал.

- Слышишь? - крикнул подползший к Шменкелю Рыбаков. - Наши оставили село, они пытаются сбить противника!

Стрельба в деревне стихла. Лишь два легких пулемета противника не переставали тараторить.

- Надо отходить, а то опять отстанем от своих, - бросил Шменкелю Спирин. - Проклятое солнце, печет, как в Африке!

Рыбаков пополз куда-то в сторону, но вскоре вернулся.

- Прошило насквозь, - сказал он и удержал Надю, которая хотела было ползти к парню, что поджег танк. - Ему уже никто не поможет. Он убит. Забрать его с собой мы сейчас не можем, потом вернемся сюда...

И, сглотнув слюну, добавил:

- Я пойду первым, Прохор будет замыкающим.

Они выбрались из придорожного кювета, переползли через дорогу и под прикрытием шлейфа черного дыма от все еще горевшего танка шли до околицы села. Раненая рука беспокоила Шменкеля, каждое движение причиняло острую боль. Он закусил губу, чтобы не стонать от боли, на лбу его выступили крупные капли пота. Наконец они добрались до первой улицы и остановились. Фриц прислонился к забору. Вид у него, видимо, был неважный, так как Надя, тронув его за рукав, спросила:

- Иван Иванович! Что с вами?

Но он только тряхнул головой:

- Ничего. Нам нужно спешить!

Партизаны тем временем оставили село, но противник все еще обстреливал его из орудий. Рыбаков вел партизан, используя каждое, даже небольшое, укрытие. Село словно вымерло. Едва начался бой, часть жителей ушла в лес, другие попрятались по подвалам и погребам. Горели дома, сараи, колхозный амбар. То, что фашисты не успели разграбить, они подожгли.

Сразу же за селом партизаны остановились передохнуть в лесу. Рыбаков внимательно оглядел местность, по которой они только что прошли.

- Ничего не понимаю. Гитлеровцы давно должны были заметить, что в селе никого нет. Почему они его не заняли? А может, они просто отказались от погони? И мы зря так спешим. Как ты думаешь, Ваня?

- Отказались от погони? Нет.

Шменкелю было трудно говорить - раненая рука горела и сильно беспокоила его.

- Если бы они не гнались за нами, то давно вошли бы в село, согнали бы всех жителей в одно место и начали бы издеваться над ними. Вот увидишь, они это село сожгут, а в донесении в вышестоящий штаб укажут, что провели карательную операцию против такого-то села. А раз они пока этого не делают, значит, у них что-то другое на уме.

- Может, ты знаешь что?

- Нет. Но нужно как можно скорее догнать отряд.

Шменкель с трудом встал. Надя, которая не спускала с него глаз, поняла его состояние и уложила ему руку на перевязь. Он теперь не отказывался.

Шли в северо-западном направлении. Впереди - Петр. Не прошло и десяти минут, как ведущий вдруг остановился. Опытным глазом он заметил примятую траву, сломанные ветки деревьев: значит, здесь совсем недавно прошли люди, много людей.

- Это наши. Далеко они не могли уйти.

- Ага! - Рыбаков облегченно вздохнул.

Все чувствовали, как сильно устали, но, пересилив себя, зашагали быстрее.

Шменкель уже не помнил, сколько они шли, как вдруг до них донеслись ружейная стрельба и взрывы гранат. Рыбаков сразу же остановил группу и, бросившись на землю, припал ухом к земле, стараясь понять, где гремят взрывы.

- Там какое-то село. Забыл название, двойное какое-то, - заметил Прохор. Он уговаривал товарищей прибавить шагу, чтобы поспеть на помощь своим.

Рыбаков допускал, что фашисты в той стороне устроили им засаду. Пока они спорили, Николай вдруг крикнул:

- Тихо вы! Там кто-то есть!

Все замолчали.

Николай пошел вперед, чтобы узнать, кто там, и через минуту вернулся, но не один, а с мужчиной, щеку которого слегка задело пулей. Оказалось, что это партизан из отряда имени Буденного. Сбивчиво, несвязно он начал рассказывать, что с ними случилось.

- Они нас обошли... У них было четырнадцать танков. Устроили засаду у села, и мы попали в нее...

Предположение Шменкеля оправдалось. Рыбаков хотел что-то спросить у Фрица, но увидел, что тот сидит, прислонившись к дереву. Голова его опустилась на грудь, губы были плотно сжаты.

Шменкель гнал от себя какие-то назойливые мысли, но они

беспрестанно лезли в голову. Словно сквозь сон, он слышал, как партизан из отряда имени Буденного передавал Рыбакову новый приказ Морозова.

- Бригада оторвалась от противника, - объяснял буденновец. - Встреча с противником крайне нежелательна. До рассвета лес...

Дальше Шменкель уже ничего не слышал. Горячая волна прилила к голове. Очнувшись, он услышал, как Рыбаков спрашивал:

- Пойдем вместе?

Буденновец покачал головой:

- Мне не успеть за вами. Командир наш ранен. Его нужно нести. Он еще жив, но...

И партизан исчез за деревьями.

Рыбаков о чем-то зашептался со Спириным. За эти несколько часов он, казалось, постарел на несколько лет. Чувство ответственности за людей, которые оказались в его распоряжении в такой сложной обстановке, как рукой сняло его прежнее легкомыслие. Впервые они оказались в столь трудном положении, когда противник преследовал их крупными силами, не давая передышки, и ему, Рыбакову, нужно было решать, каким путем вывести свою небольшую группу в целости и сохранности к отряду.

Коротка летняя ночь, а путь партизанам предстоял большой, идти нужно было лесом, полагаясь только на слух и зрение, обходя дороги и тропинки, чтоб не натолкнуться на засаду противника.

Шменкеля одолела беспредельная усталость, он почти не следил за тем, что обсуждали Спирин и Рыбаков. Понимая, что положение очень тяжелое, он заставил себя встать на ноги, благо они еще слушались его.

Это был чертовски трудный путь. Фашисты шли по пятам, и стоило партизанам выйти на какую-нибудь полевую дорогу, как откуда-то справа или слева раздавалась стрельба, и они снова прятались в чащу. Они шли и шли, и цель их была все ближе.

Шменкель находился в полубессознательном состоянии. В его голове мысли о настоящем переплетались с воспоминаниями о прошлом. Запахи полевых трав напоминали ему детство.

Он не замечал, что Надя, и сама едва державшаяся на ногах от усталости, шла рядом, поддерживая его и отводя в сторону ветки, чтобы они не хлестали его по лицу.

- Эрна, ты должна выдержать, должна! - срывалось с пересохших, горячих губ Фрица. - Ты слышишь? И хорошенько смотри за детишками.

- Что это с ним? - спросил Рыбаков, когда Спирин заменил его

и пошел впереди группы.

- Жар у него, бредит, - прошептала Надя.

- Эх, водки бы ему сейчас!

- Вам бы только водки! Шменкелю врач нужен, а не водка. Он очень много потерял крови, вон повязка вся пропиталась.

Рыбаков не стал спорить и предложил:

- Если он не может идти, я понесу его на себе. Донесу до своих...

- Если мы туда когда-нибудь доберемся.

- А почему нет? Что за настроение? Приглядывайте за Иваном Ивановичем!

Рыбаков шепнул Прохору:

- Вперед! Чего ты ползешь как черепаха?

Перед рассветом партизаны увидели на горизонте кроваво-красное зарево. Они остановились, и кто-то сказал:

- Это село Татьянка!

Фриц посмотрел на зарево. Ему показалось, что оно разливается, заливает его от края до края. Потом наступила темнота, и Шменкель ничего уже больше не видел.

Резкий запах йода и эфира ударил в нос и привел Фрица в сознание. Он с удивлением открыл глаза и долго не мог понять, где находится. Фриц попытался встать, но кто-то положил ему на лоб приятную прохладную руку и сказал:

- Вам уже лучше? Сейчас я принесу вам попить.

Фриц узнал голос Нади и понял, что находится в санитарной палатке партизан.

- Вы спали двое суток подряд, - начала рассказывать Надя, напоив его. - Врач сделал укол, и вы уснули. За это время приходил товарищ Васильев, комиссар отряда, но вы никак не хотели просыпаться.

Шменкель откашлялся и спросил:

- Как я сюда попал?

- На широкой спине вашего друга.

Это был уже голос капитана Дударева. Он только что вошел в палатку, принеся с собой свет и запахи леса. Капитан пододвинул табуретку и сел рядом с Фрицем.

- Ну как рана, сильно беспокоит?

Шменкель приподнял раненую руку и почувствовал слабую боль.

- Ничего, все в порядке, товарищ капитан.

- Ну-ну. - Дударев рассмеялся. - На несколько дней я отдаю вас в руки медицины. - Капитан подождал, пока выйдет медсестра, и продолжал: - Наша бригада выдержала серьезное испытание. Фашистам не удалось уничтожить нас. Ни один из

наших отрядов, кроме отряда имени Чкалова, серьезных потерь не понес. Подразделения бригады собрались вместе.

"Сидит у моей постели и докладывает мне, словно я его начальник. Зачем он пришел?" - подумал Шменкель, а потом спросил:

- Скажите, товарищ капитан, где мы находимся?

- В нашем втором лагере, в лесу под Вадино, недалеко от Татьянки. Село фашисты сожгли, когда поняли, что нас не схватить. Вы, наверное, видели зарево пожара.

- Я этого не помню. - Фриц старался вспомнить что-то. - После того как мы вышли из Холопово, я уже ничего не помню. И рана-то вроде небольшая, а вот не помню. - И он улыбнулся, подняв вверх свою забинтованную руку.

- Много потеряли крови, температура высокая. Хорошо еще, что Рыбаков вовремя дотащил вас до операционного стола доктора Кудиновой. Он очень беспокоился за вас. - Капитан наклонился над Шменкелем, прищурил глаза. Шменкель понял, что самый важный разговор, ради которого он к нему пришел, еще впереди. - Эта операция нас всех многому научила. До сих пор мы только предполагали, насколько силен враг, а когда начался бой, уже реально оценили силы противника. Значит, наша разведка должна работать лучше. К тому же мы должны рассчитывать на наступательные действия Красной Армии на нашем участке фронта. Самое позднее осенью или зимой. Поэтому мы должны готовиться к проведению крупных операций, а это опять-таки значит, что разведка должна работать результативнее. А вы, Иван Иванович, для разведчиков незаменимый человек.

Фриц сел, опираясь на здоровую руку.

- Слушаюсь, товарищ капитан. Я готов...

- Хорошо.

Дударев дотронулся до плеча Шменкеля. Глубокие морщины на его лбу разгладились. Капитан встал.

- Скорее выздоравливайте. За успешные действия вы представлены к награде. И я заранее поздравляю вас, Иван Иванович.

Когда медсестра вошла с чайником в палатку, Шменкель сидел на постели. Не обратив никакого внимания на чай, он спросил:

- Надя, куда вы задевали мои сапоги?

* * *

Лето для партизан было самым удобным временем года: они могли ночевать под открытым небом, быстро передвигаться с места на место, летом не нужно было строить землянок. А самое

главное преимущество заключалось в том, что летом, передвигаясь от села к селу, партизаны не оставляли следов. Все эти преимущества летнего времени бойцы бригады имени Чапаева использовали, что называется, на полную катушку. Район действия намного расширился. Подразделения партизан или небольшие группы внезапно появлялись там, где гитлеровцы их совсем не ждали. Партизаны наносили удар по коммуникациям и транспорту противника, взрывали мосты и железнодорожное полотно, срывали увоз скота, зерна и прочего награбленного добра в Германию. Сведения для своих дерзких операций партизаны, как правило, получали от местных жителей. Условные сигналы, с помощью которых крестьяне давали знать партизанам, например, о приближении противника, были самые различные: то хозяин перевертывал на плетне бидон из-под молока, то вывешивал особым способом скатерть на веревку. Так или иначе, но партизаны всегда были вовремя информированы, где фашисты и сколько их.

Рана Шменкеля заживала довольно быстро, но все равно настроение у него было неважное. Бездействие тяготило его. Доктор Кудинова, зная беспокойный характер Шменкеля, наложила ему на руку шину, чтобы Фриц ничем не натруживал ее. Ему казалось, что никому он не нужен, да и знакомых в лагере никого сейчас не было.

Рыбаков, Лобацкий, Коровин несколько дней назад ушли в разведку, чтобы как можно больше узнать о движении гитлеровских эшелонов по железнодорожной ветке Дурово - Владимирское.

Другие партизаны группами во главе с минерами ушли на поиски неразорвавшихся фашистских мин и снарядов. Гитлеровцы стреляли наобум, и многие мины и снаряды, попав в болото, не разорвались. Как-то один из партизан намекнул командиру отряда, что, мол, взрывчатка лежит у них под носом, нужно только достать ее. Неразорвавшиеся бомбы осторожно потрошили, а "начинку" использовали для изготовления мин и удлиненных зарядов, которых в бригаде всегда не хватало.

Поиски эти полностью себя оправдали. Нагруженные неразорвавшимися минами и бомбами, партизаны группа за группой возвращались в лагерь.

Шменкелю не сиделось в палатке санчасти, и однажды он не без труда уговорил Надю снять ему с руки шину и заменить ее легкой повязкой. Теперь Фриц хоть что-то мог делать.

Партизаны в это время как раз занимались изготовлением трехкилограммовых мин для подрыва железнодорожного полотна, и Фриц наловчился вставлять запалы в корпус мин.

Минеры сначала было запротестовали против того, чтобы Шменкель занимался этим делом, но Дударев так их оборвал, что никто больше не сказал ни слова,

Вернулись Рыбаков и Коровин, оба в грязи, уставшие и невыспавшиеся.

- Присядьте, - предложил им Шменкель. - И рассказывайте, что там у вас нового.

- Паршиво. - Рыбаков улыбнулся. - Если б ты видел, где мы сидели! Три дня и три ночи в болоте возле железной дороги. Хуже места придумать невозможно. А комаров там! Меня они еще не так сильно искусали, а ты посмотри на Виктора.

- А все потому, что было запрещено курить, - Коровин провел рукой по опухшему лицу и шее. - Но, как видишь, не сожрали нас. Дударев оказался прав.

- В чем? И что вы узнали? Говори же наконец, а то все крутишь вокруг да около.

Шменкель сгорал от нетерпения, да и остальные партизаны, отложив работу, ждали, что скажут разведчики.

- Сначала мы не верили, что фашисты придают большое значение этой ветке, ведь она не основная. Но мы глубоко заблуждались. На этой ветке идет такое движение, будто на какой центральной магистрали. Капитан разбил нас на три группы и распределил между станциями. Вот мы и сидели, смотрели в оба да записывали, когда прошел состав, из скольких вагонов или платформ состоял, сколько часовых охраняли его и так далее. Сейчас капитан и командиры взводов совещаются с командиром. Думаю, скоро будет интересная операция.

Коровин замолчал и посмотрел на мины-самоделки.

- А не перейти ли нам в более безопасное место, где и закурить можно? Перешли на лужайку.

Коровин свернул огромную козью ножку и глубоко затянулся.

- Днем поезда идут все время в одном направлении, - продолжал он свой рассказ, - гитлеровцы увозят наш лес, большей частью уже распиленный. Режут его на лесопилке во Владимирском. Однажды я видел, как везли два разбитых бомбардировщика. Но все это не так интересно, а вот по ночам...

- Тогда начинается совсем другое, - прервал товарища Рыбаков. - И даже с увертюрой. Представьте себе, лежим мы в кустах, кругом тишина. Вдруг Виктор услышал какое-то жужжание. Я сначала подумал, что у него просто слуховые галлюцинации, а потом, и сам услышал какой-то странный шум. Подползли мы к рельсам. Полотно там из-за болотистой местности довольно высокое. Приложил я ухо к рельсу и слушаю. Едет что-то. Мы с насыпи кубарем - и в кусты. Смотрим, едет

дрезина и толкает впереди себя две вагонетки, груженные камнем. Чтобы, значит, проверить, не заминировано ли полотно. А сзади к дрезине прицеплено несколько товарных вагонов. В последнем сидели солдаты. Дрезина проехала мимо нас. Через некоторое время прошли два состава с небольшими интервалами, а потом и третий.

- А что было в этих составах, вы узнали? - спросил кто-то из партизан.

- Разумеется. - Коровин свернул еще одну козью ножку. - Пушки, танки, а больше всего горючее.

- Ну как, интересно? - Рыбаков с победным видом посмотрел на товарищей. - Вы же знаете, они с нами ничего сделать не могут и боятся нас. Иначе б они не пускали дрезину с вагонетками для проверки.

- Все это так, - прервал своего друга Шменкель. - Но скажи, почему фашисты отправляют транспорты с ценными грузами только ночью? Почему бы это, а?

- Мы долго ломали над этим голову. Однажды, когда сидели в засаде недалеко от Егорьевской, мы подползли к линии поближе. И вдруг семафор закрылся и состав остановился. Состав был с лесом. Машинист паровоза пошел в кусты по нужде, и мы его сцапали. Нам повезло: машинист числился у немцев в списке неблагонадежных и охотно все нам рассказал...

Виктор вдруг замолчал. В этот момент раздался сигнал к обеду.

- Короче говоря, дело тут вот в чем: главная железнодорожная магистраль, идущая через Минск - Смоленск - Вязьму, по ночам находится под постоянным контролем партизан, и потому немцы могут перевозить по ней грузы только днем. А чтобы не было перебоев, они и пропускают эшелоны по второстепенной ветке по ночам.

Во время обеда партизаны оживленно спорили о том, можно ли успеть подложить мины под рельсы в интервалах между двумя составами. Если подорвать эшелон с горючим, то восстановить эту ветку и вновь наладить на ней движение будет не так-то легко, времени для этого потребуется много. Однако разведчики сообщили: транспорты идут с такими маленькими интервалами, - видимо, как раз в целях большей безопасности, - что заминировать полотно вряд ли возможно.

После обеда Рыбаков и Коровин пошли в баню, а Шменкель направился в свою палатку. Фриц понимал, что командир отряда не будет откладывать в долгий ящик операцию по подрыву железнодорожной ветки. Добровольцев участвовать в такой операции в отряде наберется больше чем нужно, так что, если он,

Фриц, хочет участвовать в этом деле, ему нужно спешить.

Шменкель начал объяснять врачу, что он уже совсем здоров, но Кудинова недоверчиво покачала головой. Однако Шменкель не уходил - он решил добиться своего и утверждал, что ему пора выписываться.

На самом же деле рука с трудом слушалась Фрица. Рана, правда, затянулась, но еще не совсем. Доктор Кудинова только недоуменно пожала плечами, но, зная, что Шменкель не отступит от задуманного, наконец проговорила:

- Идите уж, что с вами делать. А то, чего доброго, придется вас отправить к психиатру, уж больно вы беспокойный. Только я вас прошу, ни в коем случае не принимайте участия в рукопашном бою.

Шменкель радостно простился со строгим доктором, а вечером следующего дня ушел с группой подрывников во главе с Тихомировым на задание.

Шменкель нес свой автомат и электрическую подрывную машинку, которую партизанам прислали из тыла. Вслед за Фрицем шагал Коровин. Начальник разведки решил подорвать полотно в том самом месте, где Коровина ели комары. Рыбаков в этой операции не участвовал - он ушел проводником с большим отрядом, возглавляемым Дударевым. Рыбаков вел отряд к шоссе, к тому месту, где оно вплотную подходило к железной дороге. Третья группа во главе с Васильевым осталась в тылу для обеспечения.

Группа Тихомирова вышла к железной дороге к концу второго дня. Комиссар приказал всем как следует выспаться, однако комары не давали ни минуты покоя. Не спасали даже марлевые повязки, которыми их снабдили в санчасти. С наступлением темноты партизаны были само внимание. Прошел эшелон с платформами, груженными лесом. Потом вновь наступила тишина. Через два часа по шпалам прошагал фашистский патруль. Под утро в направлении Владимирское потянулись нескончаемые составы с порожняком.

- Ничего не понимаю, - шептал Коровин, приправляя свою речь крепкими словечками.

Так прошли сутки. Партизаны сидели в болоте, а тут еще, как назло, полил дождь.

- Если так будет продолжаться, наш командир, чего доброго, подумает, что мы бредили или видели мираж, а не составы с оружием. Уж раз так, нужно пустить под откос хотя бы эшелон с лесом и вывести ветку дня на два из строя.

- Не торопитесь, наберитесь терпения, - строго оборвал Коровина Тихомиров. Он незаметно подошел к ним. - Может, те

составы, которые вы видели, подбрасывали немцам резервную технику, а может, движение на главной магистрали стало для гитлеровцев безопасным днем и ночью.

- И все же, я думаю, Виктор прав, - заметил Лобацкий. - Как бы то ни было, но мы можем сегодня нагнать на фашистов страху здесь, а через несколько дней взорвем полотно где-нибудь в другом месте.

В темноте не было видно улыбки Тихомирова, но она чувствовалась в его голосе:

- Нет, товарищи, не для того мы сюда пришли и столько времени ждем, чтобы подорвать три метра рельсов. Нужно дать фашистам почувствовать, что эта ветка находится под нашим постоянным контролем.

- Тихо! Вы не слышите?! - проговорил Шменкель, вслушиваясь в ночь.

- Да, по-моему, идет состав, - согласился Коровин. - Готов спорить, что...

Тихомиров приказал партизанам занять свои места.

Коровин растворился в темноте. Комиссар и Шменкель застыли у подрывной машинки. До железнодорожного полотна оставалось метров семьдесят. Провода, которые вели к минам, были тщательно замаскированы.

Сначала, как и раньше, проехала дрезина с вагонетками, груженными камнем, фриц весь превратился в слух. Он слышал, как товарищи выгребали из-под шпал гравий, чтобы заложить туда мины. Дождь лил как из ведра. Вдруг все вокруг осветилось ярким светом. Сначала Шменкель подумал, что это прощупывают местность прожекторы с очередного гитлеровского эшелона, но, оказывается, была просто яркая вспышка молнии. За то короткое мгновение, пока было светло, Шменкель успел разглядеть склонившиеся над железнодорожным полотном человеческие фигуры. С облегчением вздохнув, Фриц стал терпеливо ждать возвращения товарищей.

И вновь ночная мгла окутала все вокруг. Но вот справа, почти у самого горизонта, показался узкий сноп света. Это следовал очередной гитлеровский состав. Партизаны кубарем скатились с насыпи.

По тому, как пыхтел паровоз, чувствовалось, что состав тяжелый. Когда паровоз проехал заминированный участок, Тихомиров крикнул:

- Огонь!

Шменкель схватился за ручку подрывной машинки и замкнул цепь электротока.

Раздался сильный взрыв, сопровождаемый скрежетом

металла и истошными криками гитлеровских солдат. Вагоны громоздились друг на друга, срывались с рельсов и валились под откос. Через несколько минут взорвался паровой котел паровоза, подняв огромное облако сизого дыма.

Тихомиров крикнул Шменкелю и Коровину, которые сматывали остатки провода:

- Быстрее! А то сейчас начнется такой фейерверк, что чертям тошно станет.

А в это время из Дурово показался еще один гитлеровский эшелон. Он шел на большой скорости. Его прожекторы выхватывали из темноты все новые и новые сотни метров.

"Почему машинист не тормозит? Почему не снижает скорости?" - думал Шменкель. Теперь он видел, что в составе вместо обычных товарных вагонов были цистерны... Взрыв гигантской силы потряс воздух. Казалось, земля раскололась на части. Стало так светло, что резало глаза. Железнодорожное полотно превратилось в сплошное море бушующего огня.

Взрыв всех оглушил. Коровин говорил что-то Шменкелю, но Фриц ничего не слышал и видел лишь шевелящиеся губы Виктора. Коровин встряхнул Фрица, но глухота от этого не прошла.

"Я оглох", - испуганно пронеслось у Фрица в голове. Он вспомнил, что в момент взрыва, вместо того чтобы широко раскрыть рот, он сильно стиснул зубы. Шменкель пошел вслед за Коровиным.

Лес стал гуще, почва под ногами уже не была такой зыбкой. Вскоре Шменкель увидел и комиссара. Тихомиров что-то сказал партизанам, показав рукой сначала в западном, а потом в южном направлении. Лицо его, освещенное отблесками далекого пожара, было озабоченным.

Шменкель сел на землю и, зажав уши руками, стал делать глубокие вздохи. В голове закололо тонкими иголками. Фриц видел, что партизаны стали собираться вокруг Тихомирова.

Шменкель мысленно проклинал себя, называл "ослом" и "чурбаном", который, как необстрелянный юнец, не выполнил элементарного правила и теперь оглох.

- Я слышу! - вдруг закричал он как сумасшедший. - Товарищи, я опять слышу!

Но никто не обратил на него внимания. Комиссар в это время говорил партизанам о своих опасениях по поводу того, как бы группа Дударева не попала к гитлеровцам в засаду. Всем было ясно, что железнодорожная ветка на этом участке теперь выведена из строя самое малое на неделю.

Тихомиров приказал двигаться в лагерь. В голове у Шменкеля

еще гудело, и потому он не все разобрал, о чем говорил комиссар. Фриц шел за партизанами и время от времени оглядывался на зарево пожарища. "Что это? Кто-то бежит!"

Утопая по колено во мху, их догонял какой-то человек, согнувшись под тяжестью ноши. На спине он тащил товарища. На оклик партизан оба мужчины в один голос закричали по-русски:

- Товарищи, возьмите нас с собой!

Подойдя к партизанам, мужчина сказал, что он кочегар с эшелона, в котором было горючее. Машинист, прыгая с паровоза, сломал ногу.

- А откуда вам известно, что мы находимся именно здесь? - строго спросил Тихомиров.

- Мы очень боялись, что не найдем вас.

Паровозный машинист, морщась от боли в ноге, рассказал следующее.

- На прошлой неделе один мой товарищ по секрету шепнул мне, что в этих местах есть партизаны. Вот мы с ним и договорились, - показал машинист на кочегара, который никак не мог отдышаться. - Как договорились, так и сделали. Когда эшелон перед нами взлетел на воздух, мой кочегар столкнул с паровоза охранника, а я дал полный ход. Мы спрыгнули на ходу, и я вот сломал себе ногу.

Кочегар радовался встрече с партизанами и гордился, что ему удалось вынести товарища со сломанной ногой. Однако они не представляли, что им теперь делать, так как по всей ветке их обоих хорошо знали.

Партизаны взяли железнодорожников с собой. Командир отряда Васильев направил машиниста и кочегара в освобожденное от фашистов село. У кочегара почти на каждой станции были родные или надежные друзья, и парень оказал партизанам большую помощь. Так, например, по его инициативе вдоль железной дороги была организована линия связи, с помощью которой партизаны были всегда в курсе всех событий на дороге.

Партизаны никогда не сидели без дела. Но вечерами те, кто оставался в лагере и не назначался в разведку, по обыкновению, собирались вместе, чтобы потолковать о том о сем и поделиться своими мыслями.

Шменкель любил такие вечера, любил слушать эти задушевные беседы. Он уже хорошо владел русским, так что без труда следил за нитью разговора. Сам Фриц, правда, большей частью молчал - он не любил находиться в центре внимания.

Одно то, что он был связан с этими самоотверженными и храбрыми людьми, вызывало у него гордость. Теперь полностью

исчезло чувство отчужденности, которое он иногда испытывал раньше.

Больше всего нравилось Шменкелю, когда Рыбаков брал в руки гармонь и партизаны начинали петь. Гармонь эту Петру подарил один старик из села Симоново. Отдавая гармонь, старил сказал:

- Возьми ее себе, весели бойцов!

И вот в густом лесу, вдали от жилья, в редкие часы партизанского отдыха пела гармонь. Чего только не играл Петр: и "Калинку", и "Колокольчики", и задушевную песню "Летят утки".

Особенно любил эту песню Николай Назаров - командир партизанского отряда имени Котовского. Он был одним из первых организаторов партизанского движения в Смоленской области. Его все очень любили и уважали. Назаров погиб в бою, а любимая его песня продолжала жить. И когда партизаны ее пели, то вспоминали своего бывшего командира.

В один из таких вечеров Надя вдруг спросила Шменкеля:

- Скажите, Иван Иванович, а какие песни поют у вас в Германии?

И тотчас же поправилась:

- Какие песни народ у вас пел? Не сейчас, а раньше. Ведь не всегда же у вас были фашисты?

Шменкель задумался. Он вспомнил, что в школе они разучивали "У колодца, у ворот". Выучил ее и Фриц, но петь никогда не пел. В родном городке никаких колодцев не было и в помине, стояли чугунные водокачки, а ворота были только у помещика в усадьбе. Шменкель рассказал об этом Наде, но она, смущаясь, проговорила:

- Я не об этом вас спрашиваю. Нам бы хотелось услышать хорошую немецкую песню.

И тут Фриц вспомнил одну мелодию, которую слышал от Бернгарда. Эту песню можно было лишь потихоньку насвистывать: фашисты ее запретили. Фриц растерянно посмотрел на партизан. Лиц их в полутьме не было видно, но Шменкель чувствовал, что все взгляды обращены к нему.

- Но я совсем не умею петь, - начал было оправдываться Фриц.

- Ну вот тебе раз! - удивился Рыбаков. - Неужели ты не знаешь ни одной песни?

- Фрица смущало всеобщее внимание, но он взял себя в руки. "Товарищи хотят, чтоб я им спел что-нибудь хорошее. Это значит, что они понимают разницу между гитлеровскими бандитами и немецким народом".

- Больше всего мы любили песню о маленьком горнисте.

И Фриц тихо и неуверенно запел, но постепенно его голос креп.

Когда, он запел второй куплет, Петр стал подбирать мелодию на гармони. Третий куплет начала без слов подпевать Надя, а за ней и другие партизаны. В русском лесу в полный голос звучала немецкая песня о маленьком горнисте, о другой, лучшей и свободной Германии.

Когда Шменкель кончил петь, товарищи попросили его перевести текст песни. Фриц перевел слова и рассказал о том, как родилась эта песня.

- Очень хорошая песня, - заметил Букатин, который до сих пор сидел молча. - Такая песня запросто могла появиться и у нас, до Октябрьской революции.

С тех пор эти вечерние посиделки стали еще дороже Фрицу, и теперь он нет-нет да и рассказывал что-нибудь партизанам.

Когда отряд находился неподалеку от Татьянки, в один из таких вечеров к партизанам, расположившимся на лужайке под высокими елями, подошел комиссар Тихомиров. Сразу же смолкла песня. Партизаны знали, что комиссар присутствовал на совещании командиров отрядов, и догадывались, что он, видимо, пришел к ним прямо с совещания. Немногим было известно, что штаб бригады находился рядом с отрядом, в хорошо замаскированном месте.

Тихомиров сел между Букатиным и Шменкелем. Задумчиво свернул козью ножку и заговорил. В голосе его звучала радость.

- Товарищи, мы установили связь с Большой землей. Мне хотелось бы рассказать вам о положении на фронтах. Наши с вами усилия тоже не пропали даром.

Партизаны плотнее окружили комиссара. Спирин по-дружески подтолкнул Рыбакова, чтобы сесть поближе.

- Пошла вторая половина лета, а противнику так и не удалось прорвать наш фронт. Следовательно, гитлеровцы не достигли тех целей, которые они перед собой ставили.

Их первое крупное наступление потерпело неудачу. Наши войска не только мужественно оборонялись, но и нанесли противнику ряд чувствительных ударов. Так, например, несколько дней назад войска Западного фронта нанесли удар по второй немецкой танковой армии. Германское верховное командование было вынуждено срочно бросить для поддержки три дивизии из резерва. Уже один этот факт говорит о том, что на нашем участке фронта советские войска перешли к активным действиям.

Партизаны заулыбались, переглядываясь между собой.

- А можно узнать, где сейчас находятся наши войска? -

спросил Букатин.

- Войска Западного фронта заставили противника перейти к обороне, а как скоро нашим войскам удастся выйти на линию Ржев, Вязьма, будет в какой-то степени зависеть и от нас с вами.

Тихомиров улыбнулся.

- Понимаете?

Шменкель почувствовал, как радостно забилось сердце.

- А что говорят про нас? - поинтересовался Коровин.

- Прежде всего то, что мы сами о себе знаем: хорошо воюем. Но есть и кое-что новое. Как вы думаете, Дмитрий Максимович, - обратился комиссар к одному партизану, - чем мы больше всего досаждаем противнику?

- Тем, что нарушаем его коммуникации и линии связи с фронтом, - без запинки последовал ответ.

- Это все верно, - согласился Тихомиров и вновь закурил. - Но это, как говорится, одна сторона медали. Нельзя не учитывать и другой факт: партизанские отряды в настоящее время сковывают действия трехсот тысяч, а может и больше, солдат и офицеров, которых гитлеровское командование бросило на "усмирение" партизан. Немецкое командование просчиталось в своих первоначальных планах, так как не учло, что многим дивизиям придется охранять железнодорожные линии, аэродромы, шоссе, депо и мастерские.

Тихомиров знал, что это сообщение обрадует партизан. Так оно и вышло.

- Триста тысяч солдат! Вот это да! - воскликнул восторженно Коровин, обращаясь к своему соседу. - Даже в Москве знают о нас! А помнишь, ты как-то хныкал, что тебе до чертиков надоело ползать по ночам вокруг каждого дома...

- Ну говорил, ну и что из этого? - защищался партизан. - У меня тогда зубы болели. Если б ты знал, что это такое, не так бы запел...

Сообщение комиссара взволновало всех, и сразу же партизанская жизнь с ее трудностями и лишениями как бы озарилась внутренним светом, приобрела какой-то новый смысл.

Шменкель встал. Он радовался вместе со всеми. Если он правильно понял Тихомирова, осенью Красная Армия погонит фашистов на запад, освобождая пядь за пядью советскую землю. Настанет время, и он сам переправится на другой берег Одера. Придет к себе домой, постучит в дверь и скажет: "Это я, Эрна! Надевай самое лучшее платье и одень детишек по-праздничному! Страшное время прошло!" А может, Эрны уже там нет? Может, нацисты бросили ее в концлагерь? А что он сам будет делать после окончания войны? Шменкель вспомнил о пленном немце по

фамилии Дёррес, который предпочел быть расстрелянным фашистами, чем идти сражаться против них.

В этот момент чья-то рука легла на его плечо.

- Что, одолели думы? - услышал Фриц голос Тихомирова.

Шменкель молча кивнул. Комиссар, закуривая, взглянул Фрицу прямо в глаза.

- Мы уже девять месяцев воюем вместе. За это время можно как следует узнать человека. Я догадываюсь, о чем ты сейчас думаешь. Ты спрашиваешь самого себя: когда же твои соотечественники наконец одумаются? Я наблюдал за тобой. Этот вопрос тебя волнует уже давно.

- Да, - согласился Фриц.

- Придет время, и они очнутся от того кошмарного сна, в котором живут столько лет. Ты скоро сам увидишь, как немцы добровольно будут сдаваться нам в плен.

Шменкель молчал. Тихомиров задумчиво курил.

- Коварное нападение Гитлера на страны Европы, - продолжал комиссар, у вас на родине многие понимали как победу. Нацистский туман одурманил немцев, даже тех, кому не доверяли сами фашисты. Но разве это победа, когда нападают из-за угла? Тот, на кого напали, рано или поздно даст сдачи. И еще как даст, потому что на его стороне правда. Скоро у твоих соотечественников откроются глаза. И у тех, кто с недоверием относился к гитлеровскому режиму, и у тех, кто неплохо жил при нем. Преступники же получат по заслугам.

Ослепление победами? Фриц невольно вспомнил своего тестя. Вспомнил, как тот колол дрова и в порыве гнева замахнулся на него топором, а ведь тесть - простой человек. И в то же время - фашист.

- Конечно, этот процесс будет мучительным, тяжелым, - продолжал Тихомиров. - Но к этому все идет...

- И откуда только берутся эти проблемы? - заговорил Шменкель. - В прошлом году, когда я пришел к вам в отряд, все было предельно просто. Я искал вас, искал для того, чтобы сражаться против фашизма. Все просто и ясно. Никаких проблем не было. А теперь с каждым днем их становится все больше и больше. Раньше мне и в голову они не могли прийти. Проблемы растут, - Фриц запнулся, - как снежный ком. Почему так, а?

Тихомиров понимал, что не так-то просто ответить на вопрос Шменкеля, но, подумав, сказал:

- Ты сам вырос за это время, Иван. Вот в чем причина.

Раздался сигнал сбора. Партизаны двинулись дальше в северном направлении. Впереди отряда шли разведчики во главе с Дударовым.

Днем, когда партизаны отдыхали, Дударев и Васильев встретились с местным бургомистром, который работал на партизан. Двое бойцов, вооруженных автоматами, сопровождали их в качестве охраны.

Среди старост, назначенных фашистами насаждать в населенных пунктах "новый порядок", было много и таких, кто остался верен Советской власти. К их числу принадлежали старосты Холопово и Татьянки и еще несколько старост Ярцевского района. Их жизнь была сложна, опасна и требовала большого умения и выдержки. Эти люди снабжали партизан продовольствием, реквизированным якобы для фашистов, выручали попавших в беду коммунистов и партизан, передавали важные сведения о противнике. В селах, освобожденных от оккупантов, они восстанавливали органы Советской власти. Самым главным для партизан, разумеется, была информация.

Местный бургомистр тоже считался у немцев своим человеком и знал многие секреты гитлеровского командования.

Васильев и Дударев вернулись в отряд только вечером и сразу же прошли к Тихомирову. Шменкеля тоже вызвали к комиссару. Рыбаков, предчувствуя что-то интересное, крутился неподалеку от шалаша комиссара, но там так тихо разговаривали, что Петр ничего не мог разобрать. Он подошел к шалашу поближе, хотя прекрасно понимал, что за подслушивание ему может здорово влететь. Громко и настойчиво где-то совсем рядом стучал дятел. Петр уже собрался уйти, как вдруг услышал голос Дударева:

- Какие у вас могут быть возражения против этого поручения, товарищ Шменкель?

- Товарищ капитан, я воюю против фашистов, но...

Дятел перестал стучать, но, как назло, нахально раскричалась сойка. Когда она замолчала, Рыбаков услышал голос Васильева:

- Лесник Порутчиков в Паделице был убит гитлеровцами за то, что приютил вас. Может, этот Петухов и есть предатель. Сам он не местный и вполне вероятно, что заслан по заданию эсэсовцев.

На секунду воцарилось молчание. Наконец Шменкель сказал:

- Ладно, я согласен.

Вскоре Фриц вышел из шалаша и, вытерев вспотевший лоб, направился ,-прямо к лагерной кухне. Рыбаков догнал его.

- Что случилось, Иван?

Шменкель замедлил шаг. Лицо его было бледнее обычного.

- Все это так отвратительно, Петр. Там, где хозяйничают гитлеровцы...

- Об этом с тобой и говорил капитан?

- Нет. Послушай. Староста из Скерино - предатель. Он сразу же пришелся по вкусу эсэсовцам. И знаешь почему? Он зарывал живыми раненых красноармейцев, предварительно зверски избив их. Он вошел в доверие даже к гауптшарфюреру Анкельману.

- Я об этом слышал, - заметил Рыбаков. - Это известно почти во всех селах.

- Этот Петухов каждую неделю посылает на допрос в СД все новых и новых крестьян. У него дома есть своя полиция из бывших каторжников, уголовников и пьяниц. Особый интерес Анкельман проявляет к молодым девушкам... - Фриц выругался. - За все это Петухову платят деньгами и водкой.

- Ну мы эту свинью поймаем, - заявил Рыбаков. - Свяжем и доставим в лагерь. Нам такое делать не впервые.

- Это не так-то просто. Петухов боится партизан и местных жителей и каждый раз ночует в новом месте. Кроме того, один он немного значит. Гестапо и полевая жандармерия назначат вместо него нового бургомистра из числа полицаев, и все останется по-старому. Короче говоря, Петр, приказ гласит: уничтожить всех местных предателей, и притом средь бела дня.

- Хорошо, очень хорошо! - обрадовался Рыбаков. - Ну и?..

Он выжидающе взглянул на Фрица.

- Ты пойдешь со мной, потому я тебе все и рассказал.

- Прекрасно.

Кроме Рыбакова в этой операции должен был участвовать и Коровин, в качестве переводчика. Шменкель опять облачился в форму хирурга Панзгена и нацепил на плечи погоны лейтенанта-пехотинца. Затем придирчиво осмотрел Рыбакова и Коровина, нет ли в их одежде каких-нибудь изъянов. Детально изучив по карте маршрут движения в Скерино, Шменкель сказал, что в одном месте им придется пересечь шоссе и несколько километров пройти по открытой местности, так что их внешний вид не должен вызывать никаких подозрений. Огромный Рыбаков с трудом влез в форму пленного ефрейтора, но ничего не поделаешь: в отряде не было немецкого обмундирования большего размера.

Когда разведчики увидели село Скерино, солнце стояло в зените.

Кроме колонны немецких машин, которую они заметили, когда спрятались в кустарнике, разведчикам никто не встретился. Видимо, гитлеровцам не хотелось никуда тащиться в самую жару.

Вскоре полевая дорога вывела партизан на луг, что примыкал

прямо к селу. На лугу крестьянки в пестрых платках лопатили зерно.

Шменкель зашагал напрямик. Шел и думал, есть ли смысл заговаривать с женщинами. У одной копны полулежал молодой мужчина. Он играл ременным кнутом, время от времени постукивая им по голенищу сапога.

Крестьянки, заметив приближающихся к ним немцев, стали вслух строить различные догадки.

- Никакие это не эсэсовцы, - заметила худая женщина, которая, видимо, разбиралась в форме. - Но это и не полевые жандармы.

- Тогда это заготовители, - решительно заявила полногрудая крестьянка. - Вот узнали, что мы тут зерно лопатим, и пришли, проклятые. Отберут все, и опять наши детишки без куска хлеба останутся.

Разведчики тем временем подошли совсем близко, и женщины с мрачным видом вновь принялись за свою работу. Молодой мужчина с хлыстом, увидев немецкого офицера, вскочил и заорал "Хайль Гитлер", выбросив правую руку вперед.

Немецкий лейтенант сделал вид, будто не заметил приветствия, и строго скомандовал:

- Смирно! Где бургомистр Петухов?

На Шменкеля обрушился водопад русских слов вперемешку с исковерканными немецкими. Однако Шменкель понял, что староста находится на совещании в немецкой комендатуре. Коровин все же перевел сказанное мужчиной. Шменкель тут же сказал:

- Привезите его к нам.

Мужчина, несколько раз поклонившись в пояс, продолжал стоять по стойке "смирно".

- Но у меня нет велосипеда, ваше высокопревосходительство. А комендатура находится в соседнем селе, - взмолился он.

- Я знаю это без вас.

Шменкель быстро оценил обстановку. Привлекать к себе внимание комендатуры ни к чему, но и возвращаться с пустыми руками тоже не дело. Решиться же еще раз на такую операцию не так-то легко. Шменкель получил приказ - в первую очередь убрать предателя Петухова. Сейчас Шменкелю нужно было принять решение самому.

- Спроси-ка этого типа, - обратился Шменкель к Коровину. - Неужели вся его борьба с большевизмом заключается в том, чтобы сторожить здесь баб?

Виктор перевел вопрос Шменкеля, приправив его парой крепких русских словечек.

Женщины даже перестали работать, прислушиваясь к разговору. Надсмотрщика будто прорвало. Он быстро что-то заговорил, вытаскивая из кармана кителя какие-то бумажки. Коровин перевел Шменкелю, что тип этот сельский полицай и в то же время заместитель старосты, что зовут его Иваном Румянцевым и он находится в почете у крупного немецкого начальства и эсэсовцев, а женщин охраняет потому, что все они - большие лентяйки и к тому же еще воровки: так и норовят стащить что-нибудь из фуража, подготавливаемого для подразделений СС, так что глаз с них спускать нельзя.

Шменкель иронически заметил:

- Это каждый может так про себя сказать. Мне же необходимо ответственное лицо и очень надежный человек.

В доказательство своей надежности Румянцев открыл бумажник и, достав какие-то справки, протянул их офицеру. Но Шменкель даже бровью не повел. Кивнув Коровину, он приказал ему потребовать от надсмотрщика полицейское удостоверение. И вдруг, случайно взглянув на листок бумаги в руках полицая, Шменкель увидел написанные вкось и вкривь фамилии жителей села. Это был список тех, на кого Румянцев уже донес гитлеровцам. Шменкель с трудом сдерживал охватившее его возмущение. Коровин, тоже стараясь не показать своего гнева, монотонным голосом переводил рассказ полицая. Перед многими фамилиями стояли крестики - эти люди уже были расстреляны гитлеровцами. Другие фамилии были обведены кружочками. Это означало, что данных людей повесили, и опять-таки не без помощи Румянцева.

Вдруг Шменкель услышал за своей спиной возглас возмущения. Это Рыбаков увидел список, который был у Фрица в руках. Лицо у Рыбакова стало злющим, да и автомат Петр держал так, будто вот-вот хотел пустить его в ход.

Шменкель сделал шаг в сторону и крикнул Рыбакову:

- Солдат, кто вас так воспитывал? Какое вы имеете право так нахально себя вести?

Рыбаков сразу опомнился, взял себя в руки и, вытянувшись, гаркнул по-немецки:

- Так точно!

Румянцев, к счастью, был слишком глуп и к тому же так увлекся, доказывая важность своей деятельности, что ничего не заметил. Усилием воли преодолев отвращение, Фриц похлопал полицая по плечу.

- Всегда носите этот документ при себе. Он скоро может понадобиться, сказал Шменкель и, переменив тон, строго приказал: - А сейчас немедленно ведите нас к дому старосты,

По дороге в село полицай несколько раз пытался завязать разговор, но Шменкель обрывал его:

- Разговаривать будем потом, а сейчас - только вперед!

Теперь, столкнувшись с этим грязным типом, Шменкель был полностью согласен с Дударовым относительно того, что таких мерзавцев нужно уничтожать.

В центре села в просторном доме, крытом черепицей, староста сделал местное отделение полиции. Кабинет старосты находился в этом же доме. Внутри дом походил скорее на пивную, чем на служебное помещение. Стол был весь в пятнах, около печки валялись пустые бутылки, на стене висел большой портрет Гитлера под стеклом, густо засиженным мухами. В доме пахло махоркой и водкой. При виде вошедшего немецкого офицера с лавки вскочил парень с белой повязкой на рукаве (такие повязки носили помощники полицаев). Он, видимо, спал, хотя и находился на дежурстве. Румянцев услужливо спросил Шменкеля, дать ли им водки и что изволит кушать господин офицер.

- Ничего. Принесите молока! - проговорил Шменкель и, поймав удивленный взгляд полицая, показал рукой на желудок, как бы объясняя, что ему противопоказан алкоголь.

Когда Румянцев вышел из комнаты, Шменкель сел на стул и стал слушать, о чем Коровин спрашивает помощника полицая.

- Этот дом, - рассказывал парень с глазами убийцы, - до двадцать третьего года принадлежал одному кулаку. Позже здесь находилось правление колхоза, а теперь отделение полиции. Здесь же живет и староста Петухов с женой.

- Жена у него здешняя? - спросил Коровин.

- Нет. - Парень хихикнул. - Староста Петухов выиграл ее в Вадино в карты у господина гауптшарфюрера.

Вернулся Румянцев, неся крынку молока и чистые стаканы.

- Сколько полицаев находится в Скерино? - спросил его Шменкель.

- Шесть, господин лейтенант, кроме меня.

- Хорошо. Старайтесь лучше, Румянцев. Областная комендатура Смоленска установила, что подготовка полицаев проходит неудовлетворительно. Немецкое государство не затем содержит русские полиции, чтобы бандиты могли оставаться безнаказанными. Так вот, в селе Шамилово открываются курсы, на которые нужно откомандировать всех местных полицаев. Там они пройдут курс политической и военной подготовки.

Шменкель подождал, пока Коровин переведет его слова, потом посмотрел на часы и строго сказал:

- Приказываю вам за полчаса собрать всех полицаев. У

каждого должно быть оружие, боеприпасы и паек на трое суток. Вы лично будете сопровождать их на учение и сами примете в нем участие. Понятно?

- Я вас прошу... - начал Румянцев. - Дело в том, что недалеко отсюда находятся партизаны, и если в селе не останется ни одного полицая, то... Разрешите обождать. Скоро староста Петухов вернется в село.

- Как вы смеете?! - Шменкель стукнул кулаком по столу. - Вы не хотите выполнять приказ вермахта? Может, вы заодно с большевиками? Я прикажу как следует вас всех проверить! И тогда вас ничто не спасет!

Румянцев застыл по стойке "смирно". Его уши пылали.

- Я мигом, - затараторил он вдруг, - можете на меня положиться. - И по-военному повернулся кругом. Второй полицай пошел вслед за ним. Коровин что-то спросил Шменкеля по-русски.

- Я вас не понимаю. Может, вы объясните мне это на моем родном языке? - переспросил его Шменкель.

- А что, если подождать возвращения старосты? - повторил свой вопрос Виктор, на этот раз уже по-немецки.

- Это невозможно.

Фрицу и самому эта мысль не давала покоя, но он гнал ее прочь. Кто знает, вдруг Петухов вернется в село не один, а в сопровождении эсэсовцев. И тогда трое разведчиков попадут к ним, как мышки в лапы кошке. Фриц не стал ничего объяснять Коровину, так как этот дом был вражеской территорией, а у стен могут быть уши.

- Мы должны уложиться вовремя. Идите проконтролируйте, как Румянцев выполнит мой приказ.

В доме было жарко и душно, однако, даже оставшись один, Шменкель не решился расстегнуться. Он выпил залпом два стакана молока. За окнами маячила могучая фигура Рыбакова: он охранял дом на всякий случай.

Томительно тянулось время. Шменкель вытащил из кармана коробку сигарет и закурил, глубоко затянувшись. "Что делать? - думал он. - Или, рискуя жизнью, ждать возвращения предателя Петухова, или же просто ограничиться захватом семи полицаев? Что сможет сделать без них Петухов? Стоит ли из-за одного предателя рисковать жизнью товарищей? Нет. Значит, мое решение правильное".

Шменкель поймал себя на желании схватить старосту и эсэсовцев в лесу. Разумеется, мечтать о поимке Анкельмана нечего - вряд ли гауптшарфюрер разъезжает по оккупированной территории без усиленной охраны. Здесь шансов было очень и

очень мало.

Стук в дверь вывел Шменкеля из задумчивости. Не дожидаясь разрешения войти, на пороге появилась женщина. У нее были миндалевидные глаза и черные вьющиеся волосы, спадающие на плечи. Однако игривая улыбка и нездоровый цвет лица со множеством морщин сразу же подсказали Фрицу, что перед ним обычная потаскушка.

Женщина поставила на стол тарелку со свежими огурцами, бутылку водки, положила кусок сала и тоном, не терпящим возражений, произнесла:

- Я составлю вам компанию, господин офицер! Зовут меня Мариной.

Шменкелю нетрудно было догадаться, что перед ним одна из любовниц старосты, которую сейчас подослали для обработки немецкого офицера. Выгнать ее Шменкель не мог - это сразу вызвало бы подозрение. Женщина уселась рядом со Шменкелем, и он невольно отметил, что под шелковой блузкой на ней больше ничего не было.

Фриц усмехнулся:

- Я охотно посижу рядом с такой очаровательной дамой. Но разве вас зовут не Марией?

- Раньше так звали. - И женщина сделала красноречивый жест. - Я даже не помню, когда это было.

Говорила она по-немецки довольно сносно. Натренированным движением одним ударом дна бутылки о скамейку - Марина вышибла пробку и разлила водку в стаканы.

- За ваше здоровье, господин лейтенант!

- Только один глоток. За гостеприимную хозяйку, - проговорил Шменкель. - Вообще-то я на службе не пью.

Фриц с опаской поглядывал на женщину, которая все ближе и ближе придвигалась к нему. "Черт бы ее побрал, - думал Шменкель. - Хоть бы Виктор поскорее возвращался".

Марина залпом опустошила свой стакан и вновь наполнила его.

- Интересно, как посмотрит староста, если я проведу с вами время? спросил Фриц как ни в чем не бывало и подмигнул женщине.

- Петухов? - удивилась Марина и залилась смехом.

Потом, положив руки на стол, сказала:

- Петухов - большая свинья, господин лейтенант. Очень большая свинья, и он мне ничего не посмеет сказать.

Шменкель недоверчиво покачал головой, а Марина, глядя на него хмельными глазами, продолжала:

- Они мне не верят. Да вы сами с ними познакомитесь.

Господин гауптшарфюрер пообещал старосте целое состояние, если он поймает немца, который перешел на сторону партизан. А Петухов такой трус, что и сказать невозможно. Он храбрый только с беззащитными.

В окне показалась голова Рыбакова. От удивления Петр вытаращил глаза, но тут же отшатнулся от окна.

- А что, такой немец действительно есть или это придумали? - спросила Марина.

- Есть такой. Я читал листовку о нем. Большевик! - Шменкель встал. Жаль, очаровательная фрау, но служба есть служба.

Поправив портупею, Шменкель надел фуражку и вышел из дома. Сельская улица уже не была пустой в этот час: ребятишки возились в песке, у одного из заборов стояли две женщины, о чем-то оживленно переговариваясь.

К Шменкелю подошел Коровин:

- Все в порядке, господин лейтенант!

За Коровиным подошли Румянцев и три полицая. Через несколько минут к ним присоединились остальные.

Шменкель приказал построить полицаев и проверил у них оружие и патроны. Потом скомандовал:

- Напра-во!

Коровин шел во главе группы, Рыбаков - замыкающим, Шменкель - сбоку.

Гуськом вышли из деревни и вскоре очутились на полянке, где, пользуясь редким случаем, отдыхали женщины. Увидев немцев и полицаев, они сразу же принялись за работу. Группа прошла мимо них и остановилась на опушке леса. Женщины удивленно смотрели вслед.

Вдруг немцы, взяв автоматы наизготовку, громко крикнули:

- Руки вверх! Бросай оружие!

- Партизаны это! - сообразила какая-то крестьянка. - Вы только взгляните!

Женщины увидели, что Румянцев на четвереньках ползет к Рыбакову. Встав на колени, он слезливо молил пощадить его. Ударом приклада Рыбаков заставил его замолчать и встать на ноги.

Крестьянки очень удивились, так как партизаны, разоружив полицаев, не расправились с ними. Через несколько минут пленники под конвоем скрылись в чаще леса.

На допросе полицаи, надеясь, что откровенность может их спасти, подробно рассказали о зверствах эсэсовцев и гестапо. А Румянцев сообщил, что в партизанскую бригаду имени Чапаева гестапо засылало своих агентов с заданием убить командира отряда, а немца Фрица Шменкеля схватить и доставить в гестапо.

Но до сих пор, несмотря на большое вознаграждение, никто не сумел поймать "беглого немца".

Партизанский суд приговорил всех семерых изменников Родины к смертной казни. Приговор был зачитан Васильевым перед строем партизан. Фриц присутствовал на казни и хорошо понимал справедливость приговора партизан. Невольно он вспомнил, как его арестовали, как нацистский суд приговорил его к заключению в концлагерь, и ему захотелось поскорее приблизить тот день, когда у него на родине рабочие вынесут такой же справедливый приговор всем врагам немецкого народа.

После расплаты с предателями Дударев и Васильев еще некоторое время наблюдали за селом Скерино. Разведчику из отряда удалось поговорить с местными жителями. От него Шменкель узнал, что Петухов в ту ночь на лошади удрал из села. К вечеру того же дня в село прибыл отряд эсэсовцев с собаками. Эсэсовцы прочесали село, в здании полиции перевернули все вверх дном, но никого, разумеется, не нашли. Женщины, которые были невольными свидетельницами происшедшего на опушке леса, в своих показаниях, как одна, заявили, что ничего подозрительного в тот день в селе не заметили. Марину, которая призналась, что беседовала с немецким лейтенантом, задержали и увезли в город, в комендатуру. С тех пор в селе ее больше никогда не видели.

А через несколько дней из соседних сел неожиданно исчезли несколько местных полицаев. Партизаны здесь были ни при чем. Видимо, после событий в Скерино полицаи сочли благоразумным заранее скрыться, чтобы не попасть в руки партизан. Среди крестьян много было об этом разговоров. Все почувствовали, что эсэсовцам и полицаям уже не бесчинствовать здесь безнаказанно, как прежде.

* * *

Сильный северо-восточный ветер раскачивал вершины деревьев. Под его могучими ударами стонал голый лес. Лужи затянул первый хрупкий ледок. Зима в том году пришла позже обычного.

В землянке, где разместился штаб отряда, было тепло и уютно. Сюда только доносилось несмолкающее завывание ветра.

Метрах в ста от землянки, на опушке, партизаны рыли могилу...

На столе, сколоченном из голых необструганных досок, лежали документы погибших партизан, сверху - их партийные билеты. Николай Тимофеевич Мальцев был начальником разведки отряда "За Родину". Сейчас командир приложил к партбилету Мальцева листок, в котором перечислялись все его

заслуги: после окончания войны листок может пригодиться родным. У Сергея Александровича Тихомирова не было никого из родных. Коровин рассказал Васильеву, что фашисты замучили мать Тихомирова, а сестру-подростка угнали в Германию.

Отодвинув документы в сторону и подперев голову рукой, командир на миг задумался о том, что он напишет о Тихомирове. Какими выдающимися качествами комиссара, партийного руководителя обладал Тихомиров? Когда Васильев пришел в отряд, это был уже слаженный боевой коллектив, во главе которого стояли Просандеев и Тихомиров. После гибели Просандеева отрядом руководили Заречнов и Тихомиров, а затем он, Васильев, и Тихомиров. Комиссар был человеком большой души. Разве можно простыми словами выразить всю горечь утраты, рассказать

Васильев еще раз вспомнил события, которые произошли в ночь на 30 ноября.

Комиссару бригады Полуэктову и ему, Васильеву, было поручено разработать план нападения на гарнизон противника, находившийся в селе Терешино. Проведение этой операции диктовалось особой необходимостью.

Осенью 1942 года партизанская борьба в Смоленской области достигла своей высшей точки, почти каждый день партизаны нападали на гарнизоны противника. В планировании и разработке этих операций принимали участие не только штаб бригады, но и командиры отрядов. Жизнь подтверждала, что объединенные операции силами нескольких отрядов более эффективны, что пора иметь свое "тяжелое оружие" в виде минометных подразделений. Время неожиданных налетов на врага прошло, теперь тщательно продумывалось любое нарушение коммуникаций противника, любой взрыв на железной дороге или взрыв моста. Ведь могло случиться так, что взорванный мост или железнодорожная ветка очень скоро понадобятся своим войскам. Положение на фронте изменилось в пользу Красной Армии, и это влияло на действия партизанских отрядов.

...Васильев внимательно следил, как желтый от табака палец Полуэктова движется по карте. Линия фронта, проходившая между Холмом и Орлом, потом поворачивала на восток, у Духовщины - на север, а на уровне Ржева делала поворот на юго-запад, выпрямляясь только у Кирова. Поставив кулак на этот участок карты, Полуэктов сказал:

- Сюда немцы бросили свою девятую армию и части четвертой армии, а также третью танковую армию. Против них действуют войска наших Западного и Калининского фронтов,

тесня гитлеровцев с трех сторон. По последним данным, которыми мы располагаем, наши войска прорвали оборону противника у города Белый. Бои развернулись в районе сел Турянка и Матренино.

- Ну-ка, ну-ка! - Васильев нашел место, где находился его отряд. - Я полагаю, что в данной ситуации нам совсем нетрудно прорваться всей бригадой через линию фронта и соединиться с частями Красной Армии.

- Фантазер ты! - не вытерпел Михаил Семенович. - Ты думаешь, я не знаю, какое настроение царит в отрядах? Не одному тебе хочется пробиться на восток через линию фронта. Думает, там вас торжественно встретят, зачислят в резерв: ешь кашу от пуза да грейся на печи. А то, что кругом противник, тебя не касается, да? - И он со злостью ударил кулаком по карте. - Не хватает только, чтобы мы выделили для вас почетный эскорт.

В чем-то он был прав: в мечтах Васильев не раз переносился через линию фронта и видел себя в рядах Красной Армии.

- А ты не кричи на меня! - ответил Васильев. - Все прекрасно понимают, что в первую очередь мы должны выполнить возложенную на нас задачу и помочь ликвидировать угрожающий Красной Армии выступ. Но пойми, наконец: каждый рад, что наши так близко. Неужели ты этого не понимаешь?

Васильеву хотелось добавить, что партизан неплохо подбодрить, дать им отдохнуть, потому что за последние недели беспрерывных боев все сильно измотались. Но он ничего не сказал. Ведь комиссар и сам должен понимать это.

Сейчас задача партизан оставалась прежней: нарушать коммуникации противника, связь войск, находящихся на передовой, с их тылами. Кроме того, нужно было уничтожить гитлеровский опорный пункт в Терешино, чтобы наступающие части Красной Армии без задержки развивали свой успех в юго-западном направлении.

- Давай действовать, - сказал Васильев. - Предлагаю нанести главный удар из района Кулагино.

План проведения операции был одобрен Морозовым и нашел поддержку у командиров всех подразделений. Приказ требовал выполнять план наступления с большой точностью.

Вечером 29 ноября группа разведчиков во главе с Иваном Ивановичем вернулась в лагерь и доложила командованию, что фашисты отсиживаются в избах, выставив небольшое число наружных постов. К семи часам вечера партизанские отряды "Александр Невский" и имени Фурманова, выдвинувшись из района Кулагино и Прудище, устроили засаду. С востока фашистский гарнизон окружили отряды имени Котовского и "За

Родину", с севера - имени Щорса и "Смерть фашизму".

Свои две пушки партизаны незаметно выдвинули на огневые позиции на окраине села Холопово. Под покровом темноты, при сильном ветре, который заглушал все звуки, партизаны быстро и незаметно для противника заняли исходные позиции для наступления.

В половине десятого вечера в штаб отряда сообщили, что все находятся на своих местах. А через две минуты по приказу Васильева красная ракета возвестила о начале операции. И в тот же миг тишина была взорвана орудийными разрывами и автоматной стрельбой. Все огневые средства партизан обрушились на гарнизон противника. Растерявшись от неожиданности, гитлеровцы не смогли организовать оборону.

- Вперед! В атаку! Ура! - крикнул Васильев и выстрелил в небо вторую ракету, на этот раз зеленую.

Партизаны отряда "Смерть фашизму" поднялись в атаку. Фашисты бросились к машинам, но попали под огонь партизан, находившихся в засаде. Однако были среди гитлеровцев и опытные фронтовики, которые не хотели отступать. Бой разгорелся упорный. Земля содрогалась от взрывов - это взлетали на воздух фашистские склады боеприпасов. Пламя пожаров разгоняло тьму, и было видно, что немцы, перебегая от дома к дому, отходят.

Васильев на секунду остановился. Партизанские минометы все еще вели огонь. В воздухе пахло гарью.

"Неужели минометчики не заметили второй ракеты?"

Командир выхватил из кобуры ракетницу и выстрелил три зеленые ракеты. Огонь минометов прекратился. Одновременно затих и шум перестрелки, и Васильев услышал, как кто-то неподалеку от него крикнул:

- Комиссара убили!..

Васильев вспомнил, как он увидел Тихомирова, упавшего головой на вытянутую руку, еще сжимавшую автомат. Сначала командир подумал, что Тихомиров только контужен. Но, увидев окровавленный висок комиссара, Васильев понял, что это конец. Глаза комиссара были открыты, как у живого, и смерть его казалась нелепым недоразумением...

Надев меховой жилет и подпоясавшись, Васильев вышел из шалаша. Стояла поздняя осень. Хмурое небо, голые деревья. Земля была серой и неприветливой. Погибших уже положили в гробы. Голова Тихомирова была забинтована, лицо строгое-строгое, губы плотно сжаты. Фуражку комиссара после взрыва разыскать не удалось, и потому на грудь ему положили другую, с новенькой звездочкой. Над гробами погибших приспущено

Красное знамя, врученное отряду подпольным райкомом партии. У знамени стоял начальник штаба Филиппов с двумя партизанами. Напротив выстроился почетный караул из представителей всех партизанских отрядов.

Васильев принял рапорт. Он хорошо обдумал свою речь. Сначала он говорил об операции:

- В результате боев противник потерял триста солдат и офицеров. Уничтожено или повреждено пятьдесят семь грузовых машин врага. Нами захвачено большое количество оружия и боеприпасов, а также штабные документы из штаба дивизии, штаба батальона особого назначения и транспортной колонны. Удар по врагу был нанесен совместными действиями нескольких партизанских отрядов...

Командир оглядывал партизан. В почетный караул были назначены бойцы, особо отличившиеся в бою. Вот стоит Спирин, ни один мускул не дрогнет на его лице. Партизан рядом с ним молча вытирает слезы. Вот и по щеке Рыбакова скатилась скупая слеза. Взгляд командира остановился на Иване Ивановиче. Глаза Фрица были сухи, похудевшее лицо бледнее обычного.

Легкий ветерок разносил голос командира по всей поляне:

- Наши товарищи, которые пали смертью храбрых в этом бою, были для нас примером. Николай Тимофеевич Мальцев, командир отряда, погиб...

Васильев говорил о героизме погибших, а сам смотрел на Ивана Ивановича. Словно в кинематографе, с огромной быстротой промелькнул в памяти момент гибели Тихомирова.

Комиссар как-то сказал о Шменкеле, что тот готов выполнить любое задание, никогда ни на что не жалуется и не корчит кислой мины, если что приходится ему не по вкусу.

Тогда в ответ на эти слова Васильев только пожал плечами. Комиссар, однако, не успокоился и продолжал: "У Шменкеля никогда ничего не болит. Шменкель никогда не устает. Кроме приказа, который ему отдаешь ты, он еще сам отдает себе приказ. Он, мужественно борется против фашистов и готов бороться за каждого своего соотечественника, который мог бы перейти на нашу сторону. Именно поэтому Шменкель всегда готов выполнить любое твое задание, но ты не должен бесконечно пользоваться этой его готовностью..."

Стараясь говорить спокойно, Васильев продолжал:

- К сожалению, товарищ Тихомиров не оставил нам на память ни фотографии, ни каких-либо записей. Вся жизнь Тихомирова была отдана службе Родине. Мы, товарищи, были для него родной семьей, это о нас с вами он заботился. Он знал каждого из нас лучше, чем мать знает своих сыновей...

Ветер шумел в кронах деревьев, играл полотнищем Красного знамени, бросал редкие снежинки на лица погибших.

- Над гробом наших товарищей мы не будем давать громких клятв. Партизан клянется один раз. Мы обещаем нашему Сергею Александровичу жить и бороться, как это делал он сам. Будем беспощадны к врагу, будем сердечны к своим товарищам по борьбе, будем строги к самим себе. Мы никогда не забудем о той ответственности, которая лежит на нас.

Командир снял фуражку и склонил голову перед погибшими.

Гробы опустили в могилу, и комья сухой земли забарабанили по крышкам.

В свои подразделения партизаны возвращались молчаливые я притихшие.

Сибиряк и Шменкель забили в землю дулом вниз трофейный немецкий автомат. Васильеву невольно подумалось, как много еще партизанских могил придется им вот так обозначать и сколько могил останутся безвестными...

События последующих недель развивались стремительно. Под Новый год командиров подразделений и комиссаров собрали в штабной землянке, чтобы зачитать новогодний приказ.

Радист Саша Ковалев поймал Москву. Передавали сводку Совинформбюро. В сводке сообщалось о результатах шестинедельного контрнаступления советских войск под Сталинградом. Командир бригады Морозов рассказал, как Котельниково было освобождено войсками Сталинградского фронта, который затем соединился с войсками Донского фронта, окружив 6-ю немецкую армию.

- Успешно действуют и войска Западного фронта, которые во взаимодействии с партизанскими отрядами во многом способствовали успеху войск, действовавших под Сталинградом и на Дону. Я прошу вас, товарищи, передать благодарность всем партизанам за их самоотверженную борьбу, борьбу очень важную и решительную. Не напрасно пролита кровь восьмидесяти пяти партизан бригады имени Чапаева, которые пожертвовали своей жизнью во имя освобождения Родины.

Память павших партизан почтили минутой молчания. Фриц Шменкель стоял у самого входа, не понимая, зачем его, рядового партизана, Васильев пригласил на совещание командиров.

"Может, командир, - Думал Шменкель, - просто решил отметить меня за умелые действия, но ведь так действовал не я один".

Затем был зачитан приказ Верховного Главнокомандующего, в котором говорилось о том, что позади многие месяцы тяжелых кровопролитных боев и скоро для советского народа настанут

радостные дни.

Фриц присел на ящик рядом с адъютантом Морозова, пожилым партизаном. Может, он и не был таким, только борода старила его.

Партизан ткнул в ящик ногой и прошептал:

- Это летчики нам доставили. Не забыли своих. Увидишь, что там, так глаза вытаращишь.

Разговор тем временем зашел о том, что надо отправить партизан по селам, чтобы они рассказали жителям о последних новостях с фронтов и вместе с ними отпраздновали Новый год.

"Интересно, - подумал Шменкель, - в какое село пойдет наш отряд и встретим ли мы там своих старых друзей?" Он уже давно не чувствовал себя среди партизан чужим, да и приближающийся Новый год был совсем не похож на прошлый.

Когда совещание закончилось, командиры подразделений стали спешно прощаться, надевать ватники и полушубки, чтобы поскорее поделиться с бойцами новостями с фронта.

Фриц встал с ящика. Адъютант откинул крышку, и Шменкель увидел бутылки.

- С Большой земли мы получили новогодний подарок, - улыбнулся Морозов.

Васильев подозвал Шменкеля, и Фриц хотел выйти вместе с ним, но на его плечо легла чья-то рука.

- Сегодня вы останетесь у нас, Иван Иванович. Для вас у меня тоже кое-что имеется, - сказал ему капитан Дударев.

Они пошли к землянке начальника разведки. Ветер дул в спину, помогая идти. В землянке капитана было тепло, у печки грелся радист. Как только они вошли, он встал и вышел.

Дударев сел к столу, пригласил и Фрица присесть.

- Вы, наверное, помните, - начал капитан, - как однажды летом, когда вы были ранены, я говорил вам о специальном задании. Правда, с того момента прошло довольно много времени... Хочу вас предупредить: все, что я сейчас скажу, совершенно секретно. Ваш командир будет предупрежден, чтобы не было ненужных разговоров.

- Слушаюсь!

Шменкеля несколько обескуражил чересчур официальный тон капитана. После дружеской атмосферы совещания в землянке Морозова голос капитана казался слишком строгим.

- Противник намеревается в ближайшее время нанести нашей бригаде массированный удар, - продолжал капитан безо всякого перехода. - Документы, захваченные нами в селе Терешино, подтверждают это. Но нам известно больше: команда полевой жандармерии, возглавляемая капитаном Вейнсбахом, с

комендатурой в селе Вадино увеличилась вдвое. Эсэсовский карательный отряд гауптшарфюрера Анкельмана вырос до целого батальона. Кроме того, в район прибыли многочисленные отряды СС и гестапо. Примерно то же самое можно наблюдать и в районе Батурино. Основные силы враг концентрирует в Духовщине. Приведена в боевую готовность целая кавалерийская бригада СС особого назначения. Вы понимаете?

Шменкель все понимал. Присутствие здесь кавалерии свидетельствовало о. том, что гитлеровцы задумали серьезную карательную операцию.

- Вы, видимо, хотите спросить, почему все это должно произойти именно сейчас? - предугадал Дударев вопрос Шменкеля. - У противника нет иного выбора. Не уничтожив нас, он не сможет удержать этот участок фронта и обезопасить свои тылы. Поэтому он и попытается одним ударом покончить с партизанским движением в этих краях, откуда до линии фронта, можно сказать, рукой подать. И только уничтожив нас, он сможет сосредоточить свои силы на других участках фронта.

Шменкель понимающе кивнул, пытаясь представить себе линию фронта, которая протянулась на несколько тысяч километров от Белого моря до Черного, линию, на которой ежедневно, ежечасно, ежеминутно шла упорная кровопролитная борьба, унося тысячи человеческих жизней.

- Возможно, эсэсовцы и отряды полевой жандармерии уже начали бы свою операцию, - продолжал Дударев, - да погода помешала. Они надеялись на морозы и глубокий снег, которые сковали бы нашу маневренность и принудили бы нас держаться в партизанских лагерях.

Капитан раскрыл пачку "Беломора", предложил закурить и Шменкелю.

- Нам прислали табак, спирт, теплые вещи. Но боеприпасы и оружие для нас важнее всего. В шерстяных носках, но без нужного количества патронов нам эсэсовцев не одолеть, не так ли?

На миг капитан замолчал.

Шменкель посмотрел на бледное лицо Дударова и подумал, что начальник разведки, видно, не так уж здоров, да и забот у него немало.

- Оружие и боеприпасы, товарищ капитан, захватим у противника! выпалил вдруг Шменкель.

- Разумеется, - бросил на него взгляд Дударев. - Возьмем под особый контроль основные магистрали и железнодорожные линии. Наши люди, которые находятся в населенных пунктах, занятых фашистами, сообщили важные сведения. А сейчас нам нужна точная информация о планах немцев. На днях для

руководства операцией по уничтожению партизан к гитлеровцам прибыл какой-то генерал. Он, по-видимому, внесет изменения в уже разработанный план. Наша задача - ознакомиться с. этим планом.

- Слушаюсь, - ответил Фриц, хотя и не знал еще, как Дударев мыслит себе проведение этой операции. Капитан продолжал:

- Все последующие дни вы должны находиться на шоссе Батурино Духовщина и принимать участие в действиях любых отрядов. Ваша задача следить за гитлеровскими связными и курьерами. С этой минуты вы целиком и полностью подчиняетесь только мне. Полагаюсь на вашу безупречную партизанскую дисциплину. Вы, как бывший немецкий солдат, понимаете, что нас интересует.

- Так точно! - Фриц вскочил и вытянулся по стойке "смирно".

Прощаясь, Дударев протянул Шменкелю руку:

- Успехов вам!

В ту ночь Шменкель долго не мог уснуть. Он хорошо понимал, что доверие начальника разведки ко многому его обязывает и что от его действий в значительной степени будет зависеть судьба всей бригады.

На следующий день он с группой партизан пошел на задание. Попадется ему гитлеровский связной или нет? Нервы были напряжены до предела. Но, как назло, до самого вечера по дороге проследовал лишь один обоз с продовольствием.

Партизаны, разумеется, захватили обоз, обеспечив себя вдоволь мукой, сахаром и маслом, но Шменкель не мог доложить ничего отрадного капитану.

Так прошло несколько суток. Начались холода. Мороз сковал землю, беспрестанно валил колючий снег.

Из штаба бригады один за другим шли запросы: нет ли чего нового. Шменкель уныло докладывал капитану, что ничего интересного нет. Рассказы бригадных разведчиков об успехах только раздражали Шменкеля. С первых дней нового года партизаны захватили уже шестой транспорт противника. Политрук Алексей Кононенко из отряда "Александр Невский" организовал минирование железнодорожной ветки у станции Дурово. Девятнадцать вагонов с пехотой противника были пущены под откос.

- Вагоны так смяло, будто они из бумаги, - рассказывал один из бригадных разведчиков, обращаясь к Шменкелю, который лежал на соломенном матраце, обхватив голову руками.

- Ты чего молчишь? Может, тебе жаль фашистов?

Шменкель повернулся к говорившему и так посмотрел на него, что тот испуганно пробормотал:

- Я не хотел тебя обидеть. Уж не заболел ли ты?

Нет, Фриц был совершенно здоров. Просто не хотелось разговаривать, он даже голода не чувствовал, хотя давно уже не ел. Он только без конца курил...

10 января 1943 года отряд "Смерть фашизму" устроил засаду около Доброселово.

Рядом со Шменкелем оказался его друг Рыбаков. Лежа в глубоком снегу, Петр торопливо сообщал другу последние новости и делился собственными мыслями.

Примерно в полдень Петра послали на опушку леса, чтобы сменить там часового. Вернулся он сильно возбужденный.

- Со стороны Духовщины показались немецкие конники, не меньше эскадрона. И целая вереница повозок!

"Кавалерия, - мелькнуло в голове у Фрица. - Их-то я и жду".

Пока Васильев отдавал команды, Шменкель пополз через кусты к дороге. Он был спокоен, правда, сильнее, чем обычно, сжимал автомат.

Когда Васильев приказал открыть огонь, Фриц стал целиться в голову первой лошади. Лошадь упала. Всадник, однако, оказался далеко не новичком. Спрятавшись за трупом лошади, он начал отстреливаться. Фашист находился совсем близко: Фриц отчетливо видел офицерский погон и циничное выражение лица. Не успел офицер прицелиться еще раз, как Фриц выстрелил гитлеровцу прямо в очки.

Вокруг рвались ручные гранаты. Лошади ржали и шарахались в стороны. Пули то и дело поднимали на дороге белые снежные фонтанчики. Шменкель хотел отыскать в этой неразберихе какого-нибудь старшего офицера или эсэсовца, но бесполезно. Укрывшись за повозками, они пытались отбить атаку партизан и пробиться в определенном направлении.

Неожиданно Фриц заметил, как из-за соседнего куста показался человек в форме шарфюрера. Он пытался установить ручной пулемет, чтобы ошеломить партизан огнем с фланга. Шменкель сразу же разгадал коварный план фашиста. Фриц бесшумно поднялся и стал осторожно подходить к гитлеровцу сзади, держа автомат за дуло. Шменкель решил взять фашиста живым. Это оказалось не таким трудным делом: гитлеровец слишком увлекся своим занятием.

Постепенно шум боя стал стихать.

- Никто не ушел! - произнес Рыбаков, неожиданно появившись из-за куста. - Сегодня вечером будет гуляш от пуза!

Глубоко вдохнув морозный воздух, Петр закричал:

- Ваня! Эй, Ваня, где ты?!

Оглянувшись, он вдруг увидел Шменкеля и эсэсовца, голова

которого безжизненно свисала на плечо.

- Да ты же ему шею свернул! - заметил Петр.

Вместе с другими партизанами они пошли считать трофеи. Среди шестидесяти семи убитых гитлеровцев Шменкель насчитал шесть эсэсовских офицеров. Однако, как тщательно Фриц ни обыскивал, в карманах у них и в полевых сумках он не нашел ни одной бумажки, которая заинтересовала бы его. Карта местности оказалась лишь у начальника колонны, но и она не представляла ценности. Забросив за плечо все шесть полевых сумок, злой на весь свет, Фриц пошел к начальнику разведки.

- А вы все внимательно просмотрели? - спросил Шменкеля Дударев, выслушав его доклад. - Ничего не упустили из виду? Гитлеровцы борются не только против партизан. Они варварски расправляются с жителями освобожденных нами деревень. Но мы ничего не знаем о планах их карательных экспедиций. Поэтому я еще раз спрашиваю: не просмотрели ли вы чего-нибудь?

Шменкель покачал головой.

- Ну, ладно. Пойдемте со мной.

И капитан направился к месту, где партизаны сооружали нечто вроде временной конюшни. Десять лошадей, покрытых попонами, жевали сено.

- В ваш отряд переданы тринадцать лошадей: Выберите себе одну из них, - предложил капитан.

Фрицу стало жарко. Он покраснел. Дударев знал его слабости.

- Этого я не заслужил. Ведь задание-то я все еще не выполнил, ответил Фриц.

- Вы должны иметь самую лучшую лошадь.

Дударев усмехнулся:

- На лошади вам быстрее будет до меня добираться.

Вечером того же дня, когда Фриц сидел и ел гуляш из конины (мясо оказалось на удивление вкусным), неожиданно его вызвали к капитану.

Заложив руки за спину, Дударев расхаживал по землянке.

- Один из ваших офицеров-эсэсовцев оказался нам полезен. Вот посмотрите-ка!

Дударев подошел к лежавшей на столе карте. В отдельных местах на ней остались следы пальцев, но никаких пометок видно не было.

- Овсяники, Самодумки, Курбатово.

Рука капитала скользила по слегка затертым местам карты.

- А вот здесь - Селище и Гаврюшино. Теперь мы примерно знаем, где нам ставить засады. А вот здесь, между Верховьем и Широкой, мы устроим фашистам баню на участке в двенадцать

километров. Полагаю, что и в Татьянке нужно ждать сюрприза. Садитесь, товарищ Шменкель. Закуривайте.

Фриц почувствовал облегчение. Дым махорки давно не казался ему таким приятным. От Дударева Шменкель пошел прямо к конюшне, где после долгого и тщательного осмотра выбрал себе хорошего коня. Из-за светлого пятна на лбу он решил назвать его Белолобым.

Теперь Шменкель уже не так сильно переживал, что прошедший день вновь не дал должных результатов. Он улыбался при мысли, что друзьям его удалось захватить пять бочек бензина, много карабинов и патроны к ним, полторы тысячи банок консервов и другое продовольствие.

16 января партизанский отряд имени Котовского на другом шоссе разгромил колонну немецких броневиков. В этом бою партизаны понесли потери.

У одного из водителей был обнаружен пакет с многозначительной надписью: "Генералу войск ОС Петрику. Относительно проведения операции "Штернлауф". Далее текст был зашифрован. Не один час просидели Шменкель, Виктор Коровин и еще один переводчик над текстом, но ключа к шифру так и не нашли. Их мучениям положил конец сам Дударев, который решительно заявил:

- "Штернлауф" - это окружение со всех сторон с последующим ударом по центру. А в тексте, который вы не смогли разобрать, говорится, видимо, о том, что операция эта скоро начнется. Мы вооружены, и давайте готовиться к встрече с врагом. Я вас всех благодарю, а сейчас идите по своим подразделениям.

Капитан думал, есть ли смысл передавать зашифрованный текст по радио в штаб, чтобы там его расшифровали. Судя по всему, его предположение, что фашисты вот-вот начнут операцию по окружению партизан, не было лишено оснований, и он решил в штаб ничего не сообщать...

У Коровина к этому времени тоже была своя лошадь, так что ему теперь все было нипочем. Партизаны ехали лесом. Чтобы обогнуть какую-то деревеньку, сделали порядочный крюк. Неожиданно Виктор спросил Шменкелд:

- Скажи, Ваня, может случиться такое, что нам будет еще труднее?

Фриц понял его. Несмотря на нелегкую партизанскую жизнь, полную опасностей и лишений, партизаны в лесу чувствовали себя в большей безопасности, чем солдаты на передовой. План "Штернлауф" и ожесточенность, с которой гитлеровцы защищались в последнем бою, свидетельствовали о том, что для партизан настоящая война еще только начинается.

Слово "настоящая", правда, не то определение к слову "война". Война всегда война. Где-то легче, где-то тяжелее. Однако она всегда страшна, потому что несет с собой смерть.

Шменкель молчал. Он давно уже решил бороться против фашизма, не щадя жизни.

- Ешь, сыночек, ешь! Когда наешься досыта - и мороз не страшен, приговаривала старушка крестьянка, потчуя партизан вареным мясом. - А это правда, милые, - спросила она, - что наши прорвали блокаду Ленинграда?

- Сколько раз нужно объяснять тебе одно и то же, мамаша? - Рыбаков даже положил ложку. - Я же сказал тебе, что наш командир лично прочитал нам об этом. Больше того. От Волхова в Ленинград снова идут поезда. Ростов-на-Дону тоже скоро будет в наших руках. Всем известно, что наши наступают. Одна ты не веришь этому.

- Верю я, касатик, верю, - закивала крестьянка. - Мне только еще раз хотелось услышать об этом. У вас-то вся жизнь впереди, а мои дни уже сочтены. Вот и приятно лишний раз хорошее услышать.

Внучка старушки, уже большая девчушка с темными косами, которые были уложены венцом вокруг головы, накрыла чугунок крышкой и спрятала его в корзину. Старуха же никак не могла успокоиться.

- А что говорит ваш командир о нас? Я вот сплю очень плохо. Другой раз среди ночи проснешься и слышишь, как земля трясется. Страшно.

- Здесь мы, мать, здесь. Охраняем вас. - Рыбаков жестом показал, что партизаны повсюду. - Сделаем все возможное. Вот он, например, - Петр кивнул на Шменкеля, - сегодня особенно отличился. Ночью стоит на посту и видит, как три гитлеровца крадутся к селу. Я, пожалуй, просмотрел бы их, а он заметил, стал спрашивать их, откуда пришли, куда и зачем идут. Это очень важно, понимаешь? Для стратегии важно, понимаешь? Об этом и в приказе сказано. За отличное несение сторожевой службы Шменкелю Ивану Ивановичу объявлена благодарность. Вот оно как, - продолжал Рыбаков. - У вас во всем порядок.

Старуха посмотрела на смущенного Шменкеля, а потом набросилась на внучку:

- Ну чего выставилась, как на свадьбе, глупая! Чего глаза-то таращишь?..

В этот момент послышался какой-то глухой рев. Из-за березового леска что-то грохнуло. Над голыми стволами деревьев поднялось серое облачко. Взрыв следовал за взрывом.

Старуха выкрикнула что-то, но никто не понял ее слов. Она

хотела было бежать, но Фриц успел удержать ее за полу тулупа. Внучка ничком бросилась на землю. Прошло с полчаса, а может, и больше. Все лежали не шевелясь. Ждали: перенесут гитлеровцы минометный огонь вперед или назад или не перенесут. Но мины, как и прежде, рвались только в селе.

"Видно, гитлеровцы решили поднять панику среди местного населения, подумал Фриц. - И, лишив нас поддержки, поскорее разделаться с нами. Но ведь в селе остались только старики, женщины я дети".

Когда минометы перестали стрелять, стало непривычно тихо.

Фриц почувствовал, как крестьянка дернула его за рукав. Лицо ее было мокрым от слез.

- Теперь можно идти, только осторожно, - сказал Шменкель,

Старуха поднялась. Внучка пошла за ней. Обе направились в родное село, где от их избы, может быть, остались только развалины. Старуха шла, вскинув руки к небу - то ли для молитвы, то ли для проклятия. Полы ее длинного тулупа волочились по снегу.

- Справа все еще гремит, - заметил Петр Рыбаков, выглядывая из-за пулемета. - Сейчас они накрыли минометным огнем село Широкое. Посмотри-ка туда, на опушку леса. Там что-то шевелится.

Петр протянул Шменкелю полевой бинокль. Теперь Фриц отчетливо видел замаскированные еловыми ветками немецкие танки. Сейчас они как раз выезжали из укрытия на дорогу. За ними виднелись многочисленные фигурки пехотинцев. По-видимому, гитлеровцы решили, что после такого артиллерийского и минометного обстрела в деревне не осталось ни одной живой души.

Фриц жестом подозвал к себе подносчика и попросил принести ему несколько связок гранат. За ночь партизаны подготовили много связок, потому что противотанковых гранат в отряде не оказалось.

Рев танков все приближался. И вот в небе послышался гул эскадрильи бомбардировщиков, сопровождаемых двумя истребителями.

Шменкель решил огнем своего пулемета оторвать вражескую пехоту от танков...

Произошло это 20 января 1943 года. За последующие пять дней фашисты заняли семь деревень и все посадочные площадки партизан, на которых они принимали самолеты с Большой земли. Партизанская бригада имени Чапаева оказалась окруженной в лесу.

Потянулись дни и ночи беспрерывных боев.

Проснувшись, Шменкель никак не мог сообразить, сколько же он проспал. Разбудила его Надя. В руках у нее был котелок дымящейся каши.

- Командир разрешил сварить кашу, - объяснила девушка. - Немцы с самого утра не стреляют. Кругом такая тишина, что уши болят.

Перед землянкой сидели свободные от службы партизаны. Одни курили, другие чистили оружие. Снег так ослепительно блестел на солнце, что Шменкель зажмурился. Он ел кашу и чувствовал, как тепло разливается по всему телу.

День был великолепный. В поле дул сильный ветер, а здесь, в лесу, стояла тишина. Ярко светило солнце, и даже слышалась первая капель. Небо было синим-синим.

- Не мечтай, Иван, ешь лучше, - проговорил Виктор Спирин. - Доедаем мясо последнего оленя. Двадцать мешков с олениной позавчера взлетели на воздух в старом лагере.

- А почему они не стреляют? - удивился Шменкель.

- А черт их знает. Погода великолепная. Видимо, отдыхают.

За сарказмом Виктора чувствовалось его плохое настроение: прямым попаданием был уничтожен пулеметный расчет, и Виктор сразу потерял двух своих лучших друзей. Осколком и ему разрезало полушубок, но самого, к счастью, не задело. А дыру в полушубке он обнаружил только ночью, когда вдруг стал зябнуть. Вооружившись иглой и нитками, зашил ее.

Шменкель стал осматривать себя. Все вроде было в порядке. Только подошва на правом сапоге оторвалась. Он пошевелил пальцами - и подошва отошла еще больше.

- Ну и глупый же ты, Ваня, - сказал Рыбаков, разбирая свой пистолет и протирая его. - И ты до сих пор не вспомнил обо мне.

Шменкель никак не прореагировал на эти слова Петра, хотя понимал, на что тот намекал. У самого Рыбакова на ногах были добротные валенки, которые он снял с погибшего партизана я то же самое советовал сделать Фрицу, но тот наотрез отказался от такой возможности обуться. Подумав, Шменкель решил обвязать носок правого сапога бечевкой.

Фриц думал о том, что, несмотря на войну, он все же не очерствел. В последние дни ему пришлось многое пережить. О многом он старался не думать, многое забылось. Однако было и такое, чего он не смог забыть. Самое страшное было не в том, что противник намного превосходил партизан в силе и принуждал их отходить все глубже в лес. По скромным подсчетам командиров, против партизанской бригады противник выставил более пяти тысяч солдат, несколько кавалерийских подразделений, части 41-го танкового корпуса, подразделения 246-го пехотного полка, а

также особые полицейские подразделения.

Сначала фашисты сожгли село Овсянки, затем Курбатово и Селище. Особенно страшным и зловещим зарево казалось ночью.

Был момент, когда Шменкель не выдержал и хотел выскочить из окопа, но его вовремя удержал Рыбаков, закричав не своим голосом:

- Ваня! Ваня! Ты что, с ума сошел?

Что же получалось? На глазах у партизан гитлеровцы сжигали мирных жителей, загоняя их в сараи. Партизаны же ничем не могли помочь крестьянам, потому что из автомата или винтовки немцев на таком расстоянии не обстреляешь, да и патроны приходилось экономить.

Рыбаков, можно сказать, спас Шменкеля от самоубийства. Иначе его поступок нельзя было назвать.

А однажды Фриц Шменкель еще раз воочию убедился, насколько прогнила та система, против которой он боролся. После артиллерийской подготовки по сигналу противник пошел в атаку. Как и в предыдущие разы, атака эта была отбита, а гитлеровцы отошли, бросив на поле боя убитых солдат.

Пошел снег, и каждый в душе надеялся, что сегодня фашисты уже не предпримут новой атаки, но они все же снова полезли. Шменкель не поверил своим глазам. Он даже пошевелился, чтобы согнать с себя дремоту. Но немцы действительно снова двинулись в атаку. В белых маскировочных халатах, они напрямую шли на позиции партизан. По их движениям чувствовалось, что для храбрости они основательно хлебнули водки.

Партизаны открыли огонь, лишь когда гитлеровцы подошли совсем близко, так, что можно было даже разглядеть их лица. Огонь был таким плотным, что противник не выдержал и сразу же залег. Многие гитлеровцы стали отползать назад, в укрытие. Некоторые прыгали в воронки от снарядов, другие укрывались за трупами своих же солдат, третьи, а их было большинство, просто бежали.

Фриц взял на мушку фигуру какого-то длинноногого гитлеровца, хотел дать по нему короткую очередь, но не успел: немец, вскинув руки вверх, рухнул на землю.

Фашисты из задних рядов продолжали вести огонь по партизанам, не обращая ни малейшего внимания на то, что иногда косили своих же солдат.

- Прекратить огонь! Усилить наблюдение! - последовал приказ командира отряда.

Приходилось ждать, не предпримет ли противник новой атаки.

На ничейной земле не было заметно ни малейшего движения.

И все же там лежали оставшиеся в живых гитлеровские солдаты, которые боялись ползти назад: каждый мог попасть под огонь своих же офицеров.

Минута медленно тянулась за минутой, действуя на нервы. Когда стало темнеть, со стороны противника послышались офицерские свистки - и фигурки на ничейной земле зашевелились, уползая на исходные позиции.

Ночью Фриц притащил в окоп длинноногого солдата. Он был еще жив. Васильев с большой неохотой разрешил Шменкелю, который не уставал повторять, что слышит стоны, сделать это. Букатин, сопровождавший Шменкеля в этой вылазке, тоже не одобрял его действий, хотя не произнес ни единого слова. Крепко сжатые губы говорили больше слов.

Партизаны притащили раненого немца в окоп. На губах его застыла кровавая пена. Немец открыл глаза. В них не было ни тени страха. Раненый, видимо, потерял много крови. Временами он впадал в беспамятство. Белый маскировочный халат и шинель эсэсовца были перепачканы кровью. Его ранило дважды: в грудь и в правое предплечье.

Положив голову раненого на свой вещевой мешок, Шменкель взял в руку ком снега и начал вытирать им кровавую пену с губ немца.

- Откуда ты? - спросил Шменкель немца.

Солдат сделал над собой усилие и чуть слышно прошептал:

- Из Мюнхена.

- У вас что, - Фриц ткнул пальцем в сторону позиций противника, запасников призвали?

Немец с трудом кивнул.

- А почему по вас стреляли свои же?

Немец простонал.

- Посмотри на меня и скажи правду; неужели ты боишься партизан?

Немец чуть заметно кивнул.

- Скажи, вас мучит совесть за массовые убийства или вы просто боитесь возмездия?

Раненый повел глазами и сделал слабый жест рукой, словно хотел сказать, что ему теперь все равно, потому что он уже не жилец на этом свете.

- Фамилия вашего начальника случайно не Анкельман?

Раненый немного приподнял голову и прошептал:

- Гауптшарфюрер Накатен. Он...

Слова застряли у немца в горле, изо рта хлынула кровь, и голова безжизненно упала на грудь. Он был мертв.

Шменкелю так и не удалось узнать, с какими мыслями умер

этот немец. То ли это был человек, которого ввели в заблуждение, то ли отъявленный убийца.

Фриц встал. Окоп тем временем заполнили партизаны.

- Ну что? Теперь надо тащить его обратно, - недовольным тоном проговорил Букатин, которому не хотелось вылезать из окопа и на ветру ползти куда-то. - Теперь ты доволен? И зачем тебе это было нужно?

- Я хотел узнать, почему гитлеровцы стреляли в своих.

Партизаны молчали.

- Волки и те, - продолжал Фриц, - только в самом крайнем случае пожирают своих сородичей...

Партизаны чувствовали удовлетворение от того, что эсэсовцы боятся леса, несмотря на свое превосходство в силах.

Фриц был поражен тем, что немцы могли действовать так бесчеловечно.

Он считал, что война, какой бы тяжелой она ни была, не должна делать черствым сердце, если оно бьется в груди настоящего человека.

- Ты бы хоть о своей лошадке побеспокоился, - оторвал Шменкеля от тяжелых раздумий Петр Рыбаков. - Она еще пригодится, Даже на случай голода...

Шменкель дал свою лошадь раненым, чтобы они могли добраться до партизанского лагеря. Кто знает, на каких работах используют ее теперь? Может, возят боеприпасы или продовольствие?

- Некоторые люди, - вмешался в разговор Спирин, - смотрят на всякую живую тварь лишь с гастрономической точки зрения... Интересно, почему немцы притихли?

Словно в ответ на эти слова вдалеке послышался шум.

- Воздушная тревога! - закричал Рыбаков.

- В укрытие! - скомандовал Спирин, которого недавно назначили командиром взвода.

Бомбардировщики шли на значительном расстоянии друг от друга, без прикрытия истребителей. Летели они на небольшой скорости, причем низко над землей. Гитлеровские летчики знали, что зениток у партизан нет, а из стрелкового оружия в них вряд ли станут стрелять, когда патроны на исходе.

Еще несколько секунд - и они окажутся над расположением партизан. На головы посыплются смертоносные бомбы... Но самолеты почему-то не сбросили бомб и скрылись за лесом.

Фриц и Петр вылезли из укрытия и только тогда увидели в безоблачном небе тысячи листовок. Увидели их и другие партизаны. Всем стало ясно, почему немцы не бомбили.

- Товарищи, я полагаю, что мы не будем читать эту брехню, -

сказал Спирин и, схватив первую попавшуюся в руки листовку, сапогом втоптал ее в снег.

Многие из партизан последовали его примеру. Но нашлись и такие, любопытство у которых взяло верх.

- А чего этих листовок бояться? - высказался один из шутников. Может, фашисты еще раз прилетят и сбросят табачок, тогда и закурить можно будет, бумага уже есть!

Виктор взял листовку и прочел ее:

- Послушайте-ка, что они пишут. Эти фашисты называют нас бандитами. Пишут, что мы окружены. Словно мы не знаем этого. Сулят нам золотые горы, если мы сдадимся им в плен. Пишут, что ни одного волоса не упадет с наших голов. - Помолчав немного, он спросил: - Ну как, есть среди нас хоть один, кто верит этой фашистской брехне?

Партизаны стали громогласно выражать свое возмущение, а один бородач тихо сказал:

- Да что тут говорить! Мы своими глазами видели, что они сделали с нашими детьми!

- "Если же вы не сдадитесь, ровно в двенадцать вас ждет верная смерть", - прочитал Спирин.

Лицо его вдруг налилось кровью. Он разорвал листовку на мелкие кусочки и, бросив их на землю, сердито сплюнул.

- Что с тобой? - спросил его Шменкель.

- Эти глупцы думают, что на войне и мы поглупели, - сердито проговорил Спирин. - Пишут, что наши командиры - предатели и агенты, которые бросили нас в беде, а сами, мол, на самолете улетели в Москву. - Переведя дыхание, он продолжал: - Из такой бумажки даже цигарку свернуть не хочется... Короче говоря, приказываю листовок не читать...

- Правильно! - согласились партизаны.

Через час самолеты противника снова появились над позициями партизан и снова сбросили тысячи листовок. Но теперь никто из партизан уже не поднимал их.

Через несколько минут после этого к партизанам подошел Филиппов. Он осмотрел у бойцов оружие и дал каждому табаку на одну цигарку.

Партизаны очень обрадовались приходу начальника штаба бригады. Коснувшись носком сапога втоптанной в землю листовки, Филиппов спросил:

- А знаете, чья подпись стоит под этой писаниной?

- Нет, - ответил Спирин,

- Эта галиматья подписана не кем-нибудь, а генералом фон Шенкендорфом, командующим немецкими войсками, действующими в районе Смоленска. Другая же подпись

принадлежит оберфюреру СС Науману. А Науман занимает один из ведущих постов в оперативном руководстве СД. Следовательно, оба проводят в жизнь план "Штернлауф". Понимаете теперь, как мы заинтересовали фашистов? И все-таки они недооценили нас и своей цели не достигли, иначе не стали бы засыпать лес такими бумажками,

- Разрешите задать один вопрос? - Рыбаков сделал шаг вперед. - Неужели этот генерал действительно думает, что мы поверим его болтовые? Он же образованный человек...

- Образование образованию рознь. - Филиппов усмехнулся. - Такую ложь в Германии ежедневно преподносят детям в школе. Так ведь, Иван Иванович?

Шменкель кивнул, а начальник штаба продолжал:

- Люди, распространяющие такого рода небылицы, считают, что все в мире продается, все покупается. Они полагают, что обещать можно абсолютно все, а сдерживать свои обещания совсем не обязательно. Так думают те, кто повелевает немецкими солдатами. Вы должны запомнить их фамилии. Особенно вы, товарищ Шменкель. Ведь придет день, когда немецкий народ захочет рассчитаться со своими врагами.

- А когда мы будем снова атаковать противника? - спросил начальника штаба Букатин.

- Атаковать... А какими силами? - Улыбка исчезла с лица Филиппова. Возможно, генерал Шенкендорф именно на это и рассчитывал. - Начальник штаба полез в карман за махоркой, но ее там не оказалось. - Командиру бригады удалось установить связь со штабом фронта. Наша задача, как и прежде, удерживать захваченную местность до прихода войск Красной Армии. Задание это ответственное и трудное.

4 февраля по радио был принят приказ Верховного командования. Утром следующего дня Васильев передал его в отряд. Приказ был настолько важен, что командир решил, используя небольшую передышку, построить отряд и лично ознакомить с ним всех бойцов.

За день до того как Васильев вернулся с совещания у командира бригады, самое важное было уже обсуждено. Верховное командование, оценив обстановку, приняло решение вывести из боя партизанскую бригаду, которая мужественно сражалась с врагом в течение десяти суток. От радиостанции к радиостанции передавался приказ командования. Всем партизанам объявлялась благодарность за мужество и отвагу, проявленные в тяжелых кровопролитных боях. Далее в приказе говорилось, что партизаны небольшими отрядами и группами должны вырваться из окружения и перейти линию фронта. Штаб

фронта со своей стороны предпринимал необходимые меры для выполнения этого приказа. Ставились конкретные задачи и бригаде имени Чапаева, которая была значительно удалена от линии фронта. На левом фланге бригады находились отряды имени Котовского, "Александр Невский" и "Смерть фашизму".

- Нам достанется больше всех, - проговорил Филиппов, обращаясь к Васильеву. - Но изменить ничего нельзя. Решение сдерживать противника до тех пор, пока не прорвутся другие наши отряды, до вчерашнего дня было правильным, а после прорыва танков противника кажется мне трудным и рискованным.

- Без труда не вытянешь и рыбку из пруда, - заметил Васильев. Поговорка эта, как и все поговорки, очень мудрая. Ты вот беспокоишься, что прервана связь с бригадой Стороженко, а ведь отряд имени Котовского шесть суток подряд намертво стоял на своих позициях. Вчера противник потерял на поле боя более шестидесяти человек, и Морозов никак не мог предположить, что ночью он предпримет еще одну атаку и, тем более, снимет с фронта части сорок первого танкового корпуса, бросив их против нас. Что случилось, то случилось, Петр Сергеевич, а приказ, как вы знаете, отменить невозможно.

Филиппов остановился:

- Именно потому мы должны серьезно обдумать предложение Морозова.

Васильев хотел было возразить и сказать, что и сам считает это предложение слишком рискованным, но не успел: ему доложили, что бойцы уже построены.

Даже окинув ряды бойцов беглым взглядом, можно было сразу заметить, что они поредели. Многие партизаны обросли, одежда на них порвалась, так что некоторых бойцов не сразу можно было узнать.

В начале своей речи командир отряда передал бойцам благодарность командующего.

- Нашему отряду и отряду имени Котовского, - продолжал Васильев, приказано во что бы то ни стало продержаться еще трое суток, чтобы отвлечь на себя внимание противника и дать тем самым возможность другим отрядам вырваться из окружения. Нам передадут один миномет. Патронов мы не получим. Неоткуда. Продовольствие то, что имеется. В других отрядах положение точно такое же, а они с боями должны двигаться в сторону фронта. Нет необходимости говорить вам, что на вас возложена ответственная задача. Вопросы есть?

Никто из партизан не шелохнулся.

- Хорошо. Сейчас товарищ Филиппов зачитает фамилии тех,

кто уйдет с основными силами. Остальные же немедленно вернутся на свои места. Желаю вам всем, товарищи, успеха в предстоящем бою.

Начальник штаба зачитал фамилии пожилых партизан. Многие из них в довершение ко всему были не совсем здоровы. Последней была названа фамилия Шменкеля. Некоторые партизаны сразу же попросили заменить их другими,

- Не думайте, что вам будет легче, нет, - объяснял Филиппов тем, кто попал в списки. - Вся разница заключается в том, что вы, возможно, несколькими днями раньше попадете к своим. И только.

Несколько партизан ни за что не хотели уходить от товарищей.

- Вам же, Иван Иванович, приказано перейти линию фронта вместе с группой разведчиков нашей бригады.

Фрица словно громом поразило. В какое-то мгновение в голове его мелькнула старая мысль: "Может быть, мне все еще не доверяют?" Но в тот же миг ему стало стыдно этой мысли.

- Прошу оставить меня в отряде, - сказал Шменкель.

Филиппов оглянулся. Они остались одни на лесной поляне.

- Послушайте, каждому из нас, если мы попадем в лапы к врагу, грозит виселица. Вас же в этом случае ждет худшее: бесконечные допросы, пытки.

- Я не попаду живым в лапы к фашистам. Я вообще не попаду им в лапы!

Выговорив эти слова, Фриц и сам почувствовал, что они прозвучали неубедительно. Но какое-то внутреннее чувство говорило ему, что он не может погибнуть. А разве до сих пор судьба не щадила его, несмотря на то что он участвовал в очень тяжелых боях!

- Я еще раз настоятельно прошу оставить меня в отряде.

- А ну тебя к черту! - выругался Филиппов, однако в голосе его не было злости. - Оставайся, раз хочешь!

- Спасибо.

Шменкель круто повернулся и поспешил уйти.

Увидев радостное лицо Петра Рыбакова, Фриц невольно подумал о том, как плохо было бы ему без Петра. Однако раздумывать было некогда. Только что полученный приказ требовал от каждого партизана напряжения всех сил: нужно было как можно лучше подготовиться к предстоящему бою. Противник не понял замысла советского командования и клюнул на приманку.

После того как миномет расстрелял свой боезапас, гитлеровцы, сосредоточив силы, начали новое наступление на

партизан с направления Кольчино, Татьянка, Широкое.

Васильев чудом успевал побывать на всех участках, где партизаны вели бои с противником.

Перед полуднем командир появился с перевязанной рукой: его ранило еще утром. Солнце стояло еще высоко в небе, когда доктор Кудинова вынула из левой руки Васильева пулю, которой его ранило в рукопашном бою, и наложила шину. А вечером того же дня по отряду разнеслась весть, что командир погиб. Однако, когда гитлеровцы ночью попытались добиться успеха там, где это не удалось им днем, Васильев снова оказался на месте. Лоб его, правда, был забинтован широким бинтом.

В отряде было много раненых. Перевязав раны, бойцы снова шли на позицию и сражались с врагом. Многие погибли... Эсэсовцы дважды пытались прорваться сквозь партизанский заслон, но это им не удавалось. Каждый раз на самом ответственном участке появлялся Васильев, который одним своим видом вселял в партизан мужество и стойкость, и они держались, несмотря ни на что.

Это был последний большой бой, который вел против врага партизанский отряд "Смерть фашизму". На следующий день (это было 6 февраля) на участке стало тише. По всей вероятности, руководство операцией "Штернлауф" свои основные усилия сосредоточило на замеченных участках прорыва партизан, ослабив внимание к другим.

Васильев, старший лейтенант Горских, назначенный после гибели Тихомирова комиссаром отряда, и начальник штаба Филиппов приняли решение сначала пробиваться в восточном направлении, а ночью неожиданно сменить его и двигаться на север.

Свои позиции партизаны покидали бесшумно, в полной темноте. Груза было немного. Самой большой тяжестью оказались двое тяжелораненых. Их по очереди несли на носилках.

В вещевом мешке у Шменкеля лежало несколько кусков черствого хлеба из НЗ. Хлеб был выдан на весь путь, или, как сказал начальник штаба Филиппов, до ближайшей полевой кухни Красной Армии. В автоматном диске Фрица было всего-навсего десять патронов.

На рассвете, примерно часа в три, высланная вперед разведка донесла, что ближайший населенный пункт, видимо, безлюден и поэтому через него можно пройти. Деревушку дотла сожгли фашисты два дня назад.

Партизаны шли небольшими группами под прикрытием беззвездной ночи.

Группу, в которой шел Шменкель, возглавлял Горских.

- Скоро должна быть лощина. Если доберемся до нее, значит, будем в укрытии, - объяснил Горских.

Однако не прошли партизаны и нескольких десятков шагов, как справа и слева в небо взлетели белые осветительные ракеты. Стало светло как днем. Впереди виднелась сожженная деревушка. Раздались винтовочные выстрелы.

- Вперед! - крикнул Горских. - Между домами!

Ракеты погасли. В шуме стрельбы послышалось татаканье пулеметов. Партизаны бросились к селу. Но не успели они добежать до него, как в небо взлетели новые ракеты. В их свете Фриц заметил мчавшихся по полю конников. Шли они на рысях как раз с того самого направления, которое Горских считал безопасным.

- Назад! - успел крикнуть Горских, поняв опасность положения.

Шменкель побежал. Когда в небо взлетела следующая ракета, возле него оказался один из всадников. Фриц выстрелил, и всадник упал на землю. Однако в этот момент к Шменкелю кинулись не то четыре, не то пять всадников. Мимо него, подняв облако снежной пыли, промчалась лошадь убитого. Петляя, Фриц побежал в сторону леса. Ноги, казалось, налились свинцом, а за спиной все время чудился храп нагоняющей его лошади. Кругом свистели пули. Еще несколько шагов - и он был уже в кустарнике. Ветки больно хлестали по лицу...

Постепенно стало тихо. Только кровь с шумом стучала в висках. Хотелось остановиться, прислониться к дереву и немного отдышаться. Фриц остановился, схватившись руками за какой-то сук. Он был уверен, что партизаны попали в засаду.

Как далеко он убежал? Он все время бежал зигзагами, словно заяц, за которым гонятся псы. Неужели это страх гнал его? Нет, не может быть. Сначала он не чувствовал никакого страха, а вот сейчас чувствует. А что, если отряду все же удалось прорваться и он остался здесь один? Его поймают и казнят самой страшной казнью.

Фриц выпустил из рук ветку, за которую держался, и вышел на опушку леса.

Было еще очень темно. Стрельба доносилась справа, а где-то совсем рядом слышались голоса, немецкие голоса...

- Вот свалится на тебя с дерева бандит, тогда узнаешь.

- Брось шутить, толстяк, теперь они никуда не денутся.

Послышался шелест листвы и храп лошади. Постепенно эти звуки стали удаляться.

Шменкель сделал крюк, чтобы снова не нарваться на гитлеровцев, и пошел, как ему казалось, в направлении, где еще

шел бой. Вскоре стрельба прекратилась, и стало тихо, но Шменкель все шел и шел. Куда? Этого он и сам не знал.

Пронзительный истошный крик заставил его остановиться. В листве деревьев мелькнул свет фонарика. Потом кто-то громко засмеялся. Осторожно переходя от дерева к дереву, Фриц приблизился к этому месту.

- Здесь только раненые, разве вы не видите?

Слова эти произнесла доктор Кудинова, а говорила она их эсэсовскому офицеру. Немец стоял к Шменкелю спиной, и Фриц видел только его широкую спину в длинной кавалерийской шинели. Офицер светил фонариком прямо в лицо Куликовой, а другие эсэсовцы шарили по носилкам, на которых лежали раненые партизаны. Фриц увидел, как над носилками, на которых лежал один из раненых партизан, склонилась молоденькая санитарка Аня. На щеке ее алел рубец.

- Я врач. Доктор. Понимаете? У меня нет оружия. Красный Крест, понимаете? - говорила Кудинова на ломаном немецком языке.

Черные волосы обрамляли ее лицо, а большие глаза бесстрашно смотрели на гитлеровцев.

Офицер снова расхохотался:

- Так, значит, вы доктор?! Слышали?! - И он поднял руку с пистолетом. - Жидовка! Вот тебе твой Красный Крест!

И он выстрелил Кудиновой прямо в лицо.

Фриц поднял автомат и, целясь в широкую спину эсэсовца, нажал на спусковой крючок. Затвор лязгнул, но выстрела не последовало: магазин был пуст. Что было дальше - Фриц помнил смутно. Помнил только, что заплакал. Заплакал горько и безутешно, как плакал, когда гестаповцы убили его отца.

Упав на мокрую землю, Фриц долго лежал в беспамятстве, а когда пришел в себя, гитлеровцев уже не было. Чья-то рука коснулась головы Шменкеля. Фриц открыл глаза и увидел Горских.

- Мы совершенно случайно нашли тебя. Я даже думал, что тебя уже нет в живых.

Шменкель встал и надел фуражку. Рассветало.

- Ты был здесь? Когда?

Комиссар показал на расстрелянных фашистами партизан.

- Возьми себя в руки, Иван. Надо похоронить их.

Тут же были Виктор Спирин, Рыбаков, Прохор, Михаил Букатин и еще несколько человек из группы Горских.

Партизаны перенесли тела расстрелянных товарищей в небольшую ложбинку и прикрыли их еловыми ветками. Сверху положили большие камни...

Потом бойцы разожгли крохотный костер: нужно было натопить воды из снега, чтобы размочить сухари. Надя не могла есть: смерть доктора Кудиновой и санитарки Ани ввергла ее в состояние шока.

В течение дня партизаны наткнулись еще на несколько своих групп. Самая большая из них сгруппировалась вокруг начальника штаба. Филиппов рассказал о гибели командира отряда.

Оценив обстановку, Васильев понял, что гитлеровцы имеют огромное превосходство в силах и средствах, и решил лично прикрыть отход партизан и попытаться ценою своей жизни спасти их.

- Он отстреливался от наседавших на него гитлеровцев до тех пор, пока не кончились патроны, - рассказывал начальник штаба. - Погиб он в рукопашной схватке, а ведь одна рука у него была ранена.

Теперь Шменкель понял, что за выстрелы он слышал справа. Васильев, третий командир отряда "Смерть фашизму" геройски погиб в бою с врагом.

Получилось так, что Горских сам взялся командовать отрядом. Филиппов не возражал.

Партизаны забрались в глушь заснеженного леса, чтобы передохнуть. Ночью они снова двинулись на север: решили еще раз попытаться вырваться из окружения. Но и там натолкнулись на сильный заслон противника. Не вступая в бой - с тем количеством патронов, которые у них остались, это было бы безумием, - они быстро отошли в лес и двинулись в направлении старого партизанского лагеря, который находился неподалеку от села Татьянка.

Прежде чем двинуться в путь, Горских сказал бойцам:

- Мы не разбиты, товарищи. Пока мы живы, будем сражаться. Смерть фашизму!

* * *

На опушке леса лежал человек. Место он выбрал очень удобное: оно скрывало его от посторонних взглядов, а сам он хорошо видел лежавшую впереди местность. Никакого оружия у него не было. На шее висел полевой бинокль, в который он смотрел время от времени. Впереди, километрах в двух, находилась деревушка. С одной стороны, где тесно жались друг к другу приземистые домишки, бушевал пожар, слышались крики. С другой стороны проходила полевая дорога.

Между домами по дороге в сторону леса двигались два грузовика. В бинокль было видно, что оба они доверху нагружены какими-то мешками.

Человек выругался. Ему все надоело: и то, что происходило, и

то, что вот уже много дней подряд он не ел ничего, кроме куска мяса дикого кабана, воды, да и то не настоящей. Разве из снега это вода...

Где-то совсем рядом хрустнула ветка. Между кустами шла женщина. На ней были валенки, полушубок, на голове - шерстяной платок, завязанный по-крестьянски крестом. Через каждые два-три шага женщина останавливалась и прислушивалась.

- Эй! Иди-ка сюда!

Услышав окрик, женщина застыла на месте. Потом, подумав немного, медленно пошла.

- Я здесь!

Мужчина вылез из ямы и, сделав несколько шагов навстречу, остановился.

- Партизан?

На лице женщины застыло изумление. Словно желая убедиться в том, что перед ней действительно живой человек, она схватила его за одежду.

- А говорили, что вас всех расстреляли...

- Значит, говорили неправду. Ты что ищешь?

- Место, чтобы спрятаться от смерти. - Женщина подняла на него глаза. - Знаешь, что фашисты натворили? Слышишь детские крики? И так везде. И это они называют судом. А за что, я тебя спрашиваю? За что?!

И она стала рассказывать о том, что видела и слышала.

Звали ее Анютой. Жила она в селе Леоново. Два дня назад фашисты неожиданно нагрянули в село. Всех жителей согнали на площадь. Одних забили до смерти, оставшихся в живых выгнали за околицу и там в лощине расстреляли. Анюта чудом осталась жива. Первым делом она бросилась искать свою пятилетнюю дочку, которая была у соседки. Оказалось, что малышка убежала к дедушке. Пока мать садами и огородами бежала к дому деда, было уже поздно: и стариков, и Тонечку немцы уже угнали.

В самый последний момент женщине удалось спрятаться от фашистов за поленницей дров. Когда же гитлеровцы подожгли село, она побежала в огород и легла между грядок. Когда все стихло, она поднялась и увидела, что от деревни ничего не осталось. Она одна уцелела, а ведь в селе было более трехсот жителей.

Ночью Анюта пробралась к месту расстрела и попыталась отыскать среди трупов тело дочери.

- Но это оказалось невозможным. К тому же еще появились волки, целая стая. Страху я натерпелась. Никогда в наших краях не было столько волков. За всю мою жизнь близко к селу не

подходил ни один волк. А в эту зиму их развелось видимо-невидимо. - Женщина перевела дыхание. - Вот я и хожу кругом, но везде одно и то же. Возьми меня к себе в отряд, партизан, попросила крестьянка. - Вдруг небо сжалится надо мной, и я встречу мужа. Он ведь тоже в партизанах ходит.

- Не могу я этого сделать.

- Не можешь?

Засветившиеся было надеждой глаза Анюты сразу погасли.

- Может, принимаешь меня за шпионку? Да ты и говоришь-то как-то чудно... Женщина сделала несколько шагов назад.

- Да ты никак немец?! Обманул меня! Ты фашист!

На лице Шменкеля не дрогнул ни один мускул.

- Неужели я похож на фашиста? - спросил он.

- Ах, подвели меня твои ясные глаза! А я-то, дура, поверила!

Медленно, шаг за шагом, женщина пятилась назад, но не из-за страха, а, скорее, из-за отвращения. Еще минута, и она побежала бы прочь.

- Постой! - Шменкель схватил женщину за руку. - Считай меня кем хочешь. Я сейчас позову одного человека, и ты ему поверишь.

Не выпуская Анютиной руки, Шменкель поднял с земли ветку и постучал ею по стволу дерева.

Оба стояли и ждали. Женщина разглядывала Шменкеля. Шапка и телогрейка - русские, а вот брюки наверняка немецкие, о сапогах и говорить нечего. Точно в таких же сапогах пришли фашисты в село Леонове.

Наконец между деревьями показалась слегка согнутая фигура.

- Что случилось, Иван? - спросил вышедший из леса человек в валенках и шапке с красной звездой. На груди у него висел автомат.

Анюта отбежала в сторону.

- Он меня обманул? Он немец? - в испуге закричала она, показывая на Шменкеля.

- Это наш товарищ, а я его командир.

И, распахнув свой видавший виды ватник, мужчина показал офицерскую гимнастерку.

- Спасибо тебе, Иван, - обратился командир к Шменкелю, - можешь идти на свой пост.

Эсэсовцы покидали сожженное село. Их машины прошумели по дороге и скрылись за горизонтом. Стало тихо. Через некоторое время на дороге, которая вела к селу, показалась женщина. Вскоре она скрылась среди руин.

- Ну, что ты там видишь? - крикнул командир наблюдателю.

- Немцев в селе нет, товарищ командир. Убрались восвояси.

- Ладно. Тогда пошли.

- А это правда, что мы еще раз будем прорываться?

- Конечно. Мы должны выполнить приказ. Эта Анюта - мужественная женщина, она нам поможет. Завтра утром она снова придет к нам.

Позже выяснилось, что муж Анюты был партизаном в отряде имени Щорса. Анюта даже не верила, что муж ее жив и здоров. Сама же она предложила свои услуги для получения нужных отряду сведений о противнике.

Положение отряда "Смерть фашизму" было не из легких: затруднения с питанием, боеприпасами, сильные холода - все это осложняло и без того тяжелое положение отряда.

Отряд добрался до старого лагеря, расположенного глубоко в лесу. Вокруг лагеря выставили часовых. Часть землянок, пригодных для жилья, привели в порядок, замаскировали. Внешне все было, как и раньше, в старые добрые времена существования бригады.

Отходя под ударами противника, измученные до предела люди вышли на поляну, где некогда располагался штаб бригады. Фашисты сбросили на эту поляну столько бомб, что теперь вся она была обезображена воронками, и только обрывки телефонных проводов, висевшие кое-где на деревьях, говорили о том, что здесь был когда-то узел телефонной связи. Затем партизаны натолкнулись на землянку, в которой располагалась бригадная типография. Еще до того как штаб пришлось оставить, был выведен из строя печатный станок, его закопали. На столе наборщика лежало несколько экземпляров газеты под номером три. Сама землянка почти не пострадала от бомбардировок, и партизаны решили в ней передохнуть. Многие сразу же заснули от усталости.

Утром командир потребовал, чтобы все привели себя в порядок. Была назначена команда охотников, которая должна была настрелять дичи, выделена команда разведчиков, команда по уходу за ранеными. Все это дало свои результаты: партизаны приободрились. А когда разведчики возвращались с задания и рассказывали, что натворили фашисты ё соседних деревнях, партизаны с гневом сжимали кулаки.

Фриц Шменкель всегда просился в разведку. Сейчас он радовался, что Горских вновь планировал прорыв из вражеского окружения. Фрица беспокоили только ноги: по ночам он даже просыпался от боли. Рыбаков достал Фрицу новые сапоги, но и это не помогло, Медсестра Надя хотела было отправить Шменкеля к раненым, но он и слушать ее не захотел. Ноги он

отморозил и теперь старался как можно больше двигаться, чтобы они полностью не атрофировались. Во всяком случае, он должен терпеть до того времени, когда они пробьются к Красной Армии.

Анюта сдержала свое слово. Сначала часовые, предупрежденные об ее приходе в лагерь, решили, что с ней что-то случилось и она не придет. Однако на следующий день она появилась в условленном месте. Анюта привезла с собой санки, нагруженные крупой, мукой, салом и бутылью с самогоном. Тащить эти санки по снегу ей помог один старик. Пока повар варил суп, командир отряда пригласил Анюту и крестьянина к себе в землянку. Пробыв в отряде часа два, Анюта и старик ушли в село. Партизанский патруль проводил их до опушки леса. Анюта всю дорогу плакала.

- Ну и горько же она плакала, - рассказывал потом Рыбаков. - Хотела, чтобы мы взяли ее и переправили к мужу. Подумайте, ведь у нее никого и ничего не осталось: ни ребенка, ни дома, ни родных... И такая женщина осталась одна, - продолжал Рыбаков. - Если бы она была с нами, наверняка бы пошла на любое задание.

- Как же можно было оставлять ее у нас, если мы сами не уверены в том, что вырвемся из окружения, - заметил Виктор Спирин. - Ну, об этом хватит.

Дверь в землянку отворилась, и в проеме показалась фигура Филиппова. Партизаны освободили ему место, но он не сел.

- Мы будем прорываться к нашим, - сказал он. - Для этого создадим группу. Удастся ли нам прорваться - никто не знает, вот я зашел к вам поговорить. Вы, наверное, помните, что подпольный райком партии присудил нам переходящее Красное знамя. Вот оно, смотрите!

И Филиппов, расстегнув полушубок, показал знамя, которым было обмотано его тело. Размотав полотнище, Филиппов поднял знамя так, чтобы все партизаны хорошо видели серп и молот и надпись, вышитую золотыми буквами. Затем он снова обернул вокруг себя знамя и застегнулся.

- Во всех боях, которые мы до сих пор вели, мы не посрамили этого знамени. Теперь я буду отвечать за него. Если со мной что случится, тот, кто окажется рядом со мной, будь то Петр, Виктор, Иван или еще кто-нибудь, должен будет спасти знамя.

К огорчению Горских, луна не пожелала считаться с его планом: всю неделю по ночам небо было безоблачным, а луна так ярко светила, что остаться незамеченными было просто невозможно. Наконец погода переменилась: стало теплее, небо заволокли тучи. Когда же разыгралась метель, старший лейтенант Горских отдал приказ на прорыв.

Сведения, принесенные Анютой и старым крестьянином,

оказались правильными. Пользуясь непогодой, партизаны напали на немецкий заслон, разгромили его и, захватив оружие, пробились в долину. Сделать все это в хорошую погоду было бы просто невозможно, поскольку долина отлично просматривалась со всех сторон. Когда же противник пришел в себя, группа Горских ушла далеко вперед. Метель мешала освещению местности ракетами, да и прицельного огня противник не мог вести: уже в двух шагах ничего не было видно. В нескольких местах дело дошло до того, что фашисты начали стрелять по своим же, а когда спохватились, партизаны уже вышли из кольца окружения. Выбиваясь из сил, они продвигались вперед. Это был адский путь для истощенных, измученных и замерзших людей.

Вскоре партизаны вышли к леску. Собственное дыхание заглушало автоматные очереди противника. Неожиданно один из бойцов, окончательно выбившись из сил, упал на снег. Горских разрешил сделать привал. Зарывшись в снег, чтобы не замерзнуть, бойцы уснули.

Петр Сергеевич Филиппов проснулся от собственного кашля. Давали о себе знать старые болячки. Неожиданно он увидел, что место рядом с ним было пустым.

Справа, свернувшись в комочек, спала Надя. Дальше лежал Михаил Букатин. Он даже во сне не расставался со своим автоматом и крепко прижимал его к себе. Слева на снегу оставалось углубление от лежавшего там человека. А ведь на этом месте, Филиппов помнит это, спал Шменкель.

Ветер немного стих. До утра, видимо, оставалось немного, потому что облака на небе из темных превратились в серые. Перевернувшись на живот, Петр Сергеевич подполз к Рыбакову и потряс его за плечо. Но тот не пошевельнулся. Как это часто бывает, Рыбаков, перенервничав накануне, теперь спал как убитый. Несмотря на холод, на лбу его выступили капельки пота.

- Эй, проснись! Иван куда-то исчез! - будил Петра начальник штаба.

Рыбаков потянулся и, ничего не понимая, спросил:

- Что?!

- Ивана нет...

Рыбаков вскочил:

- Не может быть. Куда он мог деться?

- Вот именно - куда?

От их разговора проснулась Надя.

- Уже утро? Пора идти дальше? - спросила она.

- Ваня исчез, - проговорил Рыбаков.

Все четверо переглянулись.

- Он всегда был так осторожен, - заметил Филиппов. - Оружие

его здесь, а сам исчез.

- Я не должна была спать, - виновато проговорила Надя. - У него был жар, ноги отморожены. А при высокой температуре всякое может взбрести в голову. Разве вы не помните, что с ним было летом, когда его ранило в руку? Бредил всю ночь. Говорил по-немецки... понимаете?.. И чего я только думала. Улеглась и уснула!

- Разрешите осмотреть местность? - спросил Рыбаков, беря в руки автомат.

- Конечно. Я пойду с тобой, - проговорил Виктор.

Филиппову ничего не оставалось, как согласиться,

- Только не забудьте, что патронов у вас уже нет, - предупредил он. И чтобы самое позднее через полчаса вы оба были здесь. Мы будем ждать.

Он посмотрел на часы. Стрелки показывали пять минут седьмого.

Серое февральское утро вступало в свои права.

Начальник штаба никак не решался сообщить командиру об исчезновении Шменкеля.

"А что скажет Дударев, когда мы выйдем к своим? - думал Филиппов.

Петр и Виктор через полчаса вернулись и доложили, что никаких следов не обнаружили. Верстах в двух отсюда находится небольшое село; по-видимому, в нем есть люди. Они слышали собачий лай.

- Вы можете приказывать что хотите, а я отсюда никуда не пойду, заявил Рыбаков Филиппову. - Мы с Виктором должны узнать, что случилось с Ваней.

Филиппов с трудом поднялся с земли:

- Посоветуюсь с командиром.

И он пошел к Горских, решив предложить ему оставить здесь небольшую группу партизан для розысков Шменкеля. Филиппов решил возглавить эту группу.

- Тихо! - прошептал Букатин.

Между стволами мелькнула чья-то фигура. Кто-то полз по направлению к ним, таща что-то за собой. Ноша была, видимо, тяжелой, потому что человек двигался с большим трудом и громко вздыхал. Враг так не мог ползти.

Петр и Виктор, бросив автоматы, бросились к незнакомцу.

Шменкель с трудом поднял голову.

- А я боялся, что вы уже ушли... Пока этот осел... полицай пошел...

- Почему вы ушли без разрешения? Что вы тащите? - Филиппов говорил резко, но в то же время в его словах

чувствовалась радость.

Фриц сел на снег и проговорил:

- В мешке хлеб... картошка... всем хватит. Но я не могу больше идти...

Отдышавшись немного, Фриц рассказал товарищам, как пошел в деревню, встретил там полицая и стал объяснять ему, что он со своим подразделением связи тянет телефонный кабель по лесу. Их машина с продовольствием застряла где-то в снегу, и потому он должен срочно реквизировать продовольствие. Для пущей важности Фриц пригрозил полицаю своим пистолетом, в котором не было ни одного патрона. Полицай поверил, и все обошлось. Однако мешок оказался таким тяжелым, что в конце своего пути Фриц выбился из сил и еле дотащил его.

- Сами посудите, товарищ начальник штаба, разве далеко уйдешь, если не поешь. Разбуди я вас - вы бы меня никуда не пустили, - проговорил Шменкель, обращаясь к Филиппову.

- Во всяком случае, - начал Филиппов, но тут же закашлял. - Во всяком случае...

Шменкель не чувствовал за собой ни капли вины: ведь партизаны трое суток нормально не ели. Узнав, что Шменкель достал продукты, к группе подошел Горских. Он выслушал доклад со спокойной улыбкой, а потом заметил, что теперь нужно будет поскорее уходить отсюда, пока гитлеровцы в селе не сообразили, зачем какому-то немцу понадобились продукты. Командир приказал немедленно раздать хлеб бойцам. Картофель решили взять с собой, пока не появится возможность его сварить.

Шменкель сидел в сторонке и, стащив сапоги, массировал ноги.

- Вот оно что! - воскликнул Рыбаков, подходя к Фрицу. - Теперь я знаю, почему ты не бросил свои немецкие сапоги. Значит, ты давно еще это задумал?

- Точно, - ответил Фриц, не переставая растирать ноги. - Для солдата вермахта сапоги - самое главное. Они сразу бросаются в глаза. А если б у меня на ногах было что-нибудь другое, то мне даже того паршивого полицая и то ни за что на свете не удалось бы провести. Вот так-то! Ну а теперь я обую вот эти ботинки, в них удобнее идти.

Наскоро закусив хлебом, партизаны двинулись дальше на север. Время от времени Горских разрешал делать небольшие привалы. Разведчики в это время уходили вперед.

Вскоре разведчики доложили, что впереди лежащее село забито тыловыми частями вермахта, а это значит, что линия фронта совсем близко. В селе находится мастерская, где немцы ремонтируют свои подбитые танки.

И действительно, как-то ночью партизаны услышали отдаленный шум боя. Там, откуда слышалась артиллерийская канонада, был фронт. Временами канонада усиливалась, потом стихала. Партизаны, заслышав гул орудий, казалось, забывали о своей усталости.

- Наши перенесли ближе огонь артиллерии и минометов, - заметил Рыбаков. - Вот почему нас торопит командир. Слышите, как бьют "катюши"?

Партизаны частенько рассказывали Фрицу о мощи советских реактивных минометов. И теперь, вслушиваясь в сплошной грохот разрывов, Шменкель, как ни старался, не мог различить, где кончается один залп "катюш" и начинается другой.

Когда канонада смолкла, Горских сбавил темп марша и выслал вперед и в стороны разведчиков. Их возвращения ждали долго. Наступило утро, а разведчиков все не было. Когда они наконец появились, их сразу же окружили плотным кольцом.

Шменкель, который не мог быстро ходить, подошел к группе последним.

- Разведчики говорят, что немцы, по-видимому, отошли на новые позиции. Справа от нас - танковая часть и самоходки, слева - горит деревня, рассказал Фрицу Спирин.

- А впереди?

- Впереди - запасные позиции гитлеровцев.

Горских приказал двигаться по-прежнему в северном направлении до самой дороги, по которой непрерывным потоком тянулись вражеские машины.

Рассредоточившись, партизаны под прикрытием густого кустарника подползли к самой дороге.

Шменкель, догнав Рыбакова, прошептал:

- Дай-ка мне мой автомат, все-таки оружие, хоть и без патронов.

Взяв автомат, Шменкель пополз за группой Спирина. Вскоре партизаны ясно услышали немецкую речь.

Пользуясь паническим отступлением гитлеровцев, Горских хотел перейти линию фронта, но пока это не удавалось: партизаны в любую минуту могли наткнуться на вражеские окопы. Шум перестрелки постепенно стихал: видимо, части Красной Армии задачу дня выполнили.

Группа Виктора Спирина ползком приближалась к безымянной высотке. У ее подножия стояло несколько вражеских машин с заведенными моторами. За холмом слышалась ружейно-пулеметная стрельба, а несколько дальше стрекотал "максим".

Как опытный разведчик, Спирин сразу определил, что на высоте находится важный опорный пункт противника.

Через некоторое время между деревьями на склонах высоты замелькали немецкие пехотинцы. Вот к головному бронетранспортеру быстро подошел майор и сел на заднее сиденье. Машины мигом заполнились офицерами и солдатами.

Однако с высотки продолжали стрелять: значит, немцы оставили там заслон. Спирин перебежал через дорогу и знаком приказал партизанам следовать за ним.

Шменкель осмотрелся. Да, здесь, без сомнения, располагался важный опорный пункт противника. Майор и его люди, видимо, прикрывали отход своих частей. На позиции осталось трое немцев, Фриц хорошо видел их в бинокль. Один из солдат лежал за пулеметом. Полоса обзора и обстрела у него была прекрасная: на противоположном склоне высоты лес не рос. Окопы гитлеровцев местами были разрушены огнем советской артиллерии. На склонах высоты Фриц отчетливо различал неподвижные фигурки погибших солдат.

Слева горело село, ветер сносил шлейф черного дыма в сторону поля.

Оценив обстановку, Фриц пришел к выводу, что для немцев наступление русских не было неожиданным, так как гитлеровцы отступали организованно, не спеша, вот даже село не забыли поджечь.

Немецкий унтер-офицер, который остался вместе с двумя солдатами на высоте, то и дело заставлял их менять огневую позицию, перемещаясь вдоль траншеи.

"Если они и дальше так будут скакать по траншее, то русским ничего не останется, как накрыть высотку минометным огнем", - подумал Шменкель.

- Вперед! - негромко крикнул Виктор Спирин.

Партизаны вскочили и стали быстро приближаться к пулеметному гнезду с тыла. Унтер-офицера в мгновение ока разоружили, а пулемет повернули в сторону отступающих фашистов. Рыбаков, направив автомат на оцепеневших от страха солдат, приказал:

- Руки вверх! Давай живей! Войне капут!

Русский "максим" стал стрелять реже и вскоре смолк. Пленные гитлеровцы никак не могли прийти в себя и поверить, что война для них уже кончилась. Съежившись, они трусливо прятались в одной из больших воронок. Виктор и Фриц, орудовавшие у трофейного пулемета, не удержались от смеха.

Через несколько минут на вершине показался первый русский солдат. Спирин громко крикнул ему:

- Осторожней, браток! Здесь свои!

Вторым забрался на высотку молоденький лейтенант. Он не мог скрыть своего удивления. Ничего не понимая, он переводил взгляд с одного оборванного бородача на другого, которые взяли в плен трех гитлеровцев, обезвредили тяжелый пулемет и теперь стоят себе улыбаются. Но уже в следующий момент лейтенант бросился обнимать партизан.

Грузовик, в кузове которого сидели партизаны, то и дело останавливался: весеннее солнце растопило снег, и дороги стали непроходимыми. Фриц Шменкель и Михаил Букатин легли грудью на кабину водителя и жадно всматривались в даль.

В кабине рядом с водителем сидел полковой комиссар. У него было серьезное выражение лица и совершенно седые волосы. Комиссар предложил было Шменкелю ехать в кабине, но Фриц наотрез отказался, объяснив, что совсем здоров.

Партизаны с любопытством рассматривали местность, освобожденную от фашистов. Можно было стоять в полный рост и ничего не бояться. Яркое солнце, свежий ветер и подпрыгивающая

на дорожных ухабах трехтонка - все это еще больше поднимало настроение.

По прибытии в полк партизаны попарились в настоящей русской бане, им выдали чистое белье и чистые постели, уложили спать. Тыловики сделали все, чтобы партизаны как следует отдохнули. Шменкеля сразу же отправили в медсанбат, где ему по всем правилам перебинтовали обмороженные ноги и выдали мягкие валенки огромного размера.

Машина въехала в село. То тут, то там мелькали руины домов. Кое-где пепелища были расчищены, а на некоторых дворах уже виднелись стопки кирпичей. Две молодые женщины пилили доски.

- Мишка! - Фриц дернул товарища за рукав. - Посмотри-ка, здесь уже строят!

- А как же ты думал? Неужели так оставят?

Букатин чувствовал себя в некоторой степени проводником Шменкеля. Михаил сопровождал Фрица в Кислово, где Шменкелю предстояло рассказать о борьбе партизанского отряда и поделиться личными впечатлениями о боях в тылу врага. Полковой комиссар и два капитана с трудом уговорили Горских отпустить с ними Шменкеля на два дня. Они хотели познакомить бойцов и командиров полка с храбрым партизаном, немцем по национальности, который сражался против гитлеровцев. Букатин в душе гордился, что сопровождать Фрица командир назначил именно его.

Они миновали поле, на котором стояли подбитые немецкие танки, перегнали колонну солдат, переправились по временному мосту. Наконец показалось Кислово. Машина затормозила у одного из домов.

- Вот и приехали. Сейчас я покажу дом, где вы остановитесь, - сказал полковой комиссар.

Шменкель и Букатин пошли следом.

Это был большой крестьянский дом. Хозяева его ушли от гитлеровцев в лес и еще не вернулись. Поручив гостей попечению пожилого старшины, комиссар распрощался с ними. Обедали Шменкель и Букатин вместе с персоналом медсанбата, затем пошли прогуляться по селу. Все время их сопровождал старшина, иначе бы им, казалось, и не отбиться от любопытных расспросов.

- И чего они нам проходу не дают, будто людей никогда не видали? ворчал Букатин.

Фриц волновался, так как ему предстояло выступать перед бойцами, а времени, чтобы все спокойно обдумать, у него не было. После ужина комиссар пригласил их к себе. Жил он вместе с партизанами.

- Давайте выпьем за ваш героический отряд, - предложил комиссар.

Его загорелое, обветренное, с глубокими складками у рта лицо казалось очень усталым. Вскоре комиссар перешел к делу.

- Вы, товарищ Шменкель, неплохо говорите по-русски. Следовательно, переводчик вам не нужен. Митинг состоится завтра в здании школы. Ну как, выступите перед солдатами?

- Так точно!

- Я вам не приказываю, а прошу.

Седой комиссар внимательно посмотрел на Фрица. Казалось, своим проницательным взглядом он заглянул прямо в душу Шменкелю, который по возрасту годился ему в сыновья,

- Расскажите о немцах, о себе. Не волнуйтесь. Я сейчас объясню ситуацию. После тяжелых кровопролитных боев наша дивизия выводится в резерв для пополнения. От дивизии, собственно, осталась третья часть. Мой предшественник тоже погиб в бою...

Шменкель и Букатин понимающе кивнули.

- Дивизия заняла многие населенные пункты. Почти все они сожжены дотла. Наши солдаты всего насмотрелись. Мы видели трупы женщин и детей... После пополнения мы вновь будем воевать...

Комиссар перевел дыхание и продолжал:

- Мы говорим нашим солдатам, что кроме немцев, которых они видят в бою, есть еще и другие немцы, другая Германия. Немец, воюющий здесь, как небо от земли отличается от немца, который сидит в концлагере или борется против фашизма. Вот в этом вы и должны убедить наших бойцов, если, конечно, согласны.

- Я это сделаю, - ответил Шменкель.

Ночью Фриц долго не мог заснуть, обдумывая, что скажет бойцам.

Школа в Кислово была такая же, как в Вязьме. Шменкель вспомнил, как 27 ноября 1941 года он, ефрейтор Фриц Шменкель, стоял вот на таком же школьном дворе, где перед строем зачитывали приказ по вермахту, последний для него приказ.

Школьная мебель и здесь была почти вся сожжена. На доске висела географическая карта. Значит, занятия в школе уже начались. В коридорах и на дворе толпились солдаты и офицеры, многие из них были моложе Шменкеля.

Митинг состоялся в самой большой комнате. Все окна были распахнуты настежь, чтобы ораторов было слышно и во дворе.

Шменкеля и Букатина усадили в президиуме. Открыл митинг сам комиссар. Он коротко рассказал о боевом пути партизанской

бригады, в которую входил отряд "Смерть фашизму". В заключение комиссар сообщил собравшимся, что в ходе операции "Штернлауф", по предварительным данным, гитлеровцы уничтожили десять тысяч мирных советских граждан. В зале поднялся шум. Когда вновь наступила тишина, комиссар продолжал:

- Подробнее о борьбе советских партизан в тылу врага вам расскажет один из партизан. В партизанском отряде "Смерть фашизму" он находился больше года, участвовал во многих боях, его неоднократно отмечали в приказах, По национальности этот товарищ немец. Пожалуйста, Иван Иванович.

- Зовут меня Фрицем Шменкелем, но товарищи в отряде называют Иваном Ивановичем. Родился я в небольшом городке под Штеттином. По профессии рабочий. В партизанский отряд попал следующим образом...

Фриц рассказывал не спеша, отчетливо выговаривая каждое слово. Сначала все лица в зале сливались у него перед глазами, а воротник кителя казался обручем, сжимающим шею. Но постепенно Шменкель стал различать отдельные лица, внимательные и добрые, и голос его зазвучал спокойнее, слова полились сами собой. Иногда он не знал какого-нибудь русского слова, и тогда заменял его немецким. Шменкеля слушали внимательно, никто не перебивал. Он видел доброжелательные лица, и, даже когда говорил по-немецки, солдаты понимающе кивали, видимо, догадываясь, что он имеет в виду.

- Мне, сыну рабочего, - продолжал Фриц, - было легче, чем многим другим немцам, понять, почему в Германии пришел к власти фашизм. Я хорошо понимаю, что людей врагами делают не границы между государствами. К вам, товарищи, я перешел для того, чтобы бороться против фашизма.

После Шменкеля выступал политработник. Офицер был худой, высокого роста, а очки в массивной оправе делали его похожим скорее на кабинетного ученого, чем на военного. Шменкелю он чем-то напомнил Дударева. Говорил офицер тихо, и сначала Шменкель, возбужденный своим выступлением и разволнованный аплодисментами, которыми его наградили собравшиеся, мало что понимал из его слов. Солдаты согласно кивали, слушая политработника. Сидевший рядом со Шменкелем комиссар шепнул ему:

- Это лектор политуправления фронта. Он хотел с тобой поговорить.

Шменкель услышал, как лектор назвал его фамилию, и стал внимательнее.

- Наши победы на Волге и под Ленинградом, а также

ликвидация вражеской группировки под Ржевом окрылили сотни тысяч бойцов Сопротивления в оккупированных немцами странах. В партизанских отрядах сражаются русские, поляки, болгары, итальянцы, чехи, югославы, В партизанскую борьбу включаются целые части и соединения. Все это подчеркивает антифашистский характер войны. Мы боремся за свободу и независимость не только своей Родины, но и народов других стран. Советский Союз возглавляет борьбу всех антигитлеровских сил. И потому нет ничего удивительного, что в партизанские части и соединения переходят и немцы-антифашисты.

Голос лектора зазвучал громче. Обернувшись в сторону президиума, политработник продолжал:

- Товарищ Фриц Шменкель, которого в отряде называют Иваном Ивановичем, перешел на нашу сторону первым из немцев. Он перешел еще до битвы под Москвой, когда не только гитлеровцы, но и империалисты во всех странах считали, что Москва падет не сегодня-завтра. У Шменкеля есть последователи. Мы знаем сына рабочего Фридриха Майлера и врача Франца Хаберла, которые тоже перешли на нашу сторону и борются за освобождение немецкого народа бок о бок с советскими партизанами. И чем успешнее мы будем бороться против фашизма, тем больше немцев будет переходить на нашу сторону!

Окончив выступление, лектор подошел к Шменкелю и крепко пожал ему руку. От нахлынувших на него радостных чувств Фриц не смог произнести ни слова. Офицер обнял его.

С хорошим настроением покидал Шменкель Кислово. На обратном пути по дороге в Нелидово они узнали, что их отряд переместился на новое место, и догонять его пришлось на поезде.

Состав был сформирован преимущественно из порожних цистерн. Поезд шел на северо-восток. Шменкель и Букатин устроились в предпоследнем товарном вагоне. Стучали колеса, сквозь щели вагона врывался холодный, ветер.

- А не закусить ли нам? - предложил Шменкель.

В Нелидово им выдали на дорогу консервы, хлеб, табак и одну толстую свечку, а Михаил сумел даже наполнить где-то фляжку водкой.

- Выпей глоток, закуси консервами, а мне дай только кусок хлеба. Я еще не проголодался. Интересно, догоним ли мы Горских?

- А почему же не догоним? - Шменкель наполовину опустошил консервную банку и протянул ее товарищу. - Думаешь, их сразу же пошлют на фронт? Мне кажется, теперь каждого из нас спросят, где он хочет воевать - в партизанском отряде или же в регулярной части Красной Армии. Мне лично все равно. Я бы

остался с вами. Разумеется, я пойду туда, куда пошлют, лишь бы сражаться с винтовкой в руках. Сидеть на месте - это не по мне... Дай-ка, действительно, фляжку, надо немножко согреться.

- Мне тоже все равно, - сказал Букатин, - в отряд или в часть. Куда пошлют, туда и пошлют. А тебе могут и так сказать: "Товарищ Шменкель, для вас вооруженная борьба окончилась. Вы будете пропагандистом. Это не менее важное дело. К тому же вы немец, а немцев мы не можем посылать на фронт для борьбы против немцев же".

- Ты что, с ума сошел? - испуганно произнес Шменкель. - Тогда я вообще не буду говорить, кто я такой. Бойцов так много, что никто и не узнает обо мне. Тем более что у ваших бойцов встречаются фамилии, похожие на немецкие.

- Ты забыл про командира. Он-то знает, кто ты такой, а Филиппов человек закона. Солдатской книжки у тебя нет, да и вообще у тебя нет никаких документов. Нет, Иван, мне кажется, в отряд ты больше не попадешь.

Букатин задул свечку и добавил:

- Вот увидишь, я буду прав.

- Увидим. Наговорил ты много. А я надеюсь, что все будет иначе.

Но ни один из них не был прав.

Под утро эшелон прибыл в Калинин. На вокзале Букатин узнал, где находится сборный пункт. Там им сообщили, что отряд "Смерть фашизму" направлен в село Сатюковка. Их документы проверял старший лейтенант без одной руки, и Букатин просил его немедленно отправить их в Сатюковку. Однако вместо этого они попали к медикам. Доктор с гладкой, как шар, головой решительно направил их на медицинскую комиссию, и партизанам пришлось подчиниться.

Первым врач осматривал Букатина. Он долго выслушивал и выстукивал его, а в заключение сделал укол против тифа. Шменкель спокойно смотрел на все эти процедуры, так как по телосложению был крепче Букатина. Уколов он тоже не боялся.

Беда пришла, когда Фриц стал снимать сапоги. Увидев ноги Шменкеля, врач нервно сдвинул очки на лоб. Посыпались вопросы: где Шменкеля лечили, почему он еще не в лазарете...

Фриц объяснил, как было дело. Он горячо доказывал врачу, что во что бы то ни стало должен попасть в отряд, так как в командировку его послали всего лишь на три дня, и в конце концов проговорился, кто он такой. Врач удивленно вздернул брови. Затем он приказал сестре забинтовать Шменкелю ноги, а сам стал что-то писать.

- Не тратьте время попусту. Так и быть, в лазарет я вас не

положу, а вот в военный санаторий в Митино отправлю. Вам необходимо как можно меньше ходить и через день делать перевязку.

- Но я хочу на фронт. Я не могу из-за ног оставаться... Мой командир...

Врач не дал Шменкелю договорить:

- Ваш командир переживет это. Мы не имеем права так относиться к здоровью своих солдат. Я вам приказываю, и вы должны подчиниться. Сегодня в полдень отправляется эшелон. Вы с ним и уедете...

И вот Шменкель стоит на шоссе и машет вслед уходящему Букатину.

- Мы не забудем тебя, Иван. Напишем, обязательно напишем. А когда выздоровеешь, вернешься к нам, - утешал на прощание Букатин.

Однако слова его были малоутешительны для Фрица: отряд за это время могли снова перебросить за линию фронта.

Повалил густой снег. Щеки Фрица были мокры. Он прислонился к стене какого-то дома и закрыл глаза.

"Что скажет Петр, когда узнает, что он не вернулся в отряд. А Надя, а Виктор, а все остальные?"

* * *

- Иван! Иван Иванович!

Дверь, ведущая на террасу, хлопнула. В комнату вошла миловидная девушка:

- Так вот вы где? Я-то ищу вас по всему дому. Шменкель сидел у окна и смотрел на реку. Был ледоход. Пахло весной.

- Иван, у меня для вас сюрприз!

- Да?

Шменкель даже не повернул головы. Он следил за большой седой льдиной, которая медленно плыла по воде. Улыбка на лице Евдокии погасла. Обиженная, она хотела дернуть его за рукав, но сдержалась.

Встретились они несколько недель назад. Евдокия Андреевна знала Шменкеля еще по вадинским лесам. Познакомила их ее подруга Надежда, когда Дуся приходила в отряд "Смерть фашизму". С тех пор Евдокия заинтересовалась судьбой этого немца.

В санатории в Митино оказалось несколько человек из партизанской бригады имени Чапаева. Они часто собирались вместе и вспоминали былые бои.

Почти все свободное время Фриц и Евдокия проводили вместе. Не спеша бродили по лесу - Фриц еще не мог быстро ходить, вспоминали о своей жизни до войны.

Ева, так Фриц называл Евдокию, до войны мечтала стать педагогом и осталась верной своей мечте и сейчас. Говорила, что, когда кончится война, непременно станет учительницей. Она неплохо разбиралась в литературе, читала наизусть Пушкина, Гете, Байрона.

Однажды Евдокия, предложила Шменкелю:

- Будьте моим первым учеником. Я помогу вам научиться грамотно писать по-русски. Говорите вы по-русски неплохо, а вот пишете совсем неважно.

Но достать учебник русского языка в санатории не удалось, да и бумаги не было. Тогда Евдокия стала собирать старые газеты, заставляла Фрица читать статьи, а на полях - писать. Фриц занимался с огромным желанием и очень сердился на себя, когда делал ошибки. Особенно трудно давались ему склонения и спряжения, и это порой огорчало учительницу.

- Почему вы написали здесь слово "работа" в именительном падеже, надо писать "работу". Неужели это так трудно?

- Не понимаю я этого, - отвечал Шменкель, краснея. - Да и навыков к учебе у меня нет. Ведь я был сыном рабочего, и учили нас для того только, чтобы нами можно было повелевать, не больше. Господам вовсе не нужно, чтобы пахарь, идущий за плугом, был умнее своего быка.

- Извините меня, - смягчалась Евдокия, - я забыла...

- Вы по натуре романтик, Ева, и начитались Шиллера и Гейне.

- Я читала не только Гейне, но и Маркса, и Энгельса. - Ева спокойно смотрела на Шменкеля. - И я хорошо знаю, что дети рабочих могут наверстать все, что в свое время упустили. В том числе и вы, Иван. Для чего же тогда я, женщина, взяла в руки винтовку, как не для того, чтобы никто не смел превращать людей в зверей... Значит, пишем слово "работа" в винительном падеже - "работу".

После этого разговора Евдокия старалась понятнее объяснять Фрицу грамматические правила, но изучение языка у него шло все так же медленно, хотя занимался он с завидной настойчивостью. Старые газеты уже не удовлетворяли его, и он записался в библиотеку, брал книги по истории и географии, а однажды даже отважился прочесть роман.

Часто, читая, он вдруг задумывался, опустив книгу на колени, смотрел прямо перед собой. В такие минуты на лице его появлялось выражение такой печали и замкнутости, что никто не решался подойти к нему и заговорить...

Вот и сейчас раскрытая книга лежала перед ним, а он задумчиво смотрел на реку. Евдокия вспомнила, как горячо он говорил с ней вчера об этой книге, рассказывал, что еще в школе,

когда ему было четырнадцать лет, старый учитель прочитал им драму Клейста. Мальчишки, в том числе и Фриц, мало что поняли, и даже смеялись, хотя ничего смешного там не было. И вот теперь он читает "Войну и мир" и тоже ничего не понимает, как когда-то в школе.

Евдокия видела, как он читал, водя пальцем по строчкам и стараясь перевести прочитанное на немецкий язык. Фриц увлекся и даже не услышал, когда раздался звонок на ужин.

Не выдержав, Евдокия дотронулась до руки Фрица:

- Неужели вам не интересно, что я хочу сказать?

- Нет.

Шменкель повернулся и, заметив, что Евдокия огорчена, улыбнулся, чтобы не обидеть ее.

Он знал, что у каждого человека слишком много своих забот, чтобы еще заниматься чужими. Многие его знакомые в санатории писали домой и не получали ответов, а если и получали, то далеко не радостные. Так до него ли им, этим людям? Услышав по радио сообщение о том, что части Красной Армии освободили еще какой-нибудь город, больше всех радовались те, у кого там остались родные и близкие, но тут же рождалось беспокойство: живы ли они?

- Ну, хватит мировой скорби, - сказала Ева. - Есть решение свозить вас в Москву. Завтра утром уже будете там, а вечером пойдете в театр. Что вы на это скажете?

Евдокия думала, что Фриц очень обрадуется, а он только проговорил:

- Я еще ни разу в жизни не был в настоящем театре.

Но выражение его лица было таким, что она поняла: он приятно удивлен.

- А вы поедете со мной? - спросил Фриц.

- Нет. Едут только те товарищи, которые еще ни разу не были в столице, а я Москву хорошо знаю.

Евдокия не сказала, что это она предложила начальнику санатория повезти в Москву бойцов, которые никогда не были там. И сделала она это прежде всего, ради Шменкеля.

- А теперь идем! - она схватила Фрица, за руку. - В столовой сейчас составляют программу экскурсии. Вы тоже должны сказать, что бы вы хотели увидеть в Москве.

Что увидеть? В первую очередь, конечно, Красную площадь и кремлевскую стену...

В Москву они ехали на грузовике. Их вез сержант, который взялся быть экскурсоводом по столице.

В дороге сержант показывал установленные на подступах к Москве осенью сорок первого года противотанковые надолбы и

укрепления. Сержант сам был в те дни здесь, и потому рассказ его был ярким и достоверным.

В Речном порту они сделали небольшую остановку, посмотрели на пароходы, потом доехали до метро и там распрощались с водителем машины.

Очутившись в изумительно красивом метро, Шменкель забыл, что где-то идет война. С шумом проносились поезда, шли мимо люди. Бросалось в глаза только то, что женщин было больше, чем мужчин, и одеты все были в рабочее платье. Фриц жадно всматривался в лица людей. Они были усталыми, но не подавленными. Шменкель старался увидеть как можно больше. Выйдя из метро, он загляделся на здание станции и, наверное, потерял бы своих из виду, если бы не сержант.

И вот Шменкель стоит перед Кремлем, пораженный красотой и величием Красной площади. Купола Василия Блаженного, похожие на луковицы, были еще наряднее, чем на фотографии, которую показывал ему отец. Четкие контуры Спасской башни ясно вырисовывались на фоне светлого весеннего неба. Над зданием Верховного Совета развевался красный флаг. Перед воротами, ведущими в Кремль, неподвижно застыли часовые.

В отличие от обычного экскурсовода сержант начал свои объяснения не с рассказа об истории и архитектуре зданий, окружавших Красную площадь, а с событий ноября прошлого года. Гитлеровские генералы разглядывали тогда окраины Москвы в свои бинокли, их самолеты бомбили столицу, а Гитлер уже видел себя торжественно въезжающим в Кремль под бой барабанов и звуки фанфар. А вместо всего этого в годовщину Великого Октября на Красной площади состоялся парад частей Красной Армии.

- Немцы были так близко от столицы, - продолжал свой рассказ сержант, - что временами отчетливо слышалась их артиллерийская канонада.

- Ну и богатая же у тебя фантазия, - прервал сержанта капитан, говоривший с легким акцентом.

- Вон как?

Сержант покраснел и, забыв всякую субординацию, спросил:

- А где вы тогда были? Я, например, потому все это знаю, что участвовал в том параде, ехал в головном танке Т-34. Сразу с площади мы двинулись на фронт, в бой.

- Мы в это время пробивались из окружения, - ответил капитан.

"А я в то время находился еще на другой стороне", - чуть было не вырвалось у Шменкеля. Стоило ему закрыть глаза, как в памяти возникал образ долговязого гамбуржца, который у них в

батальоне каждый день переставлял флажки все дальше и дальше на восток.

- Когда мы построились для парада, - продолжал сержант, - пошел снег. Небо затянулось густыми тучами, и казалось, что наступает вечер. Снег мешал видеть площадь через смотровую щель танка. После парада наш командир сказал, что мимо трибун Мавзолея мы проехали в четком строю, как и положено было. На Подольском шоссе сильный ветер дул нам в спину. Мы радовались: значит, гитлеровцам он дует в лицо...

Уже не думая о своем прошлом, Шменкель внимательно слушал сержанта.

Со стороны улицы Горького навстречу им шла группа девочек-школьниц. Они держались за руки и громко смеялись. И только пестрая маскировка зданий напоминала, что где-то идет война.

У входа в универмаг висел репродуктор, перед ним толпились люди. Диктор говорил о высадке американских, английских и французских войск в Тунисе. Люди внимательно слушали диктора.

Шменкель спустился к набережной Москвы-реки, решив, что о высадке союзников прочитает завтра в газете. Сейчас было важнее увидеть Москву, в которой, кто знает, может, никогда больше не придется побывать...

В Митино экскурсанты вернулись поздно вечером. Евдокию Андреевну Фриц увидел только на следующий день за завтраком.

- Ну как поездка? Понравилось вам? В каком театре побывали? забросала она Фрица вопросами.

И, не дав ему ответить, снова спросила:

- Что вы купили? Привезли какую-нибудь новую книгу?

Шменкель развернул сверток, который лежал возле него на столе.

- Хотел вам показать после завтрака. Это путеводитель по Москве на немецком языке, он издан давно, лет пятнадцать назад. Я купил его у букиниста.

- Зачем он вам понадобился? - удивилась Евдокия. - Возьмите в библиотеке новый, на русском языке. Вы же прекрасно читаете по-русски.

- Я купил его для Эрны и детей - объяснил Шменкель. - Если они останутся живы...

"Боже мой, - подумала Евдокия, - никто не знает, куда нас забросит судьба".

- Да, чуть было не забыла, Иван, вчера вам пришло письмо. Сходите в канцелярию и получите его.

- Мне письмо? С полевой почты? Почему вы не захватили его

с собой? спросил Фриц, полагая, что письмо от Букатина или Рыбакова.

- Это заказное письмо, за него нужно расписываться.

- Простите меня, Ева.

Фриц встал и быстро пошел в канцелярию. Капитан, начальник канцелярии, читал газету. Увидев столь раннего посетителя, он нахмурился, но, узнав Шменкеля, приветливо улыбнулся.

- Прошу вас, садитесь. Я дам вам один документ, а вы вот здесь распишитесь. - И он подал Фрицу ручку.

Фриц прочел: "Настоящим удостоверяется, что ефрейтор Фриц Павлович Шменкель действительно сражался в партизанском отряде "Смерть фашизму", входящем в партизанскую бригаду Морозова, с 16 февраля 1942 года по настоящее время.

Начальник отдела кадров в/ч No 00129

Майор Н. Лузинин".

- Разрешите вопрос. Почему "сражался"? Почему в прошедшем времени? Разве я больше не числюсь в отряде?

Капитан понимал беспокойство Шменкеля.

- Видите ли, у вас нет документа, который удостоверяет вашу личность, вот эта справка и заменит его.

- Могу я идти? - спросил Фриц.

- Подождите. Скажите, как вы себя чувствуете?

- Отлично, товарищ капитан. Все в порядке.

И Фриц потопал несколько раз ногами, как бы доказывая, что совершенно здоров.

- Хорошо. Врачи тоже считают, что вы здоровы. И у вас никаких жалоб нет. Поэтому я могу выписать вам предписание. - И он достал из ящика стола чистый бланк. - Я направляю вас в штаб Западного фронта. С получением предписания поедете в Боровск и явитесь к начальнику отдела кадров.

Небольшой Боровск с низкими домиками и дощатыми тротуарами превратился в довольно крупный гарнизонный город, когда в нем расквартировался штаб партизанского движения Западного фронта. Теперь здесь на каждом шагу можно было встретить мужчин и женщин в военной форме. Все они имели прямое отношение к партизанскому движению. Без особого труда разыскав деревянный дом, где размещался отдел кадров, Фриц постучал в дверь с табличкой: "Подполковник К. Н. Осипов".

Получив разрешение, Фриц вошел в продолговатую комнату с двумя небольшими окнами, В углу стоял письменный стол, позади него на стене висело Красное знамя. За столом сидел офицер с посеребренной временем головой. Увидев Шменкеля,

офицер встал.

В углу комнаты разговаривали еще какие-то люди. Шменкель увидел погоны, которые недавно были введены в Красной Армии, и не сразу разобрался в званиях. У седоволосого офицера погон не было, вместо них - три шпалы на воротничке. Фриц догадался, что это и есть подполковник Осипов.

Отдав честь, Шменкель доложил о себе.

- Подойдите, - пригласил подполковник, откладывая в сторону папку с бумагами, которые он только что читал. - Фриц Павлович Шменкель, не так ли? - произнес он. - За мужество и самоотверженность, проявленные в боях против гитлеровских захватчиков, вы награждены орденом боевого Красного Знамени. От имени и по поручению Президиума Верховного Совета СССР вручаю вам эту высокую награду.

Подполковник достал из маленькой красной коробочки орден и ловко прикрепил его Шменкелю на грудь.

- Служу Советскому Союзу! - по-уставному ответил Фриц и через мгновение добавил: - Готов сражаться до полного освобождения моей родины от гитлеровского фашизма.

Осипов кивнул и сказал:

- Вы знаете, что написано на ордене Красного Знамени?

- Так точно. "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!"

Фриц много раз видел такой орден на груди у бойцов, но никогда и не предполагал, что сам получит эту высокую награду.

- Орден Красного Знамени был учрежден в 1920 году, - продолжал подполковник. - Им награждены многие иностранные товарищи, которые участвовали в борьбе против банд Колчака и Деникина, против войск интервентов.

Осипов улыбнулся:

- Мне было приятно познакомиться с вами, товарищ Шменкель. Желаю вам всего хорошего. А теперь вас ждут друзья.

Шменкель вздрогнул от неожиданности. К нему шли Дударев и Горских. Они поздравили его с наградой.

Шменкель, не выпуская из своей руки руку старшего лейтенанта, спросил:

- Как вы сюда попали, товарищ командир?

- Ждет в Боровске нового назначения, - ответил за Горских капитан Дударев. - Узнал, что вас наградили, и захотел при сем присутствовать. Какие же мы были бы командиры, если бы о таком не знали.

И капитан похлопал Шменкеля по плечу.

Вместе с ними Шменкель вышел на улицу. Дударев, сославшись на срочные дела, стал прощаться.

- Зайдите ко мне завтра, Иван Иванович, - пригласил он. -

Буду ждать вас в шестнадцать тридцать.

- Дай я хоть обниму тебя.

С этими словами Горских стиснул Фрица в объятиях.

- Ты даже не представляешь, как я рад тебя видеть. Это здорово, что мы вырвались из окружения. Но здесь скучно. Болтаюсь тут без дела, а наши ребята из других отрядов сражаются.

- А куда назначили наших? Где Петр?

- Рыбаков?.. Давай немного пройдемся.

И Горских пошел по улице.

- Понимаешь, когда Букатин вернулся в отряд и рассказал, что тебя послали в санаторий, Рыбаков той же ночью вдруг заболел. Он стал жаловаться на боли в животе, в голове, хотя выглядел, как всегда, здоровым. Мы, разумеется, сразу же послали его в медсанбат. Он ушел, и вдруг мне звонит врач из санбата, кричит, что я прислал к нему настоящего симулянта и что он никогда в жизни не видел человека здоровее. Скандал, да и только. И я понял, что твой друг захотел попасть в тот же санаторий, где и ты. Мы убедили его, что за такие штучки по головке не погладят, особенно в военное время. Рыбаков, конечно, признался, что вел себя несерьезно.

Здесь, за линией фронта, старший лейтенант показался Шменкелю моложе и гораздо общительнее, чем в тылу врага. Они посмеялись, хотя, по правде говоря, Шменкелю было вовсе не до, смеха.

- Прошел какой-нибудь час, и Рыбаков освободился от всех своих недугов, - рассказывал Горских. - А освободившись, сразу же решил вернуться к партизанам. Мы попробовали уговорить его не спешить, но он написал рапорт. Позавчера он с группой партизан вылетел в тыл врага. Эта группа, насколько мне известно, была выброшена где-то между Могилевом и Бобруйском.

Вот она, солдатская судьба! А Шменкелю так хотелось увидеть друга. Казалось, что Петр рядом, и Шменкель как будто снова слышал его голос: "Теперь война стала другой, мы будем двигаться только вперед, и придет время, Ваня, когда мы с тобой послужим в гвардейской части и вместе войдем в Берлин. Там будем вести пропагандистскую работу среди населения. Будем всем говорить, что мы, Петр и Фриц, братья, и пусть с нас берут пример".

Тогда, слушая друга, Шменкель рассмеялся, но, поразмыслив, понял, что он прав. А Петр летел на крыльях своей безудержной фантазии все дальше и дальше, "Твоей жене мы принесем цветы. Быть может, как раз будет лето, и мы насобираем громадный

букет. Я пожелаю ей счастья и расскажу, как однажды тащил тебя на себе. Летом, именно летом мы освободим твою родину", повторил еще раз Петр, глядя в окно, за которым бесновалась метель...

Горских увидел, что Шменкель загрустил, и, чтобы как-то отвлечь его от невеселых мыслей, начал рассказывать о других. Кого-то послали на фронт; тех, чье здоровье оказалось не ахти каким, направили в учебные подразделения; медсестра Надя работает в госпитале.

- Хорошая девушка, - продолжал Горских, - и очень терпеливая, никогда ни на какие трудности не жаловалась. Ведь она еще совсем молодая, в госпитале ей полегче будет. Да что это я, даже не спросил, как ты-то себя чувствуешь? Поправился?

- Конечно! Даже раздобрел на санаторских харчах. Да и незачем было меня туда посылать, кожа на ногах и без санатория наросла бы.

- Минутку. - Старший лейтенант остановился. - Я совсем забыл: ты ведь неравнодушен к обуви, так сделаем подарок для тебя.

Шменкель начал отказываться, но Горских и слушать его не хотел.

- Мы твои развалюшки заменим на отличные сапоги, в них ты завтра и явишься к Дудареву.

И Горских повел Шменкеля к бараку, в котором наводился склад. Однако сержант-кладовщик не хотел выдавать сапог без накладной.

- И не стыдно тебе, - укорял Горских кладовщика. - Я бы на твоем месте сквозь землю провалился. Человека наградили орденом, он должен идти представляться, а у него нет хороших сапог. Обменял бы ты его сапоги на новые, и дело с концом. А ты как собака на сене - ни себе, ни людям.

Шменкель потянул Горских за рукав, но тот и не собирался уходить.

- Не вмешивайся, я знаю, что делаю, К слову, если ты пробудешь здесь еще несколько дней, я помогу тебе встретиться с товарищами.

Кладовщик наконец принес новенькие яловые сапоги.

- Если же хотите хромовые или лаковые, - не удержался сержант, обратитесь к командующему фронтом, потому что я вам таких выдать не могу...

- Хорошо бы встретиться с ребятами из бригады имени Чапаева, - заметил Шменкель, примеряя сапоги. - Что со мной будет дальше, я вообще не знаю. Мне еще нужно зайти в штаб, получить деньги, целых две тысячи пятьсот рублей. В отделе

кадров объяснили, что это единовременное пособие. А зачем оно мне, товарищ командир?

Горских пожал плечами:

- Такими суммами сейчас не бросаются. Раз дают, значит, нужно.

Сапоги оказались Шменкелю как раз впору.

- У меня глаз верный, - засмеялся кладовщик, когда Шменкель начал благодарить его. - Чем богаты, тем и рады. Носи на здоровье, солдат!..

- Пожалуй, пора и пообедать! - решил старший лейтенант, когда они вышли на площадь. - После обеда я провожу семинар, а ты пойди к своему капитану.

Шменкель все еще думал о деньгах.

- Конечно, они выписаны не без помощи Дударева. Возможно, он пошлет меня разведчиком в какой-нибудь партизанский отряд. Но только зачем мне деньги за линией фронта?

- Дударев? Вполне возможно, ведь он и сейчас занимается разведчиками. Это его работа. Если не ошибаюсь, он до войны работал в НКВД, в Батурино. А сейчас, кажется, занимает более ответственный пост, чем у нас в бригаде. Я думаю, что у него нет времени лично беседовать с каждым разведчиком, но тебя...

Горских неожиданно замолчал, словно спохватившись, что сказал слишком много.

- Не ломай голову, Иван Иванович. Просто капитан по старой памяти хочет по-дружески поговорить с тобой.

- Проходите, Иван Иванович. Садитесь, сейчас нам чайку принесут.

Дударев показал на старое кожаное кресло наискосок от письменного стола.

Капитан сел и положил руки на стол. Разговор, видно, будет долгим.

- Сначала у меня к вам один вопрос. Где вы были 31 января? Я ведь вам приказал явиться ко мне, не так ли?

- Я прикрывал огнем отход отряда. Начальник штаба товарищ Филиппов разрешил мне остаться.

- Так, значит, он вам разрешил...

Тем временем ординарец принес чайник, поставил на стол две кружки. Когда он ушел, Дударев продолжал:

- Ну вот видите, мы вас все-таки разыскали. Чем думаете теперь заниматься?

Шменкель понимал, что от ответа в какой-то степени будет зависеть его судьба.

- Прошу как можно скорее отправить меня на фронт или в партизанский отряд. Готов выполнить любой приказ, - ответил

Шменкель.

- Другого ответа я и не ожидал. Но мне кажется, вам нужно немного подучиться. Мы предлагаем вам остаться ненадолго в тылу, например в Москве.

Фрицу вспомнились опасения Букатина. Неужели Михаил был прав?

Фриц встал по стойке "смирно".

- Я солдат, товарищ капитан. Мое место в отряде.

- Вы, наверное, думаете, что с противником можно бороться только оружием?

В глазах Дударева появились характерные смешинки.

- А разве я не хотел бы стать разведчиком в части, действующей на фронте? А оказалось, что я должен заниматься работой, результаты которой бывают видны не сразу... Садитесь, курите. Думаю, вам будет полезно, если я кое-что зачитаю из вашего личного дела.

Капитан взял самую верхнюю папку из стопки, приготовленной, видно, заранее. Фриц сразу же узнал эту папку. Ее вчера листал подполковник Осипов, перед тем как прикрепить ему на грудь орден Красного Знамени.

- Слушайте меня внимательно. Вот что пишут о вас комиссар и последний командир отряда: "Шменкель был активным участником большинства боевых операций. Ему всегда поручались самые ответственные и опасные задания, и он прекрасно справлялся с ними. Во многих операциях он выступал под видом немецкого офицера и своими умелыми действиями способствовал успешному проведению операций".

Дударев перелистал несколько страниц и продолжал:

- "По мнению командиров отряда и бригады, а также по рассказам бойцов, Фриц Шменкель зарекомендовал себя как чрезвычайно смелый, мужественный и самоотверженный боец, показывающий пример другим партизанам". Этот документ подписан начальником штаба партизанского движения Западного фронта и членом Военного совета фронта. Вот о вас пишут товарищи, Иван Иванович. Они вас хорошо знают. Вот еще один документ: "Товарищ Шменкель политически грамотен, в состоянии правильно разобраться в международном положении, понимает истинные цели захватнической политики фашистов".

Когда капитан закрывал папку, из нее выпал небольшой листок, который Фриц сразу же узнал. Это была его расписка в получении денег. Капитан вложил расписку в дело и положил его на старое место.

- Не смущайтесь, Иван Иванович, и не удивляйтесь. Это очень важные характеристики. Как видите, в них говорится одно и то

же. Из этих документов видно, что вы, Иван Иванович, заслуживаете большего, чем быть простым разведчиком. Понимаете?

- Да, товарищ капитан.

На самом деле Фриц понял только то, что начальники дали ему хорошую характеристику, и только. Но он не понимал, почему должен оставаться в тылу сейчас, когда фашистов гонят на всех фронтах.

Дударев налил в кружки чай, потом вынул из ящика стола пачку махорки.

- Лучшего пока ничего нет. Давайте закурим. Вы когда-нибудь думали о войне вообще, в широких, так сказать, масштабах?

- В Митино мы целыми днями только об этом и говорили. Это интересует всех солдат.

- А мы с вами поговорим об этом сейчас отнюдь не с точки зрения солдата.

Капитан откинулся на спинку стула, лицо его было сосредоточено.

- От дальнейшего продвижения советских войск будет зависеть исход всей войны даже в том случае, если наши союзники наконец решатся высадить свои войска в Европе. За последние два года мы многому научились - не только с точки зрения налаживания взаимодействия и тактики, но и с точки зрения изучения психологии противника. Фашисты делали ставку на молниеносную войну, а мы реально оцениваем силы сторон. Враг еще достаточно силен и коварен. Сталинград явился для нас поворотным пунктом.

- Это верно, - согласился Шменкель, с благодарностью вспомнив Евдокию Андреевну, которая приучила его читать газеты. - Я знаю об этом из газет. Противник уповал на безвыходность положения советских войск.

Дударев кивнул:

- Говорите, говорите. Хочу знать, как вы себе представляете общую ситуацию.

Шменкель задумался: стоит ли говорить о том, что ему и теперь жаль десятки тысяч напрасно погибших под Сталинградом немецких солдат. Поймет ли его капитан? Фриц поднял голову, и их взгляды встретились.

- Я хорошо понимаю, что ни Гитлер, ни Геринг, ни Кейтель никогда не прикажут целой армии или даже взводу сдаться в плен. Генералы будут заставлять солдат бороться до последнего. Разве солдаты и унтер-офицеры сами захотят идти на верную гибель?

- Мы вовсе не хотели этого кровопролития, - губы капитана

стали жесткими. - Немецкие имигранты, антифашисты и пленные не раз обращались по радио к окруженным с призывом сложить оружие, так как иного выхода у них нет.

Дударев вылил себе в кружку остатки чая и выпил его несколькими глотками.

- Я уполномочен, товарищ Шменкель, - начал он неожиданно, - поговорить с вами об одном спецзадании. Мы хотим забросить вас в тыл врага месяцев на восемь - десять. Переодевшись в форму гитлеровского офицера, вы будете самостоятельно действовать в тылу противника. Вы уже не будете Иваном Ивановичем... О ваших способностях мы говорили, и я думаю, что такое задание, очень и очень ответственное, полностью совпадает с вашим желанием. Чем успешнее действует наша разведка, тем успешнее будут действовать наши войска, и тем меньше жертв будет с обеих сторон. Задание трудное и опасное. От вас потребуются выдержка, хладнокровие и самообладание. Вы будете действовать как офицер вермахта. От вашего поведения зависит и ваше влияние на немецких солдат.

Несколько секунд в комнате было тихо. Только с улицы доносились чьи-то голоса.

- Товарищ капитан!

Шменкель подался вперед и, опустив глаза, проговорил:

- Боюсь, что не справлюсь с таким заданием.

- Почему не справитесь? У вас будет достаточно времени для подготовки. Или вы просто боитесь?

- Нет. Опасности я не боюсь.

Голос Шменкеля стал твердым. Он посмотрел Дудареву прямо в глаза.

- Мне кажется, вы переоценили мои способности. Если я пойду туда...

Он подыскивал подходящие слова, но не мог найти. Все, что было раньше, показалось маленьким и незначительным, то, что предстояло сделать, было огромным и трудным. Почему капитан и другие начальники вдруг решили, что он способен на такое? Мысль о том, что он вновь окажется у фашистов, была неприятной.

- Надо ли так долго раздумывать? - спросил Дударев.

Он смотрел на Фрица так, словно хотел прочесть его мысли.

- Вы принимали присягу и клялись, что будете сражаться за освобождение своей родины и, не щадя жизни, помогать Красной Армии. Я не стану зачитывать текст присяги, до сего дня вы делали все, что она требовала. Но сейчас я должен услышать: готовы ли вы выполнить очень важное задание командования? Да, вы сделали много, но достаточно ли этого для немецкого народа?

Вы должны бороться за то, чтобы скорее закончилась война и тысячи ваших соотечественников остались живы.

Оба молчали. Дударев встал и заходил по комнате, заложив по привычке руки за спину. Он вспомнил, как познакомился со Шменкелем, как узнал и оценил этого храброго разведчика, готового выполнить любое задание.

- Подумайте хорошенько, не спешите, вас никто не подгоняет, проговорил после паузы капитан. - А когда все обдумаете, скажете, что вас беспокоит. Конечно, предложение несколько неожиданное. Но я верю, что если не сегодня, то завтра вы придете к правильному решению.

- Я уже решил. Я согласен.

- Но... - Дударев остановился у стола.

- Фома Павлович!

Неожиданно для себя Фриц назвал капитана по имени и отчеству.

- Я пойду туда, но сердце мое останется здесь...

Капитан тепло улыбнулся:

- Нет! Только тогда вы сможете выполнить задание, когда ваше сердце будет с вами. К нам в партизанский отряд вы пришли и с сердцем и с разумом. Единственное, чего мы требуем от вас, - это научиться управлять своими чувствами.

Капитан вернулся к столу, сел и уже официальным тоном продолжал:

- Перейдем к делу. Приказ получите от меня. В Москве вам выдадут гражданский костюм, белье. Деньги у вас есть, необходимые документы будут.

Капитан рассказал Шменкелю, к кому он должен обратиться в Москве, сказал, что несколько дней Фриц проведет в Боровске.

- Старший лейтенант Горских говорил мне, что организует встречу партизан из Чапаевской бригады. Пойдите на эту встречу, там ваши друзья. Желаю весело провести время. Есть вопросы ко мне?

- Если разрешите, один. Я знаю, что в Москве живут немецкие коммунисты. Можно мне встретиться с ними?

- Можно, но нежелательно. Лишние знакомства только осложнят выполнение вашей задачи. Запомните одно: о вашем задании известно только вам и мне, да еще товарищам, которые будут вас готовить. Для всех остальных это тайна. Говорите, что вас посылают на какие-то курсы, и только. Ясно?

- Так точно, товарищ капитан.

Шменкель встал. Прощаясь, капитан протянул ему руку, крепко пожал.

- Мы еще увидимся...

* * *

И снова наступила зима, третья по счету, после того как фашисты напали на советскую землю. Даже в самолете к запаху бензина и металла примешивался запах снега. Тяжелый самолет сделал пробег по взлетной полосе полевого аэродрома и оторвался от земли. Шменкель на Миг увидел в иллюминаторе огоньки взлетно-посадочной полосы, потом их поглотила темнота.

Рядом с Фрицем сидела радистка, напротив - два врача и пропагандист. Необходимое снаряжение, медикаменты и аппаратура находились в фюзеляже самолета. Весь багаж Шменкеля уместился в маленьком свертке. В непромокаемом пакете были форма гитлеровского офицера и документы, которые наполовину нужно было заполнить на месте в зависимости от обстановки.

- Надеюсь, они выбросят нас в нужном месте. Только бы не на воду, проговорила радистка, которая на аэродроме назвалась Любой. - Если что упадет в болото - считай пропало. Так нас учили. А попробуй в такой тьме разберись, где болото, а где нет.

Самолет набрал нужную высоту и лег на курс. Моторы монотонно гудели.

- Земля наверняка как следует не промерзла. Через два дня Новый год, а настоящего мороза, этак градусов на двадцать, еще ни разу не было. Интересно, почему так поздно приходят морозы? - ни к кому не обращаясь, говорила девушка, высунув свой курносый нос из воротника.

- Меня больше интересует, зачем тебя такую посылают к партизанам, проговорил один из врачей, - если ты не научилась держать язык за зубами.

- За меня можете не беспокоиться, товарищ военврач, - отрезала радистка и крепко сжала свои еще по-детски пухлые губы.

Несколько минут она молчала, но потом не выдержала и обратилась к Шменкелю:

- А разве я не права?

- Не бойтесь, все будет в порядке, - успокоил ее Фриц.

Ему вовсе не хотелось разговаривать. В мыслях он прощался с теми местами, над которыми сейчас летели. Где-то под ними, северо-восточнее Вадино, раскинулись леса. И хотя Шменкель чувствовал, что вряд ли судьба еще раз забросит его в эти края, он знал, что места эти с их сожженными деревеньками навсегда останутся в его памяти. 19 сентября по радио передали, что Ярцево и Духовщина освобождены частями Красной Армии. Шменкеля очень обрадовало это сообщение. Он вообще с

большим вниманием следил за освобождением Смоленской области, может быть, с большим даже, чем за ходом битвы под Курском. Он, конечно, прекрасно понимал, что Курская битва имеет огромное значение для кода войны, однако все, связанное со Смоленском, будило в нем глубоко личное и потому особенно волновало.

Еще в Москве Шменкель однажды встретился с Филипповым, Петр Сергеевич выглядел отдохнувшим. Оказалось, что он в отпуске, до отъезда на фронт осталось два дня. На нем была офицерская форма с новенькими погонами. Бывший начальник штаба внимательно оглядел Шменкеля, одетого в гражданский костюм, а после этого сказал, что немецкие антифашисты, находящиеся в Красногорске, создали национальный комитет "Свободная Германия", который посылает своих уполномоченных на различные участки фронта, и он, Филиппов, уверен, что Иван Иванович - сотрудник этого комитета. Фриц покачал головой, умолчав, разумеется, о своем задании. В школу он тогда вернулся в приподнятом настроении, хотелось написать заявление с просьбой поскорее послать его на задание, но он сдержал себя.

Наконец в декабре пришел долгожданный приказ. Услышав слова "Белоруссия" и "группа армий "Центр", Шменкель удивился, как это он раньше не догадался, что его место именно там. Германское верховное командование и генерал-фельдмаршал Буш, под командованием которого находилась группа армий, все еще рассматривали эту оперативную группировку, создавшую белорусский выступ, как главную силу, которую при благоприятной ситуации можно использовать для прыжка на советскую столицу. При этом фашистское командование планировало задействовать всю группировку. И это в то время, когда партизаны в Белоруссии контролировали более шестидесяти процентов территории республики и отдельные части вермахта, сами того не ведая, находились под контролем партизан.

Убежденный в важности порученного ему задания, Шменкель в течение нескольких недель тщательно готовился к нему, разыгрывая самые различные варианты.

Сейчас, сидя в самолете, он снова вспомнил события последних недель, чтобы окончательно отключиться от них и начать новый этап в своей жизни.

Из кабины пилота вышел капитан, который отвечал за их выброску.

- Проверить парашюты! - приказал он. - Только что перелетели через Днепр.

Все прекрасно поняли, что он хотел сказать: по Днепру

проходила линия фронта, растянувшись на тысячу двести километров.

Капитан еще раз повторил порядок десантирования. Первым прыгал политработник, за ним - Шменкель, потом - радистка, последними - врачи.

Минут пятнадцать самолет, снижаясь, летел на северо-запад. По сигналу Фриц встал за политработником. Посмотрел на часы. Пилот уже минут пять летел по курсу, видимо желая лишний раз убедиться, что находится над нужным квадратом.

Снова появился капитан и открыл дверь. Тугая волна холодного воздуха ворвалась в самолет. Моторы работали на малых оборотах. Вдруг Шменкель услышал команду: "Пошел!" Политработник, зацепив карабин своего парашюта за крюк, исчез в отверстии люка. Фриц бросил последний взгляд на капитана и, согнувшись, с силой оттолкнулся. На курсах ему не раз приходилось прыгать.

Купол парашюта раскрылся над ним. Кругом царствовала тишина ночи, самолета уже не было слышно. Внизу под собой Фриц видел огонь в форме креста, который приближался с каждой секундой... Мягкий пушистый снег смягчил удар при приземлении.

Все приземлились благополучно. На подводе их привезли в село, занятое партизанами. Ночь новички провели в крестьянской избе.

Строгая воинская дисциплина царила в лагере, где их ждали. Часовой проводил Шменкеля в маленькую избушку, где у окна стоял невысокого роста старший лейтенант, сложив руки на груди. Шменкель доложил о своем прибытии.

- Значит, это вы Иван Иванович?

- Так точно, - ответил Фриц, а сам подумал, что ему совсем недолго осталось носить это имя.

- Садитесь, - предложил офицер.

Он сразу же перешел к делу.

- Много говорить не будем. Могу только сказать, что первая часть подготовки прошла хорошо. Мы уже знаем, под какой фамилией вы будете действовать. На днях, я думаю, станет известно, где вам целесообразнее всего появиться у немцев. Сначала вы встретитесь со связным подпольного райкома, через него и будете поддерживать связь с нами,

- Это для меня новость, - удивился Шменкель.

Старший лейтенант оперся подбородком на руку, на лбу его собрались морщины. Чувствовалось, что он чем-то обеспокоен.

- С подобным заданием вы сталкиваетесь впервые?

- Да. Но я немец, следовательно, подготовлен и практически,

и теоретически.

- И все же первый раз - это первый раз. Я, например, тоже впервые занимаюсь таким делом. Маленькие упущения - самые досадные и опасные, не так ли? А они всегда возможны.

- Вы правы, - ответил Шменкель.

- Если у меня будет время, хотя бы несколько дней, я выучу по карте основные места дислокации партизанских отрядов.

- Такие сведения будут лишь обременять вас.

- Напротив. Непредвиденная ситуация может заставить меня искать контакт с партизанами немедленно. А представьте себе, что я натолкнусь на группу немецких солдат, которые захотят добровольно выйти из войны. Их будет лучше всего передать какому-нибудь партизанскому отряду.

- Гм!

Старший лейтенант внимательно посмотрел на Шменкеля.

- Вы ставите перед собой слишком много задач.

- Это входит в мои обязанности.

- Разумеется. Все необходимое вы получите. Пока находитесь в этом лагере, вы подчинены мне лично. Чтобы не было ненужного любопытства.

Изучение партизанских карт для Фрица было делом нетрудным. Старший лейтенант, постоянно присутствовавший при этом, многое подсказал. Оказалось, что до войны он был партийным работником, потом сотрудником госбезопасности, а в партизанский отряд попал год назад.

- Охотнее всего я пошел бы вместе с вами, - признался Фрицу старший лейтенант.

Прошла первая неделя января, и однажды офицер пригласил Шменкеля к себе поужинать.

- Все в порядке! - оживленно воскликнул он. И деловито добавил:

- Недавно вернулись наши разведчики. Сейчас вы услышите их.

У калитки послышались чьи-то быстрые шаги.

- Идет командир отделения разведчиков. Он будет сопровождать вас на место назначения. Это самый лучший наш разведчик, человек, на которого во всем можно положиться.

Шменкель отошел в сторону, чтобы уступить место разведчику, и вдруг замер от неожиданности: через порог шагнул Петр Рыбаков...

Под вечер подул холодный ветер. После двух дней пути усталость давала себя знать. В темноте они пересекли шоссе. Дальше, километров через десять, Рыбаков нашел небольшую лощинку, в которую ветер надул сухих прошлогодних листьев.

Расположились на привал до утра. Взяв с собой одного разведчика, Рыбаков осмотрел окрестности и выставил дозорных.

Замерзшие голые деревья стонали под ударами ветра, по небу плыли тяжелые облака.

- Погодка не ахти какая, - пробормотал Рыбаков, укладываясь на землю рядом со Шменкелем. - Своих шагов и то не слышно. Но воздух чистый. Положив голову на руки, он закрыл глаза.

Шменкель смотрел на его лицо. Его радовало, что они снова встретились. В комнате старшего лейтенанта Петр ничем не выдал, что знает Фрица, только в глазах его вспыхнули радостные искорки. Рыбаков боялся, что, если он выдаст себя, его не пошлют проводить Фрица.

На первом же привале они забросали друг друга вопросами: "А знаешь...", "А помнишь...". Но времени для разговоров было мало. Когда шли, Рыбаков находился или в голове цепочки, состоявшей из шести человек, или в хвосте, а во время коротких привалов отдыхал. Ему был дан строгий приказ вести группу так, чтобы она не встретилась случайно с каким-нибудь партизанским отрядом или разведчиками из других частей. Петр вел свою группу вдоль железнодорожной линии совсем рядом с фашистскими передовыми отрядами. Враги даже не могли предположить, что здесь, так близко к ним, могут быть чужие.

Разведчики осторожно шли от одного ориентира к другому, и все время Шменкель был под их надежной защитой...

- Поспи, Ваня, - сказал Рыбаков другу, прикрыв его полой своего маскхалата.

- Не спится.

- Ничего удивительного, такой ветер. Жаль, курить нельзя. Хочешь согреться? В моей фляжке осталось кое-что с Нового года.

- В лесах под Вадино ты не был таким экономным, - улыбнулся Шменкель и отстранил фляжку, которую ему протягивал Петр. - Я слышал, тебя приняли в партию, хотя Горских об этом ничего не рассказывал. Правда это?

- Да, приняли. В августе подал заявление, а потом мы побывали в таких переделках, что фашистам жарко стало. Почти каждую ночь где-нибудь подрывали железнодорожное полотно. Вот когда я им отомстил и за наше окружение, и за гибель товарищей. А теперь гитлеровцы сами попали в тиски под Смоленском. Мы вывели из строя около сорока процентов их коммуникаций. Если бы это от меня зависело, я сделал бы так, чтобы к ним больше ни одного патрона не подвезли.

- Так ты из-за злости на фашистов вступил в партию?

- Чепуха! - Рыбаков сдвинул шапку на затылок и бросил недовольный взгляд на луну, которая вышла из-за туч и теперь

заливала местность своим призрачным светом. - У нас было столько работы, что мы буквально с ног валились от усталости. Однажды я на станции чуть было не попал в лапы фашистского дозора. И причем белым днем. Спас меня штабель досок, за которым я спрятался. Сижу там и думаю, найдут меня или нет. А еще подумал о том, что легкомысленный я все-таки человек. С партизаном в любую минуту может что-нибудь неожиданное произойти, с разведчиком - вдвойне. Может, завтра я буду болтаться где-нибудь на фашистской виселице. И что я отвечу, если перед смертью меня вдруг спросят: коммунист я или нет. Как подумал, что должен этим фашистским бандитам сказать "нет", так сердце у меня кровью облилось.

Большое облако набежало на луну, и лес растворился в полумраке. Рыбаков прислушался, а потом продолжал:

- Вот там, сидя за штабелем досок, я и решил вступить в партию, чтобы мне не стыдно было умирать. Если придется, конечно. Как ты думаешь, Иван, правильно я поступил? Почему ты молчишь?

- Ты поступил совершенно верно. Я тоже...

Шменкель вдруг замолчал, понимая, что не имеет права сказать Петру о том, что, если бы не Дударев, он разыскал бы в Москве немецких коммунистов и тогда...

Петр истолковал его молчание по-своему.

- Глупо, что я раньше не стал коммунистом, - продолжал Рыбаков. - Мы завтра расстаемся с тобой, но у меня такое, чувство, что мы оба будем действовать рядом.

Фриц согласно кивнул, хотя Петр в темноте все равно не мог его видеть.

- Знаешь, о чем я сейчас думаю? Жить и работать и знать, ради чего ты живешь и работаешь, - это уже праздник.

И Фриц напомнил Рыбакову, как летом сорок второго года они в партизанском отряде слушали по радио выступление товарищей Вильгельма Пика, Вальтера Ульбрихта и других руководителей Коммунистической партии Германии, которые вместе с немецкими антифашистами организовали национальный комитет "Свободная Германия".

- Видишь ли, - удовлетворенно начал Рыбаков, - будущее, о котором мы столько мечтали, так сказать, началось. На севере и на юге фашистов гонят, это у нас здесь пока тихо. Однако, мне кажется, немцы уже о чем-то догадываются: они стали подозрительно подвижны. Уж не хотят ли окопаться в Белоруссии?..

В этот момент откуда-то издалека донесся грохот взрыва. Рыбаков мигом вскочил на ноги, сорвал с головы меховую шапку

и, приложив руку к правому уху, стал жадно вслушиваться. Раздалось еще три взрыва, но уже дальше.

- Это мне не нравится, - проговорил Петр. - Совсем не нравится. Кто-то из наших устроил подрыв. Я наши мины из сотни других узнаю. Готов поклясться, что это подрывали железнодорожный мост, по которому мы вчера проехали. Не могли выбрать другой ночи. - И он натянул шапку на голову. Вперед! Быстрее вперед, хватит спать!

Мимо прошли дозорные. Рыбаков о чем-то тихо переговорил со своим заместителем, затем группа сменила направление движения. Петр хотел как можно дальше уйти от железнодорожного полотна, сделать крюк, а потом снова выйти на намеченный маршрут. Он торопил. Бойцы шли быстро, но, даже несмотря на это, мерзли.

С рассветом ветер утих. Солнце, едва успев показаться из-за кровавого горизонта, скрылось в сером тумане. Стало чуть теплее. Рыбаков развернул карту, нашел на ней небольшую полянку, где они могли передохнуть и пересидеть день. Восточнее лежал лес, а за ним - открытое поле. Рыбаков выслал в том направлении дозорных. Другой парный дозор должен был проконтролировать маршрут, с которого они сошли. Только после возвращения дозорных и их доклада Рыбаков разрешил развести небольшой костер, чтобы разогреть на нем консервы и вскипятить чай.

Шменкель чувствовал, что все это делается, собственно говоря, ради него. Он наотрез отказался есть мясо первым и притронулся к еде только тогда, когда наелись другие разведчики.

- Разбуди меня через часок, - попросил Петр своего заместителя после чая и улегся спать.

Согревшись, Фриц тоже захотел спать. Он задремал, а когда проснулся, то увидел у костра сменившихся дозорных, которые доедали свои порции.

Вскоре к костру подошел Рыбаков и сказал:

- Заканчивайте скорее, товарищи! Кажется, нам пора отсюда убираться.

Неожиданно откуда-то издалека послышался отчетливый шум моторов. Потом стало тихо, но тишина эта была подозрительной. Бойцы молча переглянулись и взялись за оружие. Через несколько минут появился дозорный и доложил:

- Фашисты с овчарками. Проехали на трех грузовиках. Похоже, собираются прочесывать лес.

- Только этого нам не хватало, черт бы их побрал! - выругался Рыбаков.

И, секунду подумав, приказал:

- По тому же пути - бегом назад!

И вдруг Шменкель крикнул:

- А огонь! Костер!

И сбросил с плеч свой рюкзак.

- Тушить уже поздно. А что у тебя в рюкзаке?

- Форма гитлеровского лейтенанта.

- Проклятие!

Петр посмотрел в сторону, откуда мог показаться противник, потом сапогом сгреб горячие уголья в кучку.

- Бросай скорее свои тряпки!

Шменкель бросил свой сверток в огонь и побежал за разведчиками. Оглянувшись, он увидел, как языки пламени лизали сверток с формой. С противоположного берега ручья доносились чужие голоса.

Пробежав некоторое расстояние, разведчики остановились.

- Чего остановились? Вперед! - крикнул Рыбаков.

Но его заместитель покачал головой:

- Там конники, эсэсовцы.

- Может, ты еще скажешь, что и танки там есть? - удивился Петр.

- Конники, вон оттуда, - повторил боец.

Разведчики понимали, что свободной остается лишь небольшая брешь и она будет сокращаться по мере подхода преследователей. Партизаны ждали, что скажет Рыбаков.

Петр посмотрел сначала на Шменкеля, потом на разведчиков.

- Задания нам сегодня не выполнить. Сейчас самое важное - сохранить жизнь нашему товарищу. Приказываю: двоим остаться здесь и огнем отвлекать на себя внимание. Учтите, что эсэсовцы нас пока не видят. Огонь по ним открывать только в крайнем случае.

От группы отделились два партизана и тотчас залегли за кустами. Остальные молча двинулись за Рыбаковым. Петр шел тем же путем, которым они добирались сюда. Несколько минут было совсем тихо. Не верилось, что в лесу где-то рядом противник. Шменкель шел посреди цепочки, стараясь не думать о тех двоих, что остались в засаде, чтобы прикрывать отходящих огнем.

Пройдя метров триста, разведчики остановились. Здесь Рыбаков оставил еще двоих. Шменкель и Рыбаков остались одни.

Они выбежали на просеку, в конце которой были навалены деревья. Добежав до них, Фриц и Петр спрятались среди стволов, немного отдышались. Бешено колотилось сердце. Со стороны доносились ружейные выстрелы.

- Ловушка захлопнулась, - прошептал Фриц.

- Мне приказано... оставаться с тобой, - так же тихо ответил Рыбаков. - Если собаки сыты, они не пойдут по нашему следу.

На опушке леса послышались голоса. В отверстие между стволами Шменкель увидел огромную овчарку, которую вел на поводу офицер в зеленой шинели с серебряными погонами. Через секунду офицера окружили другие эсэсовцы. Они, видно, о чем-то совещались. Пес, натягивая поводок, рвался вперед.

Шменкель расстегнул куртку и вытащил из грудного кармана пистолет. Но Рыбаков жестом остановил его. Фриц с удивлением посмотрел на него. Лицо Петра было совершенно спокойно и чуть тронуто улыбкой.

Совсем рядом залаяла овчарка.

- Здесь их нет, - проговорил офицер. - Ищите в кустарнике! Туда, наверное, спрятались! - И он стал взбираться по наваленным деревьям наверх.

Рыбаков мигом распрямился и, схватив офицера за ногу, с силой рванул его вниз.

- Ваня, беги! Беги-и! - крикнул Петр.

Отчаянный крик друга подстегнул Шменкеля, и он, сломя голову, бросился бежать и уже на бегу услышал рычание овчарки, набросившейся на Петра, и выстрелы.

Фриц мчался по лесу, пули свистели рядом, но, к счастью, ни одна не задела его. Бросившись на землю, он пополз от дерева к дереву. Постепенно выстрелы остались где-то позади. Фрицу казалось, что он передвигается слишком медленно. Он встал и снова побежал. Ветви кустарника больно хлестали его по лицу, снег слепил глаза, но Фриц, ничего не чувствуя, все бежал и бежал, пока вдруг не застыл на месте от яркого света, ударившего в глаза: перед ним была опушка, в которую упиралась деревенская улица...

Сильный удар прикладом по голове сбил его с ног. Какие-то люди в форме, лошади, улица с избами и лес - все закружилось перед глазами, и он провалился в бездонную пустоту.

Когда сознание вернулось к нему, он почувствовал, что голова гудит, руки и ноги не повинуются, в горле пересохло. Стиснув зубы, чтобы не застонать, Фриц постарался понять, где он и что с ним. Он был крепко связан и не мог пошевелиться.

До сознания долетали отдельные слова и обрывки фраз: "Он не из этих... Какой дурак... подорвали мост... побежит вдоль железнодорожной линии. А каких девять человек положили... Чего тут сидеть? Бумаги мы все равно не найдем. Один упрямится, слова из него не выбьешь, а другой вряд ли в себя придет... Слушай, дай закурить".

"Значит, я не один попал к ним в лапы!" Эта мысль привела

Шменкеля в чувство. Преодолевая страшную боль в голове, он с трудом приоткрыл веки, увидел дверь, карабин, прислоненный к стене, и сапоги на уровне его глаз. Он решил не шевелиться, чтобы не выдать себя. Пусть думают, что он все еще без сознания. Может, тогда его оставят в покое.

Хлопнула входная дверь. Мимо прошли двое.

- Очухался? - спросил один из вошедших визгливым голосом.

- Никак нет. Вид у него, как у мертвеца.

- Вон как! Постарались собачки! А ну пошевели второго, может, захочет поговорить?

На ломаном русском языке второй спросил:

- Ну, теперь ты будешь говорить? Кто твой товарищ? Отвечай! Почему на нем новенькая форма, где он взял немецкий пистолет?

- Я не знаю. Ничего не знаю. Я же вам объяснял, что наша группа совсем новая, - прохрипел пленник.

По голосу Шменкель узнал заместителя Рыбакова.

- Врешь! Тогда зачем ты прикрывал его отход?

Раненого били ногами, но он не вымолвил больше ни единого слова.

- Напрасный труд. Расстрелять его, и дело с концом. Пришлите двух солдат.

- Слушаюсь, гауптшарфюрер!

- И принесите ведро воды.

Хлопнула дверь. Через несколько минут она снова отворилась. Волна холодного морозного воздуха ворвалась в комнату. Вошло несколько человек. Шменкель понял, что сейчас на него будут лить холодную воду, стараясь привести в чувство. Он решил притворяться и дальше.

- Чего ждете? - донесся до Фрица визгливый тенор. - Лейте на него воду! Если не очухается, пустим пулю - и конец.

- Ну что вы, гауптшарфюрер! Зачем расстреливать, если за него назначена неплохая награда!

Кто-то наклонился над Шменкелем. Пахнуло водочным перегаром.

- Вы узнали этого мерзавца?!

- Так точно, гауптшарфюрер. Это тот самый немец, которого разыскивали под Смоленском.

Фриц открыл глаза. Эсэсовец, наклонившись над Фрицем, внимательно разглядывал его. Шменкель никак не мог понять, почему лицо эсэсовца так знакомо ему. Немало таких вот лиц, искаженных ненавистью и злобой, пришлось Фрицу повидать в боях, во время рукопашных схваток или когда фашисты жгли села, убивали женщин и детей. Этот был одним из них. Фриц ненавидел всех их, и страха перед ними не было.

- Это точно Шменкель, - проговорил наконец эсэсовец.

* * *

Сырые стены камеры, табурет, дощатые нары и окошко под потолком. Даже днем в камере темно. Ко всему этому узник уже привык. Вот только воздух здесь был сырой, спертый. Дышалось с трудом. Хотелось увидеть солнечный луч, ветку дерева или какую-нибудь птаху...

Когда ехали в грузовике, Фрица не оставляла мысль о побеге. Несмотря на сильную боль и слабость, он чувствовал, что справится с одним гитлеровцем. Но его охраняли целых три вооруженных гитлеровца. Машина остановилась у длинной грязной стены. За стеной - четырехэтажное здание с толстыми стенами и крошечными окошками, напоминавшее огромную башню.

Один из охранников, который дважды за дорогу давал Шменкелю пить, сказал:

- Это минская тюрьма для военнослужащих. Здесь же находится военный трибунал.

В тишине камеры-одиночки у Фрица Шменкеля было достаточно времени для воспоминаний. Толстые тюремные стены не пропускали почти никаких звуков, а часовым было строго-настрого запрещено разговаривать со Шменкелем. Даже фельдшер, осматривавший Шменкеля, был нем как рыба. Ни словом не обмолвились и часовые, которые повели Фрица этажом выше, чтобы сфотографировать. Там его заставили снять с себя советскую форму и надеть немецкую, только без погон и петлиц. Три раза в день ему приносили еду. Вскоре его вызвали на допрос.

Следователь-офицер прежде всего поинтересовался, какое задание партизан выполнял Шменкель. Фриц ответил, что цель их марша была известна одному только командиру группы. Такой ответ не удовлетворил следователя. Помолчав немного, он спросил, как в руки к Шменкелю попал немецкий пистолет. Фриц ответил, что это обыкновенный трофейный пистолет. Потом Шменкелю был задан такой вопрос: каким образом он, долгое время находившийся в районе Смоленска, очутился под Минском. Фриц ответил, что под Смоленском фашисты уже уничтожены, а в Минске еще хозяйничают.

Следователь стал более суровым и несколько раз призвал арестованного быть благоразумным. Он говорил, что своим чистосердечным признанием и сообщением о белорусских партизанах и их расположении Шменкель в значительной степени облегчит свое положение. Далее следователь намекнул, что чистосердечное признание Шменкеля облегчит участь его жены и

детей.

Фриц в ответ сказал, что вымогать какие бы то ни было сведения от заключенного не полагается.

Следователь потерял терпение.

- Ваша семья уже давно отказалась от вас! - закричал он Фрицу в лицо. - Мы имеем на этот счет точные сведения!

- Зачем вы лжете? Моя жена ничего не знает. Но что бы там ни было, она никогда не откажется от меня.

- Как вы смеете так говорить со мной! - Следователь ударил кулаком по столу. - Я научу вас говорить правду. У нас есть средства, которые заставят вас говорить!

Шменкель не перебивал следователя, а когда тот замолк, сказал:

- Вы можете убить меня, но заставить говорить - нет!

Но это было только начало. Оказавшись в камере, Фриц проанализировал свое поведение, вспомнил то время, когда сидел в тюрьме штрафного батальона в Торгау. В конце концов решил, что перед военным трибуналом в Минске он должен предстать хорошо подготовленным.

Самое трудное было позади. Осталось достойно встретить смерть.

Фриц сидел на нарах и чувствовал себя очень плохо. Спина и руки болели. В окошко он видел кусочек серого неба. В камере по-прежнему было темно, хотя дни стали длиннее. Скоро весна. Рыбаков сказал как-то: "Когда мы освободим твою родину, будет чудесный солнечный день". Петр так любил жизнь. В нем всегда было столько оптимизма. Сердце Фрица сжалось при мысли, что друга уже нет в живых.

В коридоре послышались шаги. Загремел засов. Часовой пропустил в камеру офицера. Фриц узнал адвоката, своего защитника. Ему был неприятен этот человек. Что он от него хочет?

- Как ваш защитник, - начал офицер слащавым голосом, - я должен был еще раз навестить вас. Вы, видимо, слышали на заседании трибунала, что имеете право подать прошение о помиловании?

- Я отказываюсь от этого.

- Вы, видимо, знаете, что сделать это можно лишь в течение двадцати четырех часов. Я дам вам бумагу и чернила...

- Я не собираюсь просить о помиловании. Поймите же вы наконец, что я ничего не собираюсь просить у фашистов и до конца буду верен своей клятве.

Адвокат недоуменно пожал плечами и вышел из камеры.

"Хорошо, что он ушел! - подумал Фриц, когда дверь камеры

захлопнулась. - Теперь нас разделяет дверь, а то долго ли до беды, ведь руки-то у меня теперь не связаны".

Они пользовались своей властью и в то же время боялись его. Это Фриц почувствовал утром, когда его ввели в зал заседаний военного трибунала. Огромный зал заседаний. Имперский орел, распростерший крылья над столом, за которым сидели члены трибунала. Статуя Фемиды с завязанными глазами. Сухие формулировки обвинителя и пустые разглагольствования адвоката. Членов трибунала было немного. Всех их, согласно процедуре, привели к присяге. Фриц прочел в глазах одного из заседателей - ефрейтора по званию - страх.

Судебный процесс тянулся томительно долго. Шменкель сам поражался тому, что судебное заседание мало подействовало на него. Спектакль оставался спектаклем. После опроса Шменкелю зачитали обвинительное заключение.

Заключение было большим и изобиловало крючкотворными фразами. Это было характерно для нацизма. Шменкель, который сначала слушал обвинение с большим вниманием, вдруг почувствовал беспомощность судей, которые, как оказалось, ничего конкретного о нем не знали. Им было известно только, что он дезертировал под Вязьмой из своей части и перешел на сторону партизан.

Затем председатель трибунала спросил Шменкеля, есть ли у него какие-нибудь замечания по существу дела и признает ли он предъявленное ему обвинение.

- В обвинительном акте совершенно справедливо сказано, - заявил Шменкель, - что на сторону красных партизан я перешел по своей собственной воле, то есть сознательно. Правда и то, что я ненавижу войну, развязанную фашистами. Утверждение, что тем самым я предал Германию и своих соотечественников, я отвергаю. Вместе с воинами Советской Армии я боролся за освобождение немецкого народа и моей родины от нацистского порабощения.

Говорил Шменкель быстро, боясь, как бы его не лишили слова прежде, чем он успеет все сказать. По лицам судей он видел, что они возмущены и с трудом сдерживают негодование. Свидетели, вызванные по делу, знали Шменкеля так же мало, как и он их. Фриц прислушался только тогда, когда так называемый эксперт заговорил об операции "Штернлауф", проведенной против партизан в январе сорок третьего года. Ссылаясь на сообщение группы армий "Центр", выступавший вынужден был признать беспомощность частей особого назначения, которые не могли подавить партизанское движение в Белоруссии.

"Вон оно что, - с радостью подумал Фриц. - Значит, здорово

мы вас тогда пробрали".

Разумеется, о расстрелах мирного гражданского населения на суде никто и словом не обмолвился.

Среди свидетелей был и эсэсовец, возглавлявший группу, которая действовала против группы Рыбакова. В конце своего выступления эсэсовец заявил, что Шменкель подпадает под чрезвычайный закон и должен быть повешен.

В заключение Шменкеля спросили, что он может сказать в свое оправдание.

Фриц встал и заявил:

- Нет. Я не собираюсь оправдываться, потому что горд тем, что сделал.

- Я лишаю вас слова!

Лицо председателя стало багровым. Он дал слово адвокату. Адвокат, к неудовольствию Шменкеля, начал говорить что-то о заблуждениях подсудимого, жалел его, говорил, что у подсудимого были возможности проявить мужество и храбрость в рядах вермахта, за что ему и было присвоено звание фельдфебеля. Когда же адвокат попытался доказать появление симпатий своего подзащитного к коммунистам еще в родительском доме и стал чернить его отца, Фриц вскочил и закричал:

- Я отказываюсь от адвоката!

Суду только это и нужно было. Заседание кончилось быстро. Через несколько минут зачитали приговор:

- ...За нарушение воинской присяги приговорить к смертной казни через расстрел...

Шменкель, навсегда порвавший с вермахтом еще два года назад, не чувствовал раскаяния. Он мужественно дослушал приговор до конца.

- ...Настоящий приговор после утверждения привести в исполнение 22 февраля 1944 года.

- Увести! - приказал председатель трибунала.

Встречу с трибуналом Шменкель расценивал как свое последнее боевое задание. Еще сидя в камере, он приказал себе как следует подготовиться к этому. Фриц понимал, что никто и никогда не узнает о его мужественном поведении на суде, уж об этом позаботятся господа судьи, но ему важна была не огласка, а чувство того, что он вышел победителем из этой борьбы.

Темнело. После напряженного дня Фриц вдруг почувствовал сильную усталость. Его пугала не смерть, а та ситуация, в которой он оказался. Погибнуть в бою или умереть вот так, в четырех стенах, изолированным от всего света, - это совсем не одно и то же.

Фриц испугался собственных мыслей. Надо во что бы то ни стало продержаться эти семь дней, которые отделяют его от смерти, надо держаться для того, чтобы на рассвете восьмого дня иметь силы мужественно проститься с жизнью.

Загремел засов. Фриц вздрогнул. В глаза ударил сноп света. Это тюремщик принес ему ужин - миску жидкой баланды и кусок хлеба грубого помола. Фриц выпрямился. Он не хотел, чтобы даже тюремщик заметил его волнение.

Вслед за тюремщиком в камеру вошел какой-то мужчина в офицерской форме, но без знаков различия.

- Можете сидеть, - проговорил офицер и протянул Шменкелю руку. - Я протестантский священник местного гарнизона. Я понимаю, что уже поздно и вы утомлены, но мне не хотелось упустить возможности повидать вас сегодня.

- Благодарю, - сказал Шменкель. - Даже об этом не позабыли, - не без иронии заметил он.

Поздний гость присел на нары и продолжал:

- Вы многое перенесли в жизни, но самое тяжелое вам еще предстоит. Я хочу вас утешить. Рука церкви...

- Прошу вас, господин священник, - перебил его Шменкель, - не тратьте попусту времени. Я - коммунист и хорошо знаю, во имя чего умираю.

- Я слышал об этом, - не унимался священник, уставясь в свои молитвенно сложенные руки. - И все же я бы хотел поговорить с вами. И не только потому, что мне это положено по должности. Со времени моей духовной деятельности в Минске, - Шменкель понимал, что священник имел в виду тюрьму, - я убедился, что не все солдаты после вынесения им смертного приговора отказываются от попытки примириться с господом богом.

- И много таких, как я, вам приходилось навещать? За что их приговаривали к смерти?

- Судить - не мое дело, - ответил священник, смерив Фрица удивленным взглядом.

- Понимаю.

Шменкель внимательно разглядывал своего собеседника. На лице священника не было ни выражения ненависти, ни любопытства, ни даже равнодушия, что за последние дни Шменкель часто наблюдал у окружавших его людей.

- Я буду сопровождать вас в последний путь. Может, это будет для вас хоть какой-то поддержкой и вы перед лицом смерти не будете чувствовать себя столь одиноко.

- Одиноким я себя не чувствую. Я знаю, со мной мои товарищи - немцы и русские. Я благодарю вас за добрые намерения. Если же вы, господин священник, действительно

хотите мне чем-то помочь, у меня к вам будет одна-единственная просьба.

- Я вас слушаю. Вы вполне можете мне довериться.

- Хочу написать несколько строчек жене. Передайте ей мое письмо, но совершенно частным путем, от вашего имени.

Священник испуганно оглянулся на дверь, затем встал и посмотрел на глазок. Убедившись, что их никто не подслушивает, он повернулся к Шменкелю, но встал так, чтобы спиной закрывать глазок.

- Вашей жене перешлют уведомление военного трибунала. Кроме того, вы можете попытаться написать ей официальное письмо.

Шменкель рассмеялся.

- К чему иллюзии? Что будет написано в" этом уведомлении? Что я изменник и предатель родины? И тому подобное? Я, господин священник, хотел бы написать жене правду, написать, что я поступил так по своему глубокому убеждению. Разве я могу в такую минуту обмануть жену?

- Нет. Разумеется, нет, - тихо проговорил священник, опустив голову. Значит, ваша семья ничего не знает...

- Моя жена знает меня, но я бы хотел, чтобы она узнала правду обо мне.

Оба замолчали. Прежде чем снова заговорить, священник оглянулся.

- Я готов выполнить вашу просьбу. - С этими словами он достал из кармана записную книжку и огрызок карандаша и протянул их Шменкелю. - Ваше письмо будет отправлено после вашей смерти, - прошептал священник. - Если вы позволите, я от себя добавлю несколько слов о том, что вы до конца были мужественны и стойки. В моей честности вы можете не сомневаться.

В коридоре послышался какой-то шум, Фриц быстро спрятал блокнот и карандаш под куртку.

- Кажется, часовой? - проговорил Фриц.

- Сейчас я уйду от вас, - сказал священник и уже официальным тоном продолжал: - Если вы до 22 февраля захотите меня увидеть, дайте знать страже. - И он поднял руку, чтобы постучать в дверь.

Шменкель кивнул. Он знал теперь, что его письмо дойдет до Эрны.

- Господин священник, вы, вероятно, не представляете, что сделали для меня больше, чем думаете. Мои дети будут знать, что за человек был их отец и как он умер.

* * *

За маленьким тюремным окошком забрезжил рассвет. Шменкель сидел на нарах и ждал, когда распахнется дверь камеры и раздастся грубое: "Выходи!"

Письмо Эрне он написал.

"...Прости, если тебе и детям придется пережить неприятности из-за меня, но иначе я поступить не мог. Я смело иду на казнь, так как умираю за правое дело".

Когда Фриц писал это письмо, рука его была тверда. К тому времени он уже полностью подготовил себя к смерти. Он знал, что не нарушил партизанской присяги, не обманул доверия товарищей. Жаль только, что ему не придется попрощаться перед смертью с Эрной и детьми. Жаль, что не увидит родины, за светлое будущее которой он боролся.

В тюремном коридоре затопали сапоги. Это пришли за ним - четыре солдата и унтер-офицер. Один из солдат связал Шменкелю руки.

Сначала Фрица повели во двор, как он и предполагал. Из здания тюрьмы вышли через боковую дверь. В предрассветных сумерках Фриц различил контуры грузовика. Задний борт его был открыт. До места казни Фрица сопровождала усиленная охрана.

На какое-то мгновение Фриц замешкался, мысленно измеряя расстояние до ближайшего забора. Он попробовал пошевелить руками, но тонкие веревки больно впились в тело. И в тот же миг грубые руки схватили его и втолкнули в кузов машины. Шменкель упал на лавку. Вслед за ним в кузов вскочили солдаты. Борт подняли, и машина тронулась.

"К смерти они меня приговорили как военнослужащего вермахта, - думал Шменкель по дороге, - а расстреливать, видимо, будут как партизана, где-нибудь за городом".

Однако поездка длилась недолго. Когда машина остановилась и Фрица вывели из машины, он увидел, что его привезли на кладбище.

"Ну что ж, им не придется перевозить мой труп", - мелькнуло в голове. Фриц выпрямился и заставил себя не думать о смерти.

Офицер из трибунала и врач были уже здесь. Они не спеша прохаживались взад и вперед. Неподалеку от них в сторонке стоял священник. Шменкель бросил на него беглый взгляд и тут же отвел глаза. Он стал думать о товарищах, вместе с которыми воевал в отряде, о тех, кто пал в бою, и о тех, кто борется и будет бороться до полной победы над фашизмом.

Подойдя к стене, Фриц повернулся и на мгновение прикоснулся связанными за спиной руками к холодным кирпичам. Солдаты выстроились. Раздались слова команды. К Шменкелю подошел солдат с черной повязкой в руках. Он хотел

завязать Шменкелю глаза.

Фриц покачал головой:

- На надо!

Он без страха смотрел на направленные на него дула винтовок, на тупые физиономии солдат, которые ждали команды "Огонь!".

Фриц взглянул на облака. Они становились все светлее и светлее. Свежий ветер гнал их с востока. И это движение нельзя было остановить, как нельзя остановить и саму жизнь, во имя которой боролся Шменкель.